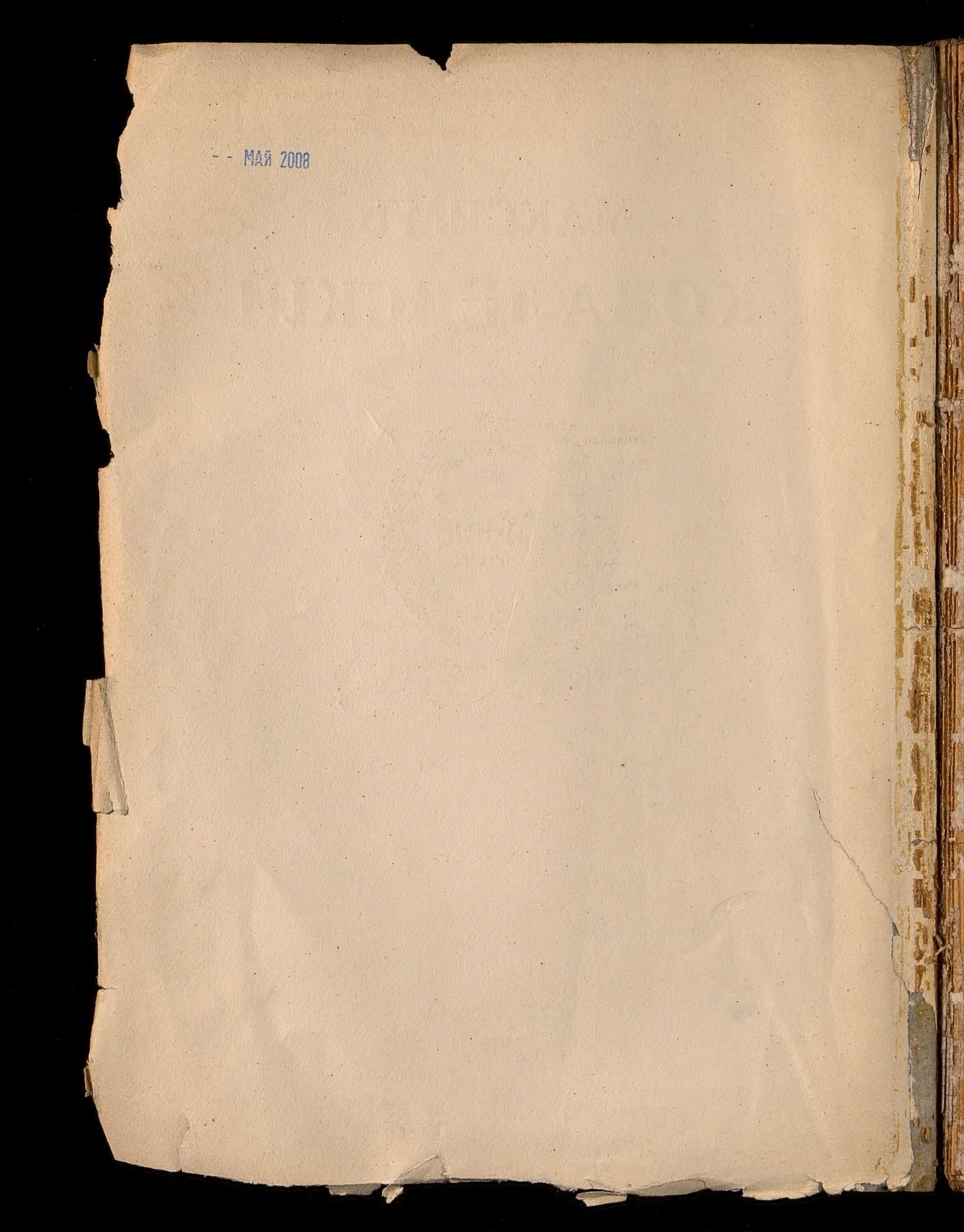
Татіанѣ Ивановнѣ Ивановой
на память о дорогомъ
усопшемъ
Е. Ковалевская
22/VII 18г

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ

ПЕТРОГРАДЪ
1918

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ

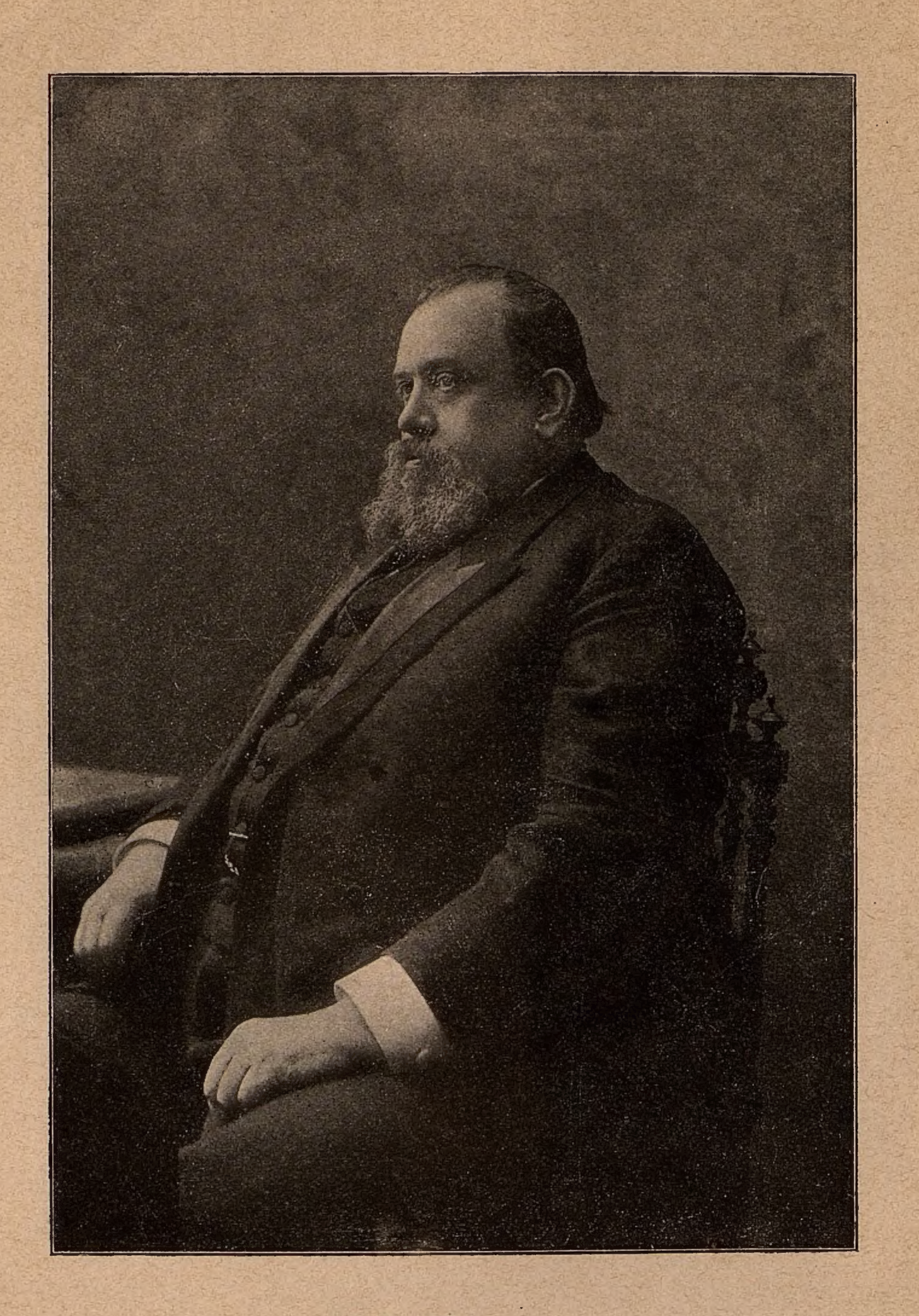
УЧЕНЫЙ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ И ГРАЖДАНИНЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Поч. акад. ***АРСЕНЬЕВА***
Орд. акад. ***ВИНОГРАДОВА***
Проф. ***ВАГНЕРА***
Проф. ***ГОГЕЛЯ***
Проф. ***ИВАНОВСКАГО***
Проф. ***КАРѢЕВА***
И. К.
Чл. Г. Д. ***КОВАЛЕВСКАГО***
КОНДРАТЬЕВА
Поч. акад. ***КОНИ***
Чл. Г. Д. ***МИЛЮКОВА***
Прив.-доц. ***СОКОЛОВА***
Прив.-доц. ***СОРОКИНА***
Проф. ***ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО***
Проф. ***ФИЛИППОВА***

ПЕТРОГРАДЪ :: 1917

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

М. Ковалевс

Глава I.

Черты изъ жизни Максима Максимовича по семейнымъ и личнымъ воспоминаніямъ.

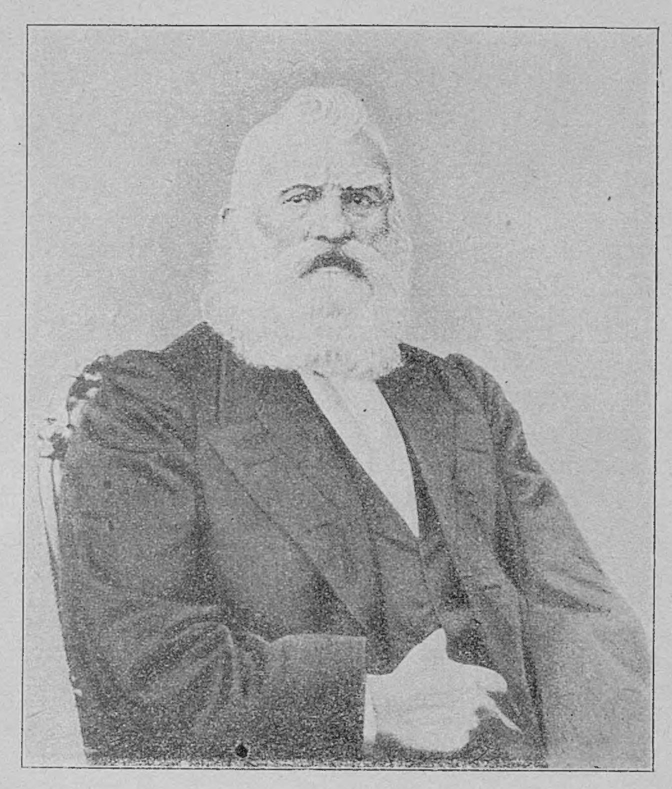
Максимъ Максимовичъ былъ человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь наукѣ, общественности и государству. Женатъ онъ не былъ и потому не имѣлъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ профессоромъ, соціологомъ, историкомъ, государственнымъ дѣятелемъ, и этимъ сторонамъ его жизни посвящены здѣсь отдѣльныя статьи.

Но характеристика его была бы не полной, если бы въ настоящемъ сборникѣ, посвященномъ ему, не было дано хотя бы краткой оцѣнки болѣе интимныхъ сторонъ его жизни и личности съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній. Лично зная М. М. болѣе 35 лѣтъ, я не могъ бы однако прослѣдить за нимъ въ этомъ отношеніи съ извѣстной полнотой, такъ какъ онъ былъ значительно старше меня и проводилъ за границей долгіе годы, когда мы встрѣчались случайно и на короткіе сроки. Поэтому я пользуюсь всѣми отрывочными воспоминаніями, письмами, бесѣдами, по которымъ можно набросать сколько-нибудь последовательно картину семейныхъ и личныхъ отношеній, которыя могутъ оказаться не безполезными для характеристики автора „Рода“ и „Семьи“. Я надѣюсь, что по окончаніи войны можно будетъ достать изъ Карлсбада и опубликовать полную автобіографію, написанную имъ въ плѣну.

I.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

Максимъ Максимовичъ родился 27-го августа 1851 года, въ городѣ Харьковѣ, въ состоятельной дворянской семьѣ. Родители его жили въ это время на Екатеринославской улицѣ въ домѣ,

Отецъ Максима Максимовича въ послѣдніе годы жизни.

уцѣлѣвшемъ до сихъ поръ и называемомъ старожилами попросту „домъ съ колоннами".

Родъ Доленго-Ковалевскихъ, къ которому принадлежалъ М. М., перешелъ изъ Польши въ Россію въ 1650 году и, служа въ слободскихъ полкахъ, обладалъ въ Харьковской губерніи обширными помѣстьями. Его отецъ, тоже Максимъ Максимовичъ, былъ полковникомъ Кирасирскаго полка, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ войнахъ 1814—15 гг. и совершилъ весь тріумфальный путь отъ Москвы до Парижа. Въ семьѣ сохранилась въ качествѣ своеобразнаго историческаго документа его сабля, украшенная выгравированными на ней названіями всѣхъ городовъ, во взятіи которыхъ участвовалъ его полкъ.

Послѣ выхода въ отставку Максимъ Максимовичъ старшій поселился у себя въ имѣніи въ Харьковскомъ уѣздѣ и сталъ заниматься хозяйствомъ. Велъ онъ его хорошо, и домъ и имѣніе представляли полную чашу.

Мать М. М. — Екатерина Игнатьевна.
(Со старинной акварели).

Для своего времени онъ былъ выдающимся сельскимъ хозяиномъ; прекрасно поставилъ полеводство, пользовался въ ту отдаленную эпоху сельскохозяйственными машинами, построилъ два завода, насадилъ на сыпучихъ пескахъ великолѣпную сосновую рощу.

М. М. старшій былъ человѣкъ красивый, даже въ старости, умный и не безъ лукавства. Онъ долгіе годы (25 л.) предводительствовалъ у себя въ уѣздѣ, исполняя обязанности и губернскаго предводителя во время длительныхъ отсутствій послѣдняго. Было у него много друзей, но были и недоброжелатели. Послѣдніе, когда онъ, уже пожилымъ человѣкомъ, женился на молоденькой дѣвушкѣ Екатеринѣ Игнатьевнѣ Познанской, прозвали его въ шутку Мазепой, на что онъ очень обижался. Екатерина Игнатьевна была моложе его на 25 лѣтъ; она принадлежала тоже къ старинному дворянскому роду, была красива, пріятна въ обращеніи, обладала настойчивымъ характеромъ и получила, по своему времени, очень хорошее воспитаніе и образованіе. Она писала изящнымъ стилемъ и была знатокомъ французской литературы; занималась музыкой, пѣніемъ и недурно рисовала. Отъ нея сохранились рукописные разсказы и стихотворенія и рисунки карандашомъ.

Маленькій Максимъ росъ въ семьѣ одинъ, хотя у его родителей и былъ еще сынъ, раньше его явившійся на свѣтъ, но погибшій вскорѣ послѣ рожденія вслѣдствіе чрезмѣрно выраженнаго физическаго недостатка—заячьей губы, который обнаружился и у младшаго брата. Но въ отношеніи послѣдняго Екатериной Игнатьевной были приняты энергичныя медицинскія мѣры, былъ приглашенъ извѣстный тогда въ Харьковѣ хирургъ, профессоръ университета, итальянецъ Ванцетти, и недостатокъ этотъ былъ по возможности исправленъ. Незначительный дефектъ верхней губы Максима Максимовича не портилъ его лица, но придавалъ даже нѣкоторую своеобразность. Онъ росъ на первыхъ порахъ худенькимъ, хрупкимъ и блѣднымъ ребенкомъ. Лѣтъ 6—7 его даже для укрѣпленія здоровья возили на Славянскія воды, а потомъ и за границу. Когда умеръ отецъ, М. М. былъ еще мальчикомъ и воспитаніемъ его занялась Ек. Игн., которая всѣ силы своего недюжиннаго ума и сердца посвятила сыну. Съ своей стороны М. М. отвѣчалъ матери нѣжной привязанностью и сердечной преданностью, онъ сохранилъ къ ней любовь неизмѣнной въ теченіе всей своей жизни.

Она сама научила его русской грамотѣ и правиламъ правописанія, и ей же онъ обязанъ очень удачнымъ выборомъ первыхъ книгъ для чтенія, рано развившихъ вкусъ къ исторіи и этнографіи.

Чтеніе по вечерамъ отрывковъ изъ Пушкина, Гоголя и др. писателей считалось наградою за доброе поведеніе и прилежаніе, и съ тою же цѣлью поощренія онъ получалъ снимки съ лучшихъ картинъ Луврской, Дрезденской, Мюнхенской и Вѣнской галлерей. Нѣмецкому и французскому языку его обучали съ самаго дѣтства французскія и нѣмецкія гувернантки. Для ближайшаго наблюденія за бойкимъ и шаловливымъ мальчикомъ былъ приглашенъ гувернеръ, швейцарецъ изъ кантона Фрибургъ, Изидоръ Морисовичъ Гранжанъ, съ которымъ онъ продолжалъ занятія языками и прошелъ на французскомъ языкѣ курсъ древней и средней исторіи, миѳологіи и исторіи французской литературы *). Приглашены были и учителя искусствъ. „Я прошелъ, — говорилъ М. М., — обычную въ дворянскихъ семьяхъ дѣтскую повинность—игру на фортепіано. И несмотря на то, что я увлекся музыкой, изъ этихъ занятій ничего не вышло". М. М. занимался и живописью. Учителемъ его былъ Безперчинъ, дававшій первые уроки извѣстному впослѣдствіи художнику Семирадскому. „При этомъ,—говоритъ М. М.,—мнѣ повезло: вмѣсто того, чтобы мучиться цѣлые годы и безполезно оплачивать учителей, я былъ очень скоро освобожденъ отъ этихъ уроковъ, такъ какъ мой преподаватель оказался необыкновенно добросовѣстнымъ и, убѣдившись въ моей неспособности къ живописи, добровольно отказался отъ дальнѣйшаго преподаванія".

Такъ шла жизнь мальчика, тихая и разумно заполненная ученіемъ. Отъ время до времени ѣздили въ гости, на ярмарки, на богомолье. Одна изъ поѣздокъ на богомолье въ Бѣлгородскій монастырь произвела на М. М. очень сильное впечатлѣніе. Въ соборѣ была больная—кликуша. По народному повѣрію, чтобы избавить кликушу отъ мученій и бѣснованій, надо, чтобы она приложилась къ Царскимъ вратамъ. Больная сопротивлялась и оглашала церковь дикими криками. Родители же силой пытались подтолкнуть ее къ вратамъ. Эта тяжелая сцена, сопровождавшаяся общимъ смятеніемъ, запомнилась М. М. на всю жизнь.

*) Рукописный курсъ этотъ сохранился въ бумагахъ покойнаго.

Вскорѣ послѣ смерти отца, Екат. Игн. собралась отдать М. М. въ гимназію, но онъ оказался совершенно не подготовленнымъ, такъ какъ не зналъ латинскаго языка, славянской грамматики и нѣкоторыхъ отдѣловъ Закона Божія. Имѣвшихся знаній едва хватало для поступленія въ 3-й классъ. Необходимость очутиться среди малышей 2-го или 3-го класса задѣла самолюбіе мальчика, и, послѣ упорнаго труда въ теченіе зимы, онъ въ 1865 году 14 лѣтъ выдержалъ блестяще экзаменъ въ 5-й классъ 3-й Харьковской гимназіи, директоромъ которой былъ тогда А. С. Рубенко. Постановка учебнаго дѣла въ гимназіи была далеко не блестяща: преподавали тамъ нескончаемое число предметовъ: новые и латинскій языки, исторію, исторію литературы, а также тригонометрію и космографію, зоологію, ботанику, минералогію, геологію, анатомію, физіологію и др., и для всего этого полагалось по 2—3 урока въ недѣлю. Такимъ образомъ положительныхъ знаній, въ сущности говоря, не получалось.

Обучался М. М. вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Г. Г. Мизко; ближайшимъ товарищемъ его былъ В. В. Гуровъ, впослѣдствіи извѣстный присяжный повѣренный и авторъ книги: „О старозаимочныхъ земляхъ“. Гуровъ гостилъ у Ковалевскихъ лѣтомъ въ деревнѣ и занимался съ Максимомъ; онъ вмѣстѣ съ нимъ поступилъ и въ Университетъ. Г. Г. Мизко разсказываетъ, что М. М. уже въ гимназическіе годы поражалъ какъ учителей, такъ и товарищей, своими выдающимися способностями, памятью и настойчивостью въ трудѣ. Онъ любилъ исторію и былъ очень способенъ къ языкамъ. Къ сожалѣнію, исторія преподавалась неудовлетворительно: учитель, пользуясь учебникомъ Иловайскаго, ограничивался отмѣтками карандашомъ необходимыхъ, по его мнѣнію, сокращеній, въ чемъ и выражались его педагогическіе пріемы. „По природѣ своей лѣнивый и бездарный,—говоритъ М. М.,—онъ не прочь былъ вызывать меня къ доскѣ. „А ну-те, Ковалевскій, разскажите-ка про Руссо и Вольтера, васъ этому, вѣрно, обучилъ французскій гувернеръ“. Ковалевскій разсказывалъ, и классъ не безъ изумленія слышалъ объ общественномъ договорѣ, какъ источникѣ всякаго правительства, и о необходимости écraser l'infâme.

Но даже и тѣ предметы, которые не интересовали М. М. по существу, но по какому-нибудь поводу обращали на себя его вниманіе, усваивались имъ съ удивительной легкостью и полнотой. М. М. не былъ религіознымъ мальчикомъ, не отличался

приверженностью къ церковности; но какъ-то разъ въ его присутствіи произошелъ споръ, участвуя въ которомъ, онъ обнаружилъ недостаточное знаніе катихизиса. Онъ взялся за его изученіе и, какъ разсказываетъ Г. Г. Мизко, въ теченіе короткаго времени настолько усвоилъ катихизисъ Филарета, что удивлялъ всѣхъ своимъ глубокимъ знаніемъ этого предмета, который обычно является для учащихся камнемъ преткновенія даже въ предѣлахъ требованій для отвѣта на экзаменѣ. Такова была присущая М. М. способность глубоко и основательно изучить всякій предметъ; онъ явно находилъ удовольствіе въ самомъ процессѣ усвоенія, въ преодолѣніи встрѣчающихся при этомъ трудностей. Эти свойства служили уже тогда показателями того, что въ М. М. были задатки для будущаго ученаго.

Мы имѣемъ доказательства, что способности М. М. уже тогда считались выдающимися и оцѣнивались окружающими; сохранилось письмо Евграфа Петровича Ковалевскаго, тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, который, въ отвѣтъ на поздравленіе, присланное ему молодымъ Максимомъ по поводу какого-то семейнаго торжества, писалъ, что радуется его успѣхамъ, предсказываетъ ему блестящую будущность и совѣтуетъ работать надъ развитіемъ своихъ способностей. Гимназическій курсъ М. М. окончилъ блестяще и получилъ золотую медаль.

Не знаю, каковы были его отмѣтки за поведеніе въ гимназическіе годы, но несомнѣнно, что его независимость нрава и связанная съ нею строптивость вызывала столкновенія съ начальствомъ. Недаромъ директоръ журилъ его за „свободомысліе", выразившееся, между прочимъ, въ критическомъ отношеніи М. М. на юбилеѣ въ память Крылова къ баснямъ Сумарокова, и часто говаривалъ ему съ ярко выраженнымъ хохлацкимъ акцентомъ: „Ковалевскій, Ковалевскій, ваше поведеніе доведетъ васъ до выведенія изъ заведенія". „Къ счастью,—прибавлялъ, добродушно смѣясь, М. М.,—эта угроза тогда не осуществилась, и только впослѣдствіи, будучи профессоромъ Московскаго Университета, я испыталъ, что̀ значитъ „выведеніе".

Собственно гимназія не имѣла большого вліянія на нравственную сторону его характера, потому что внѣ школы онъ находился подъ постояннымъ хорошимъ воспитательнымъ руководствомъ семьи: онъ жилъ въ городѣ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Мизко у родной своей тетки Маріи Игнатьевны Рындовской. Мужъ ея былъ профессоромъ и отличнымъ педагогомъ.

Марія Игнатьевна, сама бездѣтная, очень любила своихъ двухъ племянниковъ, заботилась о нихъ и много помогала Екат. Игн. въ воспитаніи М. М. Такія условія жизни обезопасили М. М. въ школьные годы отъ вредныхъ вліяній, почти неизбѣжныхъ въ школьныхъ пансіонахъ и городскихъ квартирахъ, а впослѣдствіи и мать его окончательно поселилась въ Харьковѣ. Кромѣ Рындовскихъ, М. М. былъ принятъ какъ въ гимназическіе, такъ и въ студенческіе годы, очень радушно въ домѣ Александры Гавріиловны Хариной. Харины приходились свойственниками Ковалевскимъ со стороны отца, дружескія же отношенія между А. Г. Хариной и Екат. Игнат. основывались, помимо личной симпатіи, на воспоминаніяхъ о первыхъ годахъ дѣвичества Екат. Игн.; за ней тогда ухаживалъ братъ А. Г. Хариной, Гавріилъ Гавріиловичъ Сухановъ и даже сватался; хотя бракъ и не состоялся, но близкія отношенія сохранились. Способы ухаживанья въ то время были довольно оригинальны и потому о нихъ сохранилось много семейныхъ анекдотовъ. Такъ однажды молодой Сухановъ и нѣсколько его товарищей-студентовъ, желая выразить свое восхищеніе красотой Е. И. (она была очень миловидна) подкупили всѣхъ шарманщиковъ Харькова, чтобы тѣ одновременно по всему городу играли: „Во всей деревнѣ Катенька красавицей слыла“.

Домъ А. Г. являлся въ то время, да и много лѣтъ позже, умственнымъ центромъ Харькова. Очень умная, привѣтливая и хлѣбосольная хозяйка Александра Гавріиловна привлекала къ себѣ все Харьковское общество. Въ этомъ оригинальномъ домѣ-особнякѣ съ башнями, окруженномъ громаднымъ садомъ, на горѣ, откуда виденъ весь Харьковъ съ пригородами, собиралась и губернская администрація съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, и судъ, имѣвшій въ своей средѣ молодого, блестящаго прокурора А. Ѳ. Кони, и профессорскій кругъ, и всѣ вообще интересные и живые люди, которыми былъ богатъ Харьковъ, какъ университетскій центръ и областной городъ. Посѣщеніе этого дома, по словамъ М. М., оказало на него хорошее вліяніе, и онъ въ дальнѣйшей своей жизни всегда вспоминалъ объ А. Г. съ большой сердечностью и теплотой, а она его любила, какъ „Миму“, сына своей старинной пріятельницы, и цѣнила, какъ блестящаго молодого человѣка.

Онъ себя чувствовалъ у Хариныхъ какъ дома, забѣгалъ запросто въ самые неподходящіе часы и дни, напримѣръ, въ страст

М. М. мальчикомъ—7 лѣтъ.

ную пятницу, чѣмъ-нибудь полакомиться. Однажды, замѣтивъ его пристрастіе къ каленымъ орѣхамъ, Харина отправила ему потихоньку на домъ цѣлый мѣшокъ изъ своихъ запасовъ, о чемъ М. М. впослѣдствіи со смѣхомъ вспоминалъ.

Лѣто М. М. проводилъ вмѣстѣ съ матерью въ отцовскомъ имѣніи „Двурѣчный Кутъ", гдѣ онъ много занимался и читалъ. Какъ-то разъ его вызвалъ къ себѣ Е. П. Ковалевскій, бывшій тогда членомъ Государственнаго Совѣта, въ имѣніе Ярошовка, расположенное въ 10-ти верстахъ отъ Кута. Юный Максимъ вошелъ въ кабинетъ и, не найдя тамъ никого, заинтересовался открытой книгой, лежавшей на столѣ, которую только-что читалъ Е. П. Это былъ II томъ „Духа Законовъ" Монтескье. „Никакъ я не ожидалъ,—говоритъ М. М.,—встрѣтить такую книгу

на столѣ стараго человѣка, сановника, котораго теоретическіе вопросы права, казалось, не должны были уже интересовать. А что онъ дѣйствительно интересовался трудомъ Монтескье и перечитывалъ его со вниманіемъ, видно было изъ нѣсколькихъ свѣжихъ замѣтокъ на поляхъ и подчеркнутыхъ мѣстъ. На прощаніе дядя подарилъ мнѣ экземпляръ сочиненія „Жанъ Жака Руссо", которымъ я потомъ часто пользовался".

По окончаніи гимназіи одновременно съ Г. Г. Мизко, въ августѣ 1868 года, М. М. поступилъ въ Харьковскій Университетъ. При этомъ ему пришлось даже „схитрить", такъ какъ онъ не достигъ еще 17 лѣтъ. Интересовавшійся преимущественно историко-филологическими науками, онъ выбралъ однако факультетъ юридическій, такъ какъ читалъ тамъ ученый и талантливый лекторъ Д. И. Каченовскій. Самъ М. М., вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, говоритъ такъ: „Думалъ я сперва избрать историческій факультетъ, но посѣщеніе первыхъ лекцій проф. Рославскаго-Петровскаго подавило во мнѣ это желаніе. Профессоръ излагалъ дошедшія до насъ имена фараоновъ тридцати двухъ династій, стараясь привести въ соотвѣтствіе списки Манефона съ греческими источниками. Русскую исторію преподавалъ Геннадій Карповъ, читавшій прямо съ каѳедры лѣтопись Нестора, говоря, что въ этомъ именно и лежитъ методъ его учителя Соловьева. Исторіи въ это время легче было научиться на юридическомъ факультетѣ, гдѣ тонъ преподаванія давалъ незабвенный Димитрій Ивановичъ Каченовскій... Его эрудиція была обширна и основательна, изложеніе талантливо и краснорѣчиво. Въ Россіи я не слыхалъ лучшаго профессора... Прелесть его для слушателей лежала въ искренней, даже нѣсколько наивной вѣрѣ въ неминуемое торжество принциповъ международнаго права и третейскаго суда надъ милитаризмомъ и въ несравненно болѣе уравновѣшенномъ пристрастіи къ основамъ англійской политической жизни, примирявшемъ въ его глазахъ, какъ нельзя лучше, порядокъ со свободою. Лучшая, наиболѣе блестящая эпоха его профессорской дѣятельности относится къ концу царствованія Николая Павловича и къ первымъ годамъ Александра II. Тогда Каченовскій по цѣлымъ мѣсяцамъ излагалъ исторію отмѣны торга неграми, а сотни слушателей въ его прозрачныхъ намекахъ справедливо видѣли атаку противъ крѣпостного права".

Въ своей статьѣ „Мое научное и литературное скитальничество". М. М. вспоминаетъ еще о профессорѣ гражданскаго права Цитовичѣ, оказывавшемъ значительное вліяніе на слушателей, въ томъ числѣ и на него лично, въ области положительной философіи; упоминаетъ о Стояновѣ, читавшемъ французское законодательство, Станиславскомъ, Полюбецкомъ, Владиміровѣ и съ большой теплотой говоритъ о К. К. Гатенбергерѣ, нынѣ покойномъ, съ которымъ его связывала впослѣдствіи личная дружба: уѣзжая изъ Харькова, М. М. сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ.

Г. Г. Мизко.

Какъ ни странно это можетъ показаться лицамъ, знавшимъ М. М. значительно позднѣе, но въ первый годъ студенчества онъ не очень усердно занимался науками. Напротивъ, благодаря положенію покойнаго отца и связямъ матери, онъ былъ втянутъ въ свѣтскую жизнь и бывалъ въ тогдашнемъ Харьковскомъ „beau mond'ѣ", танцовалъ въ Институтѣ у начальницы Ницкевичъ, въ домѣ предводителя князя Өедора Голицына и другихъ и имѣлъ большой успѣхъ. Но уже со второго года, онъ прекратилъ свои выѣзды, оставшись въ добрыхъ отношеніяхъ лишь съ нѣкоторыми семьями и вполнѣ отдался научному труду. Тогда же онъ сошелся съ кружкомъ либеральной молодежи и попалъ въ новую обстановку.

Лекціи проф. Каченовскаго по международному праву и по исторіи государственныхъ учрежденій ближайшимъ образомъ опредѣлили научные интересы М. М. и направили его мысль на путь преподавательской дѣятельности. Подъ руководствомъ Д. И. Каченовскаго онъ началъ изученіе исторіи англійскихъ мѣстныхъ учрежденій и продолжалъ его въ Парижѣ, Берлинѣ и Лондонѣ.

Обѣ его диссертаціи — и магистерская и докторская — были разработаны на основаніи матеріаловъ изъ исторіи англійскаго общественнаго строя въ среднихъ вѣкахъ и исторіи мѣстныхъ учрежденій въ англійскихъ графствахъ.

„Кружковая жизнь въ Харьковѣ, — говоритъ М. М., — была весьма развита въ это время между студентами. Я особенно часто посѣщалъ домъ Ковальскаго, магистранта физики, жената-таго на въ высшей степени симпатичной молодой женщинѣ, увлекавшейся Лассалемъ. На вечернихъ собраніяхъ сходилось не мало людей съ разнообразными свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ, медицинѣ, исторіи и юриспруденціи. Многіе изъ нихъ современемъ сдѣлались извѣстны въ литературѣ. Укажу для примѣра на Илларіона Игнатьевича Кауфмана, назначеннаго потомъ профессоромъ въ Петербургъ. Характерною чертою времени было то, что мы безъ различія спеціальностей интересовались исключительно общественными вопросами, не выходя при этомъ ни мало изъ среды чистой теоріи, если не считать практическою дѣятельностью участіе въ товариществѣ потребителей, которое, благодаря нашему дружескому содѣйствію, скоро достигло печальнаго конца. Съ воспоминаніемъ объ этомъ кружкѣ связана у меня и память о первомъ моемъ литературномъ трудѣ. Имъ было изложеніе взглядовъ Прудона на принципъ экономической взаимности (mutualité).

М. М. студентомъ.

Я увлекся этимъ принципомъ и даже заказалъ печать, на которой, вмѣсто герба, стояли слова: свобода, равенство и взаимность. Но мать моя благоразумно уничтожила эту печать до приложенія ея даже къ первому письму“.

II.

ПОДГОТОВКА КЪ ПРОФЕССУРѢ.

Въ 1878 году М. М. блестяще кончаетъ Университетъ *) со степенью кандидата правъ и оставляется по иниціативѣ Д. И. Каченовскаго при Университетѣ по каѳедрѣ Государственнаго права европейскихъ державъ послѣ представленія работы: „О конституціонныхъ опытахъ Австріи и чешской національной оппозиціи“ **).

Такъ какъ Каченовскій вскорѣ умеръ, то М. М. предпочелъ готовиться къ магистерскому экзамену за границей. Онъ ѣдетъ продолжать свое образованіе въ Берлинскій Университетъ, гдѣ сначала на юридическомъ факультетѣ слушаетъ лекціи знатока исторіи государственныхъ и общественныхъ учрежденій Англіи— Гнейста и затѣмъ переходитъ на филологическій факультетъ, гдѣ слушаетъ профессора Нитча, развивавшаго свое ученіе объ исторіи городскихъ учрежденій въ Германіи. Здѣсь же онъ слушаетъ курсы Бруннера и Адольфа Вагнера.

Въ Парижѣ, куда онъ переѣзжаетъ, онъ слушаетъ на юридическомъ факультетѣ лекціи Шарля Жиро, курсъ Эдуарда Лабулэ въ Collège de France, Эмиля Бутми и Поля Жанэ въ Высшей Свободной школѣ политическихъ наукъ и, наконецъ, научается пріемамъ историческихъ изслѣдованій, т.-е. самой техникѣ работы по изслѣдованію старинныхъ памятниковъ, подъ руководствомъ проф. Бутарика въ Школѣ Хартій въ Парижѣ. Затѣмъ онъ ѣдетъ въ Лондонъ, гдѣ въ библіотекѣ Британскаго Музея и въ Государственномъ Архивѣ работаетъ для своей диссертаціи надъ неизданными памятниками и протоколами вотчинныхъ судовъ XII и XIV столѣтій. Рекомендаціи для Лондона,

---

*) Дипломъ помѣченъ 23-мъ Іюня 1873 г. Въ немъ сказано: Своекоштный студентъ дворянинъ Максимъ Ковалевскій слушалъ преподаваемыя на юридическомъ факультетѣ науки: Энциклопедію права и Русское Государственное право, Римское право, Исторію важнѣйшихъ законодательствъ, Международное право, Государственное право Европейскихъ державъ, Уголовное право, Гражданское право, Полицейское право, Финансовое право, Богословіе и Судебную медицину „съ успѣхами отличными“, Политическую экономію и статистику—съ хорошими, Русскую Исторію — съ достаточными и французскій языкъ — удовлетворительными.

**) Много лѣтъ спустя эта работа съ измѣненнымъ заглавіемъ была частью напечатанной въ „Вѣсти. Европы“.

въ томъ числѣ къ Джону Льюису, онъ получилъ отъ своего пріятеля Григорія Николаевича Вырубова, извѣстнаго ученаго позитивиста, жившаго въ Парижѣ въ качествѣ эмигранта и издававшаго въ то время „Журналъ Положительной Философіи". Съ Г. Н. Вырубовымъ М. М. сохранилъ дружескія отношенія до самой смерти послѣдняго и былъ съ нимъ въ длительной перепискѣ. Къ сожалѣнію, какъ эта переписка, такъ и письма Карла Маркса къ М. М., были сожжены покойнымъ проф. Иваномъ Ивановичемъ Иванюковымъ, у котораго они хранились во время поѣздки М. М. за границу. Ив. Ив. опасался, повидимому, безъ достаточнаго основанія, обыска у себя и поторопился уничтожить не только свою, но и чужую корреспонденцію. Я нашелъ въ бумагахъ М. М. лишь нѣсколько писемъ Вырубова, переданныхъ мною въ Академію Наукъ.

Тамъ же, въ Лондонѣ, М. М. познакомился съ Карломъ Марксомъ. Знакомство съ этими двумя домами давало возможность М. М. видѣться на неофиціальной почвѣ со многими учеными, политическими дѣятелями и журналистами, указанія и совѣты которыхъ были для него весьма цѣнны. Жена Льюиса, извѣстная англійская писательница Джоржъ Эліотъ, собирала въ своемъ салонѣ, по воскресеньямъ, лучшихъ писателей и крупныхъ общественныхъ дѣятелей той эпохи. Черезъ домъ Льюиса М. М. удалось попасть въ члены извѣстнаго литературнаго клуба въ Лондонѣ „Atheneum". Для молодого человѣка — иностранца—это была большая честь. Это избраніе дало поводъ М. М. познакомиться съ знаменитымъ ученымъ Гербертомъ Спенсеромъ, бывшимъ старшиною клуба. Видѣться имъ пришлось только одинъ разъ.

Первое впечатлѣніе, вынесенное изъ знакомства съ Карломъ Марксомъ, было, по словамъ М. М., самое непріятное. „Онъ принялъ меня въ своемъ извѣстномъ салонѣ, украшенномъ бюстомъ Зевса Олимпійскаго. Нахмуренныя брови и, какъ мнѣ показалось, суровый взглядъ невольно вызывали въ умѣ сравненіе съ этимъ бюстомъ! Величественный и недоступный въ офиціальныхъ сношеніяхъ, Карлъ Марксъ внѣ своего обычнаго антуража становился простымъ и даже благодушнымъ собесѣдникомъ, неистощимымъ въ разсказахъ, полнымъ юмора и готовымъ подшутить надъ самимъ собою. „Помню я,—говоритъ Максимъ Максимовичъ,—его разсказъ о томъ, какъ, оставшись однажды безъ денегъ, онъ понесъ въ парижскій ломбардъ

серебряную посуду своей жены. Жена его, урожденная фонъ-Вестфаль, со стороны матери была въ родствѣ съ герцогами Аргайль. На посудѣ имѣлся поэтому дворянскій гербъ. Это сопоставленіе дворянскихъ претензій съ рѣзко выраженными чертами еврейскаго типа повело къ тому, что Марксъ былъ задержанъ и женѣ пришлось доказывать принадлежность ей посуды и добиваться освобожденія мужа".

Въ числѣ англійскихъ ученыхъ, оказавшихъ на Максима Максимовича очень большое вліяніе, можно назвать Мэна. Его книги „Деревенскія общины" и „Древнѣйшая исторія учрежденій" произвели на Максима Максимовича большое впечатлѣніе. Впослѣдствіи М. М., отнесясь критически къ матеріаламъ и выводамъ Мэна, частично опровергъ ихъ. Къ этому пребыванію М. М. въ Лондонѣ относится его знакомство и сближеніе съ четой Янжуловъ и философомъ Владиміромъ Соловьевымъ. При полномъ несходствѣ характеровъ, этотъ квартетъ прекрасно уживался вмѣстѣ и почти не разставался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

„М. М.—совершенная противоположность съ Соловьевымъ (пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. И. Янжулъ)—сразу завоевалъ всѣ наши симпатіи. Человѣкъ очень умный, живой, жизнерадостный, чрезвычайно для его юнаго тогда возраста, (ему было не болѣе 24 лѣтъ) зрѣлый, онъ отличался большими знаніями, общительностью, истиннымъ джентльменствомъ, которымъ немедленно завоевывалъ расположеніе людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Переписка Е. Н. Янжулъ—пестритъ именами М. М. и В. С., она о нихъ упоминаетъ какъ о постоянныхъ спутникахъ во всѣхъ посѣщеніяхъ, экскурсіяхъ и, какъ она выражается, „скромныхъ кутежахъ". М. М. былъ любитель угостить своихъ друзей хорошимъ обѣдомъ или ужиномъ.

По окончаніи заграничной поѣздки Максимъ Максимовичъ возвращается въ Россію, выдерживаетъ при Московскомъ Университетѣ магистерскій экзаменъ и затѣмъ защищаетъ свою диссертацію. *).

---

*) Исторія полицейской администраціи и полицейскаго суда въ англійскихъ графствахъ. Магистромъ Госуд. Права утв. 31-го мая 1877 г., доцентомъ съ 10-го сентября 1877 г. За докторскую диссертацію подъ заглавіемъ „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ" М. М. утверждается совѣтомъ Московскаго Университета Докторомъ Госуд. Права 2-го іюня 1880 г., а съ 15-го дек. того же года ординарнымъ профессоромъ.

III.

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ.

М. М. пробылъ въ Москвѣ въ теченіе 10 лѣтъ (1877—87 гг.) *).

Я поступилъ въ Московскій Университетъ въ 1885 г., и къ этому періоду жизни М. М. относится мое первое личное съ нимъ знакомство. Личность М. М. къ этому времени вполнѣ опредѣлилась; онъ признавался всѣми первоклассным европейскимъ ученымъ и прекраснымъ лекторомъ.

Ни одна изъ аудиторій Московскаго Университета не вмѣщала всѣхъ его слушателей, и ему приходилось читать въ Актовомъ Залѣ. На его лекціи по сравнительному законодательству иностранныхъ державъ, т.-е., проще говоря, по конституціонному праву, собирались не только юристы, для которыхъ курсъ его былъ обязательнымъ предметомъ, но и филологи, естественники и медики. Одинъ годъ былъ посвященъ исторіи государственныхъ учрежденій, а другой—характеристикѣ современныхъ политическихъ порядковъ на Западѣ. Кромѣ того, онъ читалъ спеціальные курсы по исторіи американскихъ учрежденій, по сравнительной исторіи семьи и собственности, по исторіи сословій на Западѣ и въ Россіи, по исторіи древнѣйшаго уголовнаго права и процесса. М. М. обладалъ въ это время вполнѣ выработанной манерой читать, которую сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни и примѣнялъ не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ разныхъ публичныхъ выступленіяхъ. Онъ говорилъ очень громко, отчетливо, лекціи его отличались блестящимъ изложеніемъ, и рядомъ съ серьезнымъ научнымъ содержаніемъ и строгой объективностью онъ умѣлъ ввести въ свои лекціи остроумныя замѣчанія, полныя неистощимаго юмора.

Помню, что, говоря о взаимномъ отношеніи королевской власти къ земельному дворянству въ Англіи, онъ, для оживленія лекціи, разсказалъ намъ объ очень остроумномъ способѣ королевы Елизаветы наказывать непокорныхъ лордовъ: если лордъ, не желая подчиниться указаніямъ королевы, проявлялъ къ ней оппозицію, Елизавета со всѣмъ своимъ дворомъ „милостиво“

*) Въ продолженіе этого срока были слѣдующіе перерывы: въ 1878 г. М. М. былъ командированъ за границу на краткую командировку на вакаціонное время, а въ 1880 г. отправленъ съ ученою цѣлью за границу на два года (съ мая мѣсяца) въ 1886 г. ѣздилъ за границу лѣтомъ безъ особой командировки.

ѣхала къ нему погостить. Чѣмъ дольше она жила у него, тѣмъ сильнѣе опустошался его кошелекъ, но зато укрѣплялись вѣрноподданническія чувства.

На экзаменахъ М. М. былъ требовательнымъ: онъ настаивалъ, чтобы студенты давали осмысленные отвѣты и, не ограничиваясь заучиваніемъ конспекта, обнаруживали серьезное пониманіе предмета. На диспутахъ М. М. былъ безпощаденъ къ научной бездарности и благожелателенъ къ талантливымъ кандидатамъ на профессуру. Онъ былъ блестящимъ оппонентомъ, доставляя собравшейся публикѣ удовольствіе своими мѣткими и авторитетными замѣчаніями.

Въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, обращавшимся къ нему за разрѣшеніемъ сомнѣній по вопросамъ его курса и вообще съ научными запросами, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ, подолгу и обстоятельно бесѣдовалъ съ ними, снабжалъ ихъ книгами и руководствами и былъ не только лекторомъ, но и „профессоромъ - руководителемъ". Къ сожалѣнію, по скверной русской привычкѣ, не всѣ лица, бравшія книги, возвращали ихъ обратно, отчего библіотека М. М. очень страдала. На это онъ мнѣ неоднократно жаловался. Одного студента, бравшаго и аккуратно возвращавшаго ему книги, онъ запомнилъ за эту аккуратность на всю жизнь и много лѣтъ спустя, когда этотъ ученикъ уже былъ русскимъ посломъ при одной великой державѣ, онъ при свиданіи съ нимъ за завтракомъ вспомнилъ объ этомъ свойствѣ своего гостя. „Возвращая мнѣ книги,—добавилъ, смѣясь, М. М.,—студенты тогда говорили мнѣ „благодарствуйте". Быть-можетъ, они были правы, употребляя такое слово для выраженія своей признательности: мнѣ слѣдовало бы дѣйствительно самому благодарить тѣхъ, кто возвращалъ мои книги".

Нѣкоторыми студентами подъ редакціей М. М. былъ сдѣланъ, а затѣмъ изданъ, переводъ книги Фримана и Стебса, „Опыты по исторіи англійской конституціи". Мы пользовались ею въ качествѣ дополненія къ нашимъ запискамъ. М. М. въ этотъ періодъ своей преимущественно профессорской дѣятельности продолжаетъ свою чисто-научную работу. Онъ издаетъ свою книгу „Общинное Землевладѣніе, причины, родъ и послѣдствія его разложенія" (Москва, 1879 г.) и усердно работаетъ надъ своимъ трудомъ „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права" (Москва, 1880 г.), полагавшимъ новые пути для научныхъ изслѣдованій.

Въ лѣтніе мѣсяцы онъ не ѣдетъ отдыхать въ деревню или лѣчиться на воды, а отправляется на Кавказъ изучать этнографію кавказскихъ племенъ, преимущественно осетинъ и сванетовъ въ области обычнаго права и вліянія современнаго обычая на древній законъ. Я припоминаю, что вышедшіе тогда его труды по эмбріологіи права очень интересовали насъ, студентовъ, охотно читались и послужили побужденіемъ для будущихъ молодыхъ ученыхъ къ соотвѣтствующимъ изслѣдованіямъ во многихъ мѣстахъ Россіи. Для сбора своихъ свѣдѣній М. М. ѣздилъ по самымъ дикимъ мѣстностямъ Кавказа, куда не проникала нога европейца.

„Когда не было дороги,—разсказывалъ М. М.,—мы входили въ русла горныхъ потоковъ и по нимъ подымались до перевала. Лошадь перескакивала съ камня на камень или временемъ погружала насъ съ собою въ прохладныя волны. Ночь мы проводили въ лучшихъ условіяхъ на бревнахъ, а въ худшихъ прямо на землѣ, закутавшись въ бурки. Питались мы сухарями и консервами, къ которымъ прибавлялась иногда пойманная нашимъ проводникомъ Дунаемъ форель. За отсутствіемъ иныхъ приспособленій онъ ловилъ ея руками, стоя одной ногой на одномъ берегу, а другой на другомъ и устраивая естественную заграду“... Часто М. М. рисковалъ своею жизнью, такъ какъ ему приходилось пробираться по узкимъ горнымъ тропинкамъ надъ пропастями верхомъ на небольшой горной лошади, что при его грузной фигурѣ было очень опасно. Его спутники разсказывали, что онъ удивительно умѣло бесѣдовалъ съ туземцами и очаровывалъ ихъ своимъ обращеніемъ. Одинъ князь, въ аулъ къ которому заѣхалъ М. М., проникся къ нему такими симпатіями, что предложилъ ему въ жены свою 13-лѣтнюю дочку, добавляя въ приданое 300 барановъ и одну изъ снѣжныхъ шапокъ Казбека. Разсказывая о своихъ поѣздкахъ по Кавказу, М. М., смѣясь, говорилъ, что онъ помимо научныхъ данныхъ могъ вывести съ Кавказа и молодую жену, но благоразумно отъ этого воздержался.

Сочетать одновременно профессорскую дѣятельность и интенсивную научную работу, связанную не только съ кабинетнымъ трудомъ, но и съ активнымъ участіемъ въ ученыхъ обществахъ (напр., въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, въ Этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія антропологіи и этнографіи и др.) и съ изслѣдованіями на мѣстахъ М. М. могъ только благодаря изумительной трудоспособности и умѣнью

правильно использовать свое время. Всѣ лица, близко знавшія М. М. и слѣдившія за его дѣятельностью, удивлялись этой совершенно исключительной работоспособности, которая дала ему возможность впослѣдствіи, въ заграничный періодъ его жизни, проявить многообразное научное творчество, а въ петроградскій періодъ его жизни—разностороннюю и широкую государственную и общественную дѣятельность.

М. М. въ первые годы ученой дѣятельности.

* * *

По пріѣздѣ въ Москву М. М. его часто навѣщала мать, которая впослѣдствіи совсѣмъ переселилась въ Москву, гдѣ и прожила до своей смерти. Какъ мы уже говорили, М. М. не былъ женатъ, хотя въ молодости имѣлъ немалый успѣхъ у женщинъ, благодаря своей внѣшней привлекательности и блестящимъ качествамъ своего ума.

Послѣдніе 10 лѣтъ жизни онъ имѣлъ нѣкоторое подобіе семейной обстановки, но иностранное происхожденіе и извѣстные недочеты воспитанія и образованія лица, которое должно было создать домашній уютъ, мало способствовали послѣднему. Это не помѣшало М. М., со свойственной ему сердечной добротой, до послѣдней минуты заботиться о матеріальномъ благосостояніи и будущей судьбѣ помянутаго лица.

Еще совсѣмъ юношей онъ влюбился въ Харьковѣ въ одну молодую дѣвушку, чрезвычайно интересную и привлекательную, но по складу своего характера и нравственнымъ понятіямъ не

подходившую къ семейной жизни. Познакомившись съ нею ближе, Екат. Игнат. разстроила этотъ бракъ. М. М. уступилъ не подъ вліяніемъ убѣжденія, а исключительно изъ привязанности къ матери, которой онъ привыкъ всецѣло довѣрять. Опасенія Екат. Игнат. впослѣдствіи оправдались, такъ какъ послѣдующая біографія его юношескаго увлеченія доказала съ несомнѣнностью, что въ бракѣ эта дѣвица могла принести М. М. только несчастье. Въ этомъ столкновеніи чувствъ къ двумъ женщинамъ любовь къ матери побѣдила, но отличительной чертой его характера была вѣрность своимъ привязанностямъ. И вотъ когда, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его разрыва съ невѣстой, его спрашивали, какъ онъ къ ней относится (а въ то время она уже пользовалась довольно громкой репутаціей), онъ отвѣтилъ: „если бы я не былъ связанъ даннымъ мною матери словомъ, то счелъ бы и теперь за честь на ней жениться".

Смерть матери произвела на него потрясающее впечатлѣніе. А. Г. Харина разсказывала, что, встрѣтивши его вскорѣ послѣ смерти Ек. Игн. за границей, услышала на высказанное ею соболѣзнованіе такой отвѣтъ: „я никогда не думалъ, что смогу пережить такую ужасную утрату!"—и слезы градомъ полились у него изъ глазъ. Въ послѣднія минуты его жизни дорогой образъ матери вновь предсталъ предъ нимъ, и возможность душевнаго единенія съ нею послужила ему послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ.

Существуетъ теорія, что у выдающихся дѣятелей бываютъ обыкновенно очень достойныя матери; источникъ ихъ душевныхъ свойствъ ищутъ съ материнской стороны. Примѣръ М. М., быть-можетъ, является лишнимъ подтвержденіемъ этого наблюденія.

* * *

Максима Максимовича въ Москвѣ очень любили. Онъ принималъ по четвергамъ большой кругъ знакомыхъ, который подъ его главенствомъ образовалъ чрезвычайно интересный высококультурный духовный центръ. Постоянными посѣтителями у него были профессора Университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы, редакція „Русскихъ Вѣдомостей" и „Русской Мысли", пріѣзжіе русскіе профессора, иностранные ученые и путешественники и вообще выдающіеся общественные дѣятели.

Лично для меня и двоюроднаго брата Е. С. Маркова,—студентовъ, которыхъ онъ туда привлекъ какъ родственниковъ,—посѣщенiе этихъ вечеровъ было чрезвычайно цѣнно въ умственномъ отношенiи, и они, пожалуй, дали намъ для общаго развитiя болѣе, чѣмъ самъ Университетъ. М. М. умѣлъ всегда поставить на обсужденiе какую-нибудь интересную научную или политическую тему, и въ свободной и непринужденной бесѣдѣ она обсуждалась присутствующими, часто выдающимися авторитетами, и освѣщалась полно и разнообразно. Составъ посѣтителей не ограничивался представителями научно-общественной мысли: бывали писатели и художники. Изъ крупныхъ писателей М. М. привелось принимать у себя И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Отношенiя съ Толстымъ сосредоточились главнымъ образомъ на московскомъ перiодѣ его жизни. Съ Тургеневымъ же его связывали близкiя, почти дружескiя отношенiя за границею.

Въ Москвѣ М. М. давалъ въ честь его у себя обѣдъ, на которомъ молодые ученые чествовали знаменитаго писателя. Объ этомъ обѣдѣ самъ Тургеневъ вспоминалъ съ удовольствiемъ, и у М. М. долго хранилась его записочка, присланная на другой день. „А вчерашнiй вечеръ надолго останется въ моей памяти, какъ нѣчто еще небывалое въ моей жизни". Л. Н. Толстой, несмотря на то, что часто встрѣчался съ М. М. въ домѣ гр. Олсуфьева и даже бывалъ у него—недолюбливалъ его за критическое отношенiе къ его доктринамъ. Онъ даже признавался хозяйкѣ дома, что „въ Ковалевскомъ ему не нравится нижняя губа, выражающая насмѣшливость". Кромѣ великихъ писателей, М. М. принималъ у себя немало и другихъ московскихъ и заѣзжихъ литературныхъ знаменитостей. Я припоминаю, что встрѣчалъ у него П. Д. Боборыкина, съ которымъ сохранились добрыя отношенiя до конца, Глѣба Успенскаго, Н. К. Михайловскаго, Шелгунова, С. А. Юрьева и другихъ.

Но ближайшими его друзьями была группа профессоровъ и ученыхъ. Изъ ихъ числа слѣдуетъ выдѣлить четырехъ лицъ, съ которыми его связали самыя теплыя отношенiя—съ которыми онъ былъ до смерти на „ты". Это были А. И. Чупровъ, И. И. Янжулъ, И. И. Иванюковъ и Ю. С. Гамбаровъ. Съ первыми двумя онъ сблизился и сдружился еще раньше за границею, знакомство съ послѣдними относится къ годамъ, проведеннымъ въ Москвѣ.

Каждое изъ этихъ лицъ внесло свою долю влiянiя въ жизнь молодого ученаго, и о каждомъ изъ нихъ онъ сказалъ доброе,

сердечное слово, вспоминая свою съ ними дружбу. А. И. Чупровъ, умѣвшій привлекать къ себѣ сердца своей привѣтливостью, мягкостью, сочувствіемъ ко всѣмъ, прибѣгавшимъ къ нему за совѣтомъ, обладалъ, по словамъ М. М., разумомъ, согрѣтымъ чувствомъ. Въ противовѣсъ ему И. И. Янжулъ былъ нѣсколько прямолинеенъ въ сужденіяхъ, охотно читалъ наставленія своимъ младшимъ пріятелямъ, но, невзирая на внѣшнюю суровость, былъ добрѣйшій человѣкъ и питалъ къ М. М. нѣжную любовь, былъ какъ бы разъ навсегда зачарованъ его обаятельной личностью, такъ что, пытаясь его иногда осудить, неизмѣнно сводилъ все къ хвалебному слову. Ив. Ив. Иванюковъ, располагавшій всѣхъ къ откровенности и самъ искренній, жизнерадостный, подвижной, являлся противоположностью Ю. С. Гамбарову—единственному, пережившему всѣхъ друзей, сосредоточенному и замкнутому, „глубокомыслящему", какъ его назвалъ М. М.

Въ Москвѣ же М. М. сошелся съ В. Ѳ. Миллеромъ (впослѣдствіи академикомъ), котораго характеризовалъ какъ „кладезь премудрости". Съ нимъ вмѣстѣ М. М. основалъ въ Москвѣ журналъ „Критическое Обозрѣніе", имѣвшій задачей путемъ объективной научной критики освѣщать новѣйшія явленія русской и заграничной эрудиціи.

Редактированье этого журнала вызвало рѣзкую полемику между М. М., съ одной стороны, и Н. К. Михайловскимъ и Н. Б. Чичеринымъ, съ другой. Журналъ этотъ, по словамъ его редактора, имѣлъ „всѣ успѣхи, кромѣ денежнаго". Когда дефицитъ достигъ 7.000 рублей, журналъ пришлось закрыть. Очевидно, объективность тогда не пользовалась популярностью.

Однимъ изъ сотрудниковъ этого изданія былъ знаменитый историкъ В. О. Ключевскій, который уже тогда выдвинулся и пользовался большой популярностью въ средѣ молодыхъ университетскихъ профессоровъ. Въ немъ М. М. цѣнилъ его сильную индивидуальность и самобытность. Впослѣдствіи Ключевскій оказалъ большое вліяніе на М. М., когда въ 1905 году, вернувшись въ Россію, онъ вступилъ на путь политической дѣятельности. М. М. утверждалъ, что именно послѣ бесѣды съ В. О. онъ выставилъ свою кандидатуру въ Гос. Думу.

Тамъ онъ вторично столкнулся съ своимъ товарищемъ по университету—съ редакторомъ „Юридическаго Вѣстника" въ 80-хъ годахъ и коллегой по профессорской дѣятельности —

С. А. Муромцевымъ. Общность духовныхъ интересовъ, принадлежность къ одному Московскому Юридическому Обществу, предсѣдателемъ котораго былъ С. А. Муромцевъ, роднили этихъ двухъ выдающихся людей настолько, что за двадцать лѣтъ они не разошлись ни въ пониманіи своихъ цѣлей, ни въ образѣ мыслей и дѣйствій. Кромѣ выше указанныхъ лицъ, М. М. охотно посѣщали иностранцы, съ которыми онъ сблизился во время заграничныхъ командировокъ, какъ, напримѣръ, французскій ученый Анатоль Леруа Болье, англичанинъ Уолеслъ, чехи Крамаржъ и Массарикъ и много др.

М. М. профессоромъ въ Москвѣ.

Конечно, бывали въ кружкѣ М. М. люди направленія, соотвѣтствующаго возрѣніямъ хозяина, но въ области научной мысли М. М. обладалъ самой широкой терпимостью: для него прикосновенность къ наукѣ и искренность убѣжденія дѣлали человѣка объектомъ уваженія даже въ отношеніи лицъ враждебнаго лагеря.

Зная, что М. М. человѣкъ состоятельный, къ нему обращалось очень много лицъ за матеріальной помощью, и онъ оказывалъ ее очень широко. Но благотворительность эта была не показная: только лица, очень близко его знавшія, могли отдать себѣ отчетъ, какъ разнообразна и велика была эта дѣятельность. Значительную долю своего состоянія онъ роздалъ еще при жизни на поддержку различныхъ учрежденій и лицъ. Выдачи эти были однако цѣлесообразны и дѣлались въ такомъ размѣрѣ, что могли дѣйствительно устроить нуждающагося человѣка. Но зато неосновательныя просьбы, разсчитанныя исключительно на его щедрость, онъ оставлялъ безъ вниманія, и

онѣ его очень раздражали. Умѣя отказывать въ такихъ подачкахъ, М. М. не обладалъ способностью уклоняться отъ предложеній другого рода—приглашеній въ различныя общества, просьбъ о прочтеніи лекцій съ благотворительной цѣлью, о присылкѣ даровыхъ статей и т. д. Исполненіе такого рода дѣлъ отнимало у него много дорогого времени, а въ послѣдніе годы очень переутомляло его и вредно отражалось на его здоровьи. Однако такое невольное сотрудничество очень способствовало его широкой популярности.

Радушіе хозяина, простота его обращенія и хлѣбосольство образовывали около него атмосферу доброжелательства, которая усиливалась тѣмъ, что хотя онъ и любилъ говорить о себѣ, о своихъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ, но изложеніе онъ соединялъ съ юмористическимъ отношеніемъ къ себѣ, и потому такіе разсказы слушались легко и съ удовольствіемъ, такъ какъ этимъ исключалась со стороны собесѣдника возможность зависти и недоброжелательства.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія къ М. М. относились однако подозрительно. Предметъ, касавшійся западно-европейскихъ конституцій, по тѣмъ временамъ казался очень страшнымъ. Свободное слово М. М. и критическое отношеніе къ тогдашней правительственной политикѣ дѣлало его въ глазахъ Делянова „опаснымъ человѣкомъ". Начали съ того, что исключили его предметъ изъ числа подлежащихъ обязательному зачету. Въ „Программѣ испытаній въ комиссіи юридической" его предметъ уже не значился. Средство, однако, не помогло, и на необязательный предметъ, излагаемый М. М., шли толпы студентовъ, и актовый залъ не могъ вмѣстить всѣхъ слушателей. Воспользовавшись студенческимъ незначительнымъ столкновеніемъ съ инспекціей, неумѣстно вмѣшавшейся во время репетиціи у М. М. въ его переговоры со студентами*), Министерство рѣшило очистить Университетъ отъ „вредныхъ людей", и М. М. въ числѣ первыхъ было предложено оставить Университетъ. Онъ не согласился подать прошеніе. Тогда въ Министерство были представлены искусственно и тенденціозно подобранныя выборки изъ его лекцій, записанныя въ такомъ видѣ присланными для этого агентами, послѣ чего онъ и былъ уволенъ по 3-му пункту.

---

*) Дѣло было 11 декабря 1886 г.

Это явилось для него полной неожиданностью. Въ Харьковѣ, гдѣ онъ проводилъ каникулы, М. М. наканунѣ полученія увѣдомленія отъ М. П., приглашалъ еще сына А. Г. Хариной перейти въ Московскій Университетъ, чтобы работать подъ его руководствомъ. Переписка по поводу увольненія М. М. между Московскимъ Попечителемъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Генералъ-Губернаторомъ, всесильнымъ кн. Долгоруковымъ, представляетъ великолѣпный матеріалъ для историка нашихъ нравовъ и развитія свободной научной мысли въ эпоху 80-хъ годовъ. Поистинѣ даже сейчасъ, какъ мы ни мало двинулись впередъ, невольно воскликнешь: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ". Справедливость требуетъ отмѣтить, что гр. Капнистъ не очень умѣло, но пытался отстоять М. М.

Такъ, отвѣчая на предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія немедленно замѣнить проф. Ковалевскаго другимъ лицомъ, въ виду его „отрицательнаго отношенія къ русскому государственному строю", которое, хотя и не выражается прямо, но вытекаетъ изъ „неумѣстнаго сравненія" англійскихъ порядковъ съ нашими и подкрѣпляется соотвѣтствующей „интонаціей", попечитель Московскаго Округа гр. Капнистъ замѣчаетъ:

„Едва ли можно найти кандидата, настолько подготовленнаго, чтобы онъ немедленно могъ занять каѳедру въ университетѣ— и, кромѣ того, мѣра эта (т.-е. удаленіе проф. Ковалевскаго) можетъ оказаться вредной, такъ какъ будетъ поставлена въ связь съ происшествіемъ 11-го декабря на репетиціи Ковалевскаго и со статьей въ журналѣ „Русское дѣло". Не только между студентами, но и профессорами сложится взглядъ, что профессоръ смѣненъ вслѣдствіе газетной статьи и происковъ инспектора, каковое впечатлѣніе можетъ подѣйствовать въ смыслѣ нежелательномъ для правительства гораздо сильнѣе, чѣмъ лекціи проф. Ковалевскаго". Выводомъ изъ этого является его совѣтъ отложить увольненіе до конца учебнаго года.

На это Министръ отвѣчаетъ слѣдующимъ—классическимъ въ своемъ родѣ—изреченіемъ:

„Нелишнимъ считаю присовокупить, что, если Вы имѣете въ виду замѣстить эту каѳедру посредственностью, то по-моему лучше имѣть преподавателя со средними способностями, чѣмъ особенно даровитаго человѣка, который, однако, несмотря на свою ученость, дѣйствуетъ на умы молодежи растлѣвающе"...

Наконецъ, всесильный кн. Долгоруковъ, конфиденціально запрашивая, на какой срокъ установлено наблюденіе начальства за лекціями проф. Ковалевскаго, заключаетъ:

„Опасаюсь, что какъ бы ни было бдительно помянутое наблюденіе, но при извѣстныхъ способностяхъ г. Ковалевскаго, его умѣ и діалектическомъ талантѣ, съ одной стороны, а съ другой—при чуткости его аудиторіи, настроенной въ извѣстномъ направленіи идей, едва ли можно быть увѣреннымъ, что отъ наблюденія не ускользнетъ ничего существеннаго".

Комментаріи къ этимъ цитатамъ излишни.

Устраненіе М. М., сдѣланное въ такой грубой и безцеремонной формѣ, поразило всю Москву и вызвало осенью волненіе среди студентовъ. Несмотря на наружное спокойствіе, М. М. былъ очень возмущенъ такимъ актомъ насилія и при свиданіи со мною рѣшительно заявилъ, что онъ уѣзжаетъ за границу и не вернется жить въ Россію, покуда въ ней не будетъ введенъ конституціонный строй, осуществленію котораго онъ рѣшилъ содѣйствовать всѣми силами. „А что вы признаете основнымъ пунктомъ въ конституціонномъ строѣ?"— спросилъ я. „Право контроля и распоряженія бюджетомъ со стороны народныхъ представителей — отвѣтилъ М. М. — Только то народное представительство и сильно, которое имѣетъ въ своихъ рукахъ шнурки отъ народнаго кошелька." Невольный уходъ М. М. тогда казался намъ невознаградимой потерей для науки и русскаго учебнаго дѣла. Къ счастью, послѣдствія этого увольненія оказались далеко не тѣми, которыхъ могли ожидать его иниціаторы: въ заграничный періодъ жизни М. М. далъ гораздо больше въ научномъ отношеніи, чѣмъ, если бы онъ оставался въ Москвѣ.

Память о М. М. въ Москвѣ пережила его пребываніе въ Университетѣ, и онъ какъ бы незримо оставался тамъ и въ послѣдующіе годы. Въ своихъ воспоминаніяхъ о М. М.—В. Сперанскій очень трогательно описываетъ это почти благоговѣйное отношеніе къ удаленному профессору. „Для насъ, московскихъ студентовъ конца 90-хъ годовъ, — говоритъ Сперанскій,—имя Максима Ковалевскаго звучало всегда свѣтлымъ, бодрящимъ напоминаніемъ. Какое-то благоуханное вѣяніе изъ міра иного, изъ міра недопѣтыхъ смѣлыхъ пѣсенъ и недосказанныхъ запретныхъ надеждъ неизмѣнно чувствовалось тогда, когда наши лучшіе передовые профессора произносили его имя на своихъ

лекціяхъ. При упоминаніи съ каѳедры о М. М. Ковалевскомъ чудесные глаза добрѣйшаго А. И. Чупрова загорались ласковымъ огнемъ, по суровому, какъ будто надменному, лицу И. И. Янжула пробѣгалъ какой-то живительный лучъ, а въ сухомъ безстрастномъ голосѣ Ю. С. Гамбарова начинали звучать теплыя проникновенныя ноты... Мы, студенты, привыкали помнить, что тамъ, далеко, за герценовскимъ рубежомъ, живетъ этотъ оригинальный и увлекательный человѣкъ-профессоръ, который за недолгіе годы своей академической работы въ нашемъ университетѣ сумѣлъ такими неразрывными драгоцѣнными нитями связать себя съ сердцами памятливыхъ москвичей. Уйдя на время за грань унылаго русскаго кругозора, этотъ большой интересный человѣкъ, думалось намъ, придетъ когда-нибудь вторично во славѣ...“

IV.

ПРЕБЫВАНІЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Семнадцать долгихъ зимъ провелъ М. М. внѣ родины. Онъ не былъ въ настоящемъ смыслѣ изгнанникомъ или эмигрантомъ. Онъ свободно могъ въѣзжать и выѣзжать изъ Россіи, но фактически, не имѣя возможности читать свой любимый предметъ въ какомъ-либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, онъ чувствовалъ себя отрѣшеннымъ отъ дѣла. М. М. обладалъ способностями, которыя помогли ему быстро приспособиться къ условіямъ западно-европейской жизни. Онъ прекрасно зналъ, свободно говорилъ и писалъ на 4-хъ европейскихъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ. У него есть сочиненія какъ на этихъ языкахъ, такъ и на испанскомъ и шведскомъ; съ послѣднимъ онъ былъ, однако, знакомъ лишь поверхностно. *) М. М. былъ также въ совершенствѣ знакомъ съ латинскимъ языкомъ какъ классическаго періода, такъ и съ средневѣковой латынью. Я нашелъ въ его бумагахъ рукописи, написанныя имъ бѣглымъ почеркомъ, безъ всякихъ помарокъ, показывающія, что онъ владѣлъ имъ совершенно свободно. Прекрасно зналъ онъ также старо-нормандскій языкъ, который былъ необходимъ ему при изученіи древнихъ англійскихъ па-

*) Англійскимъ языкомъ онъ сталъ заниматься вмѣстѣ съ матерью и Г. Г. Мизко съ 15 лѣтъ подъ руководствомъ лучшаго въ Харьковѣ учителя мистера Дина (Dean), а итальянскимъ и испанскимъ—на 28 году своей жизни.

мятниковъ. Знаніе языковъ дало ему возможность читать лекціи во Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Италіи и Швеціи. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ увольненія М. М. его приглашаютъ по иниціативѣ Софьи Васильевны Ковалевской прочесть въ Стокгольмѣ рядъ лекцій, посвященныхъ происхожденію семьи и собственности.

Пребываніе въ Стокгольмѣ закрѣпило и углубило его отношенія къ С. В., вначалѣ только дружескія, а позднѣе чуть не приведшія къ браку. Этотъ союзъ не состоялся, и врядъ ли онъ даже могъ быть особенно счастливъ: слишкомъ самобытны и крупны были обѣ личности. Однако теплота отношенія М. М. къ этой замѣчательной женщинѣ сохранилась и пережила ее на 25 лѣтъ. Незадолго до своей кончины М. М. произнесъ на собраніи, посвященномъ памяти С. В. Ковалевской, прочувствованную рѣчь. Письма ея къ М. М., многочисленныя и интересныя, были имъ сохранены до конца жизни и переданы мнѣ, какъ душеприказчику. Я полагаю, что часть писемъ, имѣющихъ общій интересъ, можетъ быть напечатана теперь же. Вѣрнѣе всего ихъ придется передать въ распоряженіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ для сборника въ память С. В. Переписка интимнаго характера, конечно, пока не подлежитъ опубликованію.

Изъ Стокгольма М. М. приглашается Оксфордскимъ Университетомъ и читаетъ тамъ курсъ по исторіи русскаго права. Наконецъ въ 1889 году онъ окончательно поселяется во Франціи, пріобрѣтаетъ себѣ на берегу Средиземнаго моря, въ Болье, виллу и тамъ работаетъ надъ своими главнѣйшими произведеніями: „Происхожденіе современной демократіи", „Экономическая исторія Европы" и, наконецъ, „Отъ прямого народоправства къ народному представительству".

Одновременно съ работами историко-юридическаго характера и по сравнительной этнографіи М. М. обращаетъ усиленное вниманіе на вопросы, связанные съ соціологіей, какъ особой наукой, являющейся по опредѣленіи О. Конта „наукой о порядкѣ и прогрессѣ въ человѣческихъ обществахъ".

М. М. вступаетъ въ число членовъ Международнаго Института Соціологіи, становится его вице-предсѣдателемъ въ 1895 году и предсѣдателемъ въ 1907 году; онъ является однимъ изъ активныхъ членовъ Общества Соціологіи въ Парижѣ, постояннымъ сотрудникомъ журнала „Revue internationale de sociologie" и оказываетъ матеріальную поддержку этому изданію.

Результатомъ его интереса къ вопросамъ соціологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова являются его сочиненія: „Современные соціологи“ и 2 тома „Соціологіи“.

Обстановка, въ которой работалъ М. М., была очень удобна для того, чтобы сосредоточиться и не отвлекаться внѣшней жизнью. Въ небольшомъ и тихомъ городкѣ Болье, въ своей виллѣ Батава, имѣя подъ рукой великолѣпную библіотеку, онъ могъ работать спокойно, безъ помѣхъ. Вилла эта, пріобрѣтенная въ 1889 году, выходитъ на море и стоитъ на крутомъ склонѣ. Это очень уютный двухъэтажный домъ *) съ террасой и балконами, окруженный небольшимъ, но очень тѣнистымъ и полнымъ самыхъ разнообразныхъ растеній садомъ. М. М. очень любилъ цвѣты и жилъ среди нихъ. Рядомъ съ пальмами и агавами, въ садикѣ цвѣли апельсины и лимоны и прекрасные штамбовыя розы. Въ этомъ чудномъ уголкѣ онъ оказывалъ широко гостепріимство друзьямъ и знакомымъ. Нѣкоторые по его приглашенію заѣзжали туда даже въ его отсутствіе. Посѣщала его тамъ въ первые годы С. В. Ковалевская, пріѣзжали изъ Москвы его университетскіе товарищи и проживали у него довольно долго: Чупровъ, Янжулы, Иванюковы, Джаншіевъ, Боборыкинъ, гр. Олсуфьевъ, художникъ Маковскій и другіе. Впослѣдствіи, минутахъ въ 10 ходьбы отъ виллы Батава, М. М. была пріобрѣтена другая вилла Miramar (въ St Jean), которая перешла въ собственность его пріятельницы итальянки г-жи Л. А. Лоренцини, о которой упоминалось выше. Когда же заболѣлъ его племянникъ Е. С. Марковъ, надорвавшій свои легкія при восхожденіи на Араратъ (онъ впослѣдствіи былъ докторомъ географіи), М. М. пригласилъ его къ себѣ въ Болье и цѣлую зиму очень заботливо ухаживалъ за нимъ.

Находясь невдалекѣ отъ Ниццы, М. М. часто ѣздилъ туда какъ по дѣламъ, такъ и для свиданья съ пріѣзжими друзьями и соотечественниками. Тамъ въ 1898 году онъ встрѣтился съ А. П. Чеховымъ и одновременно съ нимъ позировалъ для портрета тогда еще молодому художнику О. Э. Бразу (нынѣ академику). Портретъ А. П. Чехова находится сейчасъ въ Третьяковской Галлереѣ, а М. М—ча—пріобрѣтенъ мною у Браза для одного изъ учрежденій, членомъ котораго состоялъ М. М.

---

*) Въ нижнемъ полуподвальномъ этажѣ помѣщалась обширная (до 50.000 томовъ) библіотека М. М., постоянно пополнявшаяся.

Позировалъ онъ неохотно и нетерпѣливо, тяготясь неподвижностью и долго впослѣдствіи даже ворчалъ на художника заставившаго его сидѣть.

Научныя работы и чтеніе лекцій на иностранныхъ языкахъ и въ иностранныхъ университетахъ не могли однако удовлетворить М. М.: его тянуло читать лекціи по-русски и для русскихъ. Вотъ почему онъ съ такой горячностью и радостью взялся за организацію Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Задачи этой школы были очень широкія, но возможности осуществленія очень ограниченныя. Не было ни постояннаго помѣщенія, ни бюджета, ни кадра профессоровъ, ни, наконецъ, достаточнаго числа подготовленныхъ слушателей. По правдѣ говоря, учреждеміе это принесло ему больше заботъ и огорченій, чѣмъ радости и удовлетворенія. При открытіи школы онъ произнесъ благодарственно-привѣтственную рѣчь всѣмъ, помогавшимъ ему въ созданіи ея, при чемъ со свойственной ему тонкой ироніей благодарилъ своихъ богатыхъ друзей „за совѣты", а бѣдныхъ сотрудниковъ за „матеріальную поддержку".

Поистинѣ умилительна была его приверженность къ этому дѣлу. Онъ тратилъ на него свои средства, былъ въ немъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ французской администраціей, безплатнымъ и безсмѣннымъ лекторомъ по всѣмъ предметамъ, гдѣ не хватало профессоровъ. Особенно безпокоилъ и надоѣдалъ ему окружной инспекторъ города Парижа, находившій, что Школа уклоняется отъ разрѣшеннаго ей устава. Не мало хлопотъ доставляли ему и слушатели, большею частью эмигрантская молодежь, радикально настроенная и нетерпимая въ своихъ воззрѣніяхъ. И несмотря на это, М. М., передавая мнѣ книгу, посвященную Высшей Школѣ, высказалъ радость по поводу результатовъ работъ школы. Онъ уже успѣлъ забыть испытанныя имъ непріятности и цѣнилъ возможность путемъ печати использовать лекціи профессоровъ школы, изъ которыхъ многіе были очень талантливы*).

Обыкновенно М. М. легко справлялся со своей аудиторіей: онъ вполнѣ понималъ ея настроеніе и умѣлъ владѣть ею и направлять по своему желанію, употребляя для этого очень остроумные педагогическіе пріемы.

---

*) Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ. С.-Петербургъ 1905. Стр. 505.

Г-нъ Л. Дерманъ въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ „Первая лекція", приводитъ одинъ такой случай, гдѣ повышенно-настроенные и даже возбужденные слушатели были успокоены очень мѣткимъ и удачнымъ сравненіемъ. „Настроенная страстно аудиторія,— говоритъ авторъ,—почувствовала искренность высказаннаго мнѣнія, и общій языкъ былъ найденъ. Но одинъ разъ, по поводу высказаннаго М. М. сначала въ Москвѣ, а потомъ повтореннаго въ Парижѣ мнѣнія относительно несвоевременности введенія въ Россіи республиканскаго строя, слушатели бурно протестовали, и даже М. М. не въ силахъ былъ повліять на нихъ, такъ какъ нѣкоторые слушатели не побрезговали подкрѣпить свое несогласіе... химической обструкціей.

Открытіе школы совпало съ годомъ всемірной выставки въ Парижѣ, когда случайный пріѣздъ русскихъ за границу смѣнился массовыми посѣщеніями. Мнѣ лично пришлось въ это время пробыть въ Парижѣ около года, и я очень благодаренъ судьбѣ, что она дала мнѣ возможность болѣе близкаго общенія съ М. М. Въ этотъ годъ въ Парижѣ перебывали всѣ наши семейные; долго жилъ Е. С. Марковъ, вспоминавшій съ М. М. студенческіе годы и жизнь въ Болье; А. Г. Харина, разсказывавшая о старомъ поколѣніи, и др. Въ М. М. началъ въ это время усиливаться интересъ къ русскимъ дѣламъ, нѣсколько ослабленный предыдущимъ долгимъ пребываніемъ внѣ Россіи. Воспользовавшись наличіемъ выставки, М. М. организовалъ отъ имени своей Школы лекціи для русскихъ посѣтителей. Пріѣзжіе учителя (а ихъ было не мало) могли, такимъ образомъ, прослушать лекціи, которыя были недоступны у нихъ въ Россіи.

М. М. въ Парижѣ имѣлъ постоянную квартиру и живалъ въ ней въ тѣ мѣсяцы, когда онъ не былъ въ Болье или въ поѣздкахъ. Въ этой квартирѣ на улицѣ Обсерваторіи у него собирались представители русской колоніи въ Парижѣ и многіе французы, преимущественно изъ университетскаго міра. Изъ русскихъ онъ былъ очень близокъ съ покойнымъ ученымъ И. И. Мечниковымъ, съ которымъ былъ въ дальнемъ родствѣ, и друженъ съ И. С. Тургеневымъ, у котораго онъ часто бывалъ въ Буживалѣ. Разсказывая о своихъ посѣщеніяхъ Тургенева и бесѣдахъ съ нимъ, М. М. давалъ явному расположенію къ нему знаменитаго писателя такое шуточное объясненіе: „Онъ любитъ меня за то, что я умѣю во-время уходить и, вставая раньше другихъ, давать знакъ къ отъѣзду. Кто знаетъ привычку

русскихъ людей засиживаться по цѣлымъ ночамъ, споря объ отвлеченныхъ вопросахъ, пойметъ, что Тургеневъ, жившій въ чужой семьѣ, естественно былъ радъ, когда кто-нибудь бралъ инициативу своевременнаго ухода. При этомъ Тургеневъ любезно говорилъ каждому изъ гостей: „посидите еще, куда же вы торопитесь?!“

Сравнивая роль Тургенева и Максима Максимовича, которую они играли въ дѣлѣ объединенія и взаимнаго пониманія Запада и Россіи, В. Сперанскій говоритъ:

„Какъ Тургеневъ оставался до самой смерти признаннымъ посломъ русской общественности при дворѣ европейской культуры, такъ Ковалевскій сталъ послѣднее десятилѣтіе своей жизни морально-уполномоченнымъ представителемъ западной гражданственности на отечественной землѣ“.

Мечникова я лично, живя въ Россіи, зналъ только по наслышкѣ. Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Парижъ М. М. свезъ меня въ Институтъ Пастера, чтобы повидаться со знаменитымъ ученымъ. Илья Ильичъ познакомилъ насъ со всѣми работами, которыя онъ велъ тогда (прививка сифилиса обезьянамъ, дѣйствіе туберкулезныхъ палочекъ на животныхъ и изученіе кроваво-красныхъ пятенъ на маццѣ, (опрѣснокахъ), которыя въ средніе вѣка считались за капли крови, а въ дѣйствительности представляли изъ себя колоніи особаго вида бактерій, развивающихся въ сырыхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ иногда хранились такія лепешки. Осмотръ института подъ руководствомъ И. И. Мечникова и бесѣда была очень поучительна и интересна.

Вспоминая о заграничномъ періодѣ жизни М. М., нельзя не упомянуть о двухъ лицахъ: И. З. Лорисъ-Меликовѣ и оригинальной фигурѣ социолога „нео-позивиста“ Евгенія Валентиновича де-Роберти. Онъ жилъ въ Парижѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и я лично часто тамъ встрѣчался съ нимъ. Онъ былъ довольно неуживчиваго характера, но М. М. умѣлъ удивительно съ нимъ ладить, и Е. В. являлся неизмѣннымъ сотрудникомъ во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ Максима Максимовича въ Парижѣ.

Пять лѣтъ де-Роберти работалъ въ упомянутой выше Школѣ общественныхъ наукъ. М. М. цѣнилъ научно-философскую дѣятельность автора „Старой и новой философіи“ и „Соціологіи дѣйствія“, а Е. В. очень любилъ М. М., всецѣло довѣрялъ ему,

и, умирая, избралъ его своимъ душеприказчикомъ. М. М. отдавалъ должное умѣнію Е. В. проявить инициативу, смѣлость въ отстаиваніи общаго дѣла и всегдашнюю готовность преломить копье съ идейными противниками.

Неразлученъ былъ съ М. М. и его бывшій коллега по Московскому Университету, Ю. С. Гамбаровъ, тоже проживавшій долго за границей и пользовавшійся неизмѣннымъ расположеніемъ М. М. Онъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Русской Школы.

Иванъ Захаровичъ Лорисъ-Меликовъ,—врачъ по профессіи, племянникъ когда-то всесильнаго министра,—являлся образцомъ дружеской преданности и любви по отношенію къ М. М. Онъ былъ очень близокъ съ нимъ въ Парижѣ, а затѣмъ послѣдовалъ за нимъ въ Петроградъ, гдѣ былъ его сотрудникомъ и секретаремъ редакціи „Страны".

За границей М. М. оставался до 1905 года, занимаясь той же научной работой, но вниманіе его въ это время было направлено уже въ сторону Россіи. Эволюція, которая произошла въ М. М. въ этомъ отношеніи, очень интересна. Въ первые годы своей заграничной жизни, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, онъ поражалъ насъ своею неосвѣдомленностью въ житейскихъ вопросахъ и, я сказалъ бы даже, нѣкоторой наивностью. Это выразилось, между прочимъ, въ его отношеніи къ своему имѣнію Кутъ. Припоминаю, какъ одинъ разъ во время прогулки М. М., спустившись къ рѣкѣ и подойдя къ посадкамъ корзиночной лозы, представляющей матеріалъ для мѣстнаго кустарнаго промысла, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ замѣтилъ управляющему: „что это у васъ такъ лугъ засоренъ? Надо бы вырубить эти чащи". — „Да помилуйте, М. М., — возразилъ тотъ, — вѣдь это разведенная лоза, дающая главный доходъ съ вашего имѣнія!"

„Ну, какъ ваше хозяйство?"—спрашиваю я М. М. въ другой разъ. „Да неважно. Вотъ, напримѣръ, какое удивительное явленіе происходитъ у меня въ стадѣ: коровы совсѣмъ не плодятся, а у управляющаго моего,—добавилъ онъ, чуть-чуть улыбаясь,—коровы ежегодно приносятъ по-двойнѣ". Испытавъ [за границей нѣкоторое стѣсненіе въ деньгахъ, М. М. пріѣхалъ въ Харьковъ, чтобы достать ихъ изъ имѣнія. „Продайте часть лѣса",—сказали ему. „А развѣ это можетъ быть выгодно?" — спросилъ онъ. Сдѣлка состоялась по 1.000 руб. за десятину. „Удивляюсь,—говорилъ какъ-то М. М. одному изъ своихъ знакомыхъ, верну-

вшись за границу,—что за 100 десятинъ не приносившаго мнѣ никакого дохода лѣса я могъ получить сразу 250.000 франковъ *).

Эти примѣры скорѣе показываютъ, что М. М. былъ плохой хозяинъ, не имѣвшій времени и возможности удѣлять вниманіе своему имѣнію. Но, съ другой стороны, такая отдаленность отъ интересовъ сельскаго хозяйства, кустарнаго и лѣсного дѣла, въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія,—была нежелательна для будущаго законодателя. И въ послѣдующіе годы М. М., хотя свое личное имѣніе и сдалъ въ аренду и сельскимъ хозяиномъ не сталъ, но на русскіе хозяйственные распорядки обратилъ болѣе серьезное вниманіе.

Прежде чѣмъ перейти къ его пребыванію въ Петроградѣ приведу въ дополненіе къ приведеннымъ выше словамъ Сперанскаго очень удачную характеристику, высказанную социологомъ Рене Вормсомъ въ майской книжкѣ журнала „Соціологія": „Во всѣхъ своихъ работахъ, — говоритъ Вормсъ, — Ковалевскій подходилъ къ изученію явленія съ точки зрѣнія исторической и имѣя въ виду его дальнѣйшую эволюцію. Его заботило выяснить самымъ тщательнымъ образомъ формы и фазы такого развитія. Обнаруживая философскій умъ, сформировавшійся въ школѣ позитивной философіи О. Конта, онъ, при реальномъ складѣ ума, былъ въ то же время проникнутъ идеализмомъ. Въ глазахъ Запада—европейскаго и американскаго—М. М. своею личностью представлялъ какъ бы символъ русской науки въ области соціальныхъ знаній; съ другой стороны, въ Росссіи его признавали въ этой области за человѣка, который зналъ и представлялъ лучшимъ образомъ западно-европейскую мысль. Такимъ образомъ, онъ былъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между двумя мірами—Западомъ и Востокомъ".

Такую роль М. М. могъ выполнить только благодаря двумъ упомянутымъ выше періодамъ своей жизни.

V.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ и ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Съ 1904 года въ Россіи обнаруживается сильный общественный подъемъ, предвѣстникъ крупныхъ реформъ, и усиливается вѣра въ свѣтлое будущее Россіи. Максимъ Максимовичъ

---

*) Часть этихъ денегъ была употреблена М. М. на постройку новаго зданія для мѣстной начальной школы, которую онъ содержалъ на свой счетъ.

пріѣзжаетъ въ Россію, участвуетъ въ различныхъ кружкахъ и съѣздахъ, организуетъ политическую партію, читаетъ лекціи, въ которыхъ выясняетъ роль и значеніе народнаго представительства. Его конституціонные взгляды не удовлетворяютъ нѣкоторые, болѣе лѣвые круги, но онъ имѣетъ мужество отстаивать свои убѣжденія, несмотря на рѣзкія нападки съ разныхъ сторонъ. Днемъ торжества для него было 17-го окт. 1905 г. и день избранія его въ первую Государственную Думу. „Начало положено,—говорилъ онъ,—нужно продолжать работу въ томъ же направленіи". Рано утромъ 18-го окт. нѣсколько друзей собрались въ Европейской гостиницѣ, гдѣ жилъ М. М. Пошли завтракать; у всѣхъ на душѣ былъ свѣтлый праздникъ; хотѣлось вѣрить, что прежнія невзгоды и непорядки исчезли навсегда. М. М. былъ радостенъ, бодръ и кипѣлъ желаніемъ приступить къ активной законодательной работѣ. Для него наступалъ новый періодъ его жизни, и ему пришлось цѣлыя 10 лѣтъ сначала въ качествѣ члена Государственной Думы, потомъ въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта и члена бюро блока быть въ самомъ центрѣ государственныхъ, законодательныхъ и политическихъ дѣлъ. Но прежнія симпатіи къ профессурѣ влекли его къ высшему учебному заведенію. Онъ читаетъ лекціи въ Университетѣ, на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Политехникумѣ и получаетъ, наконецъ, возможность прочесть курсъ соціологіи въ Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Научные вопросы тоже влекутъ его къ себѣ: онъ продолжаетъ надъ ними работать и издаетъ послѣдовательный рядъ трудовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, написанные на французскомъ языкѣ, вышли въ изданіи „Международной соціологической библіотеки".

Въ книгѣ „Соціальная Россія" онъ, протестуя противъ реакціонной политики правительства и называя себя „неисправимымъ либераломъ", высказывается въ пользу равенства всѣхъ народностей, религій и партій въ ихъ единомъ и общемъ отечествѣ. Французскій Институтъ выбираетъ его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а Русская Академія Наукъ—ординарнымъ академикомъ. Общественная жизнь тоже даетъ ему большую и разнообразную работу. Изданіе газеты „Страна", журнала „Вѣстникъ Европы" и предсѣдательствованіе въ различныхъ обществахъ и кружкахъ, имена коихъ „Ты единъ, Господи, вѣси", поглощаютъ у него массу времени и вниманія. Такъ, напримѣръ,

онъ былъ предсѣдателемъ Русскаго Отдѣленія Международнаго Общества Мира и былъ въ Лондонѣ представителемъ Первой Государственной Думы на Междупарламентской Конференціи Мира *).

Онъ являлся, такимъ образомъ, принципіальнымъ противникомъ войны и сторонникомъ разрѣшенія различными мирными способами всевозможныхъ международныхъ конфликтовъ и недоразумѣній. По приглашенію Англійскаго Правительства онъ былъ членомъ Верховнаго Трибунала для разрѣшенія споровъ между Соединенными Штатами и Канадой.

Но такіе взгляды не мѣшали М. М. прекрасно понимать, что въ реальной политикѣ необходимо государству быть и сильнымъ и вооруженнымъ, и потому, когда въ 1910 году въ Законодательныхъ Палатахъ разсматривался вопросъ о крупныхъ ассигнованіяхъ на флотъ, вызвавшій очень большіе споры и возраженія лицъ, говорившихъ, что Россіи, какъ странѣ сухопутной, такихъ затратъ дѣлать не слѣдуетъ, онъ подалъ свой голосъ за отпускъ кредита. Нынѣшняя война показала, насколько онъ былъ правъ.

На результаты войны М. М. смотрѣлъ оптимистически.

Припоминаю его бесѣду съ однимъ французомъ, посѣтившимъ его за нѣсколько дней до смерти.

Пріѣзжій публицистъ просилъ его принять, но, узнавъ о его нездоровьи, извинился и хотѣлъ удалиться. „Какъ могу я не принять васъ,—сказалъ М. М.,—когда вы пришли говорить со мной о Франціи?“.

На вопросъ собесѣдника, какъ онъ относится къ войнѣ, М. М. отвѣтилъ: „Видите ли, эта война, какъ бы чудовищна она ни была, будетъ для насъ во многихъ отношеніяхъ очень полезна. Вдумайтесь, какой подъемъ возвышенныхъ чувствъ и патріотической активности она уже вызвала у васъ. Это великолѣпный посѣвъ, который долгіе еще годы будетъ давать вамъ прекрасные плоды. Когда цѣлое поколѣніе молодыхъ людей отдаетъ себя въ жертву ради торжества великой идеи или высшей справедливости, значеніе ихъ жертвы длится гораздо долѣе, чѣмъ непосредственные результаты ихъ подвиговъ. Для васъ несомнѣнно изъ этой войны получится моральное благо. Мы же, русскіе, полу-

---

*) По этимъ вопросамъ М. М. былъ очень близокъ и друженъ съ французскимъ парламентскимъ дѣятелемъ д'Эстурнелемъ-де-Констанъ.

чимъ отъ этой войны иную пользу: для насъ война была какъ неожиданный ударъ хлыста, она заставила насъ выйти изъ обычной косности и всколыхнула природную апатію. Мы будемъ ей обязаны реорганизаціей нашей національной промышленности, будутъ утилизированы матеріальныя силы и инициативы, существованія которыхъ мы, казалось, не подозрѣвали; послѣдуетъ, я убѣжденъ, преобразованіе въ нашей администраціи и, главное, моральное возрожденіе народа, слишкомъ долго бывшаго въ рабствѣ у алкоголя. Благодаря ей мы еще лучше узнаемъ Францію и научимся, если возможно, еще болѣе ее любить. Войнѣ же мы будемъ обязаны и нашимъ болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Англіей.

Наконецъ, она приведетъ, быть-можетъ, насъ къ болѣе полному и болѣе раціональному конституціонному режиму, именно такому, какимъ онъ былъ намѣченъ въ Императорскомъ Манифестѣ отъ 17-го октября 1905 г."

М. М., признавая неизбѣжность войны, оцѣнивалъ ее не съ точки зрѣнія военныхъ и стратегическихъ успѣховъ, а съ точки зрѣнія будущей мирной культурной работы. Не мало хлопотъ причинило М. М. новое общество Англо-русскаго сближенія, потребовавшее цѣлаго ряда собраній, визитовъ и посѣщеній.

М. М. работалъ въ обществахъ, которыя его интересовали, но были и такія, гдѣ онъ присутствовалъ по необходимости и жестоко скучалъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ В. Сперанскій разсказываетъ, какъ М. М. остроумно подтрунивалъ надъ самимъ собою, разсказывая о предсѣдательствованіи въ такихъ собраніяхъ:

— Лекторъ это—тотъ слушатель, который не можетъ заснуть и не можетъ уйти,—опредѣлялъ онъ юмористически.— Каждый, сидящій въ публикѣ, есть слушатель, который можетъ заснуть, но можетъ и уйти. Предсѣдатель же есть слушатель, который можетъ заснуть, но не можетъ уйти. Положеніе его поэтому—самое опасное. Онъ рискуетъ, отдаваясь влеченіямъ, на вѣкъ опозориться. Когда я буду предсѣдательствовать,—сказалъ М. М., обращаясь къ Сперанскому,—сядьте, пожалуйста, рядомъ со мною и, какъ только замѣтите у меня подозрительную сосредоточенность, немедленно меня растолкайте. Въ этомъ отношеніи для меня нашъ Акимовъ въ Государственномъ Совѣтѣ—недосягаемый идеалъ: и самъ никогда не дремлетъ, и всякаго маститаго сочлена сумѣетъ своимъ fortissimo вернуть изъ міра сладкихъ грезъ въ міръ дѣйствительности..

„Кстати сказать,—добавляетъ Сперанскій,—самъ Ковалевскій былъ всегда предсѣдателемъ образцовымъ: спокойнымъ, терпѣливымъ и безпристрастнымъ. Онъ умѣлъ, какъ никто, совмѣщать широкую внѣпартійную вѣротерпимость съ непоколебимостью личныхъ убѣжденій. Онъ умѣлъ объединять разномыслящихъ людей неотразимой силой своего личнаго обаянія, сглаживать остроту полемическихъ противорѣчій и, не прибѣгая къ искажающимъ идею компромиссамъ, находить для итоговъ миролюбивыя нейтрализующія формулировки. Все это дѣлалъ Максимъ Максимовичъ много и много разъ силою исключительно своего нравственнаго авторитета, а не какимъ-либо технико-юридическимъ искусствомъ".

* *

Свободнаго времени у М. М. не оставалось вовсе. Между тѣмъ его приглашаютъ читать публичныя лекціи, готовиться къ которымъ онъ не имѣлъ возможности. И только благодаря своей обширной памяти послѣ дня, занятаго засѣданіями, онъ могъ прочесть публикѣ 1½—2-часовую лекцію, въ которой приходилось приводить многочисленныя данныя и имена. Одолѣть такую чрезвычайную работу онъ могъ только потому, что трудъ былъ у него потребностью природы, что онъ обладалъ выдающимися способностями. Но и при такихъ свойствахъ М. М. въ послѣдніе годы началъ уже чувствовать переутомленіе. Приближалась старость. М. М. съ удивленіемъ разсказывалъ, что когда его выбирали въ Харьковѣ въ Государственную Думу, то крестьяне-выборщики, подойдя къ нему, сказали: „мы, дѣдушка, васъ выбрать хотимъ". М. М. чувствовалъ себя духовно молодымъ, бодрымъ, полнымъ желанія бороться и работать, и вдругъ такое обращеніе—„дѣдушка"... Для поддержки своего здоровья М. М. ежегодно ѣздилъ на воды въ Карлсбадъ, и онѣ ему очень помогали. Въ 1914 году пребываніе для него тамъ оказалось однако роковымъ: съ началомъ военныхъ дѣйствій онъ былъ задержанъ въ Карлсбадѣ въ качествѣ заложника.

Какихъ только мѣръ ни предпринималось для его освобожденія! Испытаны были, кажется, всѣ пути. Кромѣ обычныхъ дипломатическихъ сношеній, за него хлопотали Законодательныя Учрежденія, и чуть не пришлось привлечь къ этому дѣлу испанскаго короля, президента Соединенныхъ Штатовъ Вильсона и

даже обезпокоить самого Римскаго Папу. Австрійцы упорно не уступали, тоже считая его „опаснымъ человѣкомъ“.

Только черезъ семь мѣсяцевъ удалось его освободить, но длительный и тяжелый плѣнъ подорвалъ его силы. Въ февралѣ 1915 года онъ получилъ свободу и черезъ Румынію вернулся въ Россію. Встрѣтили его радостно и торжественно. Въ честь его устроили торжественный банкетъ, принять участіе въ которомъ было такъ много желающихъ безъ различія партій и слоевъ общества, что для многихъ не хватило мѣста.

М. М. сидѣлъ въ центрѣ громаднаго стола, расположеннаго покоемъ, имѣя справа Инну Влад. Ковалевскую и слѣва предсѣдателя банкета сенатора С. В. Иванова. Въ привѣтственныхъ рѣчахъ, отличавшихся большимъ подъемомъ, сказались единодушныя и горячія симпатіи присутствующихъ къ М. М. и выяснились большія надежды, возлагавшіяся на него русскимъ обществомъ. Я припоминаю прекрасныя рѣчи члена Гос. Сов. І. А. Шебеко, Д. Д. Гримма, А. С. Ермолова, М. Туганъ-Барановскаго, П. Н. Милюкова, А. М. Калмыковой и другихъ. М. М. дважды отвѣчалъ собравшимся остроумными рѣчами, признавъ, что онъ оказался въ плѣну по собственной винѣ, но смягчающимъ обстоятельствомъ является то, что онъ вѣрилъ въ разумъ и не допускалъ мысли, что Австрія рѣшится на войну и признавалъ силу международнаго права...

Государственная и общественная дѣятельность М. М. за послѣдніе годы у всѣхъ въ памяти, и я говорить о ней не буду. Она прекрасно охарактеризована во многихъ статьяхъ и въ настоящемъ сборникѣ. Его работы въ Государственномъ Совѣтѣ очерчены въ статьѣ А. Ѳ. Кони, очень рельефно оттѣняющей особенности этой дѣятельности. У М. М. было въ Совѣтѣ много выступленій и слушали его внимательно, но большинство Совѣта, конечно, рѣшало дѣла по-своему. М. М. не смущался этимъ и продолжалъ вести свою линію. Только одинъ разъ не безъ ироніи разсказалъ онъ слѣдующій случай: подходитъ къ нему во время перерыва одинъ изъ старыхъ сановниковъ и съ любезной улыбкой замѣчаетъ: „съ большимъ удовольствіемъ слушаю ваши рѣчи: такой у васъ пріятный и громкій голосъ, все слышно“. „Очень польщенъ вашей оцѣнкой,—отвѣчаетъ М. М.,—но предпочелъ бы, чтобы въ Государственномъ Совѣтѣ мои коллеги цѣнили не голосъ, а содержаніе моихъ рѣчей“.

VI.

ОТНОШЕНІЕ КЪ БЛИЗКИМЪ. НАПУТСТВІЕ. СМЕРТЬ.

Максимъ Максимовичъ былъ человѣкъ прогресса, но, какъ соціологъ, понималъ значеніе преемственности и цѣнность хорошихъ традицій. Онъ не придавалъ значенія разнымъ титуламъ и внѣшнимъ знакамъ отличія; до конца жизни, несмотря на высокое положеніе, онъ такъ и не былъ „превосходительствомъ". Всякаго рода ордена, въ томъ числѣ и заграничные, которые ему жаловались, онъ не только не надѣвалъ, но даже и не хранилъ. Я не нашелъ, по крайней мѣрѣ, ни одного изъ орденовъ, полученныхъ имъ. Но родовыя и семейныя традиціи онъ цѣнилъ, сохраняя въ порядкѣ семейныя бумаги, портреты, переписку, старинныя грамоты и пр., и постепенно передавалъ ихъ мнѣ. Если онъ слышалъ или находилъ какія-либо свѣдѣнія или справки историческаго характера о нашемъ родѣ, то отмѣчалъ ихъ у себя и сообщалъ ихъ мнѣ. Въ мои студенческіе годы онъ указалъ на нѣкоторыя мѣста „Исторіи Россіи" С. Соловьева, интересныя въ этомъ отношеніи; а позднѣе познакомилъ меня съ нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ съ г-жой А. Ефименко и проф. Д. И. Багалѣемъ, работавшими по исторіи Слободской Украйны. Въ семейномъ отношеніи М. М. проявилъ много вниманія въ эти годы къ своимъ роднымъ. Было очень трогательно, когда онъ, имѣя занятыми почти всѣ часы дня, находилъ время посѣщать мою больную матушку, у которой онъ въ дѣтствѣ былъ на свадьбѣ „мальчикомъ съ образомъ", и покупать книги и подарки своимъ маленькимъ внучатнымъ племянникамъ. На семейно-законодательномъ „триптихѣ", составленномъ по его мысли и поднесенномъ Иннѣ Владимировнѣ, Максимъ Максимовичъ поставилъ себя въ видѣ „Верхней палаты", „Нижнюю палату" представляетъ авторъ воспоминаній, а центральную часть группы занимаетъ молодое поколѣніе: три внучатныхъ племянника Максима Максимовича—Петръ, Максимъ Евграфъ К—іе какъ: „будущіе избиратели".

* * *

Предсмертная болѣзнь застигла Максима Максимовича неожиданно, и ему не вѣрилось, что онъ можетъ умереть. Его умственныя и духовныя силы были еще настолько интенсивны,

что онъ, глядя на меня съ недоумѣньемъ, говорилъ: „неужели придется сейчасъ умирать; мнѣ кажется, что это какое-то недоразумѣніе, которое разъяснится, и все пойдетъ попрежнему". Разбирая по его порученію въ эти дни его рукописи, я былъ пораженъ, какое большое число работъ имъ предпринято и частью даже близилось къ концу. „Неужели онъ никогда ихъ не завершитъ?"—думалось мнѣ.

Какъ жаль, что научныя работы Мечникова по продленію жизни и борьбѣ со старостью являются пока еще только въ теоріи! Какъ было бы важно именно въ этомъ случаѣ сохранить нѣсколько лѣтъ человѣку, жизнь котораго столь цѣнна для науки!

Семейный триптихъ (1910 годъ).

Конечно, многочисленные друзья М. М. дѣлали все, что могли, чтобы спасти его, приглашали знаменитостей къ его постели, заставили его домашнихъ приставить для постояннаго дежурства при больномъ сестру милосердія,

а позднѣе и врачей. Но, во-первыхъ, все это немного запоздало; организмъ былъ давно подточенъ нѣсколькими недугами, невозможность продѣлать лѣтній заграничный курсъ лѣченія ихъ усугубила, а непосильный трудъ, нервное напряженіе, пережитое въ плѣну, и постоянное возбужденіе на родинѣ — подорвали сердце. Когда лѣченіе больного за нѣсколько недѣль до кончины взялъ на себя проф. Сиротининъ, можно было въ сущности только продлить жизнь, но не возстановить здоровье.

Съ другой стороны, отсутствіе единой и твердой воли, которая управляла бы домашнимъ обиходомъ М. М., приводило къ тому, что распоряжались всѣ понемногу и вносили съ самыми лучшими намѣреніями еще больше суеты и безпорядка. Двери квартиры были закрыты для постороннихъ посѣтителей лишь въ самые послѣдніе дни. Случалось, что по настоянію кого-либо изъ друзей вызывали совершенно новое медицинское свѣтило глубокой ночью, когда больному нуженъ былъ покой. Оспаривая другъ у друга право исключительныхъ заботъ о М. М., его близкіе иногда вступали во взаимныя пререканія, доходившія до слуха умирающаго и тревожившія его.

Въ теченіе семи дней и семи долгихъ ночей, сидя на своемъ креслѣ (лежать онъ уже не могъ), умиралъ М. М. Уснуть за эту недѣлю онъ ни разу не могъ и все время думалъ и заботился о другихъ. Думалъ о Россіи, думалъ о наукѣ, дѣлалъ свои научныя завѣщанія; заботился объ учрежденіяхъ, въ которыхъ работалъ, и тѣхъ, которыя возникли по его иниціативѣ, оставляя имъ части своего состоянія; думалъ о близкихъ и друзьяхъ, которымъ оставилъ легаты, и мнѣ, какъ его душеприказчику, приходилось быть всегда наготовѣ, чтобы записать его новое распоряженіе или выслушать новое желаніе.

Обычный юморъ и добродушная иронія не покидали его даже въ эти тяжелые дни. Онъ, посмѣиваясь, называлъ профессора Сиротинина „хозяиномъ“, а къ потревоженному ночью его коллегѣ проф. Нечаеву даже обратился съ краткой привѣтственной рѣчью, выражая удовольствіе, что, наконецъ, съ нимъ познакомился, хотя и въ нѣсколько необычный для представленія часъ.

Онъ мило и не безъ лукавства подшучивалъ надъ недовольствомъ его друзей по поводу его желанія видѣть священника. „Что они тамъ очень меня бранятъ?“—спросилъ онъ своего секретаря, показывая глазами на сосѣднюю комнату и улыбаясь.

Такое привычное юмористическое отношенie къ себѣ дѣлало для М. М. невыносимо тяжелымъ всякiе патетическiе возгласы и жесты у его постели. Но съ деликатностью, никогда ему не измѣнявшей, онъ не хотѣлъ обидѣть тѣхъ лицъ, отъ которыхъ можно было ожидать такихъ сценъ, а потому за два дня до смерти просто сказалъ: „не надо ко мнѣ пускать женщинъ, что имъ смотрѣть на меня, такого". — До того онъ допустилъ къ себѣ только А. Ѳ. Кони, съ которымъ простился просто и сердечно и единственную, бывшую налицо родственницу, И. В. К., которую поманилъ къ себѣ въ полураскрытыя двери, откуда она съ тревогой вглядывалась въ его измѣнившееся лицо и поцѣловалъ ее тоже „на прощанье". Очень хотѣлось ему повидать Екатерину Николаевну Янжулъ, друга молодости и зрѣлыхъ лѣтъ, но она, скромная, какъ всегда, не рѣшалась въ послѣднiе дни входить въ квартиру и только справлялась о здоровьѣ ежедневно внизу, у швейцара.

Рядомъ съ этимъ было много трогательнаго въ прощаньѣ съ жизнью. Два его ученика, П. А. Сорокинъ и Н. Д. Кондратьевъ, они же его секретари, не покидали М. М., и онъ умиралъ, какъ и жилъ, прежде всего учителемъ. Нѣкоторые, особенно близкiе ему друзья, какъ чета Гамбаровыхъ, не покидали его ни днемъ, ни ночью, карауля въ сосѣдней комнатѣ каждый его вздохъ и зовъ... Но мысли его часто улетали куда-то далеко отъ окружающихъ: недаромъ онъ растрогался надъ Лермонтовскимъ стихомъ: „и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли".

Въ душѣ ученаго позитивиста очевидно жила неудовлетворенность тѣмъ, что дала ему жизнь, при всемъ ея блескѣ и полнотѣ. Его постоянное возвращенiе къ воспоминанiямъ — о матери, — самой его чистой и глубокой привязанности въ жизни, — совершенно естественно привело его къ желанiю встрѣтить смерть такъ, какъ бы ей это было прiятно. Терпимый по отношенiю къ другимъ и свободный духомъ, М. М. не испугался возможнаго осужденiя со стороны группы свободомыслящихъ интеллигентовъ, къ которой принадлежалъ самъ, и поступилъ, какъ миллiоны простыхъ русскихъ людей: призвалъ священника для напутствiя туда, гдѣ, по понятiямъ людей религiозныхъ, его ожидало свиданье съ матерью.

Мнѣ лично думается, что въ идеѣ личнаго безсмертiя и высшей справедливости онъ невольно искалъ утѣшенiя, кото-

раго ему не могли дать никто изъ окружающихъ въ минуту разставанья съ жизнью. Недаромъ онъ сказалъ одному своему другу, навѣстившему его дней за 10 до смерти: „А я все одинъ, одинъ съ своей тоской“. — Подтвержденіе моей мысли я вижу и въ его напутственныхъ словахъ: *„Надо любить Бога, свободу, равенство... и прогрессъ!*

* * *

Есть люди, которые на сценѣ жизни прекрасны и величавы. Читая ихъ книги, слушая объ ихъ подвигахъ или наслаждаясь ихъ игрой, проникаешься восхищеніемъ и невольно стремишься познакомиться съ ними, какъ съ частными людьми. Чаще всего при этомъ ожидаетъ большое разочарованіе: какъ мелочны они оказываются вблизи, какъ мало симпатичны ихъ человѣческія слабости!

Знакомство съ М. М. никогда не приносило разочарованій; въ частной жизни, вблизи, онъ даже выигрывалъ, такъ какъ былъ благороднымъ, деликатнымъ, внимательнымъ и вѣрнымъ другомъ, обнаруживая рѣдкую теплоту сердца и чувства.

Какъ ученый, онъ далъ образецъ сильнаго, всесторонняго, ума, поражавшаго широтой кругозора, проницательностью и пониманьемъ оттѣнковъ и изгибовъ чужихъ мыслей.

Какъ характеръ, онъ отличался высокой честностью, твердостью убѣжденій и послѣдовательностью.

Гармоническое сочетаніе этихъ элементовъ, представляя исключительную духовную цѣнность, дѣлаетъ М. М. дѣйствительно выдающейся личностью.

Вотъ почему, не въ примѣръ многимъ значительнымъ людямъ и великимъ умамъ, М. М. при жизни пользовался такой популярностью, что его посмертная слава не будетъ омрачена упрекомъ по адресу современниковъ, что они не умѣли его цѣнить, пока онъ жилъ съ ними.

Е. К.

Село Ютановка. Сентябрь 1916 г.

Глава II.

Некрологи и рѣчи.

М. М. Ковалевскій, какъ человѣкъ.

Я не былъ близкимъ другомъ Ковалевскаго, но все-таки зналъ его достаточно, чтобы оцѣнить его совершенно исключительную нравственную личность.

Смерть Ковалевскаго глубоко поразила всю мыслящую Россію и показала, сколько любви къ себѣ вызвалъ этотъ человѣкъ.

Можно смѣло утверждать, что со времени смерти Толстого русское общество не переживало другой, столь же крупной потери. Правда, Толстой былъ человѣкомъ геніальнымъ, пророкомъ и учителемъ, чего, конечно, нельзя сказать о Максимѣ Максимовичѣ. Но не случайно же Ковалевскій занялъ такое исключительное мѣсто въ русской интеллигенціи, сталъ такой центральной фигурой въ нашей общественной жизни.

Взять хотя бы то, что вся интеллигентная Россія знала Ковалевскаго не только по фамиліи, но и какъ Максима Максимовича. Развѣ это не напоминаетъ Льва Николаевича Толстого? Въ этомъ именованіи по личному имени сказывалось что-то близкое и интимное—тотъ ореолъ любви и уваженія, которымъ Ковалевскій былъ окруженъ въ общественномъ мнѣніи.

Русскій народъ, конечно, не зналъ Ковалевскаго, но русская интеллигенція рѣдко кого такъ любила, какъ безконечно привѣтливаго, умнаго и ко всѣмъ доброжелательнаго Максима Максимовича.

Было въ его личности что-то исключительно обаятельное и привлекающее сердца. Общественныхъ враговъ у него было сколько угодно, хотя бы въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ блестяще, стойко и упорно защищалъ демократическіе идеалы противъ рыцарей чернаго стана.

Но личные враги врядъ ли были у добраго, милаго и незлобиваго Максима Максимовича. Какъ можно было съ нимъ враждовать, когда онъ самъ былъ органически неспособенъ къ личной

враждѣ и злобѣ? Всѣ мы, литературная братія, писатели, ученые, профессора, общественные дѣятели, хорошо знаемъ, сколько зависти и личнаго соперничества скрывается въ нашемъ мірѣ. Это и естественно — люди, выступающіе публично и зависящіе въ своемъ успѣхѣ отъ отношенія толпы, очень рѣзко и наглядно чувствуютъ каждый свой успѣхъ или неуспѣхъ. И обычно чужой успѣхъ воспринимается, какъ свой неуспѣхъ.

Вотъ этого-то совершенно не было у Ковалевскаго. Правда, успѣха было въ его жизни достаточно, и ему въ этомъ отношеніи завидовать было некому. Врядъ ли можно привести другой примѣръ русскаго человѣка (кромѣ, опять-таки, Толстого), жизнь котораго ложилась такъ нарѣдкость счастливо. Все у него было— и слава, и любовь женщинъ, и общественное сочувствіе, и радость творческаго, вдохновеннаго труда.

Но, однако, сколько людей, имѣющихъ не менѣе громкій успѣхъ, не можетъ выносить чужого успѣха! Сколько людей, полныхъ самой мучительной зависти къ своимъ соперникамъ, даже гораздо менѣе успѣвающимъ, чѣмъ они сами.

Максимъ Максимовичъ былъ не такимъ. Его любимой темой было разсказывать въ свойственномъ ему добродушно-шутливомъ тонѣ о его собственныхъ (и, конечно, мнимыхъ) неуспѣхахъ. О своихъ тріумфахъ онъ молчалъ; но онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы изобразить въ комичномъ видѣ какую-нибудь свою маленькую неудачу.

Обаятельна была въ Максимѣ Максимовичѣ его жизнерадостность. Когда вспоминаешь Ковалевскаго, то прежде всего слышится его добродушный и веселый смѣхъ. Жизнерадостность искрилась въ каждомъ его словѣ. Его рѣчь была всегда пересыпана остротами и шутками, которыя никогда не имѣли чего либо общаго съ сарказмомъ. Нѣтъ, Максимъ Максимовичъ подшучивалъ надъ смѣшными чертами того или иного своего пріятеля, никогда никого не оскорбляя.

При своихъ огромныхъ дарованіяхъ онъ былъ простъ и скроменъ, какъ самый обыкновенный смертный. И это было не только внѣшняя форма—нѣтъ, такова была и его самая интимная внутренняя сущность.

Умныхъ людей на свѣтѣ очень мало. Пожалуй, еще меньше людей истинно добрыхъ. А такихъ, которые соединяютъ оба эти качества—и умъ и доброту—днемъ съ огнемъ поискать.

Вотъ такимъ-то счастливцемъ былъ Максимъ Максимовичъ. И вотъ почему его такъ любили — любили не только тѣ, съ кѣмъ онъ лично сталкивался, но любили и широкіе круги русскаго образованнаго общества. Какимъ-то непонятнымъ образомъ всѣ эти личныя качества угадывались даже тѣми, кто въ глаза не видалъ его характерной крупной фигуры. Вотъ почему онъ и сталъ для всей русской интеллигенціи не профессоромъ Ковалевскимъ и, тѣмъ болѣе, не членомъ Государственнаго Совѣта Ковалевскимъ, а всѣмъ милымъ и близкимъ Максимомъ Максимовичемъ.

Да, другого такого Максима Максимовича мы уже не наживемъ и не увидимъ.

М. Туганъ Барановскій.

М. М. Ковалевскій.

Обновленная — или, вѣрнѣе, обновляющаяся — Россія все больше и больше цѣнитъ своихъ выдающихся людей. Было время, когда признаніе въ большихъ кругахъ общества и народа находили только побѣдоносные полководцы, только ихъ смерть чувствовалась какъ общее національное горе, только ихъ имена сохранялись въ народной памяти. Значительно позднѣе ореолъ славы сталъ достояніемъ великихъ писателей, если не при жизни, то послѣ смерти: нужно было, по выраженію поэта, „увидѣть ихъ гробъ“, чтобы понять, какъ много они сдѣлали для родины. Значеніе замогильнаго тріумфа получили похороны Некрасова, Достоевскаго, въ особенности Тургенева. Теперь широко раздвинулись стѣны народнаго Пантеона. Погребеніе М. М. Ковалевскаго напомнило ту величественную картину, свидѣтелемъ которой былъ Петербургъ 27-го сентября 1883 года. И это понятно: однажды возникнувъ, политическая жизнь не можетъ не вызвать благодарности и любви къ ея лучшимъ дѣятелямъ. Несравненно больше, чѣмъ прежде, стало и число людей, которымъ знакома и дорога ихъ работа. Въ толпѣ, собравшейся 26-го марта у Симеоновской церкви, были представители всѣхъ народностей Россіи, всѣхъ ея классовъ и сословій. Ничего не было манящаго для глаза, привлекающаго праздное любопытство. Десятки тысячъ людей провожали до мѣста послѣдняго успокоенія того, кто трудился всю жизнь надъ изученіемъ и рѣшеніемъ задачъ ближайшаго и болѣе отдаленнаго будущаго. Другіе проводы, не менѣе знаменательные, были устроены печатью, и на фонѣ общаго сочувствія особенно рельефно выступали попытки замолчать потерю или подкопаться, соблюдая внѣшнее приличіе, подъ авторитетъ покойнаго.

Цѣльной и крупной фигурой М. М. явился съ самаго начала своей научной и общественной дѣятельности. Ему было

мало вліянія, которое онъ быстро пріобрѣлъ, какъ профессоръ, на университетскую молодежь, мало было и поддержки, которую онъ оказывалъ начинающимъ ученымъ. Онъ основалъ, вмѣстѣ со своими ближайшими друзьями, журналъ („Критическое Обозрѣніе"), который долженъ былъ отмѣчать все цѣнное въ текущей русской литературѣ; онъ сталъ выбирать для многихъ своихъ изслѣдованій такія темы, которыя ставили его въ непосредственное соприкосновеніе съ жгучими вопросами дня. Таковы, напримѣръ, его труды по общинному землевладѣнію, возбуждавшему тогда глубокій, по временамъ страстный интересъ. Приложеніе къ русской жизни, къ русскимъ порядкамъ могли имѣть и такіе его экскурсы въ прошлое Англіи, какъ „Исторія полицейской администраціи въ Англіи" или „Полиція рабочихъ въ Англіи въ XVI в. и мировые судьи, какъ судебные разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими". Посвятивъ себя на время изученію вопроса о законѣ и обычаѣ, М. М. не ограничился теоретической, книжной его обработкой, а совершилъ сопряженную съ большими трудностями и лишеніями поѣздку въ Сванетію, для ознакомленія на мѣстахъ съ обычаями осетинъ. Его „Этюды по русскому обычному праву", его книга—„Современный обычай и древній законъ въ Россіи" были вкладами не только въ науку, но и въ практическую жизнь. Среди этой кипучей дѣятельности его застигла неожиданная, ничѣмъ не вызванная невзгода: онъ былъ уволенъ безъ прошенія отъ должности профессора. И вотъ для него начинается восемнадцатилѣтній періодъ вынужденной оторванности отъ Россіи. При тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ Ковалевскій, періодъ оторванности очень легко могъ обратиться въ періодъ бездѣйствія. М. М. сдѣлалъ его періодомъ усиленнѣйшаго труда: кабинетныя занятія шли у него рука объ руку съ лекціями въ заграничныхъ университетахъ; одна объемистая книга слѣдовала за другою, иногда переводимая на иностранные языки, иногда прямо излагаемая на одномъ изъ нихъ. Имя Ковалевскаго стало извѣстнымъ по обѣ стороны Атлантическаго океана; въ его лицѣ наши государствовѣды точно также доказали свою равноправность съ западноевропейскими учеными, какъ это сдѣлали въ области точныхъ наукъ Менделѣевъ и Мечниковъ. Ковалевскаго не могло однако удовлетворить творчество въ сферѣ мысли; ему нужна была также работа болѣе практическаго характера, непосредственно

направленная на пользу Россіи. На рубежѣ XIX и XX вѣковъ онъ основалъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями, École russe des hautes études. Особенно велика потребность въ такой школѣ была именно тогда: множество русскихъ молодыхъ людей не могло найти мѣста въ русскихъ университетахъ или прямо выбрасывалось за предѣлы государства. Самъ читая цѣлый рядъ курсовъ, М. М. умѣлъ привлекать лекторовъ, солидарныхъ съ нимъ во взглядахъ на высшее образованіе. Задачей школы было, между прочимъ, смягченіе рѣзкихъ противоположностей между крайними мнѣніями, сближеніе политическихъ группъ, способныхъ дѣйствовать на общей почвѣ и, скорѣе по недоразумѣнію, нежели въ силу неустранимыхъ разногласій, отчужденныхъ другъ отъ друга. Въ моей памяти особенно запечатлѣлся разсказъ о выступленіи, въ минуту разгара гнѣвныхъ страстей, такого удивительнаго примирителя, какимъ былъ покойный А. И. Чупровъ.

Какъ ни принималъ къ сердцу М. М. судьбы парижской Русской школы, она могла быть для него только суррогатомъ, недостаточнымъ и неполнымъ, дѣятельности въ Россіи. Неудивительно, что онъ вернулся на родину, какъ только показались первые признаки новой эры. Уже въ сентябрѣ 1905 года онъ принимаетъ живое участіе въ московскомъ земскомъ съѣздѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ погружается въ самую глубь прогрессивнаго теченія. Въ началѣ 1906 года онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ основаніи партіи демократическихъ реформъ. Теперь не время объяснять, почему она не слилась съ наиболѣе къ ней близкой партіей народной свободы; не время также говорить о причинахъ ея скораго исчезновенія. Въ Думѣ перваго созыва ея роль была очень замѣтна; число примыкающихъ къ ней депутатовъ быстро увеличивалось. Во вторую Думу проникъ только одинъ ея членъ—и этимъ, несмотря на его выдающіяся дарованія, была предрѣшена ея судьба. Въ то же самое время прекратилось изданіе газеты „Страна", основанной Ковалевскимъ въ февралѣ 1906 года и служившей органомъ партіи; слишкомъ часто на нее обрушивались цензурные удары, заставлявшіе ее умирать и возрождаться подъ новымъ именемъ. Не было недостатка и въ судебныхъ ея преслѣдованіяхъ, благополучное окончаніе которыхъ, столь рѣдкое въ тѣ времена, свидѣтельствовало о безсодержательности обвиненій. Печальный опытъ, произведенный

„Страной“, не помѣшалъ Ковалевскому взять на себя, съ 1909 года, изданіе „Вѣстника Европы“, когда его отказался вести дальше утомленный и престарѣлый М. М. Стасюлевичъ.

НА КАВКАЗѢ. Группа: М. М., И. И. Иванюковъ, Н. К. Михайловскій и С. И. Танѣевъ.

И Ковалевскій былъ не только издателемъ, спокойно пережившимъ нерѣдкія, на первыхъ порахъ, критическія минуты существованія „Вѣстника Европы“, но и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ редакціи, однимъ изъ самыхъ усердныхъ

сотрудниковъ журнала. Его статьи на темы дня чередовались съ этюдами изъ области исторіи и политической экономіи. Для его энергичной натуры и этого было недостаточно: ему нужно было немедленно отзываться на очередные, злободневные вопросы политической и общественной жизни, и, когда ему не удалось дѣло съ собственной газетой, онъ сталъ писать въ ежедневныхъ изданіяхъ: въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", а въ послѣднее время, главнымъ образомъ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", выходящихъ въ Петроградѣ и потому быстрѣе бросающихъ въ публику написанныя здѣсь статьи. Чрезвычайно характерна для Ковалевскаго эта жажда постояннаго общенія съ широкими общественными кругами. Рядомъ съ кабинетнымъ ученымъ трудомъ ему была необходима рѣчь на форумѣ, прямо и немедленно отзывающаяся на запросы жизни. Журналистика не была для него единственнымъ путемъ, ведущимъ къ этой цѣли. Онъ дѣйствовалъ на молодежь своими лекціями въ университетѣ, въ институтахъ Политехническомъ и Психоневропатологическомъ; онъ дѣйствовалъ на массы слушателей, очень часто, особенно въ послѣднее, военное, время, участвуя въ публичныхъ чтеніяхъ на политическія, философскія и литературныя темы; онъ предсѣдательствовалъ въ Вольномъ Экономическомъ обществѣ, въ Юридическомъ обществѣ, въ кружкахъ имени Льва Толстого и имени Герцена; онъ устраивалъ у себя болѣе или менѣе многочисленныя собранія, когда нужно было пустить въ ходъ новую мысль, положить начало новому дѣлу (у него, напримѣръ, шли переговоры между членами Государственной Думы и Государственнаго Совѣта объ организаціи прогрессивнаго блока); онъ являлся ходатаемъ передъ властями за преслѣдуемыхъ, высылаемыхъ, арестуемыхъ. И не трудно себѣ представить, какъ тяжелъ былъ для М. М. перерывъ этой дѣятельности, вызванный его плѣномъ въ Карлсбадѣ. Личныя стѣсненія и непріятности, этимъ вызванныя, онъ переносилъ спокойно; жалобъ отъ него почти не было слышно; но онъ не могъ примириться съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ въ такое время, когда такъ важно могло быть его слово и дѣло. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ вернулся изъ Австріи съ потрясеннымъ здоровьемъ; способность сопротивленія организма была подорвана, и нуженъ былъ только послѣдній толчокъ, чтобы свалить этого богатыря. И какъ характерно для Ковалевскаго было его рѣшеніе ѣхать, вопреки увѣщаніямъ его

близкихъ, въ засѣданіе Государственнаго Совѣта (18-го марта). Въ этотъ день заканчивалось разсмотрѣніе законопроекта о подоходномъ налогѣ, и М. М. считалъ невозможнымъ отказаться отъ участія въ засѣданіи, говоря, что каждый отдѣльный голосъ можетъ имѣть значеніе. И раньше, чувствуя себя уже очень нехорошо, онъ не пропускалъ очень утомлявшихъ его засѣданій Верхней Палаты.

Большимъ несчастьемъ для М. М., большой потерей для Россіи было пораженіе его въ Харьковѣ, на выборахъ въ Государственную Думу второго созыва. Потерпѣвъ неудачу въ февралѣ 1907 года, при дѣйствіи избирательнаго закона 1905 года, М. М., очевидно, не имѣлъ никакихъ шансовъ успѣха на выборахъ въ Думу третьяго, затѣмъ четвертаго созыва, происходившихъ на основѣ положенія 3-го іюня. Для него оставался открытымъ только одинъ доступъ къ политической жизни: избраніе въ члены Государственнаго Совѣта отъ Академіи Наукъ и университетовъ. Выборъ, дѣйствительно, два раза палъ на М. М.; но какъ мало работа въ нашей Верхней Палатѣ соотвѣтствовала его способностямъ и силамъ, какъ мало она могла замѣнить пережитое имъ однажды въ средѣ народныхъ представителей! Именно для дѣятельной роли былъ созданъ М. М., а не для успокоенія въ „усыпальницѣ", какъ онъ назвалъ Государственный Совѣтъ въ своей послѣдней рѣчи. Какъ тяжело ему было чувствовать, что его слова проходятъ безслѣдно, что напрасно развертываніе его богатыхъ и разностороннихъ знаній, его стремленій къ лучшему будущему—передъ аудиторіей, значительное большинство которой озабочено только поддержаніемъ традицій и порядковъ, осужденныхъ опытомъ цѣлыхъ десятилѣтій! Какъ были бы подхвачены при другой обстановкѣ его ироническія варіаціи въ этой рѣчи на тему о дикарѣ, подрубающемъ дерево, чтобы собрать плоды! И какою глубокою горечью и горестью проникнуты слова, вкладываемыя имъ (въ той же рѣчи) въ уста нашихъ союзниковъ, но едва ли далекія, отъ его собственнаго взгляда на офиціальную Россію, представленную большинствомъ Государственнаго Совѣта: „Вы—все же прежнее сословное, чиновное государство, которому менѣе всего свойственно чувство равенства передъ закономъ, судомъ, налогомъ, управленіемъ"! Едва ли М. М. могъ примириться и съ внѣшнею неотзывчивостью Верхней Палаты на рѣчи ораторовъ: ему, по всей вѣроятности, было бы пріятнѣе шиканье,

были бы пріятнѣе свистки, чѣмъ дисциплинированная тишина, провожающая ораторовъ. И только недавно надъ лѣвыми и вообще сколько-нибудь независимыми членами Государственнаго Совѣта пересталъ тяготѣть предсѣдательскій гнетъ, выражавшійся сплошь и рядомъ въ далеко непарламентарныхъ формахъ... Еще невыносимѣе, впрочемъ, было для М. М. и его друзей сознаніе полнѣйшей безплодности той работы, которая совершалась въ Государственномъ Совѣтѣ. Слишкомъ хорошо извѣстно, какую роль сыграла Верхняя Палата въ исторіи нашего послѣконституціоннаго законодательства. Чтобы не уйти съ поля битвы, на которомъ насчитываются только пораженія, нужно было высоко развитое чувство долга, нужна была непоколебимая вѣра въ будущее.

При всей бѣглости взгляда, брошеннаго въ этихъ строкахъ на жизнь М. М. Ковалевскаго, онъ можетъ нѣсколько облегчить разгадку обаянія, которымъ былъ окруженъ покойный. Пушкинъ сказалъ про Петра, что онъ „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Вѣчнымъ работникомъ былъ и Ковалевскій, и въ его работѣ не было ничего мелкаго, узкаго, эгоистичнаго. Она вся съ начала до конца имѣла просвѣтительный характеръ, и это чувствовалось всѣми, кто съ ней соприкасался. Она сдѣлала его близкимъ и дорогимъ для людей различнаго типа, различнаго положенія, различнаго образа мыслей. Конечно, чтобы узнать всѣ качества его ума и сердца, нужно было быть не только свидѣтелемъ, но и участникомъ его работы. Такое участіе выпало на долю ближайшихъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы“. Въ постоянныхъ сношеніяхъ съ М. М. они оцѣнили его гуманность, его поистинѣ удивительную скромность, его широкое доброжелательство (то, что французы называютъ bienveillance universelle), его неистощимую работоспособность. Никогда и ни въ чемъ онъ не вносилъ разлада въ редакціонное дѣло; уважая чужое мнѣніе, онъ проводилъ свое въ самой мягкой формѣ и только до тѣхъ поръ, пока считалъ еще возможнымъ убѣдить своихъ противниковъ. Пробѣлъ, оставленный имъ въ редакціи нашего журнала, очень великъ; но воспоминаніе о немъ будетъ служить для насъ такимъ же соединительнымъ звеномъ, какимъ была при его жизни его добрая улыбка.

К. Арсеньевъ.

Памяти М. М. Ковалевскаго*)

На мою долю выпало занять мѣсто Предсѣдателя Комитета Общества Англійскаго Флага, опустѣвшее вслѣдствіе кончины М. М. Ковалевскаго. Почетная обязанность, возложенная на меня довѣріемъ Общества, побуждаетъ меня прежде всего помянуть добромъ моего знаменитаго предшественника.

Я приступаю къ этой задачѣ не только по долгу службы, но съ благодарнымъ воспоминаніемъ о свѣтлой личности, объ одномъ изъ самыхъ выдающихся и привлекательныхъ людей моего поколѣнія. Я зналъ Максима Максимовича въ теченіе сорока лѣтъ, съ самаго появленія его „стороннимъ преподавателемъ“ Университета въ Москвѣ, полнымъ юношескаго жара и энергіи, всякаго рода замыслами и надеждами — научными и общественными.

И жизнь прошла въ соотвѣтствіи съ блестящимъ началомъ — бурная, благородная, посвященная неутомимой дѣятельности.

Сегодня я имѣю въ виду, конечно, представить не біографическій очеркъ Ковалевскаго и не критическую оцѣнку его многочисленныхъ трудовъ. Обо всемъ этомъ часто и авторитетно говорилось въ другихъ случаяхъ. Мнѣ бы хотѣлось сосредоточить вниманіе на одной лишь сторонѣ этой многогранной натуры, на отношеніи Ковалевскаго къ Англіи и къ британскому народу. Отношенія эти особенно знаменательны для нашего Общества и въ то же время характерны для его личности, для пониманія его взглядовъ и идеаловъ. „Онъ былъ убѣжденнымъ „англофиломъ“; можно, пожалуй, прибавить, что это былъ именно англофилъ, а не англоманъ. Ни въ его внѣшнемъ обликѣ и поведеніи, ни въ складѣ его мысли не было замѣтно никакого желанія „подражать“ англичанамъ. Его личныя особенности и

*) Рѣчь Предсѣдателя Комитета Русско-Англійскаго Общества акад. П. Г. Виноградова въ торжественномъ засѣданіи 27-го окт. 1916 г

недостатки были во многомъ противоположны тѣмъ, которые обыкновенно приписываются британской расѣ. Онъ былъ, напримѣръ, не только чуждъ всякой „чопорности“, но не отличался и особенной сдержанностью въ рѣчи и манерахъ. Чѣмъ привлекла Ковалевскаго Англія? Онъ былъ южанинъ по происхожденію и темпераменту и въ годы удаленія изъ Россіи недаромъ избралъ своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Францію. И тѣмъ не менѣе симпатіи къ Англіи проходятъ красной нитью черезъ всю его дѣятельность. Разгадка этого расхожденія между темпераментомъ и привязанностями имѣетъ, мнѣ кажется, симптоматическое и поучительное значеніе.

Русскіе либералы, а отчасти и консерваторы, давно уже, съ 60-хъ годовъ, стали интересоваться Англіей, знакомиться съ ея государственнымъ строемъ и парламентскою жизнью.

Эти справки рѣдко проникали особенно глубоко, и свѣдѣнія о механизмѣ учрежденій сочетались иногда съ довольно наивными представленіями объ общественной жизни и практикѣ. Въ данномъ случаѣ сказывалось слабое знакомство съ англійскимъ языкомъ, отдаленность британскихъ острововъ, разъединяющее вліяніе нашей ближайшей сосѣдки и учительницы— Германіи. На представленіяхъ даже болѣе или менѣе освѣдомленныхъ русскихъ по этому предмету лежалъ отпечатокъ чего-то формальнаго, занятія Англіей походили на какое-то упражненіе надъ жетонами или моделями. Ковалевскій избѣгъ этого поверхностнаго доктринерства и былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, узнавшихъ Великобританію, какъ она есть, въ великомъ разнообразіи ея общественныхъ теченій и типовъ. Онъ изучалъ реальную, а не книжную Англію и умѣлъ различать между основами ея государственности и неизбѣжными ограниченіями и несовершенства историческаго быта. Во многихъ случаяхъ Ковалевскій не боялся раскрывать ошибки и недостатки британской политики. Но въ общемъ онъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ культурной жизни и правовому строю англійскаго народа. Отчасти это объяснялось его научнымъ направленіемъ. Несмотря на то, что онъ былъ достаточно знакомъ съ нѣмецкой и французской научными школами и признавалъ ихъ заслуги, его особенно привлекало отношеніе англичанъ къ ученой работѣ; онъ цѣнилъ въ немъ тѣсную связь между теоретической разработкой и дѣйствительной жизнью, подчиненіе подробностей руководящей мысли... Можно

М. М. за границей съ проф. А. И. Чупровымъ, акад. И. И. Янжуломъ и Екатер. Никол. Янжулъ.

даже сказать, что онъ, подобно англичанамъ, нѣсколько враждебно относился къ той цеховой организаціи университетскихъ знаній, которая выработалась въ Германіи и черезъ посредство

Германіи нашла себѣ примѣненіе и въ Россіи. Въ смыслѣ школьной подготовки и развитія техническихъ пріемовъ, организація такого рода достигала значительныхъ успѣховъ сравнительно съ индивидуалистической наклонностью англичанъ къ раздѣльнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Но, съ другой стороны, литературное производство нѣмецкаго типа часто получаетъ какъ бы ремесленный характеръ, антипатичный для Ковалевскаго. Интересно въ этомъ отношеніи особое уваженіе, которое питалъ Ковалевскій къ сэру Генри Мэну, послѣдователемъ котораго онъ себя считалъ. Мэнъ не обладалъ большою ученостью и не затруднялъ себя кропотливыми изслѣдованіями, но онъ отличался замѣчательной широтой взгляда, чувствомъ бытовой дѣйствительности и способностью дѣлать сопоставленія между историческими явленіями съ цѣлью выяснить ту или другую задачу права и обычая. Недаромъ заглавія нѣкоторыхъ работъ Ковалевскаго являются какъ бы распространеніемъ соотвѣтствующихъ заглавій произведеній Мэна: „Современный обычай и древній законъ"; „Законъ и обычай на Кавказѣ"; „Modern Custom and ancient law".

Кромѣ того, были глубокія бытовыя и политическія основанія для приверженности Ковалевскаго къ Англіи: прежде всего, онъ высоко цѣнилъ мужественный складъ британскаго характера — силу воли, твердость въ преслѣдованіи задачъ, способность управлять собою, противостоять толчкамъ смѣняющихся настроеній; а главное, онъ былъ по природѣ свободнымъ человѣкомъ, съ развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства. И если его глубоко возмущали проявленія произвола и раболѣпной низости, то зато нигдѣ въ Европѣ онъ не находилъ болѣе законченнаго выраженія гражданской, бытовой свободы, нежели въ Англіи.

Эта гражданская свобода неразрывно связана съ юридическими гарантіями, которыя сложились въ результатѣ долгой исторіи и мало-по-малу вошли въ плоть и кровь англійскаго государственнаго организма. Хотя Ковалевскій мало занимался техническими пріемами англійскаго Common-law, которыми обставлены различныя проявленія гражданскихъ правъ, но онъ придавалъ огромное значеніе общимъ *результатамъ* этой замѣчательной системы и постоянно настаивалъ на нихъ въ своемъ преподаваніи и публицистической дѣятельности уже ранѣе появленія русскаго перевода книги Дайси, которая сдѣлала идею

господства права популярной среды русской читающей публики. Другой стороной английской жизни, живо интересовавшей Ковалевскаго, была организація мѣстнаго самоуправленія и его связь съ исторіей общественныхъ классовъ. Лекціи Гнейста въ Берлинѣ навели его на изученіе сквайрархіи — помѣщичьяго строя — въ англійской исторіи, хотя отношеніе къ этому строю сложилось у Ковалевскаго не въ формѣ преклоненія передъ олигархіей, руководимой изъ монархическаго центра, какъ училъ въ прусской юнкерской обстановкѣ Гнейстъ. Ковалевскій стоялъ слишкомъ близко къ Марксу, чтобы не замѣтить своекорыстные элементы въ преобладаніи помѣщичьяго класса, но его прежде всего интересовали историческія условія, при которыхъ сложился и сыгралъ свою великую политическую роль этотъ классъ.

Выясненію этого сложнаго историческаго процесса посвящены обѣ его диссертаціи „О полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ“ вплоть до появленія въ XIV в. института мировыхъ судей и объ „Общественномъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“. Любопытенъ также пересмотръ всей прежней конструкціи подъ вліяніемъ капитальныхъ изслѣдованій 80-хъ и 90-хъ годовъ въ статьѣ „Великобританія“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Граната.

Спеціальныя работы Ковалевскаго даютъ ключъ къ его отношенію къ англійскому парламентаризму и конституціонализму.

Эти явленія, несмотря на міровое распространеніе своихъ юридическихъ формъ, представлялись ему органически обоснованными, итогами дѣйствія историческихъ силъ и поэтому глубоко народными. Отсюда вытекало поученіе о необходимости углублять основы конституціоннаго строительства, чтобы онѣ опирались на сознаніе народа, а не являлись наложенными извнѣ придатками. Какъ подлинный позитивистъ и историкъ, Ковалевскій былъ чуждъ доктринерства. Но онъ былъ вполнѣ застрахованъ отъ шаткаго оппортунизма, который сводится въ сущности къ поклоненію случайностямъ.

Подобно своимъ британскимъ друзьямъ, онъ былъ не только свободнымъ человѣкомъ, но и дѣятельнымъ гражданиномъ, и могъ сказать, какъ Лютеръ на знаменитомъ собесѣдованіи: „на этомъ стою, и иначе не могу!“

Глава III.

Законодательная дѣятельность.

М. М. Ковалевскій въ Государственномъ Совѣтѣ.

Горестная вѣсть о кончинѣ, послѣ долгихъ и упорныхъ страданій, Максима Максимовича Ковалевскаго вызвала въ печати рядъ воспоминаній о немъ и сочувственныхъ некрологовъ. Въ нихъ не было довольно обычныхъ у насъ общихъ мѣстъ и безсодержательныхъ узоровъ, вышитыхъ по трафарету на канвѣ послужного списка или перечня названія ученыхъ сочиненій почившаго. Наоборотъ, чувствовалось, что въ памяти писавшихъ, рядомъ съ образомъ ученаго и общественнаго дѣятеля, неотразимо возникалъ прежде и сильнѣе всего образъ человѣка съ чуткимъ и отзывчивымъ, добрымъ и великодушнымъ сердцемъ. Съ послѣднимъ слабымъ и прощальнымъ біеніемъ этого сердца изъ нашей бѣдной людьми общественной среды ушелъ служитель правовыхъ и государственныхъ идеаловъ, прилагавшій къ ихъ практическому осуществленію всю силу своихъ блестящихъ дарованій и многостороннихъ знаній, „слово“ котораго было неразрывно связано съ „дѣломъ“. Для полной оцѣнки его личности и дѣятельности еще не наступило время. Многогранность первой и разнообразіе второй требуютъ подробнаго изслѣдованія въ систематической и полной біографіи, долженствующей занять поучительное мѣсто въ исторіи развитія русскаго просвѣщенія и правосознанія.

Въ теченіе восьми лѣтъ мы были сосѣдями по кресламъ въ Маріинскомъ дворцѣ, въ залѣ засѣданій Верхней Палаты. Прежнія мимолетныя встрѣчи смѣнились у насъ за этотъ долгій періодъ постояннымъ обмѣномъ мыслей и взглядовъ, въ которыхъ мы по большей части, хотя иногда и по разнымъ основаніямъ, сходились. Дѣлясь выводами изъ подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію матеріаловъ и соображеніями по вопросамъ, кото-

рые предстояло рѣшить, мы, само собою разумѣется, попутно касались явленій окружавшей насъ жизни. Трудно помириться съ мыслью, что прекратилось привычное удовольствіе, съ которымъ приходилось, придя въ засѣданіе, видѣть или поджидать появленіе его крупной фигуры съ красивымъ русскимъ лицомъ, милой улыбкой, живымъ, но часто грустнымъ взоромъ и могучимъ голосомъ. Больно думать, что не придется болѣе слышать его остроумныя замѣчанія и тонкія характеристики, быть невольнымъ свидѣтелемъ его готовности къ широкой и деликатной помощи нуждающимся въ разныхъ отношеніяхъ его письменныхъ и личныхъ заступничествъ и его неизмѣннаго альтруизма, на служеніе которому онъ отдавалъ себя, не жалѣя часто безплодной траты времени и труда на разнообразныя хлопоты. Человѣкъ цѣльный, вѣрный разъ принятому направленію и усвоеннымъ убѣжденіямъ, онъ привлекалъ къ себѣ откровеннымъ выраженіемъ своихъ взглядовъ, за которымъ не чувствовалось никакой reservatio mantalis. Въ спорахъ онъ былъ, прежде всего, человѣкомъ воспитаннымъ и внимательнымъ, хотя легкая иронія въ изложеніи своего несогласія и въ частномъ разговорѣ и на каѳедрѣ очень часто сквозила въ его словахъ, не оскорбляя, но иногда чувствительно жаля. И въ заочныхъ отзывахъ его о комъ-либо соболѣзнованіе слышалось чаще, чѣмъ суровое осужденіе; послѣднее выпадало на долю лишь нелюбимыхъ имъ медоточивыхъ людей Молчалинскаго типа и тѣхъ, къ которымъ примѣнимо образное народное выраженіе: „духомъ къ небу паритъ, а ножками еще въ аду перебираетъ“.

Здоровье Ковалевскаго послѣ возвращенія его изъ Карлсбада, гдѣ онъ былъ насильственно задержанъ австрійцами, замѣтно пошатнулось. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, глаза его потеряли прежнюю живость и по временамъ, казалось, смотрѣли съ печальной задумчивостью вдаль, „на тотъ берегъ“. Смерть какъ будто уже коснулась его концомъ крыла, унося съ лица его краски жизни. Онъ часто, вопреки привычкѣ, сидѣлъ въ неподвижной позѣ, а тѣлесная слабость, которую онъ, повидимому, старался скрыть, особенно явно сказалась въ томъ, какъ тяжело и непривычно опирался онъ на ораторскій пюпитръ, говоря свою блестящую и остроумную рѣчь о подоходномъ налогѣ въ засѣданіи 15 февраля. Это засѣданіе открылось моимъ возраженіемъ противникамъ введенія подоходнаго налога. Кончая его, я сказалъ: „Мы выслушали въ прошлое засѣданіе рядъ не-

крологовъ нашихъ недавно скончавшихся товарищей. Нѣкоторымъ изъ насъ—и въ томъ числѣ мнѣ—можетъ приходить въ голову мысль: не въ послѣдній ли разъ всходимъ мы на эту каѳедру, съ которой еще такъ недавно говорили ушедшіе отъ насъ въ вѣчность? Подъ вліяніемъ такой мысли я рѣшаюсь просить васъ, господа, въ видѣ завѣта и ходатайства, оживить дѣятельность Государственнаго Совѣта, освободить его отъ грозныхъ признаковъ законодательнаго артеріосклероза и вызвать въ немъ пользованіе его важными правами—правомъ запроса и почина. Пусть онъ въ своей работѣ напоминаетъ не лѣнивый стукъ маятника старыхъ, хриплыхъ часовъ, а бодрящій шумъ станковъ дѣятельной мастерской!“ Могъ ли я думать, что Ковалевскій, моложе многихъ изъ насъ годами, взойдетъ послѣ меня на эту же каѳедру именно въ послѣдній разъ, и что мнѣ предстоитъ немногимъ черезъ мѣсяцъ съ болью въ сердцѣ прійти къ одру его болѣзни, увидѣть его измученное недугомъ лицо, въ горячемъ пожатіи его руки почувствовать его послѣдній привѣтъ и услышать отъ него: „Простимся! Теперь уходите! вамъ тяжело, и мнѣ тяжело тоже!..“ Черезъ два дня послѣ этого venit summa dies et ineluctabile fatum, и тотъ, кто жилъ всей полнотой жизни, отдавая себя людямъ и труду всецѣло, не думая о смерти, какъ будто ея не существуетъ,—тотъ, кого многіе, по прекрасному старинному выраженію, „положили въ сердцѣ своемъ“, былъ положенъ въ гробъ!..

Выступая по законодательнымъ вопросамъ обыкновенно отъ лица той лѣвой, или академической, группы, къ которой онъ принадлежалъ, Ковалевскій ясно сознавалъ условія своей дѣятельности. Какъ всякая многочисленная коллегія, составленная изъ разнородныхъ элементовъ, изъ представителей различныхъ классовъ населенія и отраслей труда, группирующихся въ отдѣльныя партіи, наша Верхняя Палата являетъ большую пестроту въ отношеніи прошлой дѣятельности, служебнаго опыта, объема свѣдѣній и практической подготовки входящихъ въ ея составъ лицъ. Поэтому трудно, чтобы не сказать: невозможно, установить общіе одинаковые пріемы для ораторской рѣчи въ ея стѣнахъ, не говоря уже о различіи темперамента, дара слова и запаса техническихъ или юридическихъ знаній у выступающихъ на каѳедрѣ членовъ ея. Тутъ не можетъ быть рѣчи о разборѣ уликъ и доказательствъ, юридическихъ положеній и фактическихъ обстоятельствъ, свойственныхъ судебному про-

цессу. Подробныя и мелочныя данныя и сопоставленіе цифровыхъ выкладокъ могутъ только способствовать утомленію аудиторіи и ослабить ея и безъ того далеко не всегда напряженное вниманіе. Напрасно также надѣяться подѣйствовать горячностью и искренностью своего личнаго убѣжденія, стараясь внушить слушателямъ его кажущуюся оратору справедливость. Въ законодательныя собранія большинство приходитъ съ заранѣе установленнымъ взглядомъ, сложившимся подъ вліяніемъ личнаго и житейскаго опыта или полученнымъ готовымъ изъ директивъ, принятыхъ собраніемъ той или другой партіи. Многіе горячую рѣчь будутъ слушать съ любопытствомъ и даже съ сочувствіемъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея мѣстамъ или той формѣ, въ которую она вылилась. Но партійная дисциплина, иногда очень тяжелая, въ большинствѣ случаевъ отражается на окончательномъ голосованіи, особливо, когда оно производится закрытой баллотировкой. Еще менѣе можетъ повліять на такое голосованіе слово оратора, приличествующее ученой каѳедрѣ или публичной лекціи, въ особенности если оно принимаетъ характеръ поученія или наставленія. Поэтому политическій ораторъ можетъ дѣйствовать двояко на уравновѣшенныхъ и считающихъ себя представителями правильнаго взгляда на вопросъ слушателей. Ему слѣдуетъ—что встрѣчается очень рѣдко и въ видѣ исключенія—вызвать въ общемъ представленіи опредѣленные и не подлежащіе сомнѣнію образы и возбудить соотвѣтственныя имъ чувства, т.-е., употребляя французское выраженіе, „montrer et émouvoir“. Или же ему нужно со спокойнымъ достоинствомъ высказывать свое мнѣніе, никому его не навязывая, но подкрѣпляя крупными и яркими данными изъ запаса своихъ свѣдѣній, относящихся именно къ обсуждаемому вопросу. Дѣйствуя логическими соображеніями, онъ долженъ приглашать своихъ слушателей non indignari, non admirari sed intelligere, какъ говоритъ старинное правило. Эти пріемы рѣчи усвоилъ себѣ, не лишая ея ни живости ни яркости, М. М. Ковалевскій. Соприкасаясь въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по соціологіи съ исторіей и философскими изъ нея выводами, онъ, несомнѣнно, раздѣлялъ мнѣніе Тэна о томъ, что въ этой наукѣ необходимо выяснять и объяснять постоянныя и дѣйствующія силы и отъ нихъ отправляться, чтобы намѣтить въ общихъ чертахъ абрисы будущаго, лишь затѣмъ обращаясь къ изученію случайныхъ и побочныхъ явленій. Отыскивая въ явленіяхъ исто-

ріи откровеніе общечеловѣческихъ идей и видя въ ея голосѣ не только приговоръ неподкупнаго судьи, но и вѣщее слово пророка, Ковалевскій снабжалъ свои мнѣнія о пріемлемости или непріемлемости того или другого законопроекта ссылками на крупныя явленія бытового и правового уклада Западной Европы, преимущественно въ Англіи и Франціи. За это по его адресу иногда слышались, находившіе себѣ отголоски и въ печати, упреки въ ненужныхъ и скучныхъ экскурсіяхъ въ область исторіи. О „скукѣ“ ихъ говорить прямо неумѣстно, а что касается до ненужности этихъ экскурсій, то можно ли находить ихъ ненужность въ нашемъ обществѣ, гдѣ такъ часто встрѣчаются люди, совершенно серьезно думающіе, что исторія начинается лишь съ нихъ и съ ихъ дѣятельности? Въ его рѣчахъ всегда слышалось желаніе всмотрѣться въ корень вопроса, очистивъ его отъ разныхъ наростовъ и ложныхъ представленій, затемняющихъ его дѣйствительное существо. Признавая, что въ движеніи законодательства приходится не столько работать надъ установленіемъ новаго, сколько трудиться надъ разсѣяніемъ старыхъ предразсудковъ и закоренѣлыхъ заблужденій, онъ старался разоблачить то „подобіе“ истины, которое въ жизни отдѣльныхъ государствъ дѣлаетъ гораздо болѣе зла, чѣмъ приноситъ добра настоящая истина. Въ рядѣ его рѣчей звучала горячая любовь къ родинѣ въ смыслѣ служенія великой задачѣ просвѣщенія Русской земли. Его выступленія были не особенно часты. Онъ какъ будто слѣдовалъ совѣту Конфуція, предостерегающему въ общеніи съ людьми отъ двухъ важныхъ ошибокъ: говорить прежде, чѣмъ это нужно,—и не говорить, когда это нужно. Но, высказывая на каѳедрѣ свои взгляды, онъ говорилъ сильно, съ рѣдкими жестами и обращеніями преимущественно къ той сторонѣ, откуда онъ ожидалъ или слышалъ возраженія и противоположное мнѣніе. Въ интонаціяхъ его могучаго голоса слышалась сдерживаемая внутренняя сила. Но его слово никогда не было рѣзкимъ и не содержало въ себѣ личныхъ выпадовъ. Онъ даже неоднократно заявлялъ, что поставилъ себѣ за правило, опровергая доводы „инако мыслящихъ“, никогда не называть послѣднихъ. Вынужденный опровергать какое-нибудь не согласное съ фактической правдой утвержденіе, онъ снисходительно примѣнялъ къ нему французскій терминъ: „une contre-verité“. Примѣры уваженія къ чужой личности и благородства въ пріемахъ борьбы, вынесенные имъ изъ годовъ пре-

быванія въ Англіи, сказывались въ его ораторской повадкѣ. Это проявлялось, между прочимъ, и въ отношеніи его къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыми прерывалъ его рѣчь предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ. Вдумчивый и справедливый судебный дѣятель, достойный въ этомъ качествѣ полнаго уваженія, онъ въ роли предсѣдателя Верхней Палаты, быть-можетъ, подъ вліяніемъ нараставшаго недуга, сведшаго его въ могилу, бывалъ часто мрачно и подозрительно настроенъ, рѣзко и безъ разумнаго основанія прерывая говорившихъ,—между которыми бывали люди весьма пожилые и съ большими государственными заслугами,—тономъ, носившимъ всѣ признаки такъ называемаго „обрыванія". Добродушная улыбка озаряла при этихъ остановкахъ лицо Ковалевскаго; съ явной ироніей въ голосѣ заявлялъ онъ, что подчиняется тому, что̀ сказано предсѣдателемъ, и продолжалъ развивать свои доводы. Одна изъ такихъ остановокъ была довольно характерна. Возражая противъ замѣны закона мѣстными обязательными постановленіями, Ковалевскій сказалъ: „Государственныя пользы и нужды обдумываются и рѣшаются органами законодательной власти и не должны затѣмъ снова оцѣниваться и разсматриваться, какъ открытый вопросъ, семьюдесятью или восемьюдесятью администраторами. Цѣлость и единство Имперіи требуютъ, чтобы законъ, дѣйствующій въ Петербургѣ, считался закономъ и въ Ялтѣ и въ Вологдѣ. Въ этомъ состоитъ различіе закономѣрнаго строя и строя революціоннаго. Только необыкновеннымъ смѣшеніемъ понятій можно объяснить призывы къ отступленію отъ законовъ въ интересахъ мнимаго спасенія государства, какъ это дѣлалось въ эпоху террора и коммуны".—„Прошу не упоминать ни о французской коммунѣ ни о террорѣ", рѣзко остановилъ его предсѣдатель. „Я только съ осужденіемъ",—замѣтилъ Ковалевскій.—„Если вы желаете говорить по вопросу,—раздраженно продолжалъ предсѣдатель,—то оставайтесь въ рамкахъ, въ которыя онъ вложенъ: высокое собраніе не нуждается въ лекціяхъ".—„Совершенно" подчиняюсь распоряженію предсѣдателя",—отвѣтилъ Ковалевскій, но это не удовлетворило суроваго блюстителя дисциплины. „Покорнѣйше прошу подчиниться „безусловно" моему распоряженію. Не угодно ли продолжать!"—„Позвольте привести слова, сказанныя Бенжаменомъ Констаномъ о строгомъ исполненіи закона",—продолжаетъ дальше Ковалевскій, но предсѣдатель окончательно выходитъ изъ себя.

„Вы опять продолжаете свое?—восклицаетъ онъ.—Если вы не подчинитесь моему распоряженію, я васъ лишу слова".—„Я ссылаюсь на общеизвѣстный авторитетъ",—замѣчаетъ Ковалевскій. „Пререканій нѣтъ, Максимъ Максимовичъ,—рѣшительно заявляетъ предсѣдатель.—Я допускаю полную свободу слова, но въ предѣлахъ и въ порядкѣ, мною указанныхъ"

Такіе и имъ подобные „инциденты" не могли, конечно, огорчить или сильно взволновать Ковалевскаго, знавшаго цѣну себѣ и своимъ „лекціямъ". Они могли вызывать въ немъ лишь понятное и не лишенное юмора недоумѣніе. Гораздо тяжелѣе чувствовалъ онъ себя, когда ему пришлось послѣ трудныхъ и тяжелыхъ преній по важному законопроекту о расширеніи области высшаго образованія видѣть, что проектъ, который былъ допущенъ къ постатейному обсужденію, при чемъ послѣднее прошло по всѣмъ спорнымъ статьямъ большинствомъ голосовъ, вдругъ, совершенно неожиданно, къ удивленію многихъ и къ злорадству нѣкоторыхъ, отвѣтомъ на вопросъ: „принимается ли проектъ въ цѣломъ?" оказывался безусловно отвергнутымъ.

Вообще надо признать, что дѣятельность М. М. Ковалевскаго въ нашей Верхней Палатѣ въ общихъ ея собраніяхъ и въ разныхъ постоянныхъ и временныхъ комиссіяхъ была очень активна. Ей посвящалъ онъ много своего, и безъ того перегруженнаго работой, времени, спѣша въ засѣданія нерѣдко изъ какой-нибудь отдаленной окраины Петрограда, гдѣ передъ тѣмъ читалъ очередную лекцію своего курса. Только рѣдкое и притомъ серьезное его нездоровье лишало возможности видѣть его крупную фигуру на одномъ изъ крайнихъ мѣстъ, занятыхъ представителями академической группы. Значительная часть его работы проходила въ Комиссіи законодательныхъ предположеній, куда онъ постоянно избирался въ началѣ каждой сессіи, нерѣдко одновременно съ Д. Д. Гриммомъ. Эта работа, не видная не только для постороннихъ, но и для большинства членовъ Совѣта, не вошедшихъ въ составъ Комиссіи, вліяя иногда на окончательные выводы по тому или другому вопросу, не оставляла осязательнаго слѣда въ редакціи ея соображеній. Случаи, когда Ковалевскій оставался при особомъ письменномъ мнѣніи, бывали рѣдко, такъ какъ онъ предпочиталъ выступать противъ нераздѣляемыхъ имъ положеній, принятыхъ Комиссіей, въ общемъ собраніи. Отчеты о засѣданіяхъ послѣдняго содержатъ въ себѣ, за послѣднія восемь лѣтъ, около 35 его рѣчей и столько же

подписей подъ предложенными по обсуждавшимся законопроектамъ поправками. Излишне перечислять эти рѣчи,—достаточно отмѣтить важнѣйшіе вопросы, которыхъ онѣ касались. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ указать на неоднократныя разъясненія Кавалевскимъ правъ законодательныхъ учрежденій и условій ихъ дѣятельности. Онъ предостерегалъ отъ поспѣшнаго и слишкомъ широкаго примѣненія 87 ст. Основныхъ Законовъ, настаивая на томъ, что для правильнаго приложенія ея къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ необходимо, чтобъ таковыя были дѣйствительно чрезвычайными, очевидно и властно требующими неотложныхъ мѣръ, откладывать которыя нельзя, не рискуя общественнымъ благомъ и безопасностью. Въ томъ, что дѣйствіе такихъ мѣръ прекращается, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по открытіи Государственной Думы въ нее не будутъ внесены соотвѣтствующіе законопроекты, онъ не видѣлъ особаго обезпеченія правильности, обдуманности и цѣлесообразности этихъ мѣръ. Возобновленіе занятій Государственной Думы можетъ состояться на много мѣсяцевъ позже принятія не вызываемой дѣйствительно чрезвычайными обстоятельствами мѣры, и послѣдняя въ этотъ промежутокъ можетъ въ правовой и практической жизни общества пустить такіе цѣпкіе корни и произвести такія измѣненія сложившихся отношеній, что отмѣна ея явится новой и тягостной въ своемъ осуществленіи ломкой. Горячо отстаивая преимущества закона передъ временною мѣрой, онъ говорилъ: „все установленное прочно въ юридической литературѣ отправляется отъ той мысли, что при управленіи государствомъ, какова бы ни была его форма, надо класть въ основу законъ, а не широко и произвольно толкуемую необходимость. Я присутствовалъ однажды въ нѣмецкомъ рейхстагѣ во время произнесенія канцлеромъ имперіи графомъ Бисмаркомъ одной изъ его знаменитыхъ рѣчей. Она заканчивалась слѣдующимъ заявленіемъ: „Господа, вы имѣете во мнѣ человѣка, который готовъ подчинять свою личную волю и личное усмотрѣніе закону, благу страны и сохраненію внутренняго мира въ государствѣ“. Поэтому Ковалевскій совѣтовалъ лѣчить больные общественные порядки не наскоро, не въ смутныя эпохи, а въ эпохи относительнаго затишья,—предусмотрительно и основательно, согласно коренному правилу здраваго управленія: „gouverner c'est prévoir“. Смущала его, на ряду съ „поспѣшностью“ „мѣропріятій“, „медлительность“ нашего нормальнаго законо-

дательства, вслѣдствіе которой мы, какъ я выразился при обсужденіи проекта подоходнаго налога, страдаемъ „болѣзнью законодательнаго долготерпѣнія“. Въ энергической рѣчи по вопросу о страхованіи рабочихъ, возникшему еще въ 1893 году, онъ нарисовалъ картину той нерѣшительности, съ которой у насъ приступаютъ къ работамъ по удовлетворенію давно назрѣвшихъ нуждъ, своевременное вниманіе къ которымъ могло бы предотвратить многія печальныя явленія въ настоящемъ и будущемъ. Указывая на обычное у насъ откладываніе разрѣшенія отдѣльныхъ и важныхъ задачъ подъ предлогомъ необходимости разрѣшить сразу весь разносторонній и много лѣтъ неподвижно лежащій вопросъ во всемъ его объемѣ, онъ говорилъ: „удобно ли намъ сказать: мы рабочей нуждой заниматься будемъ только тогда, когда тридцать лѣтъ, прошедшія для рабочаго законодательства, если не вполнѣ безплодно, то, во всякомъ случаѣ, не столь плодовито, какъ можно было желать, восполнятся еще нѣсколькими годами, а, можетъ-быть, десятилѣтіемъ. Въ интересахъ единства нашего законодательства, изъ желанія не упустить ни одного вида труда при проведеніи законодательства о страхованіи, повременимъ еще десять лѣтъ, послѣ чего мы, авось, наконецъ, рѣшимся издать общій законъ о страхованіи. Я думаю, что это было бы неблагоразумно. Рѣшеніе государственныхъ вопросовъ происходитъ теперь въ Россіи на глазахъ у всѣхъ. Все, что здѣсь говорится, что здѣсь обнародывается, что здѣсь рѣшается, становится достояніемъ милліоновъ людей. И я не желалъ бы, чтобы эти милліоны вынесли то впечатлѣніе, что народныя нужды, справедливые запросы рабочихъ массъ, — величина, не имѣющая значенія въ глазахъ людей, которые, какъ вы, господа, призваны раздѣлить законодательную дѣятельность съ Монархомъ“.

Статьями 107 и 108 Законовъ Основныхъ Государственному Совѣту предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ Основныхъ,—а также обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій какъ ихъ самихъ, такъ и подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Этими драгоцѣнными правами, могущими внести особую жизненность въ дѣятельность Верхней Палаты и придать ей независимое отъ представленій министровъ, проходящихъ черезъ Государственную Думу, значеніе, нашъ Государственный Совѣтъ

почти вовсе не пользуется. Не хочется думать, что старыя бюрократическія соображенія о томъ, ловко ли, удобно ли своевременно ли, — играютъ и здѣсь роль, но за время существованія нашего обновленнаго строя нельзя насчитать болѣе двухъ-трехъ законодательныхъ предположеній, возникшихъ по почину Государственнаго Совѣта, а въ теченіе девяти послѣднихъ лѣтъ были лишь два запроса: по поводу „Хрестоматіи" Тулупова и Шестакова и обнародованія закона о западномъ земствѣ въ порядкѣ 87 ст. Зак. Осн. послѣ того, какъ проектъ о немъ былъ отвергнутъ голосованіемъ Совѣта. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣднему запросу — о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя Совѣта министровъ—предшествовали непріятныя служебныя послѣдствія, связанныя съ этими дѣйствіями для нѣкоторыхъ изъ членовъ вліятельной въ Совѣтѣ партіи. Между тѣмъ нельзя отрицать, что за этотъ періодъ времени наша государственная жизнь и общественный бытъ представляли не разъ не только достаточныя, но и настоятельныя данныя для законодательнаго почина и для запросовъ даже и при предположеніи олимпійскаго равнодушія къ потребностямъ страны и къ правовому положенію ея. По поводу недружелюбнаго и даже пугливаго отношенія нѣкоторыхъ къ почину Верхней Палаты мнѣ невольно вспоминается, какъ одинъ изъ вновь назначенныхъ въ первые годы обновленнаго строя членовъ высокаго собранія, человѣкъ ученый и имѣвшій въ своей области знанія не меньшій авторитетъ, чѣмъ Ковалевскій въ своей, на мое заключеніе о цѣнности права законодательнаго почина, съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ: „нѣтъ, нѣтъ! Только безъ почина! зачѣмъ еще это?!". Находя, что путемъ соглашенія обѣихъ палатъ можно бы значительно ускорить наше законодательство, распредѣливъ по отдѣльнымъ вопросамъ починъ между ними, Ковалевскій говорилъ: „У насъ получается то впечатлѣніе, что Государственный Совѣтъ не вѣритъ въ то, что его самодѣятельность дала бы какіе-нибудь результаты. Были такія эпохи въ жизни и другихъ парламентовъ, между прочимъ англійскаго, когда отъ правительства было заявляемо ему, что свобода преній въ высшемъ собраніи состоитъ не въ томъ, „чтобы каждый самонадѣянный болтунъ говорилъ все, что вздумаетъ, а въ томъ, чтобы отвѣчать на предложенія правительства: да, да, нѣтъ, нѣтъ". Эта точка зрѣнія не устояла, и англійская парламентская свобода основана именно на отри-

цаніи этой точки зрѣнія. Когда опытъ доказываетъ, что наши скромныя „пожеланія“ совершенно не принимаются въ расчетъ объединеннымъ правительствомъ, неужели намъ предстоитъ сложить оружіе и отказаться отъ почина и отъ разсмотрѣнія работъ нашихъ же собственныхъ комиссій?“ Рядъ рѣчей посвященъ имъ и волновавшему наши палаты вопросу объ аграрномъ законодательствѣ, поставленному ребромъ въ проектѣ закона о землеустройствѣ. Ковалевскій не стоялъ безусловно за сохраненіе сельской общины въ томъ видѣ, какъ ее создало Положеніе 19 февраля 1861 года; напротивъ, онъ высказывался за свободный выходъ изъ общины, воспрещенный въ 1893 году еще недавно дѣйствовавшимъ закономъ, но его смущало то, что онъ называлъ „разрухой сельской земельной общины и семейной собственности“. Первая изъ этихъ „разрухъ“ должна, по его мнѣнію, „пойти на пользу того сельскаго мѣщанства, которое еще недавно, слѣдуя народному говору, уничижительно называли кулаками и міроѣдами,—которыхъ теперь называютъ хозяйственными мужичками,—которыхъ мы скоро назовемъ помѣщиками, у которыхъ, если не въ первое, то во второе поколѣніе окажутся несомнѣнныя заслуги предковъ и которыхъ поэтому переведутъ въ ряды дворянства. Да, число дворянъ будетъ увеличено, и многіе изъ этихъ дворянъ обогатятся не только за счетъ крестьянъ, у которыхъ они могутъ скупать по закону 6 надѣловъ, а на практикѣ скупятъ, разумѣется, несравненно больше, но и за счетъ помѣщиковъ болѣе ранней формаціи, у которыхъ обезземеленіе началось уже давно“. Возражая противъ заявленія, что усиленное, сопряженное съ упраздненіемъ общины, члены которой въ теченіе 24 лѣтъ не знали передѣловъ, созданіе мелкихъ личныхъ собственниковъ „подорветъ несогласныя съ сохраненіемъ порядка стремленія, пробудившіяся въ русскомъ крестьянствѣ“, онъ приводилъ рядъ подобныхъ опытовъ, предпринятыхъ въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ, оказавшихся совершенно безплодными. Рисуя картину перехода крестьянъ отъ малоземелья къ безземелью подъ вліяніемъ массы неблагопріятныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій и при отсутствіи законодательныхъ мѣръ для предотвращенія безработицы, слѣдствіемъ чего явится чрезвычайное развитіе пролетаріата, онъ спрашивалъ: „готовы ли мы, въ настоящее время, считаться съ послѣдствіями этого обстоятельства?“ Горячо защищая такъ называемую семейную собственность и

ссылаясь на законы, дѣйствующіе въ южно-славянскихъ земляхъ, закрѣпляющіе существованіе „задруги", на „сябровъ" Литовскаго статута и „складничество" старой Руси, на существованіе въ купеческомъ быту, близкомъ къ народному, „приписки къ капиталу", на изслѣдованія Пахмана по обычному праву и, наконецъ, на взгляды ряда ученыхъ и оберъ-прокурора второго департамента сената Тютрюмова, онъ говорилъ, что дорожитъ семейной собственностью, между прочимъ, потому, что она принимаетъ подъ свою охрану интересы женщины, матери и жены гораздо болѣе, чѣмъ писаное право. Упраздненіе ея было бы величайшею несправедливостью по отношенію къ русской женщинѣ, которая въ виду отхожихъ промысловъ и воинской повинности мужа весьма часто является фактической домохозяйкой, которую нельзя послать на всѣ четыре стороны... Рѣчи Ковалевскаго по аграрному вопросу были сведены имъ,— въ отвѣтъ на намеки на то, что онъ, стоявшій всегда за свободолюбивыя рѣшенія, высказываетъ неожиданно консервативные взгляды, — къ слѣдующему конечному выводу: „Предоставьте самимъ заинтересованнымъ, сообразно обстоятельствамъ самымъ различнымъ, столько же климатическаго, сколько и общественнаго характера, связаннымъ также съ уровнемъ ихъ умственнаго развитія и подготовкой, полученной ими въ сельскомъ хозяйствѣ, — предоставьте имъ самимъ рѣшить—выйти ли имъ въ собственники или, по крайней мѣрѣ, въ семейные совладѣльцы или остаться имъ въ составѣ міра. Пойти далѣе и продолжать систему правительственной опеки было бы опасно, — опасно, и для тѣхъ, надъ которыми мы будемъ мудрить, опасно и для мудрящихъ".

Въ рѣчахъ объ отношеніи церкви къ государству, о свободѣ совѣсти, о сокращеніи праздничныхъ и неприсутственныхъ дней и объ упраздненіи ограниченій, связанныхъ со сложеніемъ священнослужителями своего сана, Ковалевскій являлся всегда выразителемъ широкихъ и человѣчныхъ взглядовъ. Онъ подкрѣплялъ ихъ не только краснорѣчивыми примѣрами изъ исторіи и законодательства западныхъ православныхъ государствъ, но и ссылками на ученія церковноучителей, какъ Лактанцій и Тертулліанъ, и на взгляды людей, высоко чтившихъ задачи и завѣты православной церкви, какъ Юрій Самаринъ и Иванъ Аксаковъ, а также чрезвычайно интересными личными наблюденіями надъ горцами Кавказа, считающимися христіанами, но вся вѣра кото-

рыхъ, повидимому, сводится къ смутному представленію о св. Николаѣ Чудотворцѣ. Противъ отмѣны ограниченій, которыми для вдоваго, больного, усомнившагося въ своемъ призваніи священника обставлено оставленіе имъ своего сана, въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было настойчиво выставляемо опасеніе, чтобы при снятіи этихъ ограниченій „люди злонамѣренные, настроенные въ смыслѣ враждебномъ къ существующему общественному и государственному строю, не поспѣшили бы вступить въ ряды священства, зная, что, когда они оставятъ эти ряды, ничто не помѣшаетъ имъ поступить на государственную службу". „Я этихъ опасеній не раздѣляю, — сказалъ не безъ ироніи Ковалевскій, — и по понятной причинѣ: люди, которые идутъ въ народъ для того, чтобы распространять ученія, несогласныя съ существующимъ государственнымъ или общественнымъ строемъ, очевидно, всего менѣе озабочены мыслью о поступленіи въ будущемъ на государственную службу; они преслѣдуютъ свои цѣли, но въ число этихъ цѣлей занятіе мѣста на государственной или общественной службѣ не входитъ".

По поводу сокращенія праздничныхъ дней, столь необходимаго для производительности народнаго труда, ему снова пришлось защищать права закона предъ узаконеніемъ усмотрѣнія. Составители проекта сокращенія предполагали предоставить вѣдомству народнаго просвѣщенія установлять для учебныхъ заведеній особые праздничные дни сверхъ имѣющихъ быть обозначенными въ законѣ. „Вопросъ о присутственныхъ и неприсутственныхъ дняхъ, господа,—сказалъ Ковалевскій,—есть вопросъ государственной важности, и только законодательныя учрежденія государства призваны высказывать на этотъ счетъ свое мнѣніе. Нельзя отказаться отъ мысли, что найдутся черезчуръ услужливые, ну, скажемъ, директора гимназій, которые признаютъ общегосударственное значеніе за днемъ рожденія министра народнаго просвѣщенія или главы правительства. Что же, предоставить ли имъ въ этомъ отношеніи полный просторъ? Я думаю, въ этомъ не является никакой необходимости; законъ пишется для всѣхъ, и я не вижу, почему часть законодательныхъ функцій, хотя бы болѣе спеціальнаго характера, должна была бы быть передана директорамъ гимназій, ректорамъ университетовъ, начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, а не осталась бы всецѣло за законодательными учрежденіями".—И задачи уголовной юстиціи нашли себѣ оцѣнку въ рѣчахъ Ковалевскаго объ услов-

номъ осужденіи, условномъ освобожденіи, отмѣнѣ административной гарантіи по преступленіямъ должности и о судѣ присяжныхъ. Настаивая на отмѣнѣ административной гарантіи для должностныхъ лицъ, нерѣдко ведущей къ ихъ полной безнаказанности, онъ выступилъ съ горячей защитой суда присяжныхъ; основываясь на вѣковомъ опытѣ Англіи и блестяще аргументируя постановленіями совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, признавшихъ еще въ 1894 году, что это судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, честно и стойко выдержавшій тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель.

Когда обсуждался прошедшій черезъ Государственную Думу проектъ объ установленіи общеимперскаго законодательства для Финляндіи и заключающійся въ немъ перечень тѣхъ отраслей управленія этой частью Имперіи, на которыя должно распространиться такое законодательство, Ковалевскій, признавая, что русскіе подданные должны пользоваться въ Финляндіи одинаковыми съ мѣстными гражданами правами, а послѣдніе должны нести расходы на оборону государства во всей его совокупности, представилъ вѣскія возраженія противъ содержанія этого перечня. Онъ находилъ, что подъ предлогомъ объединенія не слѣдуетъ налагать руку на бытовой укладъ и сложившіяся условія правовой жизни страны, подводя подъ перечень, который при томъ былъ объявленъ лишь „примѣрнымъ", почти всю ея законодательную дѣятельность, предоставляя ей ограничиваться лишь тѣмъ, что французы называютъ „les intérêts du clocher". Какъ ученый и представитель Академіи Наукъ, онъ остроумно возражалъ противъ запроса по поводу книги, въ которой антимилитаризмъ, какъ политическій лозунгъ, близоруко смѣшивался съ облеченными въ поэтическую форму мечтаніями о томъ, что настанетъ предсказанное пророкомъ Михеемъ время, когда мечи будутъ перекованы въ рала, или съ приводимымъ Пушкинымъ упованіемъ Мицкевича на „времена, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся". Въ интересахъ справедливости, онъ при преніяхъ объ авторскомъ правѣ настаивалъ на вознагражденіи иностранныхъ авторовъ со стороны переводчиковъ или издателей, доказывая, что вопли противъ этого положенія, впервые выдвинутаго И. С. Тургеневымъ, исходятъ не отъ авторовъ научныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій, а отъ по-

М. М. въ Русской Высшей Школѣ въ Парижѣ.

ставщиковъ сенсаціонныхъ романовъ и т. п., съ переводною стряпнею которыхъ „вовсе не связанъ поступательный ходъ знаній въ Россіи“. Наконецъ, вѣрный своему взгляду на законъ и личное усмотрѣніе, онъ въ интересахъ просвѣщенія ходатайствовалъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ объ установленіи права воспитанниковъ духовныхъ семинарій, кадетскихъ корпусовъ и реальныхъ училищъ поступать въ университетъ въ „законѣ“, взамѣнъ предоставленія министру народнаго просвѣщенія „циркуляромъ“ разрѣшать тѣмъ или другимъ такое поступленіе... Я говорилъ выше, какая судьба постигла это ходатайство.

Если бросить взглядъ на роль и работу Ковалевскаго въ Государственномъ Совѣтѣ, то нельзя не признать жестокости удара, нанесеннаго смертью его законодательнымъ трудамъ этого учрежденія. Когда минетъ война, а, быть-можетъ, и ранѣе по-

слѣднему будетъ предстоять разсмотрѣніе проектовъ о свободѣ печати, о неприкосновенности личности и по цѣлому ряду національныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Какую цѣну имѣлъ бы здѣсь голосъ Ковалевскаго, въ которомъ слышался бы опытъ автора, редактора и издателя, уваженіе къ кореннымъ гражданскимъ правамъ человѣка и истинное пониманіе свободы совѣсти, не замѣняемой суррогатомъ свободы вѣроисповѣданія! Уже теперь стоятъ на ближайшей очереди проекты объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступленія должности и за причиненные ими убытки, о реформѣ устарѣлаго устройства Сената, не согласнаго съ его достоинствомъ и значеніемъ, и о военной цензурѣ...

Просвѣщенный взглядъ Ковалевскаго на его житейскія задачи, глубокое пониманіе долга передъ родиной, отсутствіе тупой нетерпимости къ людямъ другихъ мнѣній, если послѣднія истекаютъ лишь изъ ошибочнаго, но чистаго источника, умѣнье распознавать душу человѣка подъ наклееннымъ на него враждебною или предательской „дружеской“ рукой ярлыкомъ— дѣлали невозможною личную къ нему вражду. И, дѣйствительно, личныхъ враговъ Максимъ Максимовичъ, повидимому, не имѣлъ. Напротивъ, почти каждый, кто встрѣчался съ нимъ, подпадалъ подъ вліяніе свѣта его ума и теплоты его сердца и начиналъ чувствовать къ нему живую привязанность. Въ отзывахъ о немъ всегда слышалось такое невольное расположеніе. Говоря о немъ, многіе называли его попросту „Максимомъ“, подобно тому, какъ старые московскіе студенты звали своего любимаго, высоко даровитаго и своеобразнаго профессора римскаго права Крылова—„Никитой“, влагая въ это слово представленіе о комъ-то близкомъ и дорогомъ, къ которому не хочется заочно обращаться въ общепринятой и безразличной по отношенію ко всѣмъ формѣ. Но въ общественной своей дѣятельности онъ испыталъ „месть враговъ и клевету друзей“ и горькія разочарованія, столкнувшись не разъ съ умышленнымъ или невѣжественнымъ непризнаніемъ его труда и заслугъ. Особенно сильный ударъ былъ нанесенъ ему въ разгарѣ его профессорской дѣятельности въ Москвѣ. Послѣ десятилѣтняго преподаванія (1877—1887) сравнительной исторіи права, государственнаго права иностранныхъ государствъ и исторіи политическихъ ученій, при чемъ онъ, проводя идеи государственной мудрости, указывалъ молодежи, въ чемъ справедливость, гдѣ ея пути и какъ слѣдуетъ итти по

нимъ, онъ былъ уволенъ отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія безъ прошенія. Избавленный судьбою отъ необходимости искать себѣ насущный заработокъ, онъ увидѣлъ, что на родинѣ для работы въ привлекавшей его силы и симпатіи области ему закрытъ путь,—и уѣхалъ за границу. Тамъ—въ Англіи, Франціи, Швеціи и даже Америкѣ—для русскаго ученаго нашлись и каѳедры, и успѣхъ, и заслуженное уваженіе, но мысль его была постоянно обращена къ родинѣ. Онъ вернулся домой при первой возможности свободно приступить къ любимому и самому разнообразному просвѣтительному труду. Послѣднія девять лѣтъ его пребыванія въ Россіи были сплошнымъ служеніемъ родинѣ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ—словомъ и дѣломъ, лекціями и публичными чтеніями, руководительствомъ и предсѣдательствомъ въ ученыхъ собраніяхъ,—работами публицистическаго, литературнаго и научнаго характера и т д. Можно безъ преувеличенія сказать, что весь день и, вѣроятно, часть ночи были у него заняты трудовымъ образомъ, и нельзя не удивляться, когда онъ находилъ возможность еще слѣдить за текущей печатью и научными новостями, редактируя въ то же время и издавая вновь свои многочисленныя сочиненія. И на всемъ, что онъ дѣлалъ, виденъ былъ пламень его самостоятельной, независимой мысли. Но давно уже сказано, что всякое пламя приноситъ себя въ жертву: чѣмъ ярче оно пылаетъ, тѣмъ скорѣе потухнетъ. Эту мысль, очевидно, отгонялъ, отъ себя Ковалевскій, но послѣдствія его дѣятельности безъ отдыха и срока для его физическихъ силъ сказывались сами собою и вызывали ежегодныя поѣздки за границу съ лѣчебною цѣлью. Послѣдняя изъ нихъ, въ 1914 году, была, во многихъ отношеніяхъ, роковою. Ему пришлось быть безсильнымъ и связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, даже заподозрѣннымъ въ „панславистскомъ коварствѣ", быть свидѣтелемъ того, какъ волна искусственно возбужденнаго ожесточенія смывала пріобрѣтенія человѣческой культуры и залоги ея дальнѣйшаго духовнаго развитія, стремясь „обезпощадить" людское сердце. И на родинѣ онъ уже не засталъ пережитаго безъ него общаго единодушнаго общественнаго подъема, направленнаго къ одной цѣли и внушаемаго горячимъ желаніемъ встать на защиту права противъ насилія, слабаго противъ сильнаго. Ему, кромѣ того, многіе мѣсяцы пришлось ожидать возможности систематически работать по законодательнымъ вопросамъ—въ то же время видѣть и ежедневно чувство-

вать, какъ растетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ и группахъ общества корыстное стремленіе использовать войну для собственной наживы, съ какимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ страданій защитниковъ родины, развивается вакханалія роскоши и грубыхъ наслажденій и нагло осуществляется совѣтъ „ловить моментъ!“— Онъ умѣлъ относиться къ многозначительнымъ явленіямъ жизни всегда серьезно, никогда трагически, но, конечно, переживаемое имъ въ послѣдній годъ въ связи съ воспоминаніями о томъ, что лучшія семнадцать лѣтъ своей жизни онъ вынужденъ былъ работать на чужбинѣ,—объ этой una sub pectore cuncta vetustas,— не могли не угнетать его усталое и больное сердце... И оно перестало биться...

А. Ѳ. Кони.

1 апрѣля 1916 г.

М. М. Ковалевскій въ первой Думѣ.

I.

Будущій историкъ русской конституціи, навѣрное, удѣлитъ немало вниманія рѣчамъ М. М. Ковалевскаго въ первой Думѣ. Вся правда о 72-хъ дняхъ первой Думы еще не сказана. Но когда она будетъ сказана, то станетъ ясно, какое большое значеніе имѣли бы его профессорскія рѣчи, если бы судьба сулила первой Думѣ не короткіе 72 дня жизни.

Съ каѳедры юнаго русскаго парламента М. М. говорилъ какъ профессоръ, какъ учитель. Но это были не лекціи учителя-педанта, внушавшаго почерпнутыя изъ книгъ истины, а рѣчи учителя-оратора, учителя-депутата, убѣждавшаго и доказывавшаго. Русская Дума не имѣла тогда абсолютно никакого опыта. Ей былъ данъ законъ, по нормамъ котораго она должна была дѣйствовать. Но въ чемъ была сильная и въ чемъ была слабая сторона этихъ нормъ, она не знала. Она была охвачена болѣзненно-нетерпѣливой жаждой законодательнаго творчества. Но какъ творить право и въ чемъ состоитъ законодательная техника, подавляющее большинство членовъ Думы совершенно себѣ не представляло.

Почти по каждому возникавшему въ Думѣ вопросу М. М. Ковалевскій всходилъ на каѳедру и въ яркихъ краскахъ живого образнаго слова давалъ справку изъ исторіи парламентаризма и изъ дѣйствующаго законодательства Англіи, Америки и Франціи.

Во время преній по поводу отвѣтнаго адреса М. М. Ковалевскій говорилъ нѣсколько разъ, и, если соединить эти его рѣчи, то получается сжатая, но полная критическая оцѣнка какъ учрежденія Государственной Думы, такъ и тѣхъ требованій и пожеланій, съ которыми Дума проектировала обратиться къ

монарху. „Законъ 20 февраля, — говорилъ Ковалевскій, — призналъ за вами не право законодательнаго почина, а право въ томъ случаѣ, когда министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не внесутъ тѣхъ и другихъ законопроектовъ, поручать вашей комиссіи выработку ихъ, послѣ чего эти проекты могутъ поступить изъ комиссіи въ Думу, при чемъ законъ не указываетъ срока, когда министры или главноуправляющіе должны выработать проектъ даже по неотложнымъ вопросамъ, и когда вы, слѣдовательно, въ состояніи будете осуществить тѣ слабые зародыши права законодательнаго почина, которые за вами признаны".

Перейдя затѣмъ къ вопросу объ отвѣтственномъ министерствѣ, М. М. продолжалъ: „Господа, вами не обращено достаточнаго вниманія на то, что контроль за администраціей немыслимъ и невозможенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ ваши права въ этомъ отношеніи будутъ сводиться къ обращенію къ министрамъ съ просьбами о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій. Министры въ теченіе неопредѣленнаго числа дней и недѣль въ правѣ не давать отвѣта на эти запросы или довольствоваться, какъ единственнымъ отвѣтомъ, указаніемъ на причины, почему они не желаютъ давать свѣдѣній и разъясненій". Въ теченіе истекающихъ десяти лѣтъ русской конституціонной практики законодательныя учрежденія имѣли несчетное число иллюстрацій къ приведеннымъ словамъ Ковалевскаго.

Сейчасъ, черезъ десять лѣтъ, вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ снова сдѣлался въ Думѣ и внѣ Думы очереднымъ вопросомъ дня. И нельзя не порекомендовать стенографическихъ записей рѣчей М. М. Ковалевскаго по поводу отвѣтнаго адреса первой Думы всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что расплывчатая формула о „министерствѣ общественнаго довѣрія" можетъ замѣнить собою политическій институтъ, выработанный многовѣковымъ конституціоннымъ опытомъ Англіи. Ковалевскій ярко представилъ первой Думѣ, въ чемъ заключается отличіе политической отвѣтственности отъ отвѣтственности уголовной и насколько вторая никогда не можетъ ни замѣнить первой, ни восполнить ея отсутствія. „Только съ того момента, — говорилъ онъ, — когда къ отвѣтственности судебной присоединилась политическая отвѣтственность министровъ въ Англіи, что случилось не ранѣе середины XVIII вѣка, — только съ этого момента правило, гласящее: „король не можетъ дѣлать зла", —

получило дѣйствительный смыслъ и значеніе". И вслѣдъ за этимъ обычнымъ обоснованіемъ политической отвѣтственности министровъ Ковалевскій отмѣтилъ еще два положенія, переносящія вопросъ изъ области принципіальной въ область практическую.

„Политическая отвѣтственность есть якорь спасенія для министровъ, — говорилъ М. М. Ковалевскій. — До тѣхъ поръ, пока не существовало политической отвѣтственности министровъ и необходимости для нихъ выхода въ отставку, когда большинство народныхъ представителей высказывалось противъ ихъ политики, всякій разъ, когда эта политика вызывала неудовольствіе въ большинствѣ народныхъ представителей, возникло требованіе о судебной отвѣтственности, и за дѣйствія, по природѣ не преступныя, привлекали ихъ къ уголовному суду. Англія XVII вѣка, не знающая политической отвѣтственности, можетъ указать на рядъ процессовъ, которые кончались смертнымъ приговоромъ министрамъ, не совершившимъ акта, по природѣ своей уголовнаго характера, совершившимъ лишь актъ, не цѣлесообразный, но подведенный искусственно подъ понятіе акта преступнаго"... „Министерская политическая отвѣтственность имѣетъ значеніе и для монарха и для министровъ, но она имѣетъ значеніе и для палаты. До тѣхъ поръ, пока у васъ будетъ увѣренность, что вы можете быть только отраженіемъ существующихъ въ Россіи настроеній, вы не будете устанавливать справедливыхъ границъ между легко осуществимыми и вполнѣ назрѣвшими реформами и тѣми реформами, которыя отвѣчаютъ вашимъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ. Но разъ надъ вами будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, состоящій въ томъ, что каждый изъ васъ въ извѣстный моментъ можетъ быть призванъ къ осуществленію на дѣлѣ предлагаемой вами программы, разъ вы будете близки къ власти и къ той отвѣтственности, которую она создаетъ, вы не позволите себѣ настаивать на ближайшемъ принятіи тѣхъ или другихъ программъ, которыя въ дѣйствительности неосуществимы при данныхъ условіяхъ. Вы будете рекомендовать только тѣ мѣропріятія, которыя вы будете въ состояніи провести въ жизнь, какъ члены правительства".

Ни одинъ самый нерасположенный къ Ковалевскому человѣкъ не найдетъ въ цитированныхъ словахъ и тѣни профессорскаго доктринерства. А насколько неоспорима заключающаяся въ нихъ правда — развѣ не служатъ для этого исчерпывающимъ доказательствомъ факты нашей парламентской дѣйствитель-

ности, хотя бы за послѣднее время? Со времени существованія у насъ Государственной Думы, еще не было ни одного судебнаго процесса надъ министрами, тѣмъ болѣе не было ни одного, слава Богу, смертнаго приговора министрамъ. Но развѣ не раздавались и раздаются постоянно изъ среды оппозиціи требованія суда по поводу дѣйствій, абсолютно чуждыхъ уголовной квалификаціи и подлежащихъ исключительно квалификаціи политической? А сложилось ли въ сознаніи членовъ Государственной Думы, безотносительно къ ихъ партійной принадлежности, ясное представленіе объ отвѣтственности? Поднялась ли та мѣра чувства отвѣтственности, съ которою вошли въ Таврическій дворецъ первые избранники народа? Всѣ ли понынѣ предъявляемыя у насъ лѣвыя программныя требованія построены на „справедливомъ" отграниченіи осуществимаго отъ неосуществимаго и назрѣвшаго отъ не назрѣвшаго? Устами Ковалевскаго тогда говорилъ не педантъ-ученый, а профессоръ-психологъ, дѣлившійся извлеченными имъ изъ изученія исторіи конституціонализма фактами и наблюденіями, — тѣми наблюденіями, которыя удостовѣряютъ, что представительныя учрежденія имѣютъ свою, имъ присущую, психологію и что въ государственномъ строительствѣ съ этой психологіей нельзя не считаться.

II.

Созванная въ условіяхъ революціи, первая Дума была цѣликомъ захвачена дѣлами внутренней политики, и дѣла политики внѣшней не привлекали ся вниманія. Ковалевскій же энергично стремился показать и доказать Думѣ, что отрицать вопросы и дѣла внѣшней политики, сохраняя свое достоинство, она не должна. Такъ, при обсужденіи отвѣтнаго адреса, онъ внесъ предложеніе включить въ адресъ „дополненіе, касающееся отношеній обновленной России къ народамъ Европы и другихъ странъ свѣта". „Я полагаю,—говорилъ онъ,—что Государственная Дума, какъ представительное учрежденіе Россійской Имперіи, не можетъ игнорировать ея отношеній къ другимъ народамъ Европы и должна высказать въ адресѣ свою общую точку зрѣнія, какой внѣшней политикѣ Россія желаетъ слѣдовать".

Его предложеніе, по сложнымъ и разнообразнымъ причинамъ и соображеніямъ, не встрѣтило сочувствія и было отвергнуто. Но Ковалевскій отнюдь не принадлежалъ къ тѣмъ политиче-

скимъ дѣятелямъ, которые легко отказываются отъ своихъ мыслей и которые послѣ одной неудачи не повторяютъ, въ другихъ формахъ и по другимъ поводамъ, не получившаго сочувствія предложенія. Онъ, напротивъ, былъ весьма настойчивъ въ проведеніи своихъ мнѣній и взглядовъ, какъ въ области вопросовъ научныхъ и литературныхъ, такъ, ничуть не менѣе, въ области вопросовъ политическихъ. Онъ только не облекалъ своей настойчивости въ рѣзкія и угловатыя формы. А потому людямъ, мало его знавшимъ, нерѣдко казалось, что не настойчивость, а скорѣе уступчивость составляетъ свойство его характера. Но людямъ, болѣе близкимъ, хорошо было извѣстно другое. И въ первой Думѣ онъ положительно не пропускалъ ни одного случая, чтобы такъ или иначе не подчеркнуть необходимость народнымъ представителямъ всегда помнить, что страна живетъ не одной внутренней жизнью, но что она такъ же точно живетъ жизнью международной.

Эта настойчивость М. М. Ковалевскаго въ стремленіи обратить вниманіе Думы въ сторону внѣшней политики, въ связи со ссылками въ рѣчахъ на примѣры изъ исторіи и изъ законодательства Запада и съ цитатами изъ сочиненій европейскихъ авторитетовъ, имѣла весьма характерное отраженіе въ умахъ членовъ Думы крестьянъ. Когда въ думскихъ кулуарахъ шли разговоры о министерствѣ изъ членовъ Думы, крестьяне съ большой тщательностью перебирали имена возможныхъ и желательныхъ кандидатовъ, и вокругъ тѣхъ или другихъ именъ часто велись оживленные споры. Но кто долженъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, они рѣшили въ одинъ голосъ и объ этой кандидатурѣ не спорили. „Кому же, какъ не Максиму Максимовичу, съ иностранцами возиться“,—говорилъ, формулируя мысли думскихъ крестьянъ, кіевскій хохолъ Грабовецкій.

М. М. Ковалевскій былъ иниціаторомъ порученія комиссіи по составленію наказа выработать форму выраженія сочувствія Думы институту третейскаго разбирательства въ международныхъ дѣлахъ. Онъ же первымъ откликнулся съ думской каѳедры на полученную телеграмму изъ Лондона, въ которой 326 членовъ старѣйшаго парламента въ свѣтѣ привѣтствовали членовъ самаго юнаго русскаго парламента и выражали надежду встрѣтиться съ представителями Думы на междупарламентской конференціи въ Вестминстерскомъ дворцѣ.

III.

Блестящая рѣчь была сказана М. М. Ковалевскимъ при обсужденіи деклараціи правительства. „Министры какого правительства, — спрашивалъ Ковалевскій, — пришли напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Пришли министры того государства, которое въ 1861 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ сегодня, то мы сказали бы, какъ вы смѣете выступать противъ воли Царя-освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи — освобожденіе крестьянъ съ землею!“ Ковалевскій выражалъ надежду, что „сегодняшній урокъ не пропадетъ даромъ для тѣхъ, которые пришли насъ учить“. Въ этомъ онъ ошибся...

Говорилъ М. М. Ковалевскій и по самымъ жгучимъ вопросамъ въ первой Думѣ — о смертной казни и объ амнистіи. По вопросу о неприкосновенности личности онъ работалъ въ комиссіи. Комиссіонная разработка наказа происходила подъ его предсѣдательствомъ. Памятны еще его выступленія по вопросу о свободѣ собраній и по вопросу о положеніи печати, а также по поводу бѣлостокскаго погрома.

Землевладѣльцы Харьковской губерніи во вторую Думу М. М. Ковалевскаго не пропустили, и съ 1907 года онъ занялъ кресло въ верхней палатѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, по представительству отъ академіи наукъ и отъ университетовъ. И здѣсь, какъ въ Думѣ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ палаты, часто всходившимъ на трибуну. Говорилъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ тѣмъ же своимъ обычнымъ тономъ, съ той же обычной для него богатой аргументаціей каждаго положенія и каждой мысли. Но содержаніе его словъ и мыслей среди убѣленныхъ сѣдиной и удрученныхъ служебнымъ опытомъ членовъ Совѣта, не могло, конечно, встрѣчать того живого отзвука, какой оно встрѣчало въ первой Думѣ.

Здѣсь его слушали, пожалуй, съ его словъ поучались, но только это поученіе практическаго результата не давало. Ибо

здѣсь главный стимулъ голосованія не въ убѣжденіяхъ, а въ подчиненіи убѣжденій условно и специфически понимаемымъ требованіямъ такъ называемой высшей политики. Здѣсь М. М. Ковалевскому было тѣсно. Его всегда тянуло въ Думу. Недаромъ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе частыхъ посѣтителей думскихъ засѣданій. И кто знаетъ! — былъ ли бы безъ измѣненій получившійся итогъ пяти лѣтъ работы третьей Думы и четырехъ лѣтъ — четвертой, если бы всѣ эти девять лѣтъ съ трибуны Таврическаго дворца неумолчно звучалъ громкій и сильный надпартійный голосъ Ковалевскаго...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Глава V.

Профессорская дѣятельность.

М. М. Ковалевскій въ вопросахъ просвѣщенія.

I.

Роль скончавшагося ученаго-мыслителя въ вопросахъ просвѣщенія не можетъ, разумѣется, исчерпываться этой небольшой статьей, и я отнюдь не собираюсь дать что-либо претендующее на такую задачу,—я просто собираюсь намѣтить общія черты, характеризующія Максима Максимовича съ этой стороны его дѣятельности, по тѣмъ даннымъ, которыя мнѣ извѣстны.

Впервые я познакомился съ М. М. въ Парижѣ, куда онъ пригласилъ меня пріѣхать, чтобы прочесть рядъ лекцій по общей біологіи въ основанной и руководимой имъ высшей школѣ общественныхъ наукъ.

Школа эта давно меня интересовала по своему учебному плану и по своимъ задачамъ. Въ то время, какъ у насъ, въ профессорскихъ кругахъ, очень многіе говорили о необходимости углублять познанія студентовъ путемъ возможно бо̀льшаго ограниченія спеціальныхъ предметовъ, и раздавались жалобы на многопредметность и разносторонность факультетскихъ наукъ, въ то время, какъ о соціологіи, въ качествѣ предмета университетской науки, у насъ еще и не заикались, а министръ народнаго просвѣщенія Шварцъ на пріемѣ заявилъ мнѣ, что считаетъ соціологію предметомъ до такой степени компрометирующимъ учебное заведеніе, въ которомъ преподается, что на одномъ этомъ основаніи считаетъ ходатайство Совѣта Психо-Неврологическаго института, отъ имени котораго я къ нему пріѣхалъ, не подлежащимъ удовлетворенію—М. М. Ковалевскій пятнадцать лѣтъ тому назадъ основалъ въ Парижѣ высшую школу соціальныхъ наукъ, которая привлекла къ себѣ вниманіе всего культурнаго міра.

Интересно отмѣтить, что, открывая ее, онъ исходилъ изъ соображеній, что какъ психологу необходимо знакомство съ ана-

томіей и физіологіей мозга, такъ соціологу необходимы не только конкретныя науки объ обществѣ, но и психологія съ біологіей.

Однажды Максимъ Максимовичъ зашелъ ко мнѣ на лекцію, когда рѣчь шла о возникновеніи общественности въ царствѣ животныхъ. Я говорилъ о томъ, что общественность имѣетъ своимъ источникомъ вовсе не семью, какъ это утверждаютъ авторы, ссылаясь на пчелъ и муравьевъ, будто бы образующихъ государства, на самомъ же дѣлѣ представляющихъ явленіе симбіоза съ ясно выраженными чертами паразитизма,—а возникаетъ въ качествѣ самостоятельной біологической организаціи на почвѣ инстинктовъ самосохраненія. Возвращаясь съ лекціи, онъ заговорилъ по поводу моей точки зрѣнія на предметъ, и меня поразило его знакомство съ этой стороной дѣла. Видно было, что онъ читалъ не одного только цитируемаго всѣми соціологами, бо́льшею частью невѣжественными въ области естествознанія,—Эспинаса, а и многія спеціальныя изслѣдованія.

Онъ лично былъ знакомъ съ видными представителями соціологіи самыхъ различныхъ направленій, всегда оставаясь самимъ собою.

Дружескія отношенія съ Вормсомъ не мѣшали ему отрицать научность за аналогіями между обществомъ и организмомъ, въ этомъ отношеніи онъ не пошелъ дальше Спенсера и совершенно справедливо осуждалъ крайнія увлеченія Шеффле и Лиліенфельда, признавая ихъ натуралистическія теоріи компрометирующими ту науку, которой онѣ должны были служить основаніемъ. Съ другой стороны, вразрѣзъ съ соціологами-историками и философами, онъ считалъ необходимымъ для успѣха науки тѣсное ея единеніе съ ученіемъ о жизни организмовъ, жизни физической и психической. Ковалевскій слѣдилъ за всѣми теченіями въ соціологіи и ни за однимъ изъ нихъ не видѣлъ основаній признавать первенство; больше того: онъ рѣзко осуждалъ „добровольную односторонность“ ученыхъ специалистовъ, которые не хотѣли понимать огромной важности сотрудничества и взаимопомощи.

Разговаривая дорогой, послѣ лекціи, мы дошли до одного кафэ въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ у Максима Максимовича былъ „свой кабинетъ“,—большая комната, въ которой уже находилось человѣкъ двадцать ожидавшихъ его друзей французовъ, русскихъ (проѣздомъ изъ Америки въ Москву), англичанъ и нѣмцевъ. Перезнакомивъ незнакомыхъ, Максимъ Максимо-

вичъ, освѣдомившись объ общихъ дѣлахъ и общихъ интересахъ, скоро овладѣлъ бесѣдой, и смѣшеніе языковъ замѣнилось однимъ международнымъ языкомъ французовъ.

Рѣчь шла обо всемъ, и, несмотря на это, чувствовалась хорошая атмосфера мысли и общій тонъ безпартійнаго добродушія „сверху" къ боевымъ вопросамъ политики: плоскость идей Максима Максимовича примиряла и поглощала шипы и тернія споровъ людей спеціальныхъ профессій. Ему доставляло огромное удовольствіе знакомить людей, которые по роду своихъ литературныхъ и научныхъ занятій могли бы быть полезными другъ другу.

— Съ вами жаждетъ познакомиться NN. Онъ организовалъ тутъ въ Парижѣ психологическое общество. Я, признаться, сначала не очень-то вѣрилъ въ серьезность этого начинанія. Теперь убѣжденъ въ противномъ. Пришлю вамъ petit—bleu когда и гдѣ устроить свиданіе.

И онъ не забывалъ это сдѣлать среди своихъ безконечно разнообразныхъ дѣлъ. Въ другой разъ говорилъ:

— Вы не были у VV? Надо познакомиться. Пріѣзжайте ко мнѣ, мы отправимся вмѣстѣ.

И онъ ждалъ, даже если запоздаешь къ назначенному времени, и знакомилъ и старался это знакомство закрѣпить.

Ему хотѣлось бы видѣть всѣхъ сотрудничающими и помогающими другъ другу выполнять свои общественныя и научныя задачи. Онъ не скрывалъ скорбнаго чувства, которое возбуждали въ немъ профессіональная разобщенность и взаимное непониманіе, которое М. М. справедливо относилъ на долю односторонняго университетскаго образованія; при каждомъ подходящемъ случаѣ онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что факультеты нашихъ университетовъ съ годами все болѣе и болѣе обособляются: „естественники незнакомы съ гуманитарными науками, словесники и юристы съ естествознаніемъ"... Отсюда безконечные споры и вражда; отсюда безполезная борьба вмѣсто сотрудничества, даже въ вопросахъ просвѣщенія. Нужно ли общее образованіе? Спеціалисты спорятъ. Одни отрицаютъ, другіе это признаютъ съ оговорками, третьи—громятъ диллетантизмъ. Ковалевскій спокойно и методически доказываетъ съ обычными добродушными движеніями рукъ, какъ будто онъ что-то приводитъ въ порядокъ на столѣ, передъ которымъ сидитъ, что общее образованіе необходимо: онъ это „видитъ".

Нужно ли спеціальное знаніе и дипломы, которыми удостовѣрялась бы наличность такихъ знаній?—спеціалисты и тутъ не согласны: одни говорятъ, что энциклопедизмъ исключаетъ спеціальное образованіе, другіе,—что если спеціальное образованіе не будетъ полнымъ, то никакихъ дипломовъ давать нельзя; третьи, что общее образованіе само по себѣ такая цѣнность, что дипломъ является совершенно излишнимъ, и т. д. М. М. находилъ, что общее образованіе не исключаетъ спеціальнаго, а дипломъ, являясь хорошимъ стимуломъ для работы, представляетъ полезную рекомендацію для его обладателя при поискахъ заработка; и потому, по его мнѣнію, вопросъ вовсе не въ томъ, нужны или не нужны дипломы, а въ томъ, чтобы экзамены для ихъ полученія не заключали въ себѣ лишнихъ и безъ нужды затрудняющихъ требованій.

II.

Отсюда становится понятнымъ то горячее сочувствіе, съ которымъ М. М. встрѣчалъ всѣ начинанія, такъ или иначе способныя если не устранить, то ослабить эту профессіональную рознь, это стремленіе къ обособленію по „своимъ приходамъ“, своимъ научнымъ кругамъ и кружкамъ, эти загородки, которыя съ такимъ усердіемъ воздвигаютъ убогія и скорбныя полезности, собирающія какъ навозные жуки по своимъ дорожкамъ „вклады въ науку“... Вынужденный оставить Московскій Университетъ въ 1887 году, М. М. тотчасъ же принимаетъ участіе въ ученомъ начинаніи, которому положилъ начало молодой экономистъ Лоренъ въ Стокгольмѣ, и не только открываетъ тамъ свой курсъ, но указываетъ и содѣйствуетъ приглашенію цѣлаго ряда спеціалистовъ разныхъ странъ Европы. Были приглашены изъ Франціи извѣстный Боше, изъ Германіи знаменитый Шефле и другіе.

Затѣмъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ М. М. приглашается и съ охотой принимаетъ приглашеніе читать лекціи въ Оксфордскомъ Университетѣ по „древнему праву и современному обычаю въ Россіи“. Но что особенно его радуетъ, это, что онъ здѣсь, по его признанію, впервые хорошо ознакомился „съ постановкой международнаго преподаванія“ нѣкоторыхъ предметовъ. Любопытно отмѣтить, что въ числѣ лекторовъ, которыхъ тутъ встрѣтилъ, М. М. припоминаетъ проф. Томсана, который читалъ „о началѣ Руси“ и издалъ подъ этимъ заглавіемъ свои

лекціи. Читали лекціи и другіе. „Каждый изъ нихъ, — говоритъ М. М. *), — въ предѣлахъ своей спеціальности знакомилъ англійскую публику: кто съ литературно-общественными движеніями Россіи, кто съ исторіей русской поэзіи, кто съ памятниками Славянскаго законодательства, русской этической поэзіей (Рольстонъ), русской исторіей (Морфиль) и т. д.“

Читаетъ лекціи М. М. и въ Новомъ Университетѣ въ Брюсселѣ, по поводу котораго предсѣдатель Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, пр. Сонинъ, какъ-то говорилъ мнѣ, что „у нихъ“ сейчасъ есть прошеніе о допущеніи къ экзамену для поступленія въ нашъ Университетъ лица окончившаго курсъ въ заграничномъ Университетѣ, да не въ Новомъ Брюссельскомъ, мы, конечно, не признаемъ его,—а въ настоящемъ Университетѣ. М. М. Ковалевскій держится на этотъ счетъ, разумѣется, иного мнѣнія. Онъ съ чувствомъ особаго удовлетворенія подчеркиваетъ фактъ, что нигдѣ не придано большаго значенія международному принципу въ преподаваніи, какъ въ Новомъ Брюссельскомъ Университетѣ. Здѣсь читали: Элизе Реклю, пр. Ферра изъ Рима, Зигель, Лорина Паскаль Фіоре, и рядъ другихъ. М. М. читалъ тутъ нѣсколько курсовъ, сначала на французскомъ языкѣ (онѣ появились въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ“), а позднѣе и на русскомъ языкѣ **) по исторіи развитія политической мысли въ связи съ исторіей учрежденій. Съ удовольствіемъ отмѣчаетъ М. М. приглашеніе его прочесть лекціи по его спеціальности въ Тулузѣ; въ русской группѣ при международной школѣ на Парижской выставкѣ М. М. Ковалевскій былъ вице-предсѣдателемъ и принималъ въ ея занятіяхъ дѣятельное участіе и какъ организаторъ и какъ блестящій лекторъ съ огромной эрудиціей.

Я не знаю, былъ ли М. М. знакомъ со статьями Пирогова о задачахъ высшей школы, но мысли ихъ очень схожи, и то, что по этому вопросу говоритъ Ковалевскій, въ сущности то же, что говорилъ Пироговъ, указывая на недостатки университетской программы своего времени, кратко формулируя свою мысль словами: „обученіе въ нихъ осталось, даже стало лучше, но просвѣщеніе стало исчезать“. М. М. могъ бы съ полнымъ

*) М. Ковалевскій. „Международная школа Парижской выставки“.

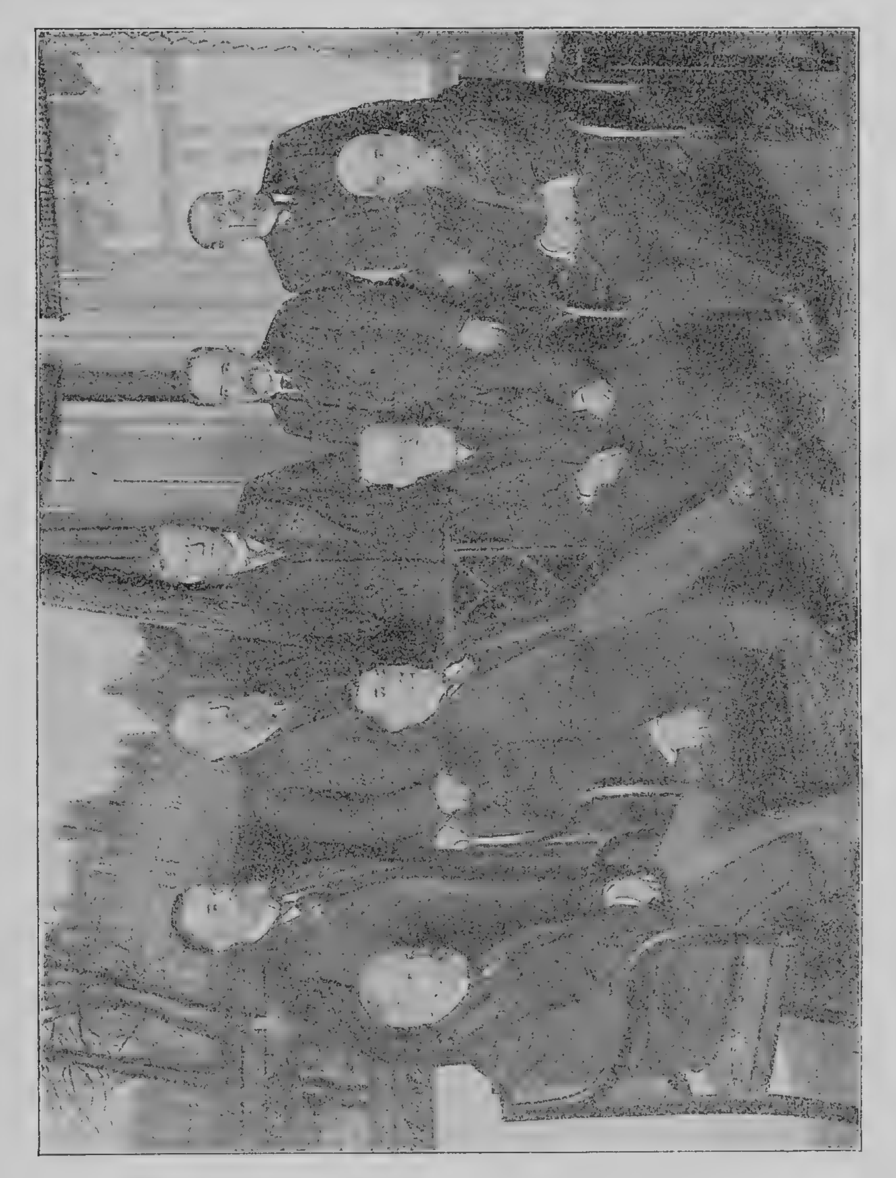
**) Русскій языкъ въ новомъ Брюссельскомъ университетѣ допущенъ наравнѣ съ другими европейскими языками.

правомъ сказать, что оно уже исчезло. Его-то онъ хотѣлъ дать въ своей школѣ, поскольку это было возможно, въ виду ея спеціальныхъ задачъ, и во всѣхъ начинаніяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе и въ которыхъ мнѣ приходилось работать съ нимъ вмѣстѣ: въ Психо-Неврологическомъ институтѣ, на Высшихъ Курсахъ біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта и въ академическомъ отдѣлѣ Народныхъ Университетовъ въ Петроградѣ.

„Господа, мы не обѣщаемъ сдѣлать васъ ни экономистами, ни финансистами, ни статистиками, ни юристами, ни моралистами, ни политиками, ни тѣмъ болѣе историками, но мы надѣемся поставить васъ на ту дорогу, на которой, при состоятельномъ трудѣ и позднѣйшей спеціализаціи занятій, вы въ состояніи будете сдѣлаться и экономистами, и юристами, и историками и т. д. Изъ этой школы вы выйдете по крайней мѣрѣ со знакомствомъ съ тѣми требованіями, какія предъявляетъ всякому специалисту современная научная постановка обществовѣдѣнія. Вы ознакомитесь съ тѣми пріемами, которые обязательны для научнаго изслѣдованія. Отъ насъ далека мысль запрудить ваши головы всею массою еще не вполнѣ обслѣдованнаго и сырого матеріала, который служитъ фундаментомъ, повторяю, для недостроеннаго еще зданія соціологіи. Но мы считаемъ въ то же время своею ближайшею обязанностью указать вамъ способъ подойти къ этому матеріалу, подвергнуть его научной разработкѣ и на ней обосновать ваши дальнѣйшіе выводы.“

Онъ считалъ необходимымъ такое общее образованіе, которое давало бы всестороннее, а не одно лишь спеціальное развитіе. „Во Франціи, Англіи, Италіи, Австріи и Германіи,—говорилъ онъ,—студенты разныхъ факультетовъ сходятся для слушанія нѣкоторыхъ лекцій въ одной аудиторіи, какъ, напримѣръ, на лекціяхъ философіи, психологіи и соціологіи“. Въ этомъ Ковалевскій видѣлъ важные коррективы къ одностороннему факультетскому образованію. Этотъ его взглядъ, который онъ широко проводилъ въ своей Парижской школѣ, оказалъ несомнѣнное вліяніе на людей интересующихся просвѣщеніемъ и за границей и у насъ, поскольку это было возможно. Достовѣрно извѣстно, напримѣръ, что Шанявскій, въ то время вынашивавшій свою идею Вольнаго Университета въ Москвѣ, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за дѣятельностью Максима Максимовича

въ Парижѣ. Во Франціи идея единства науки, такъ рѣзко противорѣчащая факультетской обособленности. становится на оче-

Редакція журнала „Вѣстникъ Европы" (1915 г.). Сидятъ: Л. З. Слонимскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, К. К. Арсеньевъ, А. С. Постниковъ. Стоятъ: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Жилкинъ, М. А. Славинскій, Н. А. Котляревскій.
Сняты въ гостиной въ квартирѣ М. М.).

редь, и раздаются голоса о реформѣ высшаго образованія въ томъ смыслѣ, чтобы открыть каждому путь къ широкому энциклопедическому образованію. Этихъ голосовъ и было и есть

еще очень немного, М. М. Ковалевскій съ чувствомъ искренняго удовольствія указывалъ на нихъ, забывая сказать, а можетъ-быть, и не думая о томъ, что въ процессѣ образованія этой точки зрѣнія на предметъ его идеи и его школа въ Парижѣ сыграли видную роль.

III.

Въ высокой степени поучителенъ и характеренъ для М. М. тотъ фактъ, что даже тогда, когда онъ являлся иниціаторомъ какого-нибудь начинанія и начинаніе это получало успѣхъ, вызывая общее сочувствіе, онъ не увлекался имъ и не давалъ ему бо̀льшей цѣны, чѣмъ оно того стоило на самомъ дѣлѣ. Черта— совершенно исключительная и возможная лишь при оцѣнкѣ явленій въ той плоскости высотъ общихъ идей, къ которой, въ концѣ концовъ, получали конечную формулировку его заключенія по каждому данному случаю. На этихъ высотахъ сложное становилось простымъ, запутанное и темное—яснымъ.

Припоминаю характерный случай при обсужденіи учебнаго плана Психо-Неврологическаго института и организаціи общеобразовательнаго университетскаго отдѣленія. Рѣчь зашла о томъ, необходимо ли для общаго образованія знакомство съ геологіей. Какъ это ни покажется страннымъ, но вопросъ этотъ въ положительномъ смыслѣ былъ рѣшенъ большинствомъ только одного голоса, и этотъ голосъ принадлежалъ М. М. Ковалевскому.

Нужна чрезвычайная засоренность ума опредѣленными спеціальностями, чтобы не понимать невозможности общаго образованія безъ знанія основъ геологіи, болѣе того: безъ знанія этихъ основъ человѣкъ не можетъ считаться образованнымъ вообще, а вотъ нашлись спеціалисты, которые этого не понимаютъ, и не понимаютъ потому, что вслѣдствіе своей спеціализаціи не видѣли того, что̀ стоитъ надъ ихъ спеціальностью и что̀, собственно, составляетъ истинное знаніе. И вотъ гуманитору Ковалевскому пришлось просвѣтить непросвѣщенныхъ въ области естествознанія.

Къ проекту реорганизаціи Психо-Неврологическаго института въ такую школу, въ которой спеціальному образованію на факультетахъ предшествовали бы двухлѣтніе общеобразовательные курсы, никто поэтому не отнесся такъ сочувственно,

какъ Ковалевскій. Онъ сразу призналъ значеніе проекта и поддержалъ его, какъ всегда—умно и горячо. Когда вслѣдъ за Психо-Неврологическимъ институтомъ, по тому же пути были задуманы Лесгафтскіе курсы, Ковалевскій явился первый ихъ директоромъ и принималъ близкое участіе въ ихъ организаціи и читалъ затѣмъ лекціи по социологіи на общеобразовательномъ отдѣленіи, съ котораго курсы эти начали свое существованіе. Еще шире смотрѣлъ М. М. на задачи такихъ просвѣтительныхъ учрежденій, какими являются народные университеты съ ихъ академическими отдѣленіями.

Когда Парижская школа была закрыта, А. И. Чупровъ, отъ имени Л. А. Шанявскаго, обратился къ М. М. съ предложеніемъ, не взялъ ли бы онъ на себя руководство аналогичной школой въ Москвѣ. Ковалевскій согласился пріѣхать для личныхъ переговоровъ по этому дѣлу. Я помню его въ это время; помню его живой интересъ ко всему, что имѣетъ отношеніе къ свободному высшему преподаванію. Я принималъ тогда довольно близкое участіе въ женскихъ педагогическихъ курсахъ, организованныхъ Д. И. Тихомировымъ, и упомянулъ ему о нихъ и о ихъ дѣятельности. Въ тотъ же день мы уже были на Грузинской площади, гдѣ помѣщаются эти курсы; здѣсь онъ съ величайшимъ вниманіемъ знакомился со всѣми мелочами постановки дѣла курсовъ, ихъ учебнымъ планомъ и, по обыкновенію, высказывалъ свои мѣткія замѣчанія. О высшей школѣ, проектировавшейся Шанявскимъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ. Онъ предполагалъ высшую школу сначала лишь для наукъ общественно-государственныхъ и юридическихъ и, что особенно интересно, предполагалъ эту школу, какъ и свою Парижскую, доступной для обоихъ половъ съ дипломами и безъ дипломовъ; отъ лекторовъ же, какъ и въ Парижской школѣ, требовалъ не ученыхъ степеней, а соотвѣтствующихъ работъ и соотвѣтствующее имя въ литературѣ предмета. И этотъ взглядъ, какъ безконечно далекъ онъ отъ канцелярски-формальнаго отношенія нѣкоторыхъ нашихъ и заграничныхъ дипломированныхъ ученыхъ, которые никакъ не могутъ понять, что дипломъ не доказательство ученыхъ достоинствъ.

Припоминаю случай, который, хотя и не имѣетъ прямого отношенія къ М. М. Ковалевскому, но особенно ярко выдвигаетъ отмѣченную черту умственнаго склада этого ученаго мыслителя.

На съѣздѣ естествоиспытателей и врачей одинъ изъ профессоровъ математики прочелъ докладъ (онъ напечатанъ въ трудахъ съѣзда) объ Огюстѣ Контѣ, какъ математикѣ. Въ своемъ докладѣ профессоръ доказывалъ [и доказалъ], что Контъ въ математикѣ былъ слабъ и надѣлалъ много ошибокъ, вслѣдствіе чего призналъ всю философскую систему Конта—сомнительной.

Другой профессоръ Московскаго Университета, нынѣ здравствующій, хотя и не состоящій болѣе профессоромъ, услыхавъ въ одномъ докладѣ ссылку на Герберта Спенсера, сдѣлалъ объ этомъ ученомъ такой отзывъ: я нарочно досталъ книгу Спенсера, внимательно ее прочелъ и... рѣшительно не понимаю, какъ можно считаться съ авторомъ, который въ этой своей книгѣ (основы біологіи) надѣлалъ столько фактическихъ ошибокъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не очень много времени, котораго однако оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы умершій математикъ-профессоръ былъ забытъ, а оставшійся въ живыхъ натуралистъ безслѣдно сошелъ съ арены научной дѣятельности, тогда, какъ имена Огюста Конта и Герберта Спенсера остаются полными жизни, ихъ идеи продолжаютъ волновать міръ, а ихъ геній будетъ долго руководящимъ для длиннаго ряда мыслящихъ людей всѣхъ культурныхъ странъ и всевозможныхъ спеціальностей. М. М. Ковалевскій отлично видѣлъ и понималъ ошибки этихъ великихъ умовъ, но за деревьями не просмотрѣлъ лѣса и сумѣлъ по достоинству отдѣлить детали и мелочи отъ того, что̀ лежитъ надъ ними и выше ихъ.

IV.

Увы!—это бо̀льшее не всѣмъ по плечу и служило для М. М. иногда источникомъ тяжелыхъ переживаній, какъ это случилось по поводу высказаннаго имъ въ Москвѣ тезиса: „Въ Россіи—я монархистъ, а во Франціи—республиканецъ". Маленькіе люди, мѣряющіе чужія мысли большихъ людей масштабомъ своей скромной психологіи, усмотрѣли въ этой фразѣ оппортунизмъ—и зашумѣли... Они не могли понять истиннаго значенія этихъ словъ ученаго мыслителя, который по своимъ воззрѣніямъ стоялъ выше и монархическихъ и республиканскихъ идеаловъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что эволюція государства подчиняется опредѣленнымъ законамъ, что ея поступатель-

ный ходъ можно нѣсколько задержать, немного ускорить, но общее его теченіе не въ силахъ измѣнить ни личность, ни группа, ни тотъ, ни другой общественный классъ населенія; что поэтому задача общественныхъ дѣятелей заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать прогрессу, честно на него работая, не покладая рукъ, а не въ томъ, чтобы силой навязывать данную форму государственной жизни, хотя теоретически и болѣе совершенную, другому государству, къ этой формѣ неподготовленному. А между тѣмъ... сколько тяжелыхъ минутъ пришлось пережить М. М. за высказанную имъ точку зрѣнія большого ученаго и выдающагося мыслителя!..

Само собою разумѣется, что эти минуты разочарованія ничего не измѣнили въ отношеніяхъ М. М. къ явленіямъ жизни общественной, научной, бытовой, къ событіямъ огромной важности и къ мелочамъ. Вездѣ онъ былъ однимъ и тѣмъ же, всегда глубоко понимавшимъ и вслѣдствіе этого добродушнымъ и снисходительнымъ человѣкомъ.

— Читали вы книгу Сутерленда—о происхожденіи нравственности?—какъ-то спросилъ онъ меня.

— Читалъ.

— И что же?

— Книжка слабая и по моему мнѣнію рѣшительно не стоитъ того, чтобы ее переводить на русскій языкъ.

— Да быть не можетъ!—воскликнулъ онъ.

— Отчего это васъ такъ поразило?

— Mea culpa! Это случилось такъ: выѣзжая изъ Лондона въ Парижъ, я по дорогѣ заѣхалъ въ книжный магазинъ купить что-нибудь на время переѣзда. Попалась книжка Сутерленда. Мнѣ она понравилась. Въ Парижѣ мнѣ пришлось свидѣться съ N, которая искала работы. Она владѣла англійскимъ и русскимъ языками одинаково хорошо. Я предложилъ перевести книгу Сутерленда и, вотъ оказывается, сдѣлалъ глупость.

Каюсь—сначала мнѣ показалась эта исторія актомъ легкомыслія, но потомъ, ближе познакомившись съ М. М. Ковалевскимъ, я представилъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: М. М. сдѣлалъ два хорошихъ дѣла—онъ далъ русскому читателю книгу, по которой свѣдущій человѣкъ ознакомится съ одной изъ широко распространенныхъ въ Англіи книгъ и съ опредѣленнымъ міропониманіемъ англичанъ въ интересномъ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ книгѣ, а не свѣдущій ознакомится съ

явленіями, о которыхъ вовсе не имѣлъ понятія и которыя узнать ему отнюдь не безполезно; сверхъ того, попутно онъ сдѣлалъ маленькое доброе дѣло: далъ заработокъ человѣку, который въ немъ нуждался. То же обстоятельство, что книга эта не удовлетворяетъ спеціалиста,—такъ это именно тотъ маленькій вопросъ, та деталь, которой сверху иногда вовсе не видно: оттуда видно нѣчто гораздо большее и значительное.

Въ другой разъ я, въ связи съ темой нашего разговора, спросилъ его:

— Вы знаете N?

— Конечно, знаю,—отвѣтилъ М. М. съ добродушной улыбкой,—превосходный человѣкъ... люблю его за то, что какъ только сдѣлаешь гдѣ-нибудь хронологическую ошибку или какой-нибудь другой такой lapsus, онъ съ такой серьезностью распечетъ, что самого себя пожалѣешь. Дивный человѣкъ...

Вотъ въ этой-то способности—видѣть и большое и малое, и свои и чужіе промахи въ плоскости ученаго-мыслителя, а не въ той, въ которой ихъ видятъ профессіоналы, въ этомъ стремленіи всѣмъ и всѣми мѣрами содѣйствовать на пути къ добру, въ этой прирожденной склонности видѣть, желать и настойчиво работать для единенія прогрессивныхъ дѣятелей всѣхъ видовъ интеллигентнаго труда, и заключается, думается мнѣ, притягательная сила М. М. Ковалевскаго, дѣлавшаго его центральной фигурой и душой всякаго собранія и по дѣламъ Госуд. Думы, и по дѣламъ Госуд. Совѣта, и въ скромныхъ кругахъ дѣятелей народнаго просвѣщенія.

В. А. Вагнеръ.

М. М. Ковалевскій въ Петроградскомъ университетѣ.

(1906—1916 гг.).

Не настало еще время для составленія полной біографіи покойнаго М. М. Ковалевскаго и оцѣнки всего того, что̀ имъ сдѣлано, какъ ученымъ, профессоромъ, политическимъ и общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ. Его жизнь была столь интересна, красочна и поучительна, а дѣятельность столь исключительно сложна и многостороння, что для ихъ достойнаго изображенія потребуются годы труда и, быть-можетъ, совмѣстная работа многихъ лицъ. М. М. Ковалевскій столько сдѣлалъ въ разныхъ областяхъ науки, такъ поработалъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, оставилъ по себѣ такой слѣдъ въ нашей общественной и государственной жизни, наконецъ сыгралъ такую роль, какъ культурный представитель Россіи и славянства въ Западной Европѣ и Америкѣ, что безспорно имя его должно принадлежать исторіи, а изученіе и характеристика какъ его личности, такъ и его жизненнаго дѣла, должны быть поставлены въ связь съ той эпохой, въ которую онъ жилъ, и должны быть выполнены возможно тщательно и безпристрастно. Ясно, что для біографіи покойнаго М. М. весьма необходимо собрать возможно полный матеріалъ. И это надо сдѣлать теперь же, пока живы тѣ, кому приходилось работать вмѣстѣ съ М. М., или хотя бы быть съ нимъ въ общеніи, или просто наблюдать за его кипучею дѣятельностью. Вотъ подъ вліяніемъ этихъ соображеній я и позволяю себѣ въ настоящей главѣ остановиться на протекшей передъ моими глазами дѣятельности незабвеннаго М. М., какъ профессора Петроградскаго университета.

I.

Петроградскому университету, какъ и Московскому, М. М. Ковалевскій отдалъ 10 лѣтъ своей работы, но съ той разницей, что тамъ онъ начиналъ свою профессорскую карьеру, здѣсь онъ ее заканчивалъ. Избранъ былъ М. М. въ профессоры Спб. тогда университета по представленію проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго, одного изъ его учениковъ, и моему въ 1906 г., т.-е. вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Россію. М. М. былъ утвержденъ въ званіи сверхштатнаго профессора, такъ какъ каѳедра государственнаго права тогда была занята пишущимъ эти строки. Вступивъ въ составъ юридическаго факультета и совѣта нашего университета, Ковалевскій отдался любимому имъ дѣлу съ свойственными ему энергіей и увлеченіемъ. Нечего и говорить о томъ, что для факультета появленіе въ его составѣ такого выдающагося ученаго было весьма важно. Явилась возможность значительно расширить и углубить преподаваніе государственнаго права. М. М. читалъ исключительно конституціонное право иностранныхъ державъ *), придерживаясь историко-сравнительнаго метода, которому онъ всегда оставался вѣренъ и которымъ умѣлъ столь искусно пользоваться. Въ этихъ предѣлахъ онъ разнообразилъ свои курсы, посвящая ихъ то уясненію основныхъ началъ конституціоннаго государственнаго устройства, то излагая государственное право той или иной державы, напримѣръ, Англіи, Бельгіи, С. Ам. С. Штатовъ. Лекціи эти, благодаря и ихъ темамъ, и лекторскому таланту Ковалевскаго, и особой манерѣ вести ихъ въ формѣ бесѣдъ, пересыпаемыхъ остроумной шуткой, мѣткимъ словомъ, пользовались большимъ успѣхомъ **) и собирали массу слушателей. Онѣ были въ то же время весьма своевременны и полезны, такъ какъ, благодаря переходу нашего отечества къ представительному строю, отвѣчали естественному интересу слушателей къ ознакомленію съ этой формой государственнаго устройства, до-

---

*) Мною читались курсы общаго ученія о государствѣ и русскаго государственнаго права. Кромѣ того, наши младшіе коллеги, гг. приватъ-доценты, читали по разнымъ отдѣламъ науки государственнаго права рядъ спеціальныхъ курсовъ, дополнявшихъ наши лекціи.

**) См. статью одного изъ слушателей М. М. — Питирима Сорокина — „М. М. Ковалевскій, какъ профессоръ" въ изд. „Путь студенчества" №№ 2—3. 1916 г. стр. 20—22.

стигшеи у иностранныхъ державъ болѣе высокого и законченнаго развитія, и давали имъ научно обработанныя свѣдѣнія по конституціонному праву, подготовляя тѣмъ кадры будущихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которымъ предстояла работа и жизнь въ новыхъ условіяхъ нашей государственности.

Извѣстно, что старый правовой порядокъ, созданный вѣками и поддерживаемый выросшими въ его рамкахъ людьми, упорно отстаиваетъ свое существованіе и энергично борется силами этихъ людей противъ напора новыхъ идей и новыхъ потребностей, вызванныхъ измѣнившимися условіями жизни, и лишь постепенно и медленно уступаетъ свое мѣсто новому укладу. Чтобы переходъ отъ стараго права къ новому совершился естественнымъ путемъ мирнаго развитія и сложился прочно, необходимо воспитать поколѣнія людей въ атмосферѣ новыхъ идей и научить ихъ понимать и оцѣнивать создавшіяся новыя условія общественнаго и государственнаго существованія. Осуществленію этой важной задачи содѣйствуетъ школа, печать и само общество. Съ этой точки зрѣнія за профессорской дѣятельностью М. М. Ковалевскаго должно быть признано большое значеніе. Въ своихъ лекціяхъ онъ не являлся сухимъ догматикомъ. Онъ старался представить въ историко-сравнительномъ освѣщеніи и объяснить возникновеніе и постепенное развитіе государственныхъ учрежденій и преемственную смѣну формъ государственнаго устройства „отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“ *).

Эволюцію въ области реальныхъ явленій государственнаго строя онъ связывалъ съ эволюціей политическихъ идей, усматривая въ этомъ процессѣ результатъ измѣненія формъ экономическаго быта, общественнаго уклада и общаго прогресса культуры, вырастающихъ въ условіяхъ дѣйствія и подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ соціальной жизни. Такой эволюціонно-соціологическій взглядъ на государственный бытъ является надежной охраной какъ противъ нетерпѣливыхъ стремленій къ радикальнымъ перемѣнамъ въ немъ, такъ и противъ неменѣе опаснаго застоя. Такимъ образомъ Ковалевскій своими чтеніями давалъ возможность слушателямъ солидно относиться

*) См. его трехтомный трудъ подъ этимъ заглавіемъ.

къ основамъ правового государственнаго строя и тѣмъ содѣйствовалъ подготовкѣ нашего общества къ разумному воспріятію новыхъ формъ государственной жизни*).

Къ сожалѣнію, М. М. не издалъ самъ своихъ лекцій, читанныхъ имъ въ университетѣ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Есть только весьма несовершенныя изданія его курсовъ, сдѣланныя его слушателями.

Это—„Общее конституціонное право" (Лекціи, читанныя въ Спб. университетѣ и Политехникумѣ въ 1907—1908 г. Изданіе студента Н. П—м. На правахъ рукописи) и „Конституціонное право" (Лекціи, читанныя въ Спб. университетѣ и Политехническомъ институтѣ въ 1908—1909 г. Изданіе кассы взаимопомощи студентовъ Спб. Политехническаго института Спб. 1909 г.).

Въ первомъ (изъ двухъ частей) послѣ вступительныхъ замѣчаній данъ довольно подробный очеркъ развитія представительныхъ учрежденій, начиная съ средневѣковыхъ собраній сословныхъ представителей, въ связи съ политической доктриной XVIII в. (Монтескье и Руссо), а затѣмъ сдѣланъ анализъ основныхъ вопросовъ конституціонализма. Второе посвящено главнымъ образомъ изложенію исторіи и современнаго состоянія англійскаго государственнаго устройства. Уже по этимъ изданіямъ можно до нѣкоторой степени видѣть, что составляло предметъ университетскихъ чтеній покойнаго Ковалевскаго. Отсутствіе редактированныхъ имъ самимъ лекцій, можетъ-быть, между прочимъ объяснено существованіемъ его печатныхъ трудовъ по конституціонному праву Англіи**), Бельгіи***) и С. А. С. Штатовъ****), которые отчасти могли замѣнять печатные курсы и служить для студентовъ пособіемъ при изученіи государственнаго устройства названныхъ странъ.

---

*) См. ст. К. Н. Соколова „М. М. Ковалевскій, какъ учитель конституціоннаго права": помѣщ. въ „Рѣчи" за 1916 г., № 126.

**) Не говоря о диссертаціяхъ магистерской и докторской, см. ст. „Англійская конституція" (т. 2) въ Нов. энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, затѣмъ разросшаяся въ большой томъ ст. „Исторія Англіи" въ Энц. слов. Тов. бр. Гранатъ.

***) Статья „Бельгійская конституція" въ энц. слов. Брокгауза и Ефрона. (т. 5) и въ Сбор. ст. подъ заглавіемъ „Политическій строй современн. государствъ" т. 2.

****) Ст. въ Сборн. ст.—„Политич. строй совр. государствъ", т. I.

II.

Въ близкой связи съ преподаваніемъ стоятъ занятія профессоровъ съ молодыми людьми, оставляемыми при университетѣ для подготовки къ ученой дѣятельности. М. М. весьма охотно вмѣстѣ со мной руководилъ работой довольно значительнаго числа такихъ аспирантовъ, а затѣмъ принималъ участіе и въ ихъ магистерскихъ экзаменахъ. На долю М. М. приходилось главнымъ образомъ направленіе ихъ занятій въ изученіи тѣхъ частей науки государственнаго права, которыя были предметомъ его преподаванія, т.-е. государственнаго права иностранныхъ державъ и исторіи политическихъ ученій. Нужно ли прибавлять, что по глубокому знанію источниковъ и литературы предмета покойный М. М. былъ незамѣнимымъ руководителемъ?

Но чтеніемъ лекцій, руководствомъ занятіями магистрантовъ и печатаніемъ ученыхъ изслѣдованій, разумѣется, не ограничивалась профессорская дѣятельность М. М. Онъ всегда готовъ былъ исполнять и дѣйствительно исполнялъ разнаго рода обязанности, связанныя съ профессурой. Такъ не разъ ему приходилось по избранію юридическаго факультета принимать участіе въ разныхъ комиссіяхъ, напримѣръ, въ комиссіяхъ для разсмотрѣнія и оцѣнки ученыхъ трудовъ лицъ, искавшихъ каѳедръ по той или другой отрасли государствовѣдѣнія, или въ комиссіи для выработки представленія бывшему министру нар. просв. Л. А. Кассо, а затѣмъ въ первый департаментъ правительствующаго Сената о незаконности распоряженій министра, коими воспрещалось приватъ-доцентамъ читать параллельные курсы. Весьма охотно также участвовалъ М. М. въ разсмотрѣніи сочиненій, поданныхъ въ факультетъ для полученія ученой степени магистра или доктора государственнаго права, и потомъ выступалъ на диспутахъ. Его выступленія въ роли оппонента вносили въ диспутъ оживленіе и дѣлали его особенно интереснымъ. Тутъ М. М. блисталъ какъ своимъ ораторскимъ талантомъ, такъ и обширностью познаній. Изящная, живая и остроумная рѣчь въ связи съ благожелательнымъ тономъ истиннаго джентльмена по отношенію къ своему противнику на ученомъ турнирѣ легко завоевывала или вѣрнѣе подогрѣвала уже ранѣе пріобрѣтенныя М. М. симпатіи присутствовавшихъ, и диспутъ вызывалъ оваціи по его адресу.

Но не только высоко цѣнилъ М. М. юридическій факультетъ. Равнымъ уваженіемъ онъ пользовался и въ Совѣтѣ университета, который имѣлъ случай проявить это на дѣлѣ. Такъ по избранію Совѣта*) М. М. былъ одно время предсѣдателемъ дисциплинарнаго суда, ѣздилъ въ качествѣ представителя нашего университета на научныя торжества (Открытіе Саратовскаго университета въ 1909 г.) и съѣзды (конгрессъ расъ въ Лондонѣ въ 1911 г.) и, наконецъ, дважды былъ избранъ въ выборщики членовъ Государственнаго Совѣта, а затѣмъ собраніемъ выборщиковъ и въ члены нашей верхней палаты, которымъ оставался до конца своихъ дней.

Нечего и говорить, что въ отношеніяхъ къ товарищамъ по факультету и Совѣту и въ отношеніяхъ къ своимъ слушателямъ и ученикамъ Ковалевскій неизмѣнно проявлялъ счастливыя свойства своего характера—высокую деликатность, благородную простоту и неисчерпаемую благожелательность. Онъ всегда готовъ былъ оказать помощь тому, кто въ этомъ нуждался и нерѣдко даже не ожидалъ, пока къ нему обратятся, а самъ предлагалъ свои услуги. „Не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезнымъ",—просто и скромно спрашивалъ онъ и находилъ время для хлопотъ по чужимъ дѣламъ. Особенно чутокъ онъ былъ къ нуждамъ студенчества и заботамъ о нихъ отдавалъ свой трудъ. Желая быть полезнымъ въ этомъ отношеніи, онъ даже принялъ на себя предсѣдательствованіе въ Обществѣ вспомоществованія студентамъ Имп. Спб. университета.

Таковъ былъ М. М. Ковалевскій, какъ профессоръ нашего университета. Его служеніе здѣсь дѣлу науки и просвѣщенія совпало съ періодомъ наиболѣе кипучей его дѣятельности въ роли не только профессора другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но и въ роли политическаго и общественнаго дѣятеля широкаго масштаба и, наконецъ, въ роли публициста. Понятно поэтому, что университетская работа М. М. закрывалась до извѣстной степени болѣе видными проявленіями его разнообразной и неустанной дѣятельности. Это тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ ей имѣть важное значеніе, а потому имя М. М. Ковалевскаго должно занять въ лѣтописяхъ нашего университета одно изъ почетныхъ мѣстъ.

И. Ивановскій.

---

*) См. протоколъ засѣданія Совѣта Имп. Спб. унив. 17 мая 1910 г.

Одно изъ крупныхъ дѣлъ М. М. Ковалевскаго.

Говоря о дѣятельности М. М., нельзя съ увѣренностью повторить стихъ Пушкина: „еще одно послѣднее сказанье и лѣтопись окончена моя". Несомнѣнно останется все-таки одно или два его созданія, о которыхъ забудутъ. И оно понятно. Вернувшись изъ невольнаго изгнанія, Ковалевскій сталъ знаменемъ, символомъ русской культуры и всѣхъ русскихъ культурныхъ начинаній. Не было такого хорошаго дѣла, а въ особенности культурно-просвѣтительнаго, которое не стремилось бы украсить себя его именемъ, его звали на закладку всѣхъ такихъ дѣлъ, и имя его водружалось, какъ знамя. Но съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ не порывалъ и потомъ до конца жизни, и для этихъ дѣлъ онъ былъ не только выдающимся русскимъ ученымъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, но своимъ, близкимъ, роднымъ, которому многимъ обязаны, съ которымъ дѣлили и радости и горе, котораго подымали и везли къ власть имущимъ, когда угрожала опасность.

И, конечно, было бы грѣшно близкому для Максима Максимовича дѣлу промолчать, не принять участія въ общей исповѣди о всемъ имъ совершенномъ, не принести и своей скромной лавровой вѣточки, когда плетется общій вѣнокъ этому благородному русскому дѣяте

Къ числу такихъ близкихъ Максиму Максимовичу дѣлъ несомнѣнно долженъ быть причисленъ Психо-Неврологическій Институтъ, какъ учебное учрежденіе и созданное имъ высшее учебное заведеніе, получившее по новому уставу названіе Частнаго Петроградскаго Университета и числящее 6.212 студентовъ и студентокъ.

Большое дѣло несомнѣнно не выросло бы такъ, если бы на его фронтонѣ не красовалось съ самаго начала, съ 1907 года, еще за полгода до открытія учебнаго заведенія, имя Максима Максимовича.

Но онъ далъ не только свое имя, но и значительную часть своего труда... Онъ принялъ близкое участіе къ выработкѣ са-

маго учебнаго, совершенно оригинальнаго, плана учебнаго заведенія, читалъ лекціи по конституціонному праву и соціологіи, прервавъ послѣднія только за нѣсколько недѣль до смерти, состоялъ до послѣднихъ дней, начиная съ 1910 г. (со времени смерти Д. А. Дриля) деканомъ юридическаго факультета.

Было много основаній для такого теплаго отношенія М. М. къ молодому дѣлу.

Прежде всего, это было дѣло просвѣтительное, а у М. М. была безграничная вѣра въ силу и даже спасительность просвѣщенія и культуры, какъ средства отъ всѣхъ золъ. Онъ мнѣ сказалъ какъ-то, смѣясь: „я не сомнѣваюсь, что гораздо дѣйствительнѣе писать статьи, чѣмъ бросать бомбы". Затѣмъ это было дѣло „вольное", „частное", а М. М. былъ менѣе всего чиновникомъ отъ каѳедры. И вольность эта проявлялась въ разныхъ направленіяхъ. Былъ допущенъ широкій пріемъ всѣхъ, жаждущихъ просвѣщенія и, если дипломный вопросъ не былъ совсѣмъ устраненъ, то по крайней мѣрѣ понятіе законченнаго средняго образованія толковалось широко и никакъ не сводилось къ требованію окончанія самаго несовершеннаго изъ типовъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній—классическихъ гимназій. Не интересовались и вопросомъ о національности ищущаго просвѣщенія и такое отношеніе въ дѣлѣ просвѣщенія къ національному вопросу вполнѣ понятно для всякаго не истинно, но по-настоящему русскаго человѣка, такъ дѣйствительно въ русскомъ духѣ терпимости. Но главная вольность состояла, конечно, въ учебномъ планѣ, однимъ изъ создателей котораго былъ самъ М. М. Здѣсь авторы позволили себѣ роскошь включить въ учебный планъ всѣ тѣ дисциплины, которыя признаются современной наукой, хотя и не допущены казенными программами, включая соціологію и уголовную соціологію, относительно которой Ученый Комитетъ при покойномъ Сонинѣ, ознакомившись съ учебнымъ планомъ Института, не постѣснялся выразиться очень рѣзко, уподобляя ее, какъ дѣлали 50 лѣтъ тому назадъ, blaguologie. Была сдѣлана попытка возстановить за университетомъ истинный смыслъ его названія universitas, т.-е. общаго, хотя и высшаго образованія и былъ образованъ особый основной факультетъ съ двухгодичнымъ курсомъ. Прохожденіе основного факультета обязательно прежде допущенія на одинъ изъ спеціальныхъ факультетовъ; преподаются на немъ химія, біологія, физика, анатомія и гео-

Академическая группа Государственнаго Совѣта (въ 1913 г.). 1. Е. В. Рыковъ, 2. Проф. Е. Л. Зубашевъ, 3. Проф. А. В. Васильевъ, 4. С. Ѳ. Ольденбургъ, 5. М. М., 6. И. Г. Каменскій, 7. Д. Д. Гриммъ, 8. Гр. Толстой, 9. Н. В. Маринъ, 10. В. П. Энгельгардтъ, 11. Проф. Д. И. Багалѣй.

логія, съ одной стороны, исторія, исторія литературы, исторія искусства, психологія, логика, съ другой стороны и, наконецъ, общее ученіе о государствѣ, статистика, политическая экономія и соціологія, которую и читалъ М. М. поперемѣнно съ Е. В. де-Роберти.

Характеризуя участіе М. М. въ жизни Института, а нынѣ Университета, нельзя не сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ о лекторѣ прежде всего и какъ о деканѣ и членѣ Совѣта затѣмъ.

Есть три типа лекторовъ. Одни—начинающіе или безнадежные—выносятъ передъ слушателемъ непереваренную духовно, не освѣщенную собственными взглядами, лоскутную компиляцію. Другіе, наоборотъ, превращаются очень легко въ то, что французы называютъ conferenciers, слишкомъ часто украшаютъ стекла трамваевъ своими фамиліями, говорятъ о чемъ угодно, не имѣютъ научныхъ произведеній, и ихъ отношеніе къ наукѣ сомнительно, многіе по крайней мѣрѣ говорятъ про нихъ „что тебѣ гекуба и что ты ей“.

Третій типъ, къ сожалѣнію, не столь частый, людей знающихъ, что аудиторія не состоитъ изъ спеціалистовъ въ данной наукѣ, что ихъ надо заинтересовать, но именно данной наукой, что для этого надо прежде всего имѣть собственные сложившіеся научные взгляды, надо имѣть выработанную ясную систему изложенія, и слушатели,—стоящіе, чтобы о нихъ думали, всегда это оцѣнятъ. Нечего и говорить, что М. М. принадлежалъ къ этой категоріи. Онъ всегда готовился къ лекціямъ, и самъ мнѣ сознавался, что ночь передъ первой лекціей въ учебномъ сезонѣ плохо спалъ. Какой назидательный урокъ для тѣхъ, къ сожалѣнію, не рѣдкихъ экземпляровъ, которые на пути въ аудиторію не знаютъ еще, о чемъ будутъ говорить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вся громадная широкая эрудиція М. М., плотно спаянная твердыми, сложившимися, ясными научными взглядами, облекалась въ форму остроумной, непринужденной, легко усвояемой, бесѣды.

Какъ деканъ и членъ Совѣта, М. М. всегда являлся тѣмъ солнышкомъ русской культуры, стоящимъ превыше всякихъ честолюбій, зависти и т. д., передъ лицомъ котораго все успокаивалось само собою, умиротворялось, облагораживалось. Счастливо то учрежденіе, которое много лѣтъ грѣлось въ лучахъ этого солнышка.

Сергѣй Гогель.

Глава V.

Научная дѣятельность.

М. М. Ковалевскій и его научное наслѣдіе.

Чѣмъ былъ М. М. для русскаго общества, для его товарищей по законодательной дѣятельности, по наукѣ и преподаванію, для учащейся молодежи, для всѣхъ его знавшихъ, или по крайней мѣрѣ о немъ знавшихъ, это вполнѣ сказалось въ откликахъ на извѣстіе о его кончинѣ. Ихъ не заглушила та военная гроза, которая уноситъ съ собой столько молодыхъ, цвѣтущихъ жизней. У его могилы собрались представители русской политической, общественной и культурной жизни воздать послѣдній долгъ незабвенному и дорогому М. М. Ковалевскому.

1.

Первое, что поражало въ умственномъ обликѣ М. М. Ковалевскаго—его необычайная широта интересовъ—широта, которая всецѣло проявилась и въ его работахъ. Здѣсь можно было бы сопоставить его съ Б. Н. Чичеринымъ, противъ котораго онъ довольно рѣзко полемизировалъ на страницахъ „Критическаго Обозрѣнія". Мы, такъ привыкшіе къ спеціализаціи, строго проведенному раздѣленію труда въ наукѣ, съ удивленіемъ и нѣкоторой завистью смотримъ на этихъ представителей прошлой эпохи, которые не останавливались передъ широкими синтезами и сопоставленіями изъ различныхъ отраслей знанія. Этотъ синтезъ вовсе не исключалъ ряда детальныхъ подготовительныхъ изслѣдованій.

Въ этой обширной и богатой эрудиціи что являлось центромъ? Можно ли за таковой брать науку, офиціальнымъ представителемъ которой былъ М. М. Ковалевскій, каѳедру которой онъ занималъ? Но вѣдь самую эту науку можно брать по разному. Задача государственнаго права—понять государство юридически, понять его какъ совокупность правовыхъ нормъ. Но

государственное право всегда должно представлять собою совокупность нормъ дѣйствующихъ, т.-е. осуществляющихся. Невозможно здѣсь остаться при дуализмѣ, котораго придерживается, напримѣръ, Кельсенъ, при полномъ раздѣленіи нормы и факта. Поскольку государственное право есть совокупность нормъ, оно есть чисто юридическая дисциплина; поскольку это нормы дѣйствующія, оно представляетъ часть общей науки о государствѣ. Поэтому въ разработкѣ этого права можно найти колебанія отъ крайняго формализма до крайняго соціологизма, и золотая середина, конечно, не является здѣсь эклектическимъ ихъ смѣшеніемъ.

Несомнѣнно, М. М. не былъ типичнымъ юристомъ-догматикомъ, несомнѣнно, у него преобладало тяготѣніе къ соціально-историческому изученію государства. Однако онъ никогда не впадалъ при этомъ въ крайности, подобно Гумиловичу, вычеркивающему вообще государственное право изъ области юриспруденціи. Въ напечатанныхъ его курсахъ по конституціонному праву, которые онъ читалъ въ Петроградскомъ университетѣ и Политехникумѣ, мы находимъ разработку вопросовъ, всецѣло относящихся къ юридическому истолкованію государства, напримѣръ: составляетъ ли общность essentiale закона?—вопроса, на который М. М. Ковалевскій, расходясь здѣсь съ Лабандомъ и Еллинекомъ, какъ и со многими извѣстными французскими авторами, по моему убѣжденію, даетъ вполнѣ правильный положительный отвѣтъ. Но обычно М. М. подходилъ къ современному государству скорѣе съ морфологической, чѣмъ съ догматической стороны. Его можно было бы сопоставить съ американскимъ государствовѣдомъ Борджессомъ (Burgess); но великое преимущество М. М. лежало въ томъ, что морфологія здѣсь опиралась на исторію развитія, что въ его распоряженіи была колоссальная историческая эрудиція, привлекаемая къ изслѣдованію строя и дѣятельности современнаго государства.

Здѣсь умѣстно коснуться отношенія М. М. къ нѣмецкой юриспруденціи. Ему часто приписывалось категорическое ея отрицаніе. Это невѣрно. М. М., конечно, не могъ сочувствовать тѣмъ политическимъ тенденціямъ, которыя такъ сильны въ нѣмецкой литературѣ, несмотря на ея кажущійся строгій формализмъ (напримѣръ, ученіе о томъ, что „die Sanction allein ist Gesetzgebung im staatsrechtlichen Sinne des Wortes“). Не могъ

онъ сочувствовать и крайнему формальному пониманію, представляющему переносъ цивилистическихъ навыковъ и понятій въ публицистику. Ближе и симпатичнѣе была ему наука французская и англійская, и онъ весьма сожалѣлъ, что начинающіе русскіе юристы часто обращали свое вниманіе только на нѣмецкихъ авторовъ, нѣмецкіе университеты. Но какого-либо огульнаго и предвзятаго отрицанія у него не было, и онъ безпристрастно цѣнилъ даже такихъ далекихъ ему по воззрѣніямъ авторовъ, какъ Лабандъ, не говоря о Еллинекѣ.

2.

Подлиннымъ центромъ умственныхъ интересовъ М. М. Ковалевскаго было не государственное право, а наука о государствѣ, основанная на его историческомъ и соціологическомъ изученіи. Государственное право составляло лишь ея часть. По духу М. М. чувствовалъ себя ближе къ историкамъ, чѣмъ къ чистымъ юристамъ. У него былъ опредѣленный вкусъ къ изслѣдовательской исторической работѣ, не даромъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ признательно отзывается объ Ecole des chartes и противополагаетъ преподаваніе въ ней духу догматизма и риторики, проникающему Ecole de droit. Онъ стремился всегда подойти къ источнику, и его особенно привлекала архивная работа. Изданіе историческихъ документовъ было въ глазахъ М. М. не менѣе важнымъ научнымъ дѣломъ, чѣмъ самостоятельное монографическое изслѣдованіе. Еще въ 1876 г. во время своего пребыванія въ Англіи онъ издаетъ „Собраніе неизданныхъ актовъ и документовъ, служащихъ къ характеристикѣ полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ“ (впослѣдствіи въ болѣе полномъ видѣ эти документы изданы были Мэтлендомъ). Въ періодъ, слѣдовавшій за оставленіемъ Московскаго Университета, онъ издаетъ донесенія венеціанскихъ пословъ, относящіяся къ эпохѣ французской революціи.

М. М. Ковалевскій требовалъ отъ изслѣдователя вниманія и интереса къ источнику, но онъ вовсе не ограничивался здѣсь источниками, т.-е. официальными законодательными текстами, рѣшеніями судовъ, грамотами, хартіями и т. д. Я думаю, онъ согласился бы съ Тэномъ, что застольныя рѣчи Лютера и мемуары Бенвенуто Челлини стоятъ многихъ архивныхъ матеріа-

ловъ. Читатель „Происхожденія современной демократіи" помнитъ, какъ много и умѣло пользовался здѣсь авторъ литературой мемуаровъ. Особенно характерна въ этомъ смыслѣ статья, помѣщенная въ сборникѣ въ честь С. А. Юрьева, гдѣ М. М. анализируетъ драмы Лопе-де-Веги, какъ источникъ для характеристики испанскихъ народныхъ массъ XVII вѣка. Вѣдь источникомъ можетъ быть въ этомъ смыслѣ всякій памятникъ человѣческой культуры.

Главныя историческія работы М. М. относились къ Англіи и Франціи. Онъ началъ съ изслѣдованія французскаго стараго порядка и исторіи англійскаго мѣстнаго управленія. Чисто исторической является его докторская диссертація „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ", гдѣ съ одной стороны авторъ пытается установить распредѣленіе движимой и недвижимой собственности, а съ другой — характеризуетъ сословія и классы эпохи. Когда судьба доставила ему возможность всецѣло посвятить себя научной работѣ, онъ далъ произведеніе такого широкаго размаха, какъ „Происхожденіе современной демократіи". Правда, М. М. не могъ исчерпать этой темы, которая въ сущности должна была исторически объяснить происхожденіе того государственнаго и общественнаго строя, въ направленіи котораго, съ большей или меньшей быстротой, идетъ не только Европа, но и вообще современное человѣчество. Но и то, что̀ дано въ четырехъ томахъ „Происхожденія", охватываетъ огромный матеріалъ. Мы находимъ картину стараго порядка въ его экономической, соціальной и политической сторонѣ, а также изображеніе и той идеологіи, которая была противопоставлена существующему порядку и опредѣлила разрушительную и творческую работу революціи. Мы находимъ далѣе весьма подробное изслѣдованіе дѣятельности національнаго собранія, запечатлѣвшейся прежде всего въ конституціи 1791 г., и также изслѣдованіе эфемернаго періода, который М. М. называетъ „народной монархіей". И наконецъ, послѣдняя часть посвящена концу самаго знаменитаго и интереснаго аристократическаго правленія въ Европѣ — паденію венеціанской аристократіи, которое, впрочемъ, очень небольшимъ промежуткомъ времени было отдѣлено отъ паденія венеціанской независимости. Потребовалась огромная работа надъ самыми разнообразными источниками, чтобы создать эти томы, вносящіе такъ много новаго въ европейскую историческую науку.

3.

При такой широтѣ замысла М. М. не могъ ограничиться одной исторіей учрежденій, не могъ остаться въ предѣлахъ т. ск. области государственнаго права. Прежде всего исторія учрежденій тѣсно сплетается съ исторіей политическихъ ученій. Какое большое мѣсто имъ отведено въ I томѣ „Происхожденія современной демократіи“ — Монтескье и Руссо — теоретикамъ парламентской оппозиціи и физіократамъ, англоманамъ и сторонникамъ американскихъ порядковъ. Въ еще большей степени это проведено въ трехъ томахъ „Отъ прямого народоправства къ представительству“. Многое здѣсь, — напримѣръ, англійскія политическія ученія XVI вѣка — являлось новымъ для русскаго читателя. Благодаря такой связи, даже столь изученные мыслители, какъ Монтескье и Руссо, предстаютъ въ новомъ свѣтѣ. Какія важныя поправки, напримѣръ, въ пониманіи Contrat social вноситъ разборъ тѣхъ своеобразныхъ политическихъ экспертизъ, которыя высказывалъ Руссо по поводу Польши и Корсики. И наконецъ не забыты популяризаторы и пропагандисты доктринъ: говоря о Руссо, М. М. не могъ пропустить Сіэса, говоря о Монтескье—Черутти.

Политическія идеи все-таки не объясняются одной обстановкой эпохи, онѣ связуются своей внутренней логикой, хотя эта логика и не укладывается въ гегельянскія схемы. Историческая точка зрѣнія на государство неизбѣжно включаетъ въ поле изслѣдованія и соціальныя основы этого государства. Политика связана съ экономикой—можно это утверждать, нисколько не принимая за непреложную истину экономическаго матеріализма. Съ середины 19 вѣка исторіографія выдвинула вообще изученіе соціальнаго строя и соціальнаго развитія въ исторіи. Можемъ ли мы понять феодальное государство безъ его натурально-хозяйственной основы? Можемъ ли мы оторвать ростъ абсолютной монархіи во Франціи отъ тѣхъ экономическихъ измѣненій, которыя позволили чрезвычайно расширить косвенные налоги? М. М. Ковалевскій въ своихъ конкретно-историческихъ изслѣдованіяхъ всегда стремился соединить политику и экономику. Достаточно здѣсь напомнить изображеніе соціально-экономическаго строя Франціи при старомъ порядкѣ. Артуръ Юнгъ является для него не менѣе цѣннымъ свидѣтелемъ, чѣмъ представители чисто политическихъ теченій и настроеній. И когда ему прихо-

дилось за границей читать курсъ о Россіи, онъ никогда не ограничивался ея государственнымъ бытомъ, всегда останавливался на ея экономическихъ и соціальныхъ своеобразіяхъ.

Впрочемъ, у М. М. былъ всегда и самостоятельный интересъ къ политической экономіи и исторіи хозяйства. Онъ съ благодарностью вспоминаетъ о курсѣ профессора Сокальскаго. Его ближайшими друзьями въ Московскомъ университетѣ были такіе крупные представители экономической науки, какъ А. И. Чупровъ и И. И. Янжулъ, и онъ поддерживалъ съ ними оживленное научное общеніе. Естественно, симпатіи М. М. принадлежали и здѣсь широкой исторической постановкѣ вопросовъ, какъ въ области экономической политики онъ съ юныхъ лѣтъ былъ сторонникомъ широкаго соціальнаго законодательства, Особенно отрицательно относился онъ къ отвлеченному манчестерству, которое, казалось ему, застыло въ своемъ непониманіи совершающагося. Отголоски этой антипатіи чувствуются и въ его полемикѣ противъ Б. Н. Чичерина, которую впослѣдствіи онъ самъ осуждалъ. Не будучи ни въ какой мѣрѣ марксистомъ. онъ высоко цѣнилъ научное значеніе Маркса въ области теоретической экономіи и исторіи хозяйства. Вообще соціализму, не какъ отвлеченной доктринѣ, а какъ общему уклону въ развитіи соціальныхъ и хозяйственныхъ отношеній, по его взгляду, принадлежитъ большое будущее.

Съ самаго начала особенно интересовали М. М. вопросы землевладѣнія въ связи съ оконченными спорами о земельной общинѣ. Еще въ 1876 г. вышла его небольшая работа, написанная и напечатанная въ Лондонѣ, о распаденіи общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ. Черезъ три года онъ выпускаетъ монографію: „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“. Эта книга вышла, когда въ русской литературѣ велась настоящая борьба вокругъ общины,— достаточно здѣсь напомнить сочиненіе кн. А. И. Васильчикова и критику Б. Н. Чичерина и В. И. Герье. Самъ М. М. хотѣлъ здѣсь остаться на почвѣ объективно-научной, — не даромъ онъ поставилъ эпиграфомъ слова Спинозы —„не плакать, не смѣяться, а понимать“; въ книгѣ разбирается исторія общины въ колоніяхъ—вообще вопросы, далекіе отъ русской дѣйствительности. Но положительное отношеніе автора къ общинѣ остается яснымъ. М. М. никогда не былъ чистымъ народникомъ въ этомъ вопросѣ, но еще дальше онъ стоялъ отъ огульнаго отрицанія

общины. Отсюда его весьма отрицательное отношеніе къ указу 9-го ноября 1906 г. даже съ точки зрѣнія соціально-экономической, — отношеніе едва ли свободное отъ значительной односторонности.

Самымъ крупнымъ вкладомъ въ экономическую науку, въ частности въ исторію хозяйства, былъ трехтомный трудъ М. М. Ковалевскаго: „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства". Вмѣстѣ съ „Происхожденіемъ современной демократіи" это едва ли не наиболѣе цѣнная часть въ обширномъ научномъ наслѣдіи, которое оставилъ М. М. Но здѣсь захватъ еще шире, и при этомъ синтезъ опирается на рядъ собственныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Первый томъ посвященъ уясненію римскихъ и германскихъ элементовъ въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины, а также экономикѣ феодализаціи недвижимой собственности въ Англіи, Германіи и Франціи. Второй содержитъ изображеніе помѣстнаго хозяйства въ этихъ странахъ, а также въ Италіи и Испаніи, и паденіе, скорѣе ослабленіе, въ средніе вѣка крѣпостного права. Въ третій входитъ цеховой строй и вообще промышленная организація въ средніе вѣка, рабочій вопросъ; значительная часть посвящена экономическимъ послѣдствіямъ черной смерти. Здѣсь вполнѣ сказалось совмѣщеніе у автора широкихъ обобщеній съ любовью къ конкретному. Внѣшняя архитектоника книги отъ этого нѣсколько пострадала, но содержательность чрезвычайно выиграла. Можно сопоставить трудъ Ковалевскаго съ такими произведеніями историко-экономической литературы, какъ Geschichte des modernen Kapitalismus Зомбарта, только у М. М. нѣтъ того схематизма, любовь къ которому иногда заставляетъ Зомбарта весьма насильственно обращаться съ историческимъ матеріаломъ. Слѣдуя Бэкону, М. М. Ковалевскій стремился главнымъ образомъ найти axiomata media: дальнѣйшее движеніе кверху требовало въ его глазахъ исключительной осторожности.

4.

Тотъ, кто хочетъ изучать семью и государство, право и хозяйство въ ихъ наиболѣе простыхъ и элементарныхъ формахъ, неминуемо отъ исторіи переходитъ къ этнографіи и этнологіи. Самая граница здѣсь весьма искусственна. Вкусъ М. М. къ этнографіи пробудился еще въ Лондонѣ—особенно въ общеніи

съ Мэномъ. Изученіе Макленана и Моргана убѣдило его въ ошибочности патріархальной теоріи Мэна и заставило его подъ угломъ зрѣнія новыхъ взглядовъ на экзогамію, тотемизмъ и матріархатъ пересмотрѣть обширный историко-юридическій матеріалъ. Въ этой области онъ считаетъ себя весьма обязаннымъ В. Ѳ. Миллеру, не только его работамъ (напр. о культѣ), но и совмѣстнымъ съ нимъ поѣздкамъ по Кавказу. М. М. и здѣсь хотѣлъ подойти къ самому источнику знанія. Плодомъ этихъ поѣздокъ явилась его монографія о правѣ кавказскихъ народностей, преимущественно осетинъ: „Законъ и обычай на Кавказѣ". Въ другихъ работахъ по этнографіи Ковалевскій давалъ уже болѣе широкія обобщенія. Сюда относится его „Первобытное право", „Эволюція рода и семьи" и болѣе популярное „Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriété" (его публичныя лекціи въ Стокгольмѣ), „Родовой бытъ", не говоря о рядѣ другихъ статей и замѣтокъ.

М. М. постоянно и внимательно слѣдилъ за этнографической литературой: на его столѣ можно было найти и Golden Bough Фразера и новыя изслѣдованія Спенсера о бытѣ австралійскихъ и тасманійскихъ племенъ и пр. Но эта литература никогда имъ, такъ сказать, не овладѣвала. У него было инстинктивное предубѣжденіе противъ всякой предвзятой теоріи, и онъ ясно чувствовалъ, насколько успѣхи этнографіи и этнологіи требуютъ критическаго установленія фактовъ, строгой провѣрки всякихъ выводовъ. Отъ этого и кажется часто, что новая этнографія знаетъ меньше, чѣмъ старая. Однако М. М. не впадалъ и въ безплодную крайность скептицизма. Его вѣра въ сравнительно-историческій методъ осталась непоколебленной. Кромѣ того, для М. М. былъ чрезвычайно полезенъ его личный этнографическій опытъ—онъ былъ убѣжденъ, что онъ можетъ дать плодотворныя объясненія, если только не подходить къ вопросу съ заранѣе готовымъ отвѣтомъ. Сильное впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ чтенія Моргана, не могло скрыть отъ него всей искусственности этихъ „пуналуа" и другихъ родовыхъ конструкцій американскаго ученаго. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ останавливался М. М. надъ всякимъ фактомъ, который даетъ новое свидѣтельство о матеріальной или духовной культурѣ народовъ. Поэтому онъ придавалъ такое серьезное значеніе археологіи и проводилъ часы передъ витринами археологическихъ и этнографическихъ музеевъ. За берлинское „Völkerkunde"

онъ готовъ былъ простить организатору этого великолѣпнаго музея Бастіану всѣ его туманности и весь его чудовищный стиль.

Здѣсь нельзя не указать на одну подлинную заслугу М. М. Ковалевскаго передъ русскимъ просвѣщеніемъ. Я разумѣю самую популяризацію этнографіи, его работу въ сотрудничествѣ съ Миллеромъ въ этнографическомъ отдѣлѣ Общества любителей естествознанія. Немного есть странъ, гдѣ этнографическія изслѣдованія болѣе важны, чѣмъ въ Россіи, и все-таки у насъ этихъ изслѣдованій такъ мало, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этнографія почти не преподается, историки и юристы проходятъ мимо нея. Будемъ надѣяться, что этотъ научный завѣтъ Ковалевскаго наконецъ получитъ признаніе и среди спеціалистовъ и среди всего русскаго общества.

5.

При такомъ разнообразіи интересовъ и занятій М. М. долженъ былъ часто касаться тѣхъ вопросовъ, на которые притязаетъ соціологія. Правильны ли эти притязанія? Извѣстно, какимъ недовѣріемъ окружена эта молодая наука со стороны разныхъ представителей отдѣльныхъ отраслей гуманитарнаго и соціальнаго знанія. Ей ставится въ вину любовь къ поверхностнымъ аналогіямъ, крайній диллетантизмъ, отсутствіе устойчивой и методологической основы. И даже когда Зиммель выпускаетъ свою „Соціологію", онъ какъ бы признаетъ справедливость этихъ обычныхъ возраженій, его соціологія есть чисто философская дисциплина съ включеніемъ, какъ у него всюду, своеобразнаго психологизма. Надо сознаться, что отдѣльные представители соціологіи, официальные, такъ сказать, соціологи, часто оправдывали эти предубѣжденія. Достаточно здѣсь напомнить писанія Ренэ Вормса. Не даромъ, какъ говорилъ самъ М. М. въ предисловіи къ I тому „Соціологіи", ее во Франціи называли „blaguelogie". Но если неудовлетворительны соціологи, снимается ли самая проблема соціологіи какъ науки? М. М. Ковалевскій могъ здѣсь отвѣчать лишь отрицательно. Какъ ни далеки отъ насъ взгляды Ог. Конта, во всякой классификаціи наукъ должно быть мѣсто для соціологіи. Ея обобщающій характеръ не долженъ пугать. Современные люди науки хорошо усвоили завѣтъ Фюстель-де-Куланжа: на нѣсколько лѣтъ анализа нѣсколько строчекъ синтеза; но все же эти строчки необхо-

димы. Нужно только избѣгнуть злоупотребленія отвлеченными схемами, апріорными построеніями въ той области, которая вся должна покоиться на наблюденіи, искусственнымъ монизмомъ.

Противъ подобнаго схематизма и односторонняго установленія нѣкой соціальной первопричины и возражалъ М. М. Ковалевскій въ книгѣ „Современные социологи". Здѣсь разобраны отдѣльные авторы и отдѣльныя направленія: психологическое, экономическое, антропогеографическое и тѣ разнообразныя доктрины, которыя видятъ въ соціологіи науку, строящую свои собственные законы. Каждое изъ этихъ соціологическихъ теченій болѣе или менѣе право, выдвигая извѣстныя стороны соціальнаго процесса, оставляемыя въ тѣни другими; оно неправо, подчиняя этой сторонѣ другія и создавая поспѣшныя, неоправданныя опытомъ обобщенія. Говорить такъ не значитъ проповѣдывать простой эклектизмъ, освобождающій отъ всякой критической умственной работы, — это значитъ лишь въ область, ставящую себѣ исключительно широкія и потому трудныя задачи, вводить духъ провѣрки и отвѣтственности. Признавая это, М. М. однако счелъ возможнымъ въ своей двухтомной „Соціологіи" дать собственный ея очеркъ. Вторая ея часть — „Генетическая соціологія" — по большей части представляетъ собою такъ называемую этнологію — и дать ее М. М. могъ лишь имѣя въ своемъ распоряженіи богатый этнографическій матеріалъ, основанный отчасти на его собственномъ опытѣ. Можно сказать, что рѣшительная защита *идеи* соціологіи была связана именно съ богатствомъ конкретныхъ знаній, коимъ располагалъ М. М., потребностью не оставить ихъ въ состояніи нестройной груды, освѣтить это богатство началами закономѣрности и развитія.

6.

Эти начала имѣютъ глубочайшее практическое значеніе. Не случайно народы двигаются по пути возрастающей политической свободы и самодѣятельности и возрастающаго участія массъ въ жизни государства. Не случайно развивается то пониманіе государственныхъ обязанностей, которое сказалось въ новѣйшемъ соціальномъ законодательствѣ. М. М. видѣлъ всѣ трудности, связанныя съ идеей прогресса, — но онъ изъ-за этого отъ нея не отказывался. Чуждый утопіямъ, всегда полный здраваго смысла, онъ однако въ истолкованіи историческаго процесса

Группа лицъ, принимавшихъ участіе на банкетѣ по случаю возвращенія М. М. изъ плѣна. 1. Е. В. де-Роберти †, 2. Проф. С. I. Залѣсскій, 3. Членъ Г. С. Д. Д. Гриммъ, 4. Членъ Г. С Сенаторъ Н. С. Таганцевъ, 5. М. М. Ковалевскій, 6. Членъ Г. С. И. А. Шебеко, 7. Сенаторъ С. В. Ивановъ, 8. Членъ Г С. А. В. Васильевъ, 9. Членъ Г. С. В. В. Меллеръ-Закомельскій, 10. Проф. Л. I. Петражицкій, 11. Проф. С. К. Буличъ, 15. Проф. М. Я. Пергаментъ, 16. Б. А. Огулевичъ, 17. Проф. В. Г. Яроцкій, 19. Проф. А. И. Воейковъ, 20. Прис. пов. Н. Д. Соколовъ, 21. Чл. Гос. Сов. проф. Е. Л Зубашевъ, 22. П А. Сорокинъ, 23. Проф. Өедоровъ, 24. А. Н. Быковъ, 25. Членъ Г. Думы П. Н. Милюковъ, 26. Проф. А. А. Мануиловъ, 27. Журналистъ Е. П. Семеновъ, 28. Проф. М. И. Туганъ-Барановскій, 29. Проф. А. А. Жижиленко, 30. Проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, 31. П Г. Мижуевъ 32. Проф. Ю. С. Гамбаровъ, 33. Прив.-доц. П. И. Люблинскій.

являлся скорѣе оптимистомъ. Въ конечномъ итогѣ наиболѣе жизнеспособно въ общественной средѣ то, что обезпечиваетъ самодѣятельность и солидарность людей и увеличиваетъ производительность ихъ культурнаго труда. Въ этомъ, напримѣръ, объясненіе успѣха парламентаризма. Вопреки нѣмецкимъ государствовѣдамъ и юристамъ, онъ не есть исключительная принадлежность англійскаго быта, не есть захватъ безотвѣтственными партійными группами государственной власти: онъ есть дальнѣйшее развитіе конституціонализма. Можетъ-быть, въ пониманіи политическаго и соціальнаго прогресса у М. М. была доля извѣстнаго оптимистическаго раціонализма, который роднилъ ему мысли Конта. Я думаю, напримѣръ, онъ совершенно не могъ бы перенестись въ „катастрофическое“ міроощущеніе В. С. Соловьева. Но опять-таки огромная широта научныхъ знаній, скептицизмъ къ апріорнымъ положеніямъ и столь отличавшій М. М., никогда его не покидавшій ясный здравый смыслъ служили здѣсь достаточнымъ противовѣсомъ.

Человѣческому прогрессу въ извѣстныхъ предѣлахъ должны послужить и великія міровыя потрясенія, до конца коихъ не дожилъ М. М. Въ статьѣ „Международная война и ея вѣроятныя послѣдствія“ онъ указываетъ на культурный контрастъ тѣхъ началъ, которыя защищаются срединными имперіями и союзниками. Рѣчь идетъ о томъ, принадлежитъ ли въ семьѣ народовъ одному изъ нихъ гегемонія, или они равноправны? Вмѣстѣ съ этимъ сталкивается англо-французская система общественнаго самоуправленія — хотя бы измѣненная условіями военнаго времени—и нѣмецкій конституціонализмъ съ пережитками абсолютизма. Въ оцѣнкѣ войны у М. М. его патріотическое и національное чувство стояло въ полной гармоніи съ вѣрой въ общечеловѣческій прогрессъ. Поэтому не видѣлъ онъ и въ наличномъ потрясеніи международнаго права его крушенія. Стремленіе Германіи отмѣнить „свободу морей“ имѣетъ въ концѣ концовъ такъ же мало шансовъ осуществиться, какъ и мечта о всемірномъ ея господствѣ. Побѣда согласія возстановитъ и укрѣпитъ „два основныя начала международнаго права— равенство государствъ и святость договоровъ и соглашеній“. М. М. не могъ видѣть въ настоящей войнѣ послѣднюю войну; пасифистъ по своимъ симпатіямъ, онъ помнилъ, что и здѣсь прогрессъ не совершается скачкомъ и представляетъ собой не безостановочное, а медленное развитіе; но если война не дастъ

всеобщаго разоруженія и постояннаго мира, она способна значительно ослабить бремя милитаризма, лежащее на европейскихъ народахъ, и главное укрѣпить потребность этихъ народовъ въ томъ, чтобы право, въ теоріи регулирующее ихъ общеніе, было дѣйствительнымъ и дѣйствующимъ правомъ.

Признаніе международнаго права покоилось у М. М. не только на обычныхъ юридическихъ соображеніяхъ. Оно было для него связано съ той солидарностью народовъ, которую онъ могъ особенно живо чувствовать, какъ человѣкъ, столь пріобщенный культурной жизни различныхъ странъ, какъ представитель науки не только русской, но и общеевропейской. Ему непонятенъ былъ замкнутый національзмъ, который не видитъ, что современная исторія становится все болѣе міровой, и несмотря на свои великодержавныя притязанія отмѣченъ какимъ-то провинціализмомъ. Международное раздѣленіе труда есть въ экономикѣ, есть и въ культурѣ —на этомъ зиждется ихъ взаимная зависимость, приводящая къ признанію взаимнаго права. М. М. Ковалевскому была чужда та религіозная философія, которая проникаетъ Etudes sur l'histoire de l'humanité Лорана, и онъ предпочелъ бы принять слова бельгійскаго мыслителя: „toutes les nations sont de Dieu“ въ переводѣ на языкъ, болѣе сродный его позитивизму; но мысль, выраженная въ этихъ словахъ, была близка и его сердцу и его уму.

7.

Я пытался дать самый бѣглый обзоръ того весьма обширнаго научнаго наслѣдія, которое оставилъ М. М. Ковалевскій. Но если даже взять его въ цѣломъ, онъ не доставитъ полнаго матеріала для характеристики личности. Какъ ни интересны въ данномъ случаѣ книги, еще интереснѣе ихъ авторъ.

Всякій, подходящій къ М. М., могъ чувствовать, до какой степени онъ захваченъ жаждой познанія. Научная работа составляла совершенно естественную стихію его жизни. Но онъ удовлетворялъ эту жажду отнюдь не только изъ книгъ и архивныхъ рукописей. Онъ постоянно черпалъ изъ непосредственной интуиціи окружающаго міра. Немногіе въ этомъ смыслѣ такъ понимали значеніе наглядности, личнаго опыта. Этотъ опытъ давали ему его постоянныя и разнообразныя путешествія. Если для многихъ globe-trotter'овъ путешествія лишь любимый

способъ убивать время, то для М. М. они были полны содержанія. Онъ могъ говорить о современной американской конституціи, имѣя передъ собой живые образы американскихъ политиковъ, живыя впечатлѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ у него развилась чрезвычайная наблюдательность, соединенная съ чрезвычайной широтой интересовъ. Прогулки съ М. М. по римскому Форуму или Палатину были истиннымъ наслажденіемъ для его спутника. И какъ все это было свободно, легко, лишено педантизма. Отъ этого, несмотря на огромную начитанность и книжную эрудицію, книга никогда не подавляла, такъ сказать, М. М.

Получать эти впечатлѣнія М. М. могъ тѣмъ болѣе, что въ рѣдкой степени ему былъ присущъ даръ общительности. Онъ любилъ общество людей и онъ умѣлъ быть терпѣливымъ и снисходительнымъ. Надменное odi profanum vulgus et arceo всегда ему оставалось чуждо. Отъ этого онъ такъ охотно отдавался популяризаціямъ знанія, находилъ большое удовлетвореніе въ лекціяхъ и т. п. И читалъ онъ свои лекціи и научныя сообщенія просто, непринужденно, какъ бы бесѣдуя. Поэтому же онъ могъ выступать посредникомъ между разнородными элементами. Терпимость въ его глазахъ являлась подлинной заповѣдью мудрости: все равно—различіе человѣческихъ характеровъ и темпераментовъ не уложить на прокрустово ложе единоспасающей доктрины. Оттого такъ чуждо ему было то, что французы называютъ esprit sectaire. Онъ полагалъ, что люди могутъ совмѣстно дѣлать крупное дѣло, лишь широко понимая и уважая взаимную свободу. Вѣроятно, ему помогало, что онъ зналъ очень различные общественные слои, какъ и различныя національности.

И здѣсь проявилась его своеобразная посредническая миссія. Русское общество онъ знакомилъ съ западно-европейскимъ строемъ и учрежденіями; общественное мнѣніе Западной Европы и Америки онъ освѣдомлялъ относительно хозяйственныхъ и соціальныхъ условій русской жизни, раскрывалъ русскую культуру въ ея прошломъ и настоящемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ постоянно служилъ русскому дѣлу и во время своего продолжительнаго пребыванія за рубежомъ, во время своихъ путешествій на чужбинѣ. Тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ личномъ общеніи съ столь многими представителями западно-европейскаго міра.

Общительность М. М. Ковалевскаго была не только выраженіемъ интереса къ людямъ, ради коего онъ мирился съ ихъ

слабостями, — она поддерживалась и его къ нимъ симпатіями, той добротой и привѣтливостью, которой онъ окружалъ тѣхъ, кто былъ около него. Доброта не только на словахъ, — онъ всегда былъ готовъ помочь и дѣломъ и средствами. Для этого ему не нужно было нисколько производить надъ собою усиліе. Эта доброта была какой-то частью искусства быть счастливымъ, которымъ несомнѣнно въ высокой степени обладалъ М. М. „Живи и давай жить другимъ“ — вотъ завѣтъ этого искусства. Строгій моралистъ скажетъ, что здѣсь слишкомъ много эпикуреизма, слишкомъ мало категорическаго императива. Но если это эпикурейство, оно безконечно далеко отъ плоскаго эгоизма счастливаго обывательскаго существованія. Оно обвѣяно духомъ подлинной мудрости. И эта мудрость просвѣчивала сквозь блестящую внѣшность, увлекательную бесѣду, кипучее остроуміе М. М. Она помогала ему переносить тяжкіе дни австрійскаго плѣна, которому не видно было конца. Она позволила ему кроткимъ и яснымъ взоромъ смотрѣть въ лицо наступающей смерти.

Да будетъ завѣтомъ его памяти, да будетъ его посмертнымъ призывомъ къ оставшимся и особенно къ молодымъ поколѣніямъ, вступающимъ въ дѣятельную жизнь,—неустанное стремленіе къ знанію, стремленіе охватить широкія его перспективы, вѣра въ развитіе человѣчества, соединенныя съ благожелательной и мудрой терпимостью къ людямъ.

С. Котляревскій.

М. М. Ковалевскій, какъ соціологъ и какъ гражданинъ *).

I.

Большіе люди чаще всего бываютъ сложными людьми. Дать короткое, исчерпывающее и общедоступное опредѣленіе большого человѣка, поэтому, не всегда бываетъ легко. Каждый видитъ въ такомъ человѣкѣ одну какую-нибудь сторону,—и характеризуетъ всего человѣка той его стороной, которую лучше видитъ. Въ результатѣ получаются характеристики, одинаково искреннія, заключающія въ себѣ долю истины, но различныя, кажущіяся иногда даже противорѣчивыми и взаимно исключающими другъ друга. Найти тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ противорѣчивыя черты сливаются въ одну общую картину— значитъ сдѣлать для человѣка то же, что для фотографіи дѣлаетъ стереоскопъ. Это значитъ—вернуть рисунку на плоскости перспективу и воздухъ, вернуть ему иллюзію дѣйствительности, сдѣлавъ изображеніе выпуклымъ и рельефнымъ.

Мы только-что проводили дорогого нашего М. М. Ковалевскаго въ могилу, а надъ гробомъ его уже даны были эти разнообразныя характеристики его многогранной натуры. Если одни, преимущественно политическіе дѣятели, преклонялись передъ М. М., какъ передъ „борцомъ“, то другіе, его товарищи по преподаванію въ высшей школѣ, считали своимъ долгомъ подчеркнуть, что онъ былъ не „борцомъ“, а „профессоромъ“ и учителемъ. Если одни опредѣляли позицію М. М. въ соціальныхъ вопросахъ положеніемъ той партіи, въ созданіи которой онъ участвовалъ,—какъ позицію „правѣе к.-д.“, то другіе считали возможнымъ утверждать на основаніи интимнаго личнаго знакомства, что въ сущности М. М. былъ соціалистомъ. Если одни считали безспорнымъ и несомнѣннымъ, что по складу своего міровоззрѣнія М. М. былъ libre penseur'омъ, свободнымъ мыслителемъ, чуждымъ опредѣленной конфессіональности, то отъ

*) Рѣчь на публичномъ засѣданіи Герценовскаго кружка 28-го марта.

его духовника въ надгробной проповѣди мы слышали утвержденіе, что М. М. умеръ, какъ христіанинъ и какъ православный.

Если эти опредѣленія всѣ содержатъ въ себѣ частицу истины,—какъ и слѣдуетъ заключить по искренности настроенія авторовъ, высказывавшихъ эти опредѣленія,—тогда между ними не можетъ быть противорѣчія. Нужно искать такого объясненія, которое бы всѣ ихъ примирило и объединило. Въ ожиданіи этого примиряющаго объясненія, мнѣ лично казалось болѣе правильнымъ ограничиться въ характеристикѣ М. М. Ковалевскаго болѣе общими и примиряющими опредѣленіями. Если Ковалевскій не былъ ни вполнѣ „борцомъ" ни вполнѣ „профессоромъ", то онъ, во всякомъ случаѣ, былъ вождемъ „знаменосцемъ", идейнымъ руководителемъ движенія, имѣвшаго опредѣленное общественное значеніе и преслѣдовавшаго опредѣленныя жизненныя задачи. Если онъ не отрицалъ ни соціалистическаго ни „буржуазнаго" взгляда на задачи настоящаго и будущаго, то это потому, что, оставляя будущему рѣшеніе принципіальнаго спора между обоими міровоззрѣніями, онъ въ настоящемъ объединялъ ихъ въ общемъ „западническомъ" взглядѣ на сущность и направленіе нашей общественной эволюціи. Если, будучи libre penseur'омъ, онъ не отрывался отъ бытовыхъ условій обстановки, которая его создала и воспитала, то этимъ именно и опредѣлилась его двойная культурническая роль: европейца въ Россіи и русскаго въ Европѣ и въ Новомъ свѣтѣ.

Если мы хотимъ найти ключъ къ единству въ этомъ разнообразіи внѣшнихъ проявленій богатой натуры Ковалевскаго, то, мнѣ кажется, мы должны послѣдовать за самимъ Ковалевскимъ и искать этого ключа тамъ, гдѣ оставилъ его намъ самъ покойный. Единство въ разнообразіи, цѣльность міровоззрѣнія - это вѣдь была для Ковалевскаго, какъ для многихъ русскихъ людей, первѣйшая и настоятельнѣйшая духовная потребность. Надъ этой задачей—созданія единаго міровоззрѣнія—Ковалевскій работалъ всю жизнь. Узнавъ, какъ онъ разрѣшилъ эту задачу, мы тѣмъ самымъ узнаемъ, какъ онъ самъ себѣ объяснялъ многообразіе внѣшняго міра и многообразіе его отраженій въ своей собственной душѣ.

II.

Имя той науки, которая содержала въ себѣ полный отвѣтъ на духовную потребность Ковалевскаго, которая была, такъ

сказать, его систематизированнымъ міровоззрѣніемъ, есть соціологія. Одинъ американскій изслѣдователь „Русской соціологіи“, Юлій Геккеръ, пришелъ къ заключенію, что „русская соціологія есть произведеніе не профессіональныхъ ученыхъ, а скорѣе руководителей общественнаго мнѣнія. Таблица, резюмирующая главныя задачи, которыя они ставили соціологіи, является точнымъ отвѣтомъ на вопросъ, что они считали наиболѣе важнымъ для блага народа“.

Нужно ли подтверждать, въ какой степени это опредѣленіе справедливо относительно всей смѣны нашихъ соціологическихъ системъ, начиная съ соціологіи славянофиловъ и западниковъ и продолжая соціологіей русской субъективной школы Лаврова и Михайловскаго, соціологіей объективной школы ортодоксальныхъ марксистовъ, какъ Плехановъ, анархистской соціологіей Крапоткина, революціонной соціологіей Чернова? Соціологія каждаго изъ этихъ теченій есть квинтъ-эссенція его политическаго міровоззрѣнія.

Ковалевскій въ этомъ ряду русскихъ соціологовъ занимаетъ совершенно особое мѣсто. Чтобы лучше понять это мѣсто, нужно прежде всего вспомнить, изъ какихъ источниковъ вышла соціологія Ковалевскаго.

Первымъ и главнымъ изъ этихъ источниковъ былъ и остался Огюстъ Контъ. Ссылкой на О. Конта начинается послѣдній трудъ Ковалевскаго (1910): „Что такое соціологія? Родоначальникъ ея, Контъ, считалъ соціологію наукой о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ“. Что понадобилось перемѣнить въ этомъ опредѣленіи 87 лѣтъ спустя послѣ того, какъ оно было сдѣлано? Ковалевскій признаетъ, что внутреннее устройство человѣческаго общества не всегда есть „порядокъ“. „Позволительно усомниться, что въ русскомъ обществѣ существуетъ порядокъ въ другомъ смыслѣ, кромѣ полицейскаго“. И онъ замѣняетъ слово порядокъ словомъ „организація“. И „прогрессъ“ не всегда есть прогрессъ въ смыслѣ поступательнаго движенія впередъ Лучше замѣнить его словомъ „эволюція“, „развитіе“. Итакъ, *организація* человѣческихъ обществъ и *эволюція* человѣческихъ обществъ—вотъ предметъ тѣхъ двухъ частей соціологіи, которыя потомъ были названы „статикой“ и „динамикой“.

Замѣтимъ, что здѣсь сдѣланы уступки отнюдь не русской субъективной школѣ соціологіи. Напротивъ, субъективные термины Конта замѣнены строго-объективными, нейтральными.

Строго слѣдуя Конту, Ковалевскій признаетъ въ соціологіи „науку“, а не искусство: сводъ законовъ бытія, а не сводъ правилъ поведенія. Онъ не ищетъ современнаго „смысла“ событій и „правда-истина“ является у него отдѣленной отъ „правды-справедливости“. Соціологическое міровоззрѣніе Ковалевскаго— строго научно.

Соціологія ищетъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Какъ же она ихъ находитъ?

Тутъ мы переходимъ къ другому источнику соціологіи Ковалевскаго. Въ его время первыя ступени развитія человѣческаго общества сдѣлались уже предметомъ изученія въ рядѣ блестящихъ работъ, основанныхъ на изученіи быта дикарей и народностей, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія, а также легендъ, преданій, продуктовъ стихійнаго творчества народныхъ массъ, на изученіи сравнительной исторіи языковъ, религіи и т. д. (Леббокъ, Макъ-Леннанъ, Морганъ, Тэйлоръ и друг.). Единообразіе явленій, свойственныхъ разнымъ народностямъ, живущимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время,—становилось яснымъ при этомъ сравненіи и позволяло угадать общую причину. Общей причиной единообразія не могло быть прямое заимствованіе одного народа у другого: эту гипотезу, въ то время уже сдѣлавшуюся предметомъ критики и нападокъ, Ковалевскій отвергаетъ. Не останавливается онъ и на другой гипотезѣ—общаго происхожденія народовъ, слишкомъ отъ насъ отдаленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, сходство эволюціи нравовъ и учрежденій обнаруживаютъ народы, завѣдомо не имѣвшіе общаго происхожденія. Такимъ образомъ остаются въ сторонѣ и объясненія однородности явленій общеславянскимъ наслѣдіемъ или обще-арійскимъ наслѣдіемъ. Такія объясненія представлялись Ковалевскому подозрительными, требующими еще дальнѣйшихъ доказательствъ. Итакъ, если ни заимствованіе ни общій источникъ не могли объяснить сходства, то оставалась только одна возможность: признать, что, на одинаковыхъ ступеняхъ развитія, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ развитіе происходитъ по *одинаковому внутреннему закону*. Такимъ образомъ раскрылось содержаніе науки соціологіи: открытіе внутренняго закона путемъ сравненія ряда однородныхъ эволюцій. Ковалевскій, разумѣется, не отрицалъ и *различія* между отдѣльными эволюціями. Но онъ считалъ уже въ своей брошюрѣ 1880 г. объ „историко-сравни-

тельномъ методѣ въ юриспруденціи", что изученіе причинъ различій должно составить дальнѣйшую, послѣдующую задачу, послѣ отысканія сходствъ и возведенія ихъ къ общему закону.

Вотъ та исходная научная точка зрѣнія, которой Ковалевскій строго и послѣдовательно держался въ теченіе всей своей дѣятельности. Она оказала Ковалевскому ту безспорную услугу, что гарантировала его отъ цѣлаго ряда популярныхъ ошибокъ, въ которыя впали многіе его предшественники и современники.

1. Она спасла Ковалевскаго отъ смѣшенія общей или *абстрактной*, по Конту, науки съ *конкректной* или описательной и отъ смѣшенія науки вообше съ искусствомъ, съ политикой, съ прикладными, нормативными дисциплинами.

2. Она предохранила его отъ теорій, поспѣшно и поверхностно объясняющихъ сходства и особенности отдѣльныхъ національныхъ исторій—„народнымъ духомъ", родствомъ или различіемъ расъ.

3. Она не допустила грубаго примѣненія теорій и практическихъ совѣтовъ, основанныхъ на *заимствованіи* одного народа у другого, несмотря на разныя степени развитія каждаго.

Уже въ брошюрѣ 1880 г. Ковалевскій предостерегалъ противъ „ошибки публицистовъ", видѣвшихъ „въ возсозданіи всѣхъ особенностей англійской конституціи... категорическій императивъ разума". Эти „доктринеры" обсуждали вопросъ, что надо сдѣлать, „чтобы Франція могла уподобиться Англіи". „При такомъ перенесеніи цѣликомъ чужихъ нравовъ, обычаевъ и институтовъ, очевидно, не принималось въ расчетъ, что обѣ страны, между которыми производимо было сравненіе, находились на двухъ совершенно различныхъ ступеняхъ развитія". И „логическая ошибка французскихъ доктринеровъ потребовала для своего исправленія революцій 1830 и 1848 года".

Къ той же любимой мысли Ковалевскій возвращается и въ своемъ послѣднемъ трудѣ, полемизируя съ Тардомъ. „Единственная область, гдѣ народы дѣйствительно сплошь подражаютъ другъ другу,—это область науки и техники. Во всемъ остальномъ они, худо ли, хорошо ли, только приспособляютъ свои собственные порядки и учрежденія къ новымъ требованіямъ, которыя... возникаютъ въ ихъ собственной средѣ. Они приспособляютъ ихъ, видоизмѣняя. Эти измѣненія часто вызываются иностранными образцами, но они только въ томъ случаѣ пускаютъ въ странѣ корни, когда не противорѣчатъ прямо всему

тому наслѣдію прошлаго, которое слагается изъ вѣрованій, нравовъ, началъ и учрежденій извѣстнаго народа".

4. Научная точка зрѣнія Ковалевскаго оказала ему еще болѣе важную услугу, сохранивъ его отъ крайностей той борьбы теоретическихъ мнѣній, которая велась въ его время. „Личность" или „среда"; „духовное" начало или экономическое, субъективизмъ или марксизмъ объясняютъ эволюцію общества? Огюстъ Контъ и тутъ даетъ Ковалевскому добрый совѣтъ, которому онъ слѣдуетъ. „Для позитивиста,—говоритъ Ковалевскій въ своей брошюрѣ 1880 г.,—немыслимо изученіе одной лишь стороны быта народа, такъ какъ ему ясна связь всѣхъ и каждой изъ нихъ и опредѣленіе характера одной суммой тѣхъ вліяній, какія обнаруживаютъ другія". Эта мысль точно отвѣчаетъ идеѣ Конта о „солидарности" между различными сторонами общественнаго явленія.

III.

Послѣ того, какъ были написаны приведенныя слова, Ковалевскій въ длинномъ рядѣ томовъ разобралъ эволюцію отдѣльныхъ факторовъ соціальной эволюціи. Онъ указалъ на громадное значеніе роста населенія, какъ автоматически движущаго біологическаго фактора эволюціи. Онъ прослѣдилъ на примѣрѣ средневѣковой Европы и ея перехода въ новую Европу вліяніе экономическихъ факторовъ. Далѣе, онъ изучилъ эволюцію учрежденій—отъ примитивнаго народоправства до парламентаризма. Онъ, наконецъ, разобрался въ роли, которую политическія ученія и сознательная воля законодателей и партійныхъ дѣятелей играли въ развитіи государственныхъ учрежденій. И, въ итогѣ всей этой работы, изложенной въ десяткахъ томовъ, въ предпослѣднемъ своемъ соціологическомъ трудѣ (1905) Ковалевскій снова вернулся къ мысли, высказанной четверть вѣка раньше. „Все сказанное доселѣ,—говоритъ онъ,—не говоритъ въ пользу признанія первенствующаго значенія ни за однимъ изъ такъ называемыхъ „факторовъ" развитія. А между тѣмъ, намъ приходится постоянно имѣть дѣло съ теоріями, которыя утверждаютъ это первенство, признавая его то за техникой производства, то за условіями обмѣна, то за борьбою расъ и національностей, то за соперничествомъ индивидовъ и классовъ, то за чисто психическими явленіями, умственными, какъ ростъ знанія, эмоціональными, какъ ростъ справедли-

вости и права. Въ этой добровольной односторонности лежитъ характерная черта переживаемой нами эпохи выработки соціологіи... Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферы ея ближайшихъ задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи съ сложностью общественныхъ явленій она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ". Въ другомъ мѣстѣ той же книги („Современные соціологи") Ковалевскій указываетъ и на причину своего скептицизма по существу. „По природѣ своей этотъ вопросъ принадлежитъ къ категоріи метафизическихъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами, изъ которыхъ каждый такъ или иначе связанъ съ массою остальныхъ, ими обусловливается или ихъ обусловливаетъ. Говорить о факторѣ, т.-е. о центральномъ фактѣ, увлекающемъ за собою всѣ остальные, для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе".

IV.

Мнѣ кажется, что, имѣя въ виду это научное міровоззрѣніе Ковалевскаго, какъ соціолога, сумѣвшаго удержаться за четверть вѣка, когда создавалась эта наука, въ самомъ курсѣ ея развитія, мы ближе подойдемъ и къ пониманію его роли, какъ нашего согражданина. Дѣлая государственныя учрежденія предметомъ своего воздѣйствія, какъ *законодатель*, онъ хорошо помнилъ тѣ уроки, которые вынесъ изъ своего обращенія съ государственными учрежденіями, какъ *изслѣдователь*. Онъ понималъ, что имѣетъ передъ собой явленіе въ высшей степени сложное и не допускающее слишкомъ простого подхода. Онъ зналъ, что однимъ актомъ единичной воли нельзя сразу перемѣнить „рѣчное теченіе". Не здѣсь ли секретъ его умѣнія сохранять спокойствіе при крутыхъ поворотахъ событій, его терпѣливой работы надъ большимъ дѣломъ, полученнымъ въ наслѣдство отъ предшественниковъ и долженствующимъ перейти къ потомкамъ,—не здѣсь ли объясненіе и его терпимости къ инакомыслящимъ, даже къ политическимъ противникамъ, отно-

сительно которыхъ онъ понималъ и причины ихъ временной силы и уготованную имъ исторіей судьбу?

Но Ковалевскій зналъ также и другое. Онъ зналъ, что время и исторія—на его сторонѣ и на сторонѣ его единомышленниковъ. Онъ зналъ, что съ дальнѣйшимъ ходомъ нашего внутренняго развитія свершится и тотъ внутренній законъ, вездѣ одинъ и тотъ же, который опредѣлилъ собой политическій ростъ передовыхъ демократій современности. Ковалевскій не былъ *фаталистомъ* въ томъ смыслѣ, чтобы думать, что то, что суждено, все равно свершится. Онъ зналъ, что исторія дѣлается человѣческими руками. И онъ посильно старался ускорить ея ходъ. Но Ковалевскій былъ *оптимистомъ* въ томъ смыслѣ, что онъ *зналъ*, — не вѣрилъ только, а зналъ,—что никакая сила не можетъ задержать поступательный ходъ исторіи.

Смотря на мѣняющійся калейдоскопъ жизни поверхъ текущаго момента, Ковалевскій могъ не отожествлять себя съ той или другой опредѣленной политической программой. Но онъ твердо держалъ общее направленіе, зная, куда идетъ дальнѣйшая дорога. Не всѣмъ дано стоять на той высотѣ, съ которой видно, куда ведутъ событія. Большинство изъ насъ копошится въ злобахъ дня, на нихъ тратя всѣ свои душевныя силы. Но, какъ отдѣльные работники оркестра, всѣ мы смотримъ на то высокое мѣсто, гдѣ стоитъ дирижеръ. Онъ знаетъ темпъ, и оркестръ идетъ дружно.

Это сравненіе опредѣляетъ мѣсто Ковалевскаго въ нашей общественности. Онъ занималъ его по непререкаемому праву, не возбуждая ничьего спора и ничьей зависти. Теперь онъ ушелъ отъ насъ. Но мѣсто его осталось за нимъ. Мы знаемъ, что думалъ Ковалевскій, ибо мысль его осталась съ нами, въ его писаніяхъ. Вдобавокъ къ нимъ, отходя, Ковалевскій оставилъ намъ свой цѣльный и чистый личный образъ. И наша печаль свѣтла. Ковалевскій есть наше общее національное богатство, которымъ мы горды, котораго у насъ никому не отнять. Пройдутъ десятилѣтія, сложатся и вновь отойдутъ въ прошлое новыя теченія общественной мысли, съ ихъ новыми вождями. Но Ковалевскій останется жить. Онъ избралъ себѣ прочное мѣсто. Онъ сталъ подъ охрану исторіи, и исторія осуществитъ его завѣтныя мысли.

П. Милюковъ.

М. М. Ковалевскій, какъ соціологъ.

I.

Въ небольшой статьѣ — „Соціологія на Западѣ и въ Россіи“, съ которой начинается первая книжка „Новыхъ идей въ соціологіи“ *) — М. М. Ковалевскій вспоминаетъ интересный фактъ. Когда О. Контъ приступилъ къ чтенію тѣхъ лекцій, изъ которыхъ составилась его шеститомная „Положительная философія“, то на скамьяхъ частной аудиторіи на rue Tournon сидѣло всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не очень много времени, а на конгрессѣ Международнаго института соціологіи, въ концѣ октября 1912 года, итальянскій министръ народнаго просвѣщенія Кредаро уже признаетъ за соціологіей не только право на самостоятельное существованіе, какъ научной дисциплины, которая синтезируетъ конкретное знаніе, сообщаемое всѣми и каждой изъ общественныхъ наукъ, но и прославляетъ величіе поставленной ею цѣли — опредѣленіе причинъ и хода человѣческаго прогресса. Этотъ быстрый ростъ науки, это признаніе за соціологіей ея высокаго не только научнаго, но и общественнаго значенія со стороны одного изъ офиціальныхъ представителей народнаго просвѣщенія вызываетъ въ М. М. такое же горячее чувство удовлетворенія, какъ горячо его чувство скорби о положеніи дорогого ему дѣла у насъ въ Россіи. Онъ вспоминаетъ бывшій съ нимъ случай на границѣ, когда жандармскій полковникъ допрашивалъ его: „Нѣтъ ли у васъ книгъ по соціологіи? Вы понимаете... въ Россіи — это невозможно“. „Припомнилось мнѣ,—говоритъ М. М.,—и сожженіе книги весьма консервативнаго американскаго писателя Уорда подъ заглавіемъ „Дина-

*) Сборникъ № 1, 1913 г.

мическая соціологія". Авторъ ея до сихъ поръ увѣренъ въ томъ, что поводомъ къ сожженію послужило смѣшеніе „динамизма" съ динамитомъ.

М. М. Ковалевскій поэтому не безъ зависти указываетъ на существованіе за границей цѣлаго ряда обществъ, занимающихся изученіемъ соціологіи, на множество спеціальныхъ каѳедръ по этому предмету (въ Парижѣ, Бордо, Тулузѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Килѣ, Вѣнѣ и др.), въ то время, какъ у насъ въ Россіи существуетъ всего-навсего одна каѳедра соціологіи на всю имперію въ 160 милліоновъ жителей, и то въ частной школѣ. „Меня,—заключаетъ свои соображенія по этому поводу Ковалевскій,—менѣе поразило бы извѣстіе о томъ, что въ Нанкинѣ или Пекинѣ создана каѳедра соціологіи, чѣмъ слухъ о томъ, что г. Кассо затѣваетъ такую реформу въ Москвѣ или Петроградѣ".

М. М. прежде всего былъ не профессоромъ-книжникомъ, который на міръ и жизнь глядитъ изъ переплетовъ книгъ авторитетныхъ писателей, какъ человѣкъ въ футлярѣ sui generis, а ученымъ-мыслителемъ, который смотрѣлъ на науку, какъ на элементъ жизни, который любилъ эту науку для жизни и жилъ для науки и мысли. Наука и жизнь у него нераздѣльно обслуживали и дополняли другъ друга.

Какъ соціолога-спеціалиста, М. М. Ковалевскаго можно характеризовать прежде всего необычайной энциклопедичностью, а затѣмъ—столь же необычайной среди спеціалистовъ терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и признаніемъ за разнообразнѣйшими теченіями „научной" мысли права на соотвѣтствующее значеніе для рѣшенія общей имъ всѣмъ задачи.

Указывая на главнѣйшія изъ этихъ теченій и школъ, М. М. Ковалевскій старается примирить кажущееся непримиримымъ и, поскольку это возможно, сглаживаетъ разногласіе въ интересахъ цѣлаго.

Говоря о соціологахъ-историкахъ, онъ пишетъ: „Споръ между ними идетъ только о томъ, быть ли этой дисциплинѣ — облюбованной въ Германіи философіей исторіи, или болѣе широкой наукой отвлеченнаго обществовѣдѣнія. Многіе въ Германіи еще не прочь связывать эту новую науку съ судьбами той „психологіи народовъ", развитію которой одно время такъ много послужилъ издаваемый Штейнталемъ и Лацарусомъ спеціальный журналъ. Въ народную психологію Вундта, напримѣръ, вошло не мало того, что принадлежитъ къ области соціологіи. Этнографы

и географы не прочь также относить къ области этнологіи и антропологіи, — въ крайнемъ случаѣ, до-исторіи, — начальныя главы поступательнаго развитія человѣчества, которыя по тому самому входятъ въ общую исторію прогресса, а слѣдовательно— и въ соціологію. Многое, написанное Бастіаномъ, Ратцелемъ, Постомъ или Колеромъ, служитъ или матеріаломъ для соціологіи или можетъ войти въ нее на правахъ отдѣльныхъ главъ". „То, что мы привыкли называть генетической соціологіей, вполнѣ обнимаетъ затрагиваемую ими сферу вопросовъ о происхожденіи семьи, собственности, государства и т. д. Макъ-Леннанъ и Морганъ, какъ и Вестермаркъ, сами того не зная, работали на пользу „новой науки объ обществѣ". То же дѣлали и дѣлаютъ на этотъ разъ сознательно Ламброзо съ его „Уголовной антропологіей" и Ферри съ его „Уголовной соціологіей". Ревнители такъ называемой „коллективной психологіи", начиная отъ Тарда и кончая Сигеле и Росси, также пишутъ однѣ начальныя главы нашей науки. Я не прочь думать, что то же дѣлаютъ и Эспинасъ, и Романесъ, и тѣ изъ нашихъ біологовъ, которые, подобно проф. В. Вагнеру, занимаются психологіей и общественнымъ бытомъ животныхъ. Зачатки общественности, гдѣ бы они ни выступали, не могутъ, разумѣется, остаться безразличными для тѣхъ, задачу которыхъ составляетъ ея изученіе во всей широтѣ и глубинѣ".

Ковалевскій поэтому горячо протестуетъ противъ разграниченности, нетерпимости спеціалистовъ, которые хотятъ свести все къ небольшому числу центральныхъ факторовъ, или къ какому-нибудь одному изъ нихъ — разумѣется, изъ подвѣдомственной имъ области. „Говорить о центральномъ факторѣ, увлекающемъ за собой всѣ остальные,—пишетъ по этому поводу Ковалевскій, — для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественное ея теченіе".

Въ частности, указывая, напримѣръ, на одностороннюю теорію де-Грефа, который во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ открываетъ присутствіе экономическаго зародыша, тогда какъ, наоборотъ, въ строго экономическихъ явленіяхъ якобы отсутствуютъ элементы другихъ болѣе сложныхъ феноменовъ — религіозныхъ, научныхъ, юридико-политическихъ и т. д., Ковалевскій говоритъ слѣдующее: „Нельзя же игнорировать того, что признаніе за главаремъ, кѣмъ бы ни былъ послѣдній, роли руко-

водителя при распредѣленіи годового дохода, а за чародѣемъ— и позднѣе жрецомъ — права на опредѣленную часть этого дохода, значительно измѣняетъ природу даже наипростѣйшихъ экономическихъ явленій, а развѣ это, въ концѣ концовъ, не равнозначительно признанію факта воздѣйствія эстетическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, научныхъ и юридико-политическихъ феноменовъ на экономическіе?"

Приведя рядъ подобныхъ же одностороннихъ точекъ зрѣнія на предметъ, М. М. заключаетъ свою критическую оцѣнку создавшагося въ наукѣ положенія вещей слѣдующими словами:

„Я думаю, что все, сказанное доселѣ, не говоритъ въ пользу признанія первенствующаго значенія ни за однимъ изъ такъ называемыхъ факторовъ развитія, а между тѣмъ намъ придется постоянно имѣть дѣло съ теоріями, которыя утверждаютъ это первенство, признавая его то за техникой производства, то за условіями обмѣна, то за борьбою расъ и національностей, то за соперничествомъ индивидовъ и классовъ, то за чисто психическими явленіями, либо умственными, какъ ростъ знанія, либо эмоціональными, какъ ростъ справедливости и права. Въ этой добровольной односторонности лежитъ характерная черта переживаемой нами эпохи выработки соціолога. По мѣрѣ того, какъ представители отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ, отказываясь отъ прежней узкости, станутъ все болѣе и болѣе настаивать на обусловленности изучаемыхъ ими трансформацій массою причинъ, стоящихъ за границами ихъ непосредственнаго изслѣдованія, все замѣтнѣе будутъ стихать въ средѣ соціологовъ горячія препирательства о томъ, не вызвано ли, напримѣръ, развитіе испанской живописи въ XVI в. полученными изъ Индіи и Америки драгоцѣнными металлами; не обусловлено ли появленіе многомужества или многоженства непосредственно экономическими причинами (Гроссе), и т. п. Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, будетъ постепенно исключена изъ сферы ея ближайшихъ задачъ, и если, въ полномъ соотвѣтствіи со сложностью общественныхъ явленій, она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ".

Такимъ отношеніемъ къ односторонности и нетерпимости, такъ рѣзко отличающимъ его отъ сонма ученыхъ спеціалистовъ вообще и спеціалистовъ по соціологіи въ частности, Ковалевскій самъ опредѣляетъ мѣсто, которое онъ занимаетъ среди своихъ товарищей по спеціальности.

II.

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ И БІОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

1.

Переходя къ характеристикѣ М. М. Ковалевскаго, какъ соціолога-спеціалиста, я буду имѣть въ виду его взгляды, изложенные не въ видѣ опредѣленнаго ученія или системы *), а, такъ сказать, попутно, при изложеніи современныхъ теченій въ соціологіи, и не всѣхъ, а лишь тѣхъ, которые отразились въ его отношеніи къ школамъ біологической и психологической.

Для оцѣнки Ковалевскаго, какъ соціолога, выясненія его пріемовъ изслѣдованія, опредѣленія его основныхъ точекъ зрѣнія на методъ и задачи науки, ея область и границы — было бы несравненно лучше, если бы это можно было сдѣлать по матеріалу всего критическаго обзора его „Современныхъ соціологовъ", но такая задача, прежде всего, мнѣ не по силамъ и, сверхъ того, вышла бы далеко за предѣлы небольшой статьи. Отмѣчу лишь одно обстоятельство, стоящее въ связи съ критическимъ очеркомъ современныхъ теченій въ соціологіи у Ковалевскаго. Останавливаясь на представителяхъ важнѣйшихъ школъ, — біологической, психологической, соціологической, въ прямомъ значеніи этого слова, экономической, исторической и другихъ, — М. М. ни слова не говоритъ о школѣ философовъ-метафизиковъ. Какъ позитивистъ, М. М., по его признанію, „не понималъ метафизики"; какъ человѣка, ищущаго конкретныхъ знаній, его не могли интересовать разсужденія, хотя бы и самыя глубокомысленныя, на тему „о конечныхъ цѣляхъ обществен-

*) Такого изслѣдованія М. М. Ковалевскій не оставилъ, да и едва ли могъ оставить, принимая во вниманіе, что переживаемая нами эпоха въ области соціологіи, по его же словамъ, не столько осново-положительная, сколько критическая.

ности“, — разсужденія, которыхъ такъ же много, какъ и авторовъ, пишущихъ на эту тему и, подобно Фихте, утѣшающихъ себя тѣмъ, что разнообразіе имѣетъ свою положительную сторону, давая возможность каждому выбирать философію по своему вкусу. Ковалевскій по складу своего ума искалъ такихъ отвѣтовъ на вопросы науки, которые обладали бы принудительной доказательностью. А философы-метафизики не только не даютъ такихъ отвѣтовъ, но полагаютъ, что факты біологическіе, психологическіе и историческіе могутъ служить матеріаломъ для „обобщеній лишь низшаго порядка, весьма далекихъ отъ „понятій, выражающихъ собою послѣдніе элементы вещей“. Но что это за элементы? Этого философы-метафизики, конечно, не объясняютъ, да и не могутъ объяснить на языкѣ точнаго знанія, отказывающаго въ отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается и гдѣ лежитъ „ключъ къ разгадкѣ послѣдней тайны вселенной“, такъ интересовавшей другого нашего соціолога, де-Роберти.

2.

Какъ уже было сказано, Ковалевскій принципіально считаетъ біологическую школу въ соціологіи правомѣрной и научной. Незнакомство съ біологіей однако не избавило его отъ общей у соціологовъ ошибки: считать представителями біологической школы какъ тѣхъ ученыхъ, которые ищутъ рѣшенія соціальныхъ вопросовъ въ аналогіи между государствомъ и организмомъ, такъ и тѣхъ, которые въ основу своихъ теорій кладутъ принципы эволюціонной теоріи Дарвина. Обѣ эти существенно различныя между собою школы онъ называетъ *органической школой*, при чемъ подъ біологіей разумѣетъ „ученіе о живомъ организмѣ“. Это смѣшеніе, воспринятое М. М. отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, не помѣшало ему однако, какъ мы это увидимъ ниже, относиться къ представителямъ той и другой школы различно.

Что касается *органической школы біо-соціологовъ*, основу которой составляетъ идея сходства „общественнаго организма“ съ живымъ организмомъ животнаго и общности управляющихъ ими законовъ, то основу этого ученія мы находимъ еще у Ог. Конта: „Біологія показываетъ, — говоритъ онъ, — что усовершенствованіе животнаго организма выражается возрастающей спеціальностью различныхъ функцій, выполняемыхъ органами,

которые все болѣе и болѣе объединяются, хотя всегда сохраняютъ взаимную самостоятельность". Таковы же, по его мнѣнію, отличительныя черты и общественнаго организма. Составляющія общество лица безконечно разнообразны, но способствуютъ общему развитію, нисколько объ этомъ не заботясь.

Этимъ ученіемъ было положено начало такъ называемой органической школы, которая ставитъ своей задачей путемъ наведенія между организмомъ и государствомъ выяснять законы, опредѣляющіе ихъ структуру и дѣятельность. Она явилась, такимъ образомъ, раньше выхода въ свѣтъ книги Дарвина о происхожденіи видовъ, развивалась и продолжаетъ развиваться независимо отъ послѣдней, хотя и пользуется, гдѣ это возможно, матеріаломъ и послѣ-дарвиновской біологіи.

Гербертъ Спенсеръ ни въ статьѣ своей „Соціальный организмъ" ни въ своихъ „Основахъ соціологіи" не идетъ дальше утвержденія, что аналогія между организмомъ и обществомъ, путемъ наведенія, можетъ иногда приводить къ плодотворнымъ заключеніямъ. Онъ ни на минуту не забываетъ того, что рядомъ съ чертами сходства между организмомъ и обществомъ существуетъ и глубокое принципіальное различіе. Съ теченіемъ времени этотъ взглядъ на дѣло существенно измѣнился.

Представители органической школы, съ одной стороны, стали забывать указанное Спенсеромъ различіе, а въ тѣхъ случаяхъ, когда забыть это было нельзя,—старались ослабить значеніе различія; съ другой стороны, они систематически преувеличивали черты сходства и тамъ, гдѣ они находили это возможнымъ, проводили это сходство до его конечныхъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, Вормсъ пишетъ, что армія въ своей оборонительной роли соотвѣтствуетъ экзодермѣ; мозгъ представленъ правительствомъ, къ которому нужно присоединить мыслителей, ученыхъ, артистовъ, литераторовъ; телеграфныя проволоки—это нервныя нити; дороги и купцы, по нимъ разъѣзжающіе,—кровеносные сосуды. Столица—голова общества, биржа—его сердце; банкиры—сосудодвигательные нервы; мастерскія—это гланды; досужихъ богачей довольно хорошо изображаютъ сальныя клѣточки; и, наконецъ, экскреторные аппараты представлены полиціей, судами и проч. А Лиліенфельдъ („Мысли о соціальной наукѣ будущаго") не только разсматриваетъ общество, какъ реальный организмъ, но утверждаетъ, что возраженія противъ такой реальности основаны на поверхностныхъ заключеніяхъ.

3.

Я не войду здѣсь въ подробное разсмотрѣніе того, поскольку такой методъ рѣшенія соціологическихъ задачъ можетъ считаться научнымъ, а достигнутые имъ результаты правильно обоснованными и достовѣрными,—это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Скажу лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ относится къ этой школѣ біологовъ М. М. Ковалевскій. Вотъ что пишетъ нашъ ученый по поводу Рене Вормса и другихъ сторонниковъ этого направленія въ наукѣ.

„Вормсъ—послѣдователь такъ называемой органической школы въ соціологіи, т.-е. вмѣстѣ со Спенсеромъ, Шефле, Лиліенфельдомъ, Новиковымъ и другими онъ старается открыть въ обществѣ черты, сходныя съ живыми организмами. Съ этой точки зрѣнія вся соціологія распадается для него на анатомію и физіологію общества. Первая занимается изученіемъ среды и населенія, т.-е. имѣетъ дѣло съ феноменами общественной географіи и этнографіи; что же касается до второй, то она интересуется феноменами четырехъ различныхъ порядковъ; экономическими, юридическими, умственными и политическими. Очевидно, что въ категорію умственныхъ вводятся Вормсомъ одинаково и религіозные и научные, а въ категорію юридическихъ и отличныя отъ нихъ по природѣ, въ виду недостатка санкціи,—нормы нравственности“. *Но куда дѣвались эстетическія и почему ни словомъ не упоминается о генетическихъ?*—основательно спрашиваетъ М. М. Ковалевскій.

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу книги американскаго соціолога Марка Бальдвина („О соціальной и нравственной интерпретаціи умственнаго развитія“), М. М. Ковалевскій, съ очевиднымъ сочувствіемъ автору этой книги, пишетъ:

„Противополагая свою психологическую теорію біологической или органической, Бальдвинъ говоритъ о прогрессѣ общества,... что онъ болѣе аналогиченъ съ прогрессомъ сознанія, нежели съ развитіемъ біологическихъ организмовъ. Организація, реализуемая соціальной жизнью,—организація психическая, ея матеріалы—психическаго характера, а именно—мысли, желанія, импульсы санкціи и вытекающія изъ всего этого чувствованія. Говорить поэтому заодно со Спенсеромъ объ атомахъ, органахъ, органическихъ процессахъ и центрахъ, о нервахъ первичнаго порядка, вторичнаго и т. д. въ области соціологіи—значитъ на-

следовать природу матеріаловъ, служащихъ для построенія соціальной науки. Держась біологическихъ аналогій, соціологъ не можетъ орудовать съ такими феноменами, какъ подражаніе, обобщеніе, изобрѣтеніе, общественная санкція и т. д. Ввести ихъ въ біологическія рамки нельзя иначе, какъ искажая ихъ. Гдѣ при исканіи аналогіи съ біологическимъ организмомъ найти подобающее мѣсто вліянію религіознаго и нравственнаго чувства, которое является при ближайшемъ анализѣ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ соціальнаго прогресса? Прогрессъ общественной организаціи ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ принципами и методами, которые имѣютъ значеніе для насъ настолько, насколько мы являемся разумными существами. Таковы внушенія, подражанія, чувствованія и т. д. Мы понимаемъ ихъ, только принимая въ расчетъ нашу личную эволюцію. На нихъ мы строили наше представленіе о характерѣ, какъ собственномъ, такъ и приписываемомъ нами ближнимъ".

Къ сказанному мнѣ остается присоединить, что біологическая школа въ соціологіи *по даннымъ теоріи Дарвина* относится къ органической школѣ біо-соціологовъ съ большой сдержанностью, а къ попыткамъ отождествленія общества съ организмомъ—безусловно отрицательно, находя такое отождествленіе совершенно ошибочнымъ *).

4.

Отъ органической школы біо-соціологовъ обратимся теперь къ біологической школѣ или, какъ ее не безъ основанія называютъ многіе авторы,—дарвинизму въ соціологіи **).

Біологическая школа въ соціологіи у большинства историковъ, философовъ и соціологовъ признается не научной и ненужной для рѣшенія какихъ бы то ни было задачъ соціологіи. М. М. Ковалевскій по этому вопросу держится иной точки зрѣнія; онъ считается съ принципами біологической школы въ соціологіи, признаетъ за нею научное значеніе, хотя по цѣлому ряду причинъ, о которыхъ скажу ниже, оцѣниваетъ ее ниже ея дѣйствительнаго значенія.

*) См. Влад. Вагнеръ „Біологическія основанія сравнительной психологіи". Т. I. Петроградъ. Изд. Вольфа, стр. 139 и слѣд.

**) См. Владиміръ Вагнеръ. „Біологическія теоріи и вопросы жизни". Книгоиздательство „Образованіе". 1910 г.

Чтобы точно опредѣлить и правильно оцѣнить точку зрѣнія Ковалевскаго на предметъ, скажу нѣсколько словъ по поводу соціологовъ, категорически открещивающихся отъ біологіи.

Какъ ни разнообразны соображенія, высказываемыя авторами этого направленія, въ общемъ, ихъ объединяетъ одинъ призракъ—это глубокое невѣжество въ естествознаніи и отсюда непониманіе элементарныхъ законовъ этой науки. Хорошимъ примѣромъ для иллюстраціи сказаннаго можетъ служить книга П. Колле *), взгляды котораго сходятся съ таковыми же де-Роберти. Авторъ начинаетъ съ заявленія, что „область соціологіи не должна быть смѣшиваема съ областью біологіи". Это положеніе, по заявленію Колле, „единогласно" признается будто бы всѣми современными біологами и соціологами. Справедливость требовала бы прибавить къ этому „единогласно и всѣми" лишь знакомыхъ г. Колле авторовъ, которыхъ, въ общемъ, очень немного и болѣе всего—авторовъ философскаго направленія, сильно наклонныхъ въ сторону метафизики. Біологія, по ученію этихъ авторовъ, „выдѣляя изъ совокупности свойствъ человѣка его физіологическія отправленія, дѣлаетъ изъ нихъ спеціальный предметъ своихъ изслѣдованій въ анатоміи и физіологіи человѣческихъ органовъ и мозга". Такое оригинальное опредѣленіе біологіи едва ли приходилось встрѣчать кому-либо изъ натуралистовъ. Къ этому опредѣленію Колле присовокупляетъ, что между біологіей и соціологіей имѣется мѣсто для психологіи,—науки, по его мнѣнію, отвлеченной и „занимающейся изслѣдованіемъ свойствъ, признаваемыхъ отличными отъ біологическихъ и несводимыхъ далѣе ни къ чему". Мысль не менѣе оригинальная, чѣмъ и опредѣленіе біологіи. Другіе авторы, по свидѣтельству Колле, утверждаютъ, что „жизненный фактъ предшествуетъ факту умственному, а этотъ послѣдній проявляется раньше общественнаго", тогда какъ, по мнѣнію Колле, „опытъ, повидимому, доказываетъ, что общественный фактъ непосредственно вытекаетъ изъ жизненнаго и что фактъ психологическій составляетъ конкретное сочетаніе обоихъ вышеуказанныхъ фактовъ, т.-е. является фактомъ біо-соціальнымъ". Разсуждая на основаніи такихъ „опытныхъ" данныхъ, Колле приходитъ къ выводу, что теорія, „выводящая общественный фактъ изъ факта психо-

*) Paul Caullet „Elements de sociologie". Paris. 1913. Съ книгой этой я знакомъ по переводу въ непеPіодич. изд. („Новыя идеи въ соціологіи"), издававшемся подъ редакціей М. М. Ковалевскаго и де-Роберти.

логическаго, ошибочная теорія и что ошибка эта явилась слѣдствіемъ незаконнаго вторженія біологіи въ область соціологіи".

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что не всѣ историки и соціологи, являясь принципіальными противниками біологіи въ рѣшеніи соціологическихъ проблемъ, разсуждаютъ такъ, какъ это дѣлаетъ Колле; но ихъ неосвѣдомленность въ естествознаніи остается для всѣхъ одинаковой и неизмѣнной.

Колле говоритъ объ обществѣ, которое считаетъ видомъ, о расахъ, которыя также считаетъ видомъ; говоритъ о классахъ общественныхъ, которые также принимаетъ за видъ; говоритъ о человѣчествѣ, которое тоже оказывается видомъ; расы являются у него подвидомъ, а классы породой и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, по первому же вопросу исторіи культуры, которая, по мнѣнію этого автора и его единомышленниковъ, есть исторія расъ,—знаніе біологіи оказывается сполна отсутствующимъ и, очевидно, не необходимымъ.

То же видимъ мы и по другимъ вопросамъ соціологіи. Не доказано, говорятъ авторы, отрицающіе значеніе біологіи въ соціологическихъ вопросахъ, чтобы человѣкъ за время цивилизаціи, „органически поднялся на высшую ступень", а если поднялся, то—чтобы онъ былъ обязанъ этимъ быстрому размноженію и отбору въ борьбѣ за существованіе. Парсонъ идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что не доказано, „будто у стадныхъ животныхъ, какого бы то ни было вида, борьба на жизнь и на смерть между индивидами одного вида играла какую-нибудь роль при естественномъ отборѣ".

Въ отвѣтъ на эти утвержденія можно сказать, что нѣтъ ни одного закона исторіи и соціологіи, который былъ бы обоснованъ бо̀льшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ тѣ, положенія которыхъ соціологи, по утвержденію Колле, считаютъ еще не доказанными. А между тѣмъ изъ факта недоказанности этихъ положеній они выводятъ рядъ своихъ заключеній и строятъ свои теоріи.

У животныхъ, утверждаютъ они, нѣтъ борьбы между особями и обществами одного и того же вида, вопреки фактамъ, которые свидѣтельствуютъ, что излюбленныя соціологами государства муравьевъ представляютъ нескончаемые примѣры такой борьбы. Нельзя,—продолжаютъ они свои доводы за неумѣстность біологическихъ наукъ при рѣшеніи задачъ соціологіи,—нельзя сопоставлять состязаніе за успѣхъ въ человѣческомъ обществѣ съ

біологической борьбой за существованіе, ибо послѣдняя влечетъ за собой гибель менѣе пригодныхъ, а первое—нѣтъ. Факты свидѣтельствуютъ, что это утвержденіе одинаково невѣрно и въ первой и во второй своей части, ибо въ обоихъ случаяхъ гибель можетъ и послѣдовать и не послѣдовать, и т. д. и т. д.

5.

Совершенно иначе смотритъ на дѣло М. М. Ковалевскій.

Разсмотрѣвши соціологическую доктрину Гиддингса *), М. М. пишетъ: „Эта книга заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: за исключеніемъ трактата Эспинаса, я нигдѣ не нашелъ такого широкаго пользованія явленіями общественности, встрѣчаемыми въ животномъ царствѣ, для объясненія природы и генезиса человѣческихъ союзовъ“.

Если мы присоединимъ къ этому, что Гиддингсъ, рѣшая свою задачу, пользовался не старыми баснями о пчелиныхъ монархіяхъ и муравьиныхъ республикахъ, а явленіями общественности у высшихъ позвоночныхъ животныхъ, что указываетъ на правильный эволюціонный путь, то приведенный отзывъ объ его книгѣ въ устахъ Ковалевскаго получаетъ особое значеніе **).

Не буду говорить о высказанныхъ М. М. мысляхъ при разборѣ книги названнаго автора и отмѣчу лишь, что онѣ снова характеризуютъ нашего ученаго, какъ соціолога, умѣющаго отличать цѣнное на всѣхъ путяхъ изслѣдованія и отводить каждому изъ нихъ должное значеніе, насколько оно является научно-обоснованнымъ.

„Гиддингсъ,—читаемъ мы въ книгѣ Ковалевскаго о „Современныхъ соціологахъ“, — справедливо указываетъ на то, что общеніе начинается еще въ средѣ животныхъ. Недаромъ же многіе смотрятъ на современныя стада пасущихся на волѣ млекопитающихъ, какъ на уцѣлѣвшіе остатки болѣе обширныхъ сою-

*) „Принципы соціологіи“.

**) Спѣшу оговориться во избѣжаніе недоразумѣній: книгу Гиддингса я отнюдь не считаю выраженіемъ того, что можетъ дать біологія для рѣшенія соціологическихъ проблемъ. Его основная доктрина, по которой первичнымъ соціальнымъ фактомъ является „сознаніе породы“, съ точки зрѣнія біологическихъ данныхъ примыкаетъ къ ученію Леба, уже нашедшаго приложеніе въ гипотезѣ Waxweiler'a (директора соціологическаго института Solvya въ Брюсселѣ). Свою оцѣнку этого направленія въ наукѣ я уже высказалъ въ I т. своего изслѣдованія „Біологическихъ основаній сравнительной психологіи“ (Стр. 229 и слѣд.).

зовъ, подобныхъ, напримѣръ, сотнямъ переселяющихся бизоновъ, которыхъ піонеры Сѣв. Америки, селившіеся къ западу отъ Аллегонь, находили на своемъ пути" и т. д.

Ковалевскій внимательно останавливается на идеѣ Гиддингса о роли пищи, которой избытокъ въ данномъ мѣстѣ вызываетъ временное скопленіе животныхъ и человѣка въ этомъ мѣстѣ. Онъ раздѣляетъ нѣкоторыя мнѣнія этого писателя о послѣдствіяхъ, сопровождающихъ такія временныя аггрегаціи; наконецъ онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что Гиддингсъ, вопреки Старке и Вестермарку, признаетъ материнскій счетъ родства наиболѣе стариннымъ, а отцовскій позднѣйшимъ, и пр.

Ковалевскій, по моему мнѣнію, не совсѣмъ правъ, только въ томъ, что, подводя итогъ своей оцѣнки Гиддингса, какъ соціолога, вслѣдъ за Тардомъ, полагаетъ, что Гиддингсъ заимствовалъ у послѣдняго основное положеніе своей системы, что онъ далъ только рядъ описаній или обобщеній, которыя мало чѣмъ отличаются отъ общихъ мѣстъ, или воспроизводитъ ходячія положенія спеціальныхъ общественныхъ наукъ: этнологіи, статистики, экономики, государствовѣдѣнія. Это, думается мнѣ, едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части заключеній Гиддингса. Дѣло въ томъ, что заключеніе біолога можетъ совпадать иногда буквально съ заключеніями соціологовъ (экономистовъ, государственниковъ и т. п.), отнюдь не являясь повтореніемъ давно извѣстнаго или общимъ мѣстомъ. Натуралистъ Гексли говоритъ почти то же, что̀ соціологъ Гизицкій; натуралистъ Уоллесъ говоритъ о Высшемъ Разумѣ во многомъ напоминающее то, что̀ говорилъ Шеллингъ; Гиддингсъ говоритъ почти то же, что̀ и представитель психологической школы соціологовъ—Тардъ; но это вовсе не значитъ, чтобы кто-либо изъ нихъ повторялъ другого. Это значитъ лишь, что заключенія біологовъ могутъ совпадать съ теоріями историковъ и соціологовъ— и только.

III.

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

1.

Остановлюсь для выясненія отношенія нашего ученаго къ этой школѣ въ соціологіи на одномъ изъ вопросовъ, которому Ковалевскій посвятилъ большое вниманіе при обозрѣніи совре-

менныхъ соціологовъ и который лежитъ въ основѣ теоретическихъ построеній Тарда,—на вопросѣ о подражаніи и роли этой способности въ жизни человѣческихъ обществъ. Такъ какъ ни тотъ ни другой изъ названныхъ ученыхъ не вполнѣ правы съ точки зрѣнія данныхъ объективной біо-психологіи, то мнѣ придется коснуться этого вопроса въ такой полнотѣ, которая необходима для того, чтобы объяснить, почему я полагаю, что Ковалевскій принципіально стоитъ къ истинѣ ближе Тарда.

Свое разногласіе съ послѣднимъ М. М. Ковалевскій резюмируетъ такимъ образомъ: „Читатель можетъ заключить изъ моего разногласія съ Тардомъ, по вопросу о роли обычая и моды въ поступательномъ движеніи общества, что мы не одинаково смотримъ на коренной вопросъ о томъ, къ чему сводится въ дѣйствительности самое подражаніе. Для Тарда оно равнозначительно повторенію, для меня оно является своего рода модификаціей. Французская пословица, говорящая „n'imite pas qui veut“, то-есть подражаетъ не всякій желающій, только передаетъ одинъ изъ оттѣнковъ моей мысли. Въ подражаемомъ обыкновенно видятъ не его дѣйствительную природу, а торжество извѣстныхъ принциповъ, дорогихъ подражателю. Русскіе верховники временъ Анны Іоанновны, ставившіе себѣ образцомъ аристократическіе порядки Швеціи и будто бы подражавшіе имъ, на самомъ дѣлѣ стремились къ упроченію бюрократическаго господства. Не разъ въ исторіи повторялись такія же заимствованія. Вошедшій въ Россіи въ употребленіе терминъ „органическія заимствованія“ довольно вѣрно передаетъ мою мысль, но только подъ однимъ условіемъ: если допустить, что продуктъ такого органическаго заимствованія нерѣдко расходится по самой природѣ съ своимъ образцомъ. При такомъ пониманіи, заимствованіе является не болѣе, какъ одной изъ формъ органическаго развитія. Оно не мѣшаетъ французамъ оставаться французами и послѣ видимаго переноса въ ихъ среду англійскаго парламентаризма.

Заимствованіе въ концѣ концовъ,—по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, когда заимствующимъ является не отдѣльный человѣкъ, а цѣлый народъ,—заключаетъ въ себѣ элементы самостоятельнаго творчества. Вѣрнѣе было бы употреблять, поэтому, взамѣнъ его терминъ приспособленіе, приспособленіе не общества къ заимствуемымъ порядкамъ, а этихъ порядковъ къ потребностямъ заимствующаго ихъ общества. Чтобы передать мою мысль во всей ея необусловленности, я скажу, что развитіе произошло бы

въ томъ же направленіи и безъ заимствованія, но только съ меньшею быстротою и математичностью. А если такъ, то въ исторіи поступательнаго хода обществъ центръ тяжести лежитъ не въ подражаніи, а въ открытіи или изобрѣтеніи".

Ни Тардъ ни Ковалевскій, какъ я сказалъ уже, справокъ по интересующему ихъ вопросу въ сравнительной психологіи не дѣлали. А между тѣмъ объективная біо-психологія не только поможетъ намъ установить, что оба эти ученыхъ въ своихъ взглядахъ на подражаніе, какъ факторъ эволюціи, не вполнѣ правы, но и выяснитъ, почему это дѣйствительно такъ и почему Ковалевскій ближе къ истинѣ, чѣмъ Тардъ.

Данными объективной біо-психологіи съ несомнѣнностью установлены слѣдующія заключенія:

1) Способность къ подражанію у безпозвоночныхъ животныхъ не подтверждена ни однимъ точно установленнымъ фактомъ, если не считать способности нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать другъ за другомъ, руководствуясь обоняніемъ.

2) Способность къ подражанію наблюдается впервые у позвоночныхъ животныхъ и представляетъ собой прогрессивный моментъ въ развитіи психическихъ способностей огромнаго значенія.

3) Въ простѣйшемъ видѣ способность къ подражанію у животныхъ проявляется въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ повторяютъ дѣйствія особей своего вида, руководясь органами зрѣнія, или, если повторяется звукъ, и органами слуха.

4) Повтореніе это у животныхъ всегда инстинктивно и не цѣлепонимательно.

Самыя одаренныя изъ млекопитающихъ животныхъ — обезьяны—подражающія многимъ движеніямъ особей и своего и чужого видовъ, не понимаютъ цѣли производимыхъ путемъ подражанія дѣйствій и, кромѣ того, обладаютъ способностью подражать не всѣмъ, а лишь опредѣленнымъ дѣйствіямъ *).

*) Торндайкъ, превосходный изслѣдователь психологіи этихъ животныхъ, наблюдалъ, какъ обезьяна, сидѣвшая въ одномъ помѣщеніи съ другой особью своего вида, несмотря на то, что она сотни разъ видѣла, какъ эта послѣдняя, дергая за веревку аппарата, получала орѣхъ, — не научилась подражать этому полезному дѣйствію. Собаки, лакомыя до сахара, могутъ сотни, тысячи разъ видѣть, какъ за дѣйствія, которыя они легко могли бы повторить, выдрессированная особь получаетъ подачки, не могутъ научиться производить тѣ же дѣйствія путемъ подражанія и требуютъ спеціальной для этого дрессировки.

Роль способности къ подражанію даже у высшихъ животныхъ не идетъ дальше запоминанія тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ число наслѣдственно установленныхъ случаевъ. Подражаніе за предѣлами этихъ случаевъ устанавливается лишь съ помощью дрессировки.

Само собою разумѣется, что *такое подражаніе не можетъ быть факторомъ прогрессивной эволюціи общественности.*

У человѣка способность къ подражанію двояка: одна — инстинктивная, унаслѣдованная отъ животныхъ, другая — благопріобрѣтенная, сопровождаемая участіемъ разумныхъ способностей, и поэтому, если не всегда, въ дѣйствительности, то въ возможности — цѣлепонимательная. Эта послѣдняя способность къ подражанію большею частью сопровождается творчествомъ и, несомнѣнно, представляетъ собою важный факторъ въ процессѣ эволюціи.

Таковы данныя объективной сравнительной психологіи *) по вопросу о подражаніи, какъ психической способности. Не имѣя о нихъ надлежащихъ свѣдѣній, нельзя составить правильнаго понятія о подражаніи, какъ факторѣ эволюціи у человѣка. Данныхъ этихъ ни Тардъ ни Ковалевскій въ виду не имѣли, вслѣдствіе чего споръ ихъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, остался и продолжаетъ быть открытымъ, и если послѣдній въ концѣ концовъ все же ближе къ истинѣ, чѣмъ первый, то исключительно потому, что міровоззрѣніе Ковалевскаго въ цѣломъ гораздо шире, чѣмъ таковое у Тарда.

2.

Между тѣмъ правильное рѣшеніе вопроса имѣетъ огромное значеніе въ рѣшеніи цѣлаго ряда основныхъ задачъ соціологіи. Чтобы установить это мое утвержденіе, я приведу взгляды соціологовъ на роль подражанія толпы, которая разсматривается, какъ прототипъ общественности.

„Толпа, — говоритъ Тардъ **), — не можетъ возрасти свыше извѣстнаго предѣла, положеннаго свойствами слуха и зрѣнія“ ***);

---

*) См. Влад. Вагнеръ. „Біологическія основанія сравнительной психологіи“, т. II, изд. Вольфа.

**) „Общественное мнѣніе и толпа“, переводъ съ франц. подъ редакц. П. С. Когана.

***) Стр. 8.

а нѣсколько ниже *) мы читаемъ: „толпа подчинена силамъ природы въ прямомъ смыслѣ этого слова, она зависитъ отъ дождя или отъ хорошей погоды, отъ жары или отъ холода; она образовывается чаще лѣтомъ, чѣмъ зимою. Лучъ солнца собираетъ ее, проливной дождь ее разсѣиваетъ“ и т. д. Другими словами, толпа, въ опредѣленіи Тарда, это такое явленіе, которое принято называть уличной толпой, и которое, модифицируясь, превращается въ высшія формы общественныхъ организацій.

Рядомъ съ такимъ опредѣленіемъ мы у Лебона, напримѣръ **), находимъ другое. Для него уличная толпа—это только частный случай, который онъ называетъ толпою анонимною. Рядомъ съ нею существуетъ серія другихъ видовъ толпы; таковыми являются: толпа присяжныхъ засѣдателей, толпа парламентскаго собранія, секты (политическія, религіозныя и др.), касты (военныя, рабочія), классы (буржуазный, крестьянскій), и т. д. Правда, эти разные виды толпы распредѣляются авторомъ въ разныя категоріи его классификацій, но каждый изъ нихъ представляетъ собою, по мнѣнію Лебона, прежде всего „толпу“, которая, несмотря на особые признаки, въ своихъ основныхъ чертахъ и свойствахъ, всегда одна и та же.

Не трудно себѣ представить, какъ должно вліять на разсужденія авторовъ такое разногласіе по самому исходному пункту этихъ разсужденій; а съ этимъ вмѣстѣ можно себѣ представить, сколько произвольнаго, личнаго, условнаго и спорнаго должно быть въ ихъ мнѣніяхъ и ихъ оцѣнкѣ подлежащихъ разсмотрѣнію явленій огромной важности и значенія.

Разногласіе и спорность рѣшенія задачи, конечно, возможны при всякихъ изслѣдованіяхъ, и сами по себѣ ничего еще не доказываютъ. Но бѣда въ томъ, что на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыми авторы пользуются для рѣшенія своей задачи, т.-е. на почвѣ исключительно данныхъ исторіи и соціологіи, „выхода“ изъ такихъ противорѣчій, такихъ условныхъ и произвольныхъ толкованій изслѣдуемыхъ явленій „быть не можетъ“. Ограничивая изслѣдованіе толпы человѣческимъ обществомъ,—„вопросъ о ея генезисѣ“ теряетъ свою основу и неизбѣжно становится проблематичнымъ, а съ этимъ вмѣстѣ центръ тяжести изслѣ-

*) Стр. 12.

**) Густавъ Лебонъ. „Психологія народовъ и массъ“. Перев. съ франц. Изд. Ф. Павленкова, 1896 г.

дованія самъ собою переносится въ другое мѣсто: толпа изучается какъ явленіе, имѣющее объяснить нашу общественную жизнь съ той или другой ея стороны. Этотъ вопросъ представляетъ собою, конечно, самый основной и самый важный вопросъ въ изслѣдованіи, но къ его рѣшенію надо „подойти", его надо вывести „какъ заключеніе" изъ относящихся къ нему фактовъ біологіи и сравнительной психологіи, а не начинать съ него, имъ исчерпывать изслѣдованіе и, въ концѣ концовъ, на немъ же строить и конечные выводы.

3

Подобно тому, какъ авторами рѣшается вопросъ о томъ, „что такое" толпа, рѣшаются и всѣ остальные вопросы, стоящіе въ связи съ нею. Такъ, причины, обусловливающія возникновеніе толпы, по мнѣнію однихъ авторовъ, заключаются, главнымъ образомъ, въ способности къ гипнозу, по мнѣнію другихъ— въ подражаніи, по мнѣнію третьихъ — въ свойствахъ вожаковъ и т. д. На вопросъ, какъ мы должны относиться къ толпѣ, какъ общественному явленію, одни отвѣчаютъ: никакъ, ибо дѣло не въ толпѣ, а ея вожакахъ, которые могутъ создать и преступную и добродѣтельную толпу; по мнѣнію другихъ, отношеніе должно быть сочувственное, ибо, въ концѣ концовъ, само общество есть продуктъ способности къ подражанію, и въ его основѣ лежитъ способная къ подражанію толпа; по мнѣнію третьихъ, мы должны различать преступную толпу отъ добродѣтельной, послѣднюю поощрять, а первую — преслѣдовать. Пюльезе, сколько я знаю, первый изложилъ въ статьѣ „О коллективномъ преступленіи" доктрину уголовной отвѣтственности за таковыя и предложилъ полу-отвѣтственность для всѣхъ тѣхъ, которые совершаютъ преступленіе, увлеченные толпой.

Не останавливаясь долѣе на мнѣніяхъ соціологовъ, я скажу кратко, что разнорѣчіе ихъ является лучшимъ свидѣтельствомъ того, что соціологія однимъ своимъ методомъ изслѣдованія и на основаніи одной только категоріи фактовъ, заимствуемыхъ изъ наблюденія надъ жизнью человѣческаго общества, едва ли можетъ дать отвѣты на поставленные ею самой вопросы. Она не можетъ отвѣтить на вопросъ, почему и какъ образуется толпа въ человѣческомъ обществѣ; она не можетъ намъ отвѣтить на вопросы: почему толпа и въ умственномъ и въ нравственномъ

отношеніи всегда была, есть и будетъ ниже средняго уровня составляющихъ ее членовъ; почему еще у римлянъ сложилась поговорка: „сенаторы — люди хорошіе, а сенатъ — дурное животное“. Почему толпа, даже состоящая изъ лицъ въ большинствѣ интеллигентныхъ, всегда заключаетъ въ себѣ что-то ребяческое и звѣрское одновременно: ребяческое—по своей капризной измѣнчивости, неожиданнымъ переходамъ отъ гнѣва къ взрывамъ смѣха; звѣрское—по своей свирѣпости.

На всѣ эти и длинный рядъ другихъ аналогичныхъ вопросовъ ничего не даютъ и не могутъ дать ни подробныя описанія свойствъ толпы ни ея классификаціи по даннымъ одной соціологіи. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть полученъ только при содѣйствіи біо-психологіи, а матеріалы этой-то именно области знанія въ вопросѣ о толпѣ у соціологовъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ вовсе. Они, — эти матеріалы,—свидѣтельствуютъ, что толпа, являясь послѣднимъ звеномъ въ цѣпи біологическихъ организацій (сборище, аггреґатъ и стадо), не представляетъ собою эмбріона общественности; что уже въ стадѣ мы наблюдаемъ факторы двухъ категорій, каждый по-своему регулирующихъ и направляющихъ жизнедѣятельность животныхъ. Одни изъ этихъ факторовъ — чисто біологическіе, наслѣдственные, другіе являются дѣломъ индивидуальнаго пріобрѣтенія особей стада,—это факторы соціальные въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Авторы-историки и соціологи упускаютъ изъ вида эти предшествующіе біологическіе этапы на пути эволюціи толпы; одни изъ нихъ, поэтому, не подозрѣваютъ важности давно установленнаго въ нашей наукѣ положенія, по силѣ котораго инстинктъ стадности долженъ быть противопоставленъ инстинкту общественности уже въ самомъ стадѣ; другіе недостаточно оцѣниваютъ полученныя свѣдѣнія *).

---

*) Такъ Н. К. Михайловскій, напр., пишетъ: «Мы хотимъ знать, почему и какъ образуется толпа въ человѣческомъ обществѣ, а біологія вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ трактуетъ о томъ, какъ генетически развилась толпа изъ стада“.

Михайловскому были извѣстны наблюденія Гальтона, изложенныя въ статьѣ послѣдняго „Inquiries into human faculties and its developement“, но они такъ же не были оцѣнены нашимъ публицистомъ по достоинству, какъ и указаніе Спенсера на то, что подражаніе требуетъ, говоря относительно, разумѣется, высокаго умственнаго развитія. Михайловскій противопоставлялъ Спенсеру мнѣніе Кандинскаго и Пеликана. Пеликанъ („Судебно-медицинское изслѣдованіе

4.

Біо-психологія, исходя изъ данныхъ эволюціи общественности въ царствѣ животныхъ, даетъ выходъ изъ противорѣчивыхъ мнѣній историковъ и соціологовъ. Она удостовѣряетъ, прежде всего, ошибочность мнѣнія, по которому толпа представляетъ собою эмбріонъ человѣческаго общества въ томъ видѣ, въ какомъ рисовалъ его себѣ Тардъ. Этотъ авторъ утверждалъ, что обыкновенная уличная толпа „черезъ рядъ посредствующихъ ступеней отъ этого примитивнаго аггрегата, летучаго и аморфнаго“, ведетъ насъ „къ толпѣ организованной, имѣющей іерархическое раздѣленіе, продолжительную и регулярную жизнь, словомъ—къ той толпѣ, которую мы называемъ *корпораціей*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: *церкви и государству*.

Соображеніе это построено на заблужденіи, вытекающемъ изъ того же источника, какъ и всѣ другія заблужденія авто-

---

скопчества“) высказывалъ по этому вопросу слѣдующія соображенія; способность къ подражанію, лежащая въ основѣ дѣйствій толпы, оказывается тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ менѣе развито сѣрое корковое вещество, безъ достаточнаго развитія котораго немыслима способность къ критикѣ. Цитированный Михайловскимъ съ тою же цѣлью Кандинскій пишетъ: „Инстинктивною подражательностью отличаются нѣкоторыя животныя, напримѣръ, обезьяны; въ весьма высокой степени мы видимъ ее у дѣтей, а также у идіотовъ и у нѣкоторыхъ слабоумныхъ... У взрослаго нормально развитаго человѣка, при видѣ извѣстнаго жеста другого лица, напр., кромѣ безсознательнаго побужденія воспроизвести этотъ жестъ, рождается въ мозгу извѣстное представленіе, вызывающее, въ свою очередь, другое представленіе и т. д., результатомъ чего будетъ не воспроизведеніе видѣннаго жеста, а мысль или чувство (напримѣръ, чувство смѣшного). У обезьяны же то же самое зрительное впечатлѣніе, вмѣсто мыслительной реакціи, обусловитъ реакцію двигательную, и видѣнный жестъ будетъ автоматически повторенъ“.

Наблюденія Пеликана и Кандинскаго имѣютъ въ виду только инстинктивное подражаніе, приближающее человѣка къ животнымъ, изъ чего, разумѣется, не слѣдуетъ ни того, чтобы, кромѣ подражательности инстинктивной, у человѣка не было другой, болѣе сложной и совершенной, ни того, чтобы инстинктивная подражательность у высшихъ млекопитающихъ животныхъ не представляла собою высшей интеллектуальной способности, которую мы находимъ только у высшихъ видовъ этихъ животныхъ, какъ это справедливо указалъ Спенсеръ. Отсюда само собой понятно, что, давая отвѣтъ на вопросъ: „какъ образовалась толпа“, сравнительная психологія тѣмъ самымъ отвѣчала и на вопросъ: что такое она собою представляетъ, а стало-быть, и почему она образуется въ человѣческомъ обществѣ. Путаница въ опредѣленіи и пониманіи человѣческой толпы встрѣчается, если не у всѣхъ, то у очень многихъ соціологовъ.

ровъ, пытающихся дать опредѣленіе толпы на основаніи данныхъ только исторіи и соціологіи.

Ни корпораціи, ни синдикаты, ни промышленныя и ученыя общества, ни государство, *принципіально ничего общаго со стадной толпой не имѣютъ* и ни малѣйшей преемственности въ ихъ развитіи нѣтъ и быть не можетъ, ибо психологическіе факторы, лежащіе въ ихъ основѣ, противоположны инстинктамъ, объединяющимъ толпу. Другими словами, генезисъ этихъ явленій оказывается совершенно различнымъ, почему и строить такую филогенію, какъ это дѣлаетъ Тардъ: а) толпа, б) корпорація, в) церковь, г) государство,—безусловно невозможно.

Далѣе, біо-психологія удостовѣряетъ, что идея авторовъ, по которой судъ присяжныхъ, парламентскія собранія и обыкновенная уличная толпа суть явленія однородныя *по своему существу*, даже независимо отъ своего происхожденія, какъ это полагаютъ Лебонъ, Сигеле и др., представляетъ собой другую и не менѣе существенную ошибку.

Какъ дериватъ стада, толпа создается на почвѣ *того же инстинкта*, который, какъ мы знаемъ, заключается у животныхъ въ томъ, что особи стада *безотчетно и безпрекословно слѣдуютъ за вожакомъ и его указаніями*. Толпа „слѣпа", она утратила способность къ критикѣ и является покорнымъ, безсмысленнымъ орудіемъ своего вожака, тогда какъ собранія людей, указываемыя авторами (синдикаты, корпораціи, практическія и ученыя общества и пр.), до тѣхъ поръ, пока они остаются таковыми, ни слѣпыми не представляются ни способностей къ критикѣ не теряютъ.

Сравнительная психологія показываетъ намъ далѣе, *что толпы не тождественны*, и что противоположное утвержденіе такъ же далеко отъ истины, хотя и въ другую сторону, какъ и утвержденіе, что между уличной толпой и парламентомъ нѣтъ принципіальнаго различія. Все дѣло въ томъ, что, какъ мы теперь знаемъ, толпа стадная и толпа соціальная получаютъ свое начало отъ разныхъ инстинктовъ: первая—отъ инстинктовъ стадныхъ, вторая—отъ инстинктовъ соціальныхъ, изъ которыхъ послѣдніе у животныхъ привели уже сначала къ выбору, потомъ къ предпочтенію, затѣмъ къ симпатіи и, наконецъ, къ альтруизму.

Но у животныхъ соціальной толпы не бываетъ (и быть не можетъ), вслѣдствіе чего инстинкты стадные и соціальные

большею частью легко различимы: стадный инстинктъ выражается въ опредѣленной формѣ общаго слѣдованія за вожакомъ; соціальный же инстинктъ никогда формы стаднаго проявленія не имѣетъ.

Иное дѣло въ человѣческомъ обществѣ. Высокое развитіе нервной системы, какой не знаетъ ни одно животное, чрезвычайно разнообразные способы воздѣйствія людей другъ на друга, наконецъ, способности къ гипнозу въ предѣлахъ и степени, недоступныхъ для животныхъ даже приблизительно, приводятъ къ тому, что, на ряду съ стадной толпой, мы у людей наблюдаемъ и соціальную толпу, по своимъ проявленіямъ мало чѣмъ отличающуюся отъ толпы стадной.

Слѣдуетъ ли отсюда однако, чтобы она, эта соціальная толпа, была и по существу такою же толпою, какъ толпа стадная? Сравнительная психологія утверждаетъ, что нѣтъ, что противоположное мнѣніе есть ошибка, объясняющаяся тѣмъ, что сторонники этого мнѣнія либо вовсе не знаютъ о существованіи въ стадѣ животныхъ стаднаго и общественнаго инстинктовъ, которыхъ развитіе идетъ своимъ чередомъ, хотя и въ опредѣленной корелляціи другъ съ другомъ, либо знаютъ, но не оцѣниваютъ этого обстоятельства по достоинству. Толпа соціальная есть явленіе человѣчествомъ *благопріобрѣтенное*, не встрѣчающееся въ царствѣ животныхъ и обязанное своимъ происхожденіемъ необыкновенно высокому развитію нервной энергіи и способовъ воздѣйствія людей другъ на друга; напротивъ, толпа стадная представляетъ собою явленіе *сполна унаслѣдованное*. Возможность сходства этихъ различныхъ явленій въ своихъ проявленіяхъ даетъ такое же основаніе для ихъ отождествленія, какъ и сходство между крыломъ бабочки и крыломъ птицы. Сходство между этими послѣдними очень велико: и то и другое служитъ для полета, и то и другое опредѣленнымъ образомъ вліяетъ на внутреннюю организацію, такъ какъ требуетъ сильной мускулатуры, и то и другое играетъ огромную роль въ жизни животныхъ, которыя ими обладаютъ; даже по разнообразію и пестротѣ окраски эти органы напоминаютъ другъ друга; и, несмотря на все это, мы отлично знаемъ, что не только тождества между ними нѣтъ, но что они безусловно ничего общаго между собою, какъ таковые, не имѣютъ, ибо ихъ генезисъ глубоко различенъ.

Совершенно на такомъ же основаніи отличается толпа, воз-

никшая изъ стадныхъ инстинктовъ, отъ толпы соціальной. Послѣдняя отличается отъ первой и другими признаками.

Толпа стадная не всегда совершаетъ преступленіе, но она всегда готова его совершить; для соціальной толпы преступленіе является неожиданной и не соотвѣтствующей ея инстинктамъ случайностью. Толпа стадная руководится *вожакомъ*, который создаетъ ее, дѣйствуя на чувствахъ *животнаго въ человѣкѣ* и направляя толпу въ эту сторону. Изъ всѣхъ стимуловъ, обусловливающихъ дѣятельность людей: 1) потребности въ пищѣ, 2) стремленія къ самосохраненію, 3) полового влеченія, 4) эстетическихъ запросовъ, 5) этическихъ и нравственныхъ принциповъ, 6) силъ интеллектуальныхъ,—вожакъ руководится самыми элементарными, самыми грубыми, но и самыми могущественными изъ нихъ: стремленіемъ къ питанію и самосохраненію.

Соціальной толпой, въ противоположность стадной, руководитъ *герой*, такъ какъ создаваемая имъ толпа построена на чувствахъ альтруизма, которыя *въ человѣкѣ составляютъ человѣка* *). Соціальная толпа поэтому въ огромномъ большинствѣ случаевъ только *полезна*, даже въ своемъ латентномъ состояніи. Толпа стадная *всегда вредна*, какъ въ дѣйствующей, такъ и въ своей латентной разновидности. Вредна потому, что, обусловливаясь самыми грубыми инстинктами питанія и самосохраненія, она противодѣйствуетъ всему, что грозитъ измѣнить ея устои жизни; сознаніемъ силы своего множества она давитъ мертвой петлей стремленіе человѣка жить и мыслить по-своему.

5.

Возвращаясь отъ изложенныхъ соображеній къ разногласію между Ковалевскимъ и Тардомъ по вопросу о роли подража-

---

*) Всѣмъ этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы различеніе указанныхъ типовъ толпы всегда представлялось дѣломъ легкимъ. Напротивъ, бываютъ случаи очень затруднительные для рѣшенія задачи, а иногда и вовсе не разрѣшимые.

Но эта трудность въ проведеніи демаркаціонной линіи между соціальной и стадной толпой не можетъ служить основаніемъ для отказа отъ рѣшенія задачи огромнаго теоретическаго значенія. Это рѣшеніе необходимо уже потому, чтобы не повторять ошибки Михайловскаго, въ силу которой пришлось бы поставить на одну доску и Гусса и вожака кишиневскаго погрома на томъ основаніи, что за тѣмъ и другимъ слѣдовала толпа.

нія, легко понять, почему я считаю перваго стоящимъ ближе къ истинѣ, чѣмъ второго. Для Тарда подражаніе есть только подражаніе, для Ковалевскаго это въ своемъ родѣ творчество; для Тарда ходъ эволюціи ничѣмъ не контролируемъ и ни въ какую сторону не направленъ; для Ковалевскаго прогрессивная эволюція есть реальный процессъ, которому мы должны всячески содѣйствовать. „Для Тарда,—говоритъ Ковалевскій,—соціологія не болѣе, какъ коллективная психологія". „Если бы это было такъ,—продолжаетъ М. М.,—если бы соціальная наука имѣла дѣло только съ повтореніями въ формѣ подражаній, то сею, очевидно, нельзя было бы считать не что иное, какъ статистику, разумѣется, подъ условіемъ примѣненія метода подсчета и къ нравственнымъ явленіямъ. Найдутся, разумѣется, и въ прошломъ писатели, утверждавшіе, что „исторія не болѣе, какъ продолжающаяся статистика, а статистика—остановившаяся исторія" (фраза Зюсьмильха). Но понимаемая въ смыслѣ статистики—соціологія, какъ я полагаю, едва ли въ состояніи дать намъ какое-либо опредѣленное представленіе о прогрессѣ. Писатели, какъ Тардъ, поэтому, какъ мнѣ кажется, совершенно логично, во-первыхъ, не признаютъ прогресса непремѣннымъ условіемъ жизни обществъ, а во-вторыхъ, отрицаютъ необходимость того, чтобы различныя русла, по которымъ протекаетъ жизнь отдѣльныхъ народовъ, направили свое теченіе въ одномъ и томъ же смыслѣ. Конечно, самый процессъ накопленія открытій и ихъ усвоеніе обществомъ, благодаря подражаніямъ, уже говоритъ въ пользу поступательнаго движенія, но въ какомъ направленіи послѣдуетъ это движеніе, и какова конечная его цѣль, на это можно отвѣтить, пишетъ Тардъ, только такими общими положеніями, какъ все большее и большее господство человѣка надъ природой, все бо́льшая и большая утилизація ея силъ взамѣнъ силъ человѣческихъ. Мы въ правѣ также признать вытекающими отсюда послѣдствіями, напримѣръ, численное увеличеніе класса лицъ, располагающихъ досугомъ и, слѣдовательно, способныхъ посвятить свои силы другимъ задачамъ помимо простого обезпеченія личнаго существованія и продолженія породы".

Дальше такихъ общихъ заключеній едва ли можно прійти, сосредоточивая всю работу соціолога на одной классификаціи явленій въ группы изобрѣтеній и подражаній. Въ другомъ мѣстѣ книги значится: „Мы не думаемъ, чтобы Тарду удалось обосно-

вать абстрактную науку объ обществѣ или соціологію. И вотъ по какой причинѣ. Въ противность ея основателю, Конту, пытавшемуся дать этой новой наукѣ ея собственный законъ, какимъ является въ его системѣ законъ трехъ стадій, Тардъ строитъ обществовѣдѣніе на законахъ психологическихъ. Я полагаю, что соціологія, какъ самая сложная изъ всѣхъ абстрактныхъ наукъ, несомнѣнно, раскрываетъ собою дѣйствіе какъ общаго закона неорганической природы, закона неистребляемости матеріи и сохраненія энергіи, такъ и закона органическаго развитія, происходящаго подъ вліяніемъ борьбы сперва за существованіе, затѣмъ за преобладаніе, наконецъ, и психологическаго закона взаимодѣйствія, порождаемыхъ вѣрованіями и желаніями открытій и подражаній. Но ко всѣмъ этимъ законамъ, заимствованнымъ изъ наукъ, ниже ея стоящихъ на іерархической лѣстницѣ отвлеченнаго знанія, соціологія необходимо должна присоединить свои собственные законы, которыхъ у Тарда нѣтъ".

Къ категоріи этихъ законовъ М. М. Ковалевскій причисляетъ прогрессивную эволюцію культуры, работать на которую онъ и призывалъ молодежь въ своихъ всегда оригинальныхъ и талантливыхъ лекціяхъ.

Сказанное о роли подражанія и о толпѣ, съ точки зрѣнія данныхъ біо-психологіи, даетъ какъ разъ тѣ научныя основы для теоретическаго міровоззрѣнія Ковалевскаго, которыхъ не было въ его распоряженіи, но принципіальную важность которыхъ онъ понималъ несравненно правильнѣе своихъ многочисленныхъ коллегъ.

Пр. Владиміръ Вагнеръ.

М. М. Ковалевскій, какъ историкъ и соціологъ.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ М. М. Ковалевскаго, что онъ считаетъ себя болѣе историкомъ, нежели юристомъ, имѣя въ виду, конечно, обычное значеніе послѣдняго слова. Въ этомъ же смыслѣ нерѣдко высказывались и нѣкоторые юристы, но я никогда не слыхалъ, чтобы историки не считали его своимъ, и я думаю, что одинаково были правы и самъ покойный Максимъ Максимовичъ, и тѣ юристы или историки, которые видѣли въ немъ больше историка, чѣмъ юриста. Подчеркиваю это „больше", вмѣсто „скорѣе", которое я здѣсь сейчасъ чуть было не написалъ. Конечно, Ковалевскій былъ и юристомъ и историкомъ, но однимъ меньше, другимъ больше, и дѣло вовсе не въ выборѣ, къ какой категоріи—юристовъ или историковъ—его слѣдуетъ скорѣе причислить.

То, что можно назвать „чистою" юриспруденціей, очень далеко отъ исторіи, какъ и исторія, въ свою очередь, отъ нея весьма далека. Недаромъ между обѣими науками столь долгое время не было почти никакихъ точекъ соприкосновенія, и лишь въ XIX в. образовалась въ юриспруденціи историческая школа, да и сама историческая наука стала больше интересоваться правомъ. Конечно, въ настоящее время есть много ученыхъ, занимающихъ положеніе въ этой сравнительно новой, такъ сказать, промежуточной области между юриспруденціей и исторіей, но у нихъ всегда обнаруживается уклонъ въ ту или другую сторону, и потому одни являются больше юристами-историками а другіе историками-юристами.

Ковалевскаго я причислилъ бы ко второй категоріи, если бы онъ въ исторіи былъ исключительно юристомъ, т.-е. если бы онъ занимался только однимъ правомъ въ его историческомъ развитіи. Историческій интересъ Ковалевскаго былъ весьма ши-

рокимъ. Рядомъ съ предметами, входящими въ составъ публичнаго права, его вниманіе привлекали къ себѣ и вопросы права частнаго, особенно явленія собственности и семьи, и вмѣстѣ съ этимъ онъ выходилъ за предѣлы права въ тѣсномъ смыслѣ слова, работая также въ области народнаго хозяйства, т.-е. былъ не только юристомъ, но и экономистомъ, такъ что его научные труды касались и государства, и права, и экономической жизни,— а это дѣлало его соціологомъ. Вѣдь по мысли основателя соціологіи Огюста Конта, вѣрнымъ послѣдователемъ котораго въ этомъ отношеніи Ковалевскій оставался до конца дней своихъ, общая теоретическая наука объ обществѣ должна изучать общественныя явленія въ ихъ „консенсѣ" (consensus), т.-е. въ общей ихъ совокупности и въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Болѣе спеціальныя общественныя науки изучаютъ общество лишь съ одной какой-либо стороны, различая, напр., явленія хозяйства, права, государства; соціологическая же точка зрѣнія какъ разъ и заключается въ стремленіи къ синтезу экономики, юриспруденціи и политики. Въ своихъ историческихъ работахъ въ области права Ковалевскій примыкалъ не къ германской исторической школѣ, основанной Савиньи, а къ традиціи, родоначальникомъ которой былъ Монтескье, указываемый и Контомъ, какъ одинъ изъ немногихъ предшественниковъ соціологіи.

Нѣсколько своихъ работъ Ковалевскій и спеціально посвятилъ соціологіи, какъ наукѣ съ опредѣленными предметомъ, задачею и методомъ, о чемъ рѣчь будетъ итти впереди. Но къ этой научной области онъ подходилъ преимущественно съ исторической стороны. Въ своей классификаціи наукъ Контъ, какъ извѣстно, дѣлилъ всѣ чистыя (не прикладныя) науки на абстрактныя и конкретныя, соотвѣтственно съ чѣмъ соціологія, какъ наука абстрактная, должна противополагаться исторіи, какъ наукѣ конкретной. (Теперь для обозначенія тѣхъ же понятій въ ходу другіе термины, пришедшіе къ намъ изъ Германіи: науки номотетическія и идіографическія). Конечно, какъ и вездѣ, здѣсь также возможны постепенные переходы отъ одной точки зрѣнія къ другой, отъ изученія общества, отвлеченно взятаго, какъ особой формѣ бытія, къ изученію конкретныхъ общественныхъ явленій, данныхъ намъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ опредѣленныя времена. Такъ вотъ Ковалевскаго не влекло къ разработкѣ общихъ теорій путемъ гипотетическихъ построеній, дедукцій, аналогій и т. д., играющихъ такую роль въ со-

ціологической литературѣ. Онъ строилъ соціологію не сверху, исходя отъ какой-либо философіи, а снизу, опираясь на фактическій матеріалъ, доставляемый исторіей да, кромѣ исторіи, еще этнографіей и тѣмъ, что можно назвать соціально-культурной палеонтологіей, изученіемъ доисторическаго быта и самыхъ раннихъ, даже прямо зачаточныхъ формъ общественности. Разумѣется, и здѣсь дѣло не могло обходиться безъ гипотезъ, но у Ковалевскаго это были гипотезы не о природѣ общества, а о тѣхъ формахъ, какія могла и должна была принимать общественность на самыхъ раннихъ ступеняхъ своего развитія. Соціологическія построенія, исходящія не изъ философскихъ, психологическихъ и иныхъ отвлеченныхъ предпосылокъ, а отправляющіяся отъ фактическаго матеріала, возможны лишь при широкомъ пользованіи сравнительнымъ методомъ, которому въ своемъ геніальномъ предвидѣніи отводилъ такое важное мѣсто въ соціологіи самъ Контъ. Ковалевскій былъ убѣжденнымъ „компаративистомъ“, не только фактически пользуясь историко-сравнительнымъ,—какъ онъ его называлъ,—методомъ, но и теоретически его защищая, обосновывая и рекомендуя, какъ это было, напримѣръ, имъ сдѣлано въ одной изъ раннихъ работъ. И онъ называлъ его именно историко-сравнительнымъ методомъ, какъ бы подчеркивая этимъ, что сравниваемыя явленія или формы брались имъ не въ ихъ неподвижности, а въ ихъ исторической эволюціи. Не статика, а динамика, пользуясь терминами Конта, стояла въ центрѣ вниманія Ковалевскаго.

Если въ своихъ соціологическихъ исканіяхъ Ковалевскій былъ преимущественно историкомъ, а не чистымъ теоретикомъ, и потому „идіографія“ у него преобладала надъ номологіей, то съ другой стороны, и въ историческихъ своихъ работахъ онъ былъ прежде всего соціологомъ, притомъ не только въ смыслѣ синтеза экономической, юридической и политической точекъ зрѣнія, но еще и въ другомъ смыслѣ, а именно если соціологической точкѣ зрѣнія въ исторіи противополагать точку зрѣнія психологическую. Есть историки внутреннихъ переживаній, историки-психологи, интересующіеся фактами интеллектуальной и эмоціональной жизни, ея проявленіями въ областяхъ религіи, философіи и науки, литературы и искусства, однимъ словомъ, историки духовной культуры, и есть историки-соціологи, беря вторую часть термина въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, историки общественныхъ отношеній, подводящихся подъ категоріи политическихъ,

юридическихъ, экономическихъ явленій, историки соціальнаго строя. Ковалевскій былъ какъ разъ такимъ историкомъ-соціологомъ, изслѣдователемъ внѣшнихъ формъ общественнаго бытія, т.-е. учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова, подводя подъ данное понятіе, наприм., и первобытную семью и парламентарное государство.

Однако, занимаясь преимущественно эволюціей учрежденій отъ элементарныхъ формъ общественности до наивысшаго, что было въ этомъ отношеніи создано жизнью, онъ отказывался видѣть въ этой эволюціи какой-то безсознательный процессъ, назовемъ ли мы такой процессъ, разсматриваемый въ его безсознательности, стихійнымъ, механическимъ или органическимъ. Онъ былъ не только историкомъ учрежденій, но и историкомъ идей, поскольку это были идеи, касавшіяся государства, права и народнаго хозяйства. Но и эту область онъ изучалъ опять-таки не такъ, какъ это дѣлается въ исторіяхъ философіи или науки, т.-е. въ отвлеченіи извѣстнаго идейнаго содержанія отъ соціальной жизни, а, наоборотъ, въ тѣснѣйшей и неразрывной связи съ нею. Точка зрѣнія Чичерина въ его „Исторіи политическихъ ученій", въ которой теоріи нанизываются одна за другою на нѣкоторую логическую нить, была совершенно чужда и прямо антипатична Ковалевскому, если даже не принимать въ расчетъ и нерасположенія его, какъ послѣдовательнаго позитивиста, къ метафизическимъ предпосылкамъ Чичерина въ духѣ гегельянства.

Я думаю, что для Ковалевскаго всякая общественная „идеологія", къ каковой относятся и разныя политическія ученія или экономическія теоріи и т. п., не являлась лишь идейною надстройкою надъ реальнымъ зданіемъ соціальнаго строя, въ родѣ того, какъ это представляютъ себѣ экономическіе матеріалисты. Нѣкоторые изъ нихъ готовы были считать Ковалевскаго своимъ, но какъ ни близокъ онъ былъ къ извѣстнымъ сторонамъ этой доктрины, онъ глубоко съ нею расходился, признавая за идеями значеніе не только показательныхъ симптомовъ, но и дѣйственныхъ, творческихъ силъ въ процессѣ смѣны общественныхъ формъ однѣхъ другими. Какъ историкъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ ученій, онъ интересовался ими не только какъ ступенями развитія теоретической мысли въ вопросахъ государства, права и народнаго хозяйства или вообще соціальнаго строя, и не только какъ порожденіями

данныхъ общественныхъ отношеній, но и какъ тѣми принципами, которыми руководились люди соотвѣтственныхъ эпохъ въ своемъ общественномъ поведеніи, въ разрѣшеніи важныхъ вопросовъ текущей общественной дѣйствительности, въ сознательной работѣ, направленной на соціальныя, политическія, экономическія и юридическія формы.

Помнится, на одномъ изъ раннихъ своихъ научныхъ трудовъ онъ выставилъ эпиграфомъ спинозовскій девизъ; „не радоваться и не плакать, а понимать“,—девизъ строгаго объективизма. Этимъ лозунгомъ Ковалевскій отмежевывалъ себя, какъ вѣрный послѣдователь Конта временъ „Курса положительной философіи“, отъ той, какъ ее впослѣдствіи называли, русской субъективной соціологіи, главными дѣятелями которой были П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. Въ послѣдній годъ жизни Ковалевскій заинтересовался идеями нашихъ западниковъ и славянофиловъ середины прошлаго вѣка, но на раннихъ его взглядахъ не видно вліянія русскихъ идеологій, да и теоретическіе споры временъ выработки соціологическаго субъективизма или позднѣе временъ распри марксистовъ и народниковъ его мало затрагивали. Рано уѣхавъ учиться за границу, онъ тамъ, на Западѣ, преимущественно въ Англіи и во Франціи, находилъ своихъ учителей и руководителей въ лицѣ Конта, Мэна, Спенсера, Моргана, Лёббока, Маркса, проникаясь тѣмъ, что у нихъ дѣйствительно было, а иногда, въ сущности, только казалось научнымъ объективизмомъ. Ковалевскій не любилъ споровъ на такія отвлеченныя темы, но было бы неправильно думать, что и на самомъ дѣлѣ онъ былъ объективистомъ чистѣйшей воды, интересовавшимся только тѣмъ, что̀ есть и какъ оно есть, и совершенно равнодушнымъ къ тому, что̀ должно быть. Самый выборъ имъ вопросовъ, которыми онъ особенно много занимался, показываетъ, что имъ руководило не одно ученое любопытство въ родѣ того, котораго такъ много у людей, занимающихся исторіей археологически, а двигалъ имъ также интересъ къ совершающейся вокругъ насъ общественной жизни. Ковалевскій былъ историкомъ-политикомъ, если подъ политикой разумѣть стремленіе къ воздѣйствію на общественную жизнь во имя опредѣленныхъ идеаловъ.

Впрочемъ, общественные взгляды и политическія убѣжденія покойнаго не входятъ въ мою задачу, и я возвращаюсь къ его работѣ въ области исторической науки.

Работу въ этой области Ковалевскій совершилъ огромную. Начитанность его въ непосредственномъ историческомъ матеріалѣ была недюжинная, и очень многое изъ матеріала для своихъ историческихъ трудовъ онъ бралъ непосредственно изъ архивовъ, что облегчалось для него продолжительными періодами пребыванія въ разныхъ европейскихъ центрахъ. Нѣкоторая часть найденнаго имъ въ архивахъ была имъ же издана, другая легла въ основу цѣлыхъ большихъ частей отдѣльныхъ его трудовъ. Конечно, печатный матеріалъ тоже ему всегда былъ хорошо извѣстенъ. Внѣшнія обстоятельства жизни, солидныя матеріальныя средства, которыми онъ располагалъ, и вынужденный досугъ, когда онъ, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, былъ устраненъ отъ университетской каѳедры въ Россіи, позволили ему подолгу работать въ разныхъ архивахъ и такихъ книгохранилищахъ, какъ Національная библіотека въ Парижѣ или Британскій Музей въ Лондонѣ. Кромѣ того, онъ самъ пріобрѣталъ массу книгъ, и у него всегда можно было найти разныя новинки по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя его интересовали. Поэтому онъ всегда былъ хорошо освѣдомленъ относительно литературы каждаго вопроса, за который брался, какъ ни спѣшно иногда приходилось ему знакомиться съ той или другой нужной книгой. Счастливая память помогала ему безъ особаго труда оріентироваться въ литературѣ, хотя дѣло подчасъ и не обходилось безъ lapsus memoriae.

Въ свои историческія работы Ковалевскій вносилъ большую оригинальность мысли, которая, притомъ, обнаруживала болѣе склонности къ конструктивному синтезу, нежели къ операціямъ аналитическаго характера. Въ этомъ отношеніи, быть-можетъ, онъ находилъ непріемлемымъ для себя извѣстный афоризмъ Фюстель-де-Куланжа: „pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse", и съ точки зрѣнія требованія строгой акрибіи нерѣдко критики находили кое-что сказать противъ недостаточнаго вниманія автора къ частностямъ, подробностямъ и мелочамъ, когда его мысль устремлялась къ интересному выводу, къ важному общему положенію. Если, однако, мы обратимъ вниманіе на поразительную массу того, что осталось отъ Ковалевскаго, мы поймемъ, что при постоянныхъ его исканіяхъ и желаніи какъ можно скорѣе пустить въ общій оборотъ найденное имъ въ архивахъ ли, или литературѣ почти неизбѣжны были тѣ или другіе недосмотры. Не ошибается только тотъ,

кто ничего не дѣлаетъ, а кто много дѣлаетъ, тотъ рискуетъ и больше ошибаться. Въ массѣ крупнаго и важнаго,—разъ только его дѣйствительно много,—недостатки работы тонутъ, а Ковалевскій какъ разъ оставилъ очень много и крупнаго и важнаго.

За писательскою дѣятельностью Ковалевскаго я слѣдилъ ровно сорокъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ появилась его небольшая книжка объ общинномъ землевладѣніи въ кантонѣ Ваадтъ, о которой я тогда же, т.-е. въ 1876 г., помѣстилъ замѣтку въ журналѣ „Знаніе". Не могу сказать, чтобы всѣ сочиненія Ковалевскаго, особенно не чисто историческія, были мною прочитаны или одинаково внимательно прочитаны, но едва ли есть одно изъ болѣе крупныхъ и важныхъ, въ которое я, по крайней мѣрѣ, не заглядывалъ бы. Однимъ изъ нихъ мнѣ приходилось пользоваться при составленіи своихъ университетскихъ курсовъ, другое давать студентамъ при практическихъ занятіяхъ, третье анализировать или критиковать въ печати, такъ что книги, которыя Ковалевскій дарилъ или присылалъ, не оставались въ моихъ рукахъ мертвымъ капиталомъ. Не могу не вспомнить и того содѣйствія, которое было имъ оказано моимъ начинаніямъ въ видѣ редактированія „Историческаго Обозрѣнія" и „Научнаго Историческаго Журнала", въ которыхъ мною были помѣщены четыре его статьи.

Ближе всего мнѣ, конечно, извѣстны работы Ковалевскаго по западно-европейской исторіи, больше—относящіяся къ новому времени, меньше—къ среднимъ вѣкамъ. Наиболѣе крупными трудами его являются здѣсь,—слѣдуя хронологическому порядку выхода въ свѣтъ,—„Происхожденіе современной демократіи" (1895 и слѣд.), „Экономическій ростъ Европы въ періодъ, предшествующій развитію капитализма" (1898—1903) и оставшееся незаконченнымъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Отъ прямаго народоправства къ представительному строю и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму" (1906). Первый изъ этихъ трудовъ заключаетъ въ себѣ четыре тома, при чемъ первый во второмъ изданіи раздвоился, такъ что получилось всего пять томовъ; во второмъ и третьемъ трудахъ по три тома. Всѣ эти одиннадцать томовъ были написаны въ періодъ, на который Ковалевскій смотрѣлъ, какъ на время изгнанія изъ отечества. Отдѣльныя части перваго тома „Происхожденія демократіи" были изданы и по-французски, а „Экономическій ростъ Европы" вышелъ въ свѣтъ въ

нѣмецкомъ переводѣ съ дополненіями въ семи томахъ. Это—самые крупные по объему историческіе труды Ковалевскаго, но, кромѣ нихъ, можно назвать нѣсколько другихъ, какъ, напримѣръ, двѣ его диссертаціи (магистерскую—о полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ до смерти Эдуарда I, и докторскую—объ общественномъ строѣ Англіи къ концу среднихъ вѣковъ) или большую общую исторію Великобританіи, составляющую цѣлый томъ, хотя и являющуюся лишь статьею въ гранатовскомъ „Энциклопедическомъ Словарѣ". Наконецъ, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ разбросано множество статей Ковалевскаго, заслуживающихъ быть приведенными въ извѣстность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переизданными. Въ общемъ, я далеко не перечислилъ всего, что написано было Ковалевскимъ касательно прошлаго западно-европейскихъ странъ, особенно Англіи и Франціи, которыми онъ преимущественно занимался, отразивъ и на себѣ вліяніе главнымъ образомъ англійской же и французской науки.

Послѣднее обстоятельство заставляетъ меня сдѣлать еще одно общее замѣчаніе о направленіи работъ Ковалевскаго. Наши юридическіе факультеты въ то время, когда Ковалевскій началъ свою ученую дѣятельность, находились преимущественно подъ вліяніемъ германской науки, и это же вліяніе сказывалось въ то время, равнымъ образомъ, и на историческихъ каѳедрахъ историко-филологическихъ факультетовъ. Ковалевскій былъ однимъ изъ первыхъ юристовъ, порвавшихъ съ этою одностороннею традиціей и широко воспринявшимъ вліяніе научной мысли французовъ и англичанъ. Среди ученыхъ обѣихъ западныхъ націй, главнымъ образомъ, и составилъ онъ себѣ имя, а также на англійскомъ же и французскомъ языкахъ онъ издавалъ свои небольшія работы, въ которыхъ знакомилъ заграничную публику съ прошлымъ Россіи, съ развитіемъ ея политическихъ учрежденій, съ ея аграрнымъ строемъ, съ соціальными реформами, съ пережитымъ ею недавно внутреннимъ кризисомъ. Тяготѣніе Ковалевскаго къ Англіи и къ Франціи объясняется не только тѣмъ, что ему больше нравилась англійская и французская наука, бывшая сорокъ лѣтъ тому назадъ болѣе проникнутою позитивнымъ духомъ, нежели нѣмецкая, но и тѣмъ, что это — двѣ страны, въ учрежденіяхъ которыхъ наиболѣе воплотились принципы свободы, демократіи и прогресса.

Разсматривать отдѣльные историческіе труды Ковалевскаго не входитъ въ мою задачу, такъ какъ это потребовало бы очень много мѣста, и такъ какъ объ одномъ изъ этихъ трудовъ я уже много писалъ особо *), а также не входитъ въ мой планъ разсматривать и отдѣльные труды Ковалевскаго по соціологіи, но мнѣ все-таки хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ о Ковалевскомъ, какъ соціологѣ, спеціально по поводу двухъ общихъ его трудовъ въ этой области.

Въ лицѣ Ковалевскаго историкъ сочетался съ соціологомъ, но если онъ былъ историкомъ не только потому, что исторія нужна для соціолога, а интересуясь ею и ради ея самой, то и интересъ къ соціологіи у него выросъ не на почвѣ однихъ историческихъ занятій, и онъ слѣдилъ за развитіемъ соціологической литературы, вообще мало останавливающимъ на себѣ вниманіе чистыхъ историковъ. Кромѣ многихъ работъ сравнительно-историческаго содержанія, предпринимавшихся Ковалевскимъ въ общихъ соціологическихъ интересахъ, каковы „Современный обычай и древній законъ“ (1886), „Первобытное право“ (1911) и т. п., отъ него остались еще два труда, посвященные изложенію его взглядовъ на самоё соціологію и на современное состояніе разработки соціологическихъ проблемъ въ научной литературѣ. Оба эти труда, „Современные соціологи“ и „Соціологія“ были написаны имъ въ послѣдніе годы и возникли въ связи съ общими курсами соціологіи, читанными какъ за границей, такъ и въ Россіи.

Ковалевскій былъ убѣжденнымъ сторонникомъ преподаванія соціологіи въ высшей школѣ, и если въ чемъ-либо съ нимъ въ этомъ отношеніи нельзя было, по моему мнѣнію, соглашаться, такъ это съ преподаваніемъ даннаго предмета студентамъ-новичкамъ, плохо въ большинствѣ случаевъ подготовленнымъ по

---

*) Рѣчь идетъ о „Происхожденіи современной демократіи“ въ связи съ другими работами Ковалевскаго по эпохѣ французской революціи, о чемъ мнѣ уже приходилось писать и раньше въ рядѣ этюдовъ: „La révolution française dans la science historique russe“ (La Rév. Franç. 1902), „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи (Изд. Политехн. Инст. и отдѣльно, 1904), „Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ“ (Истор. Обозр. и отдѣльно, 1912). „Deus opinions contraires sur l'histoire agraire de la France“ (La Rév. Franç. 1913), „Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи—(Изд. Политехн. Инст. и отдѣльно, 1913—1915 и отдѣльно) и „М. М. Ковалевскій, какъ историкъ французской революціи“ („Вѣстникъ Европы“ февраль 1917 г.).

исторіи и уже совсѣмъ лишеннымъ подготовки по общимъ теоріямъ права и государства, по политической экономіи, по психологіи и философіи. Но если только преподавать соціологію, то, конечно, слушателямъ должны быть сообщены научно-обоснованныя опредѣленія предмета, задачи и метода этой науки, что и далъ Ковалевскій въ первомъ томѣ своей „Соціологіи". Послѣдователь Конта въ общемъ взглядѣ на эту науку еще въ молодыхъ годахъ, Ковалевскій остался вѣренъ ему и на склонѣ своихъ дней. Тѣ, которые готовы причислить его къ экономическимъ матеріалистамъ, должны были бы отказаться отъ этого, если бы вникли въ смыслъ рѣзко заявленнаго имъ протеста противъ исканія какого-либо единственнаго фактора соціальной эволюціи, каковымъ для экономическаго матеріализма является развитіе производительныхъ силъ.

Ковалевскій, однако, не ограничивался однимъ принятіемъ исходныхъ точекъ зрѣнія Конта, но и слѣдилъ за общимъ развитіемъ соціологической литературы, въ которой, какъ извѣстно, чистые историки принимаютъ очень мало участія, предоставляя разработку теоретическихъ вопросовъ соціологіи психологамъ и философамъ, экономистамъ и юристамъ, этнологамъ и антропологамъ и вообще соціологамъ безъ спеціальной исторической подготовки. Доказательствомъ того, какъ Ковалевскій интересовался этою литературою и какъ онъ ее зналъ, является его книга „Современные соціологи". Меня лично только удивляло, что онъ совершенно игнорировалъ русскую соціологическую литературу, какъ будто у насъ не было ни Лаврова, ни Михайловскаго, ни Южакова, ни Муромцева и т. д., принимавшихъ участіе въ разработкѣ тѣхъ же вопросовъ, которымъ посвящены книги и статьи, разсмотрѣнныя Ковалевскимъ въ его книгѣ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые иностранцы оказывались болѣе внимательными къ русской соціологической мысли, особенно, напримѣръ, американецъ Ю. Геккеръ, авторъ вышедшей въ 1915 г. книги „Russian Sociology" (въ которой, между прочимъ, очень сочувственно говорится и о Ковалевскомъ). Что это вышло такъ у Ковалевскаго не изъ пренебрежительнаго отношенія къ русской соціологіи, достаточно явствуетъ изъ того, что, благодаря содѣйствію Ковалевскаго, появились два историко-теоретическихъ труда П. Л. Лаврова, изъ которыхъ одинъ вышелъ съ псевдонимомъ Арнольди, другой—съ псевдонимомъ Доленги. Какъ бы тамъ ни было, Ковалевскій держался въ сто-

ронѣ отъ движенія соціологической мысли въ Россіи, и упомянутый американскій авторъ, говоря о томъ, что̀ онъ называетъ „ру́сской соціологической школой“, какъ разъ не включаетъ Ковалевскаго въ ея личный составъ. Тѣмъ не менѣе въ исторіи соціологіи въ Россіи Ковалевскій занимаетъ видное мѣсто, что̀ и признано было рядомъ нашихъ ученыхъ разныхъ спеціальностей, объединившихся въ Соціологическомъ Обществѣ его имени.

Н. Карѣевъ.

Теорія факторовъ М. М. Ковалевскаго.

„Нельзя сводить исторіи той или другой эпохи къ рѣшенію уравненія съ одной неизвѣстной!"
Ковалевскій.

„Соврем. соціологи". 321 стр.

§ 1.

Центральной соціологической проблемой, привлекшей къ себѣ наибольшее вниманіе соціологовъ и вызвавшей наиболѣе оживленные споры за послѣдніе полвѣка, была несомнѣнно проблема факторовъ соціальной жизни. Говоря образно, можно сказать: она была основнымъ стержнемъ, вокругъ котораго вились остальныя проблемы; она же была и тѣмъ поприщемъ, на которомъ соціологическія системы строили свою карьеру и зарабатывали право на свое существованіе въ качествѣ системъ „оригинальныхъ" и „самобытныхъ". И до сихъ поръ эта проблема служитъ линіей водораздѣла при характеристикѣ основныхъ соціологическихъ теченій, какъ она же предопредѣляетъ собою и частности системы того или другого автора. Каждый присяжный и неприсяжный соціологъ считалъ первымъ своимъ долгомъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ; въ зависимости отъ удачности или неудачности этого отвѣта онъ входилъ или не входилъ въ число соціологовъ „перваго ранга".

Въ рядѣ системъ вопросъ о „факторахъ" занялъ столь доминирующее положеніе, что вошло даже въ привычку называть самыя системы по характеру ихъ отвѣтовъ на данный вопросъ: „теорія подражанія", „теорія раздѣленія труда", „теорія расоваго фактора", „теорія экономическаго фактора", „теорія знанія, какъ основного фактора" и т. д. говоримъ мы вмѣсто теорій Тарда, Дюркгейма, Маркса, Гумиловича, де-Роберти и т. д.

Разъ такую роль игралъ и играетъ этотъ вопросъ въ современной соціологіи и въ системѣ каждаго соціолога вообще,

естественно ждать, что и М. М. Ковалевскій не могъ пройти мимо этой проблемы, не коснувшись ея и не давъ то или иное ея рѣшеніе. Онъ не могъ этого сдѣлать тѣмъ болѣе, что отдавалъ себѣ полный отчетъ въ той громадной роли, которую она играла и продолжаетъ играть въ наукѣ объ обществѣ. „Главный и коренной вопросъ, вокругъ котораго вращаются всѣ разногласія (въ соціологіи), лежитъ въ томъ, говоритъ онъ, каковы важнѣйшіе и въ частности важнѣйшій факторъ общественныхъ измѣненій“ *). Въ силу этого, вполнѣ естественно остановиться на вопросѣ: „какъ же ставилъ и рѣшалъ эту проблему М. М. Ковалевскій“.

Разсмотрѣніе его взглядовъ на этотъ счетъ интересно и само по себѣ. Но этотъ интересъ значительно возрастаетъ въ силу двухъ добавочныхъ условій. 1) Его рѣшеніе этой проблемы помогаетъ лучше понять и всю его соціологическую систему, оно же до извѣстной степени объясняетъ и характеръ его научныхъ интересовъ и работъ; 2) съ другой стороны—его отвѣтъ на этотъ вопросъ цѣненъ и въ томъ смыслѣ, что онъ является однимъ изъ немногихъ рѣшеній, поставленныхъ и выполненныхъ, какъ думается мнѣ, вполнѣ правильно. Очертить кратко постановку этого вопроса въ соціологической системѣ М. М. Ковалевскаго, показать его связь съ послѣдней и съ характеромъ его научныхъ изслѣдованій и сопоставить его взгляды съ другими типичными рѣшеніями этого вопроса въ современной соціологической литературѣ — такова задача нижеслѣдующихъ строкъ.

§ 2.

Внимательно читая работы М. М. Ковалевскаго, нельзя не замѣтить нѣкотораго измѣненія его взглядовъ на проблему факторовъ общественной эволюціи. Нельзя сказать, чтобы это измѣненіе было измѣненіемъ принципіальнымъ. Но нѣкоторое измѣненіе все же на лицо, если сравнить съ одной стороны „Экономическій ростъ Европы“, съ другой — „Современные соціологи“ и „Соціологія“. Оно заключается въ томъ, что въ первой изъ указанныхъ работъ онъ не дѣлалъ ударенія на множественности факторовъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ работахъ эту множественность онъ неизмѣнно подчеркивалъ.

---

*) М. Ковалевскій: „Современные соціологи“. 1905. S. S. VII—VIII.

Иными словами, въ болѣе раннихъ работахъ онъ не объявлялъ себя принципіальнымъ „плюралистомъ" въ данномъ вопросѣ, каковымъ онъ является въ трудахъ позднѣйшаго періода. Означаетъ ли, однако, сказанное, что раньше онъ былъ сторонникомъ „монизма" въ теоріи факторовъ?—Думается, нѣтъ, и вотъ почему... Если здѣсь мы не встрѣчаемъ прямого заявленія о плюрализмѣ послѣднихъ, то фактически эта множественность дана имъ при объясненіи ряда явленій. Въ силу этого, эволюція взглядовъ М. М. Ковалевскаго въ данномъ вопросѣ можетъ быть формулирована не какъ переходъ отъ монизма къ плюрализму, а какъ переходъ отъ скрытаго плюрализма къ плюрализму декларативному и явному...

Въ связи съ нимъ находится и вторая черта этой эволюціи. Употребляя философскіе термины, ее можно охарактеризовать какъ переходъ отъ субстанціональнаго понятія факторовъ къ методологическому конструированію послѣднихъ. Различіе между тѣмъ и другимъ пониманіемъ ихъ таково же, какъ между метафизическимъ пониманіемъ причины, въ смыслѣ „дѣйствующей силы" (causa efficiens), „вызывающей" опредѣленное слѣдствіе, и между „причиной" въ смыслѣ Э. Маха или К. Пирсона, понимающихъ ее въ качествѣ „единообразно повторяющагося антецедента" *) или, еще лучше, въ смыслѣ элемента въ функціональномъ ряду и соотвѣтственно замѣняющихъ причинную связь функціональнымъ отношеніемъ **).

Содержаніе этого перехода заключается въ томъ, что если факторъ вначалѣ разсматривался въ качествѣ нѣкоторой „силы", „вліяющей" на тѣ или иныя стороны общественной жизни, „вызывающей" тѣ или иные соціальные эффекты, то въ позднѣйшихъ работахъ цѣликомъ уничтожается такое пониманіе „фактора" и связь его съ эффектами превращается въ простую функціональную связь двухъ или большаго числа рядовъ, гдѣ „факторъ" становится условной, чисто методологической независимой перемѣнной, а его эффекты функціонально связанными съ нимъ зависимыми перемѣнными.

Наконецъ, третья черта этой эволюціи взглядовъ, связанная съ первыми, заключается въ отказѣ отъ различенія главныхъ и второстепенныхъ факторовъ. При субстанціональномъ пони-

*) К. Пирсонъ. „Грамматика науки". (Изд. Шиповникъ). S. 161.

**) Э. Махъ. „Познаніе и заблужденіе" (пер. Котляра). 283 стр. Анализъ ощущеній. 89 и слѣд.

маніи факторовъ такая расцѣнка ихъ возможна. При методологическомъ же конструированіи ихъ — она теряетъ свой raison d'étre: методологически въ качествѣ „независимой перемѣнной можно взять любой „факторъ“ или любое условіе. Рѣчь здѣсь можетъ итти лишь о научной продуктивности изслѣдованія той или иной связи, а не о какой-то предопредѣленной важности того или иного фактора „въ силу его природы“.

Таковы основныя черты эволюціи взглядовъ М. М. Ковалевскаго въ данномъ вопросѣ.

Подтвердимъ теперь сказанное данными его работъ, ограничиваясь лишь необходимыми цитатами и указывая въ примѣчаніяхъ однородныя мѣста.

Весь „Экономическій ростъ Европы“ можетъ разсматриваться, какъ опытъ изученія вліянія роста населенія на соціальную жизнь людей. Въ этой работѣ на первомъ планѣ всюду мы видимъ этотъ факторъ и въ рядѣ мѣстъ читаемъ, что онъ является важнѣйшимъ и главнѣйшимъ. „Важнѣйшимъ факторомъ эволюціи (формъ народнаго хозяйства) является въ каждый данный моментъ и въ каждой данной странѣ ростъ населенія, бо̀льшая или меньшая его густота, отъ которой зависитъ прежде всего выборъ формъ производства, а затѣмъ зависятъ размѣръ и порядки фактическаго владѣнія землей и самый характеръ общественныхъ отношеній“ *).

Какъ ясно видно уже изъ этой цитаты, здѣсь налицо: 1) выдѣленіе важнѣйшаго фактора, 2) подчеркиваніе его исключительной роли и 3) установленіе опредѣленнаго іерархическаго ряда факторовъ по ихъ убывающей важности: плотность населенія, формы производства, распредѣленіе и порядокъ владѣнія, общественныя отношенія и обусловливаемыя ими идеи и ученія **).

---

*) „Эконом. ростъ Европы“. т. I. VII — VIII. Аналогичн. мѣста: XVIII, т. II. 375—376, 701 – 2, и т. III: гл. V и слѣд. passim. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. 1899. стр. 2 и др.

**) „Развитіе эконом. отношеній идетъ рука объ руку съ измѣненіемъ хозяйственныхъ формъ, и новыя идеи и ученія складываются тамъ, гдѣ являются первыя попытки окончательнаго разрыва съ порядками изолированнаго хозяйства“. „Эк. Р. Европы“. I, XVIII. „Хозяйственная эволюція, потребовавшая тысячелѣтіи для своего завершенія, предшествовала зарожденію философской мысли, понимаемой въ смыслѣ всякаго вообще отвлеченія“. „Мечтанія Платона, какъ и позднѣйшія по времени утопіи Моруса и Кампанеллы, сознательно или безсознательно будутъ „отраженіемъ“ порядковъ изолированнаго хозяйства“. Ibid. XII и XV.

Изъ сказаннаго ясно, что въ этотъ періодъ М. М. Ковалевскій даетъ поводъ отнести его къ числу соціологовъ, близкихъ по виду къ тѣмъ „монистамъ", которые выдѣляютъ одинъ изъ факторовъ, въ качествѣ основного и главнаго по своей природѣ, обусловливающаго всѣ остальные, стоящіе въ свою очередь въ опредѣленной іерархической послѣдовательности *).

Если это такъ, то, казалось бы, неизбѣжно прямое противорѣчіе между этими взглядами и ясно выраженнымъ плюрализмомъ позднѣйшаго періода съ принципіальнымъ отказомъ отъ различенія болѣе и менѣе важныхъ факторовъ.

Но это противорѣчіе кажущееся. Какъ я уже замѣтилъ, эволюція взглядовъ М. М. Ковалевскаго заключалась не въ переходѣ отъ монизма къ плюрализму, а въ замѣнѣ плюрализма, неясно выраженнаго, плюрализмомъ декларативнымъ. Дѣло въ томъ, что и въ „Экономическомъ ростѣ Европы" М. М. Ковалевскій не является „монистомъ", сводящимъ все къ одному главному фактору, а остальные считающимъ неважными или производными. Нѣтъ. И здѣсь уже въ рядѣ мѣстъ онъ ясно указываетъ, что въ измѣненіяхъ общественной жизни принимаютъ участіе и другіе факторы, обусловливающіе до извѣстной степени и изслѣдуемый имъ ростъ населенія. Если послѣдній постоянно выдвигается на первый планъ, то потому, что онъ служитъ темой изученія, потому что онъ „избранъ" здѣсь въ качествѣ „независимой перемѣнной" сложнаго функціональнаго ряда. Отсюда его „главенство" въ данной работѣ. Отсюда же и іерархическій порядокъ факторовъ: плотность населенія, экономика, общественныя отношенія и идеи. Эта іерархія не есть іерархія „важности" факторовъ, а расписаніе этаповъ и послѣдовательности вліянія роста населенія на общественную жизнь. Смыслъ этого ряда гласитъ: измѣненіе густоты населенія влечетъ прежде всего измѣненіе формъ народнаго хозяйства, затѣмъ — общественныхъ отношеній, наконецъ, экономическихъ идей. Но онъ не говоритъ, что идеи—менѣе важный факторъ, чѣмъ хозяйство или другой членъ ряда. При данной „независимой перемѣнной" онѣ стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ; измѣните первую, возьмите вмѣсто нея другой исходный пунктъ—и онѣ могутъ очутиться

---

*) Я не останавливаюсь здѣсь подробно на изученіи спеціально выдвинутаго имъ фактора роста населенія, такъ какъ этотъ вопросъ является темой спеціальной статьи Н. Д. Кондратьева, къ которой я и отсылаю читателя. Моя задача—обрисовка общаго ученія М. М. Ковалевскаго о проблемѣ факторовъ.

въ первомъ ряду. Иными словами — эта іерархизація не субстанціональная, а чисто методологическая.

Что и здѣсь уже М. М. Ковалевскій былъ плюралистомъ, доказываетъ рядъ мѣстъ его работы. Въ качествѣ факторовъ фигурируютъ у него: и біологическій, и космическій, и политическій факторъ, и экономическій, и нравственный, и идейный, и религіозный, и множество другихъ явленій, въ родѣ: войнъ, открытія рудниковъ, голода, эпидеміи, реформаціи и т. д. *).

Достаточно просмотрѣть указанныя въ примѣчаніи страницы, чтобы убѣдиться, что и здѣсь уже М. М. Ковалевскій, при кажущейся позиціи „монизма", фактически былъ „плюралистомъ". Одинъ анализъ причинъ происхожденія и вліянія „черной смерти" подтверждаетъ сказанное. Уже самъ фактъ эпидеміи, вліяющій на густоту населенія, есть факторъ иного порядка, чѣмъ послѣдній. Это факторъ чисто біологическій, сила и вліяніе котораго въ свою очередь зависитъ отъ ряда другихъ условій. Въ качествѣ таковыхъ М. М. Ковалевскій указываетъ: и условія космическаго порядка, каковы жаръ и засуха **), и біологическаго — голодъ, вслѣдствіе неурожая, и войны, и религіозный фанатизмъ, и невѣжество и т. д. ***).

Добавочнымъ доказательствомъ того же положенія служитъ далѣе и аутентическое толкованіе, данное русскимъ соціологомъ по поводу работы Коста, пытавшагося выставить ростъ населенія въ качествѣ основного монистическаго фактора общественныхъ явленій. М. М. видитъ причину его неудачи именно въ „несчастной идеѣ монизма", овладѣвшей Костомъ, и рѣшительно отмежевывается отъ него, подчеркивая, что демотическій факторъ не единственный, и не выставлялся таковымъ имъ и въ „Экономическомъ ростѣ Европы" ****).

Въ силу сказаннаго нѣтъ основанія говорить о противорѣчіи болѣе раннихъ и болѣе позднихъ воззрѣній М. М. Ковалевскаго на данный вопросъ. Можно говорить лишь о неточной формулировкѣ имъ своихъ положеній, о различіи заданій въ „Экономическомъ ростѣ" и въ „Современныхъ соціологахъ", но не о коренномъ измѣненіи взглядовъ отъ „монизма къ плюрализму".

---

*) См. для примѣра: т. I, XIX—XXI, т. II. 376—7, 381, 526, 737, 942, 955 и особенно т. III, 185, 186, 199, 240—45 и др.

**) Ibid., т. II. 185.

***) Стр. 186, 199, 210, 215.

****) „Современные соціологи". 208, 202, р. X—XIII.

Послѣднимъ онъ былъ и послѣднимъ же и остался. Но въ позднѣйшихъ работахъ особенно рѣзко подчеркивалъ сторону плюрализма, постоянно указывая на множественность факторовъ и ихъ взаимную связь другъ съ другомъ.

„Говорить о факторѣ, т.-е. о центральномъ фактѣ, увлекающемъ за собою всѣ остальные,—пишетъ онъ,—для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе... Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами, изъ которыхъ каждый такъ или иначе связанъ съ массою остальныхъ, ими обусловливается и ихъ обусловливаетъ". Вопросъ же о важнѣйшемъ факторѣ „по природѣ своей принадлежитъ къ категоріи метафизическихъ" и „будущее представитъ собою не рѣшеніе, а упраздненіе самого вопроса о факторахъ прогресса "*).

Еще яснѣе онъ формулируетъ ту же мысль немногими страницами ниже. „Я думаю,—говоритъ онъ,—что выражу не только кратко, но и весьма опредѣленно мою „завѣтную" точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферы ея „ближайшихъ" задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи съ сложностью общественныхъ явленій она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ" **).

Не менѣе рѣзко ту же мысль о непріемлемости теоріи монизма высказываетъ онъ и въ рядѣ другихъ мѣстъ, указывая попутно и основанія своего взгляда. Какъ будущее этнографіи, такъ и соціологіи, по мнѣнію М. М., „зависитъ отъ того, откажутся ли онѣ или нѣтъ отъ несчастнаго стремленія сводить всѣ подлежащія ихъ рѣшенію задачи къ уравненію съ однимъ неизвѣстнымъ", все равно, будетъ ли имъ порядокъ производства или какой-либо другой факторъ ***). „Нельзя сводить исторіи той или другой эпохи,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—къ рѣшенію уравненія съ одной неизвѣстной" ****).

*) „Соврем. соц.", VII—VIII.

**) Ibid. XIV. См. анал. взгляды: стр. 19 и passim. „Соціологія", т. I. 8, 14, 98—105, 115, 116—117, т. II. 119, 174 и друг. „Соврем. франц. соціологи" („Вѣст. Европы", оттискъ), 368—9.

***) „Соціологія", т. I.

****) „Соврем. соціологи". 321 и 242.

Основаніемъ такого взгляда служитъ тотъ фактъ, что любое общественное явленіе есть результатъ дѣйствія множества факторовъ, всегда переплетенныхъ другъ съ другомъ и взаимно вліяющихъ другъ на друга. Общественныя явленія взаимно обусловлены и вызываются „не только вліяніемъ внѣшней среды, т.-е. суммою явленій числа, протяженія, физическихъ и химическихъ свойствъ отдѣльныхъ тѣлъ, наконецъ, законовъ, управляющихъ жизнью организмовъ, но еще массою взаимоотношеній между отдѣльными проявленіями общественности, хозяйственными, правовыми, государственными, религіозными, художественными и т. п.“. *).

Въ подтвержденіе своей мысли М. М. Ковалевскій приводитъ рядъ конкретныхъ анализовъ, изъ которыхъ вполнѣ очевидной становится эта множественность условій, вызывающихъ то или иное явленіе. Такъ, оспаривая тезисъ сторонниковъ экономическаго матеріализма, онъ на самомъ институтѣ собственности показываетъ вліяніе факторовъ не экономическаго порядка. Приведя рядъ данныхъ, выявляющихъ вліяніе религіи и знаній на происхожденіе собственности, онъ заключаетъ: „самая собственность отчасти возникла изъ религіознаго представленія, что духъ усопшаго охотно посѣщаетъ мѣсто, гдѣ покоится его прахъ“. „Отрицайте послѣ этого вліяніе вѣрованій на организацію производства!“,—восклицаетъ онъ. На ряду съ религіей въ созданіи собственности принимали участіе и другія условія: увеличеніе населенія, знаніе, магія, право и т. д. **).

Не менѣе яркіе примѣры того же порядка даетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ. Хорошимъ образцомъ можетъ служить его критика Тардовскаго положенія, гласящаго: по числу продаваемыхъ книгопродавцами изданій можно судить объ умственномъ и нравственномъ ростѣ или, наоборотъ, убыли отдѣльныхъ націй. Иначе говоря, колебаніе числа и характера расходящихся изданій по Тарду есть результатъ вліянія умственно-нравственнаго фактора. „На первый взглядъ,—говоритъ М. М.,—это положеніе кажется вѣроятнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи возникаетъ рядъ сомнѣній“. Такъ, за годъ до выставки всѣ парижскіе книгопродавцы жаловались на плохое состояніе книжнаго рынка.

---

*) „Соціологія“ I, 117.

**) См. анализъ въ „Соціологіи“, т. I. 98—105.

„Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Неужели только паденіемъ научныхъ и художественныхъ интересовъ?“ Оказывается факторовъ куда больше. Таковыми были: и дѣло Дрейфуса, и отсутствіе литературныхъ дарованій, и степень урожайности, и хорошее или дурное состояніе промышленности и торговли, и величина заграничныхъ заказовъ, и состояніе желѣзныхъ дорогъ и почты, и политическое положеніе страны, и обычай печатать или не печатать романы въ газетахъ и т. д. Такъ какъ каждое изъ этихъ условій, въ свою очередь, зависитъ отъ множества другихъ, то въ итогѣ „прибыль или убыль числа продаваемыхъ книгъ служитъ указателемъ не однихъ вѣрованій или желаній даннаго общества, но всей суммы экономическихъ, политическихъ, умственныхъ, художественныхъ и религіозныхъ интересовъ... всей совокупности культурныхъ націй“ *).

Изъ приведенныхъ примѣровъ достаточно ясно обрисовывается позиція М. М. Ковалевскаго. Не указывая другихъ цитатъ, можно сказать, что вся книга „Современные соціологи“, а равно и „Соціологія“, представляютъ сплошную и систематическую критику теоріи „монизма факторовъ“ и обоснованіе плюралистической точки зрѣнія. Критика любой соціологической системы, будетъ ли ею доктрина Тарда, или Дюркгейма, или Аммона и другихъ, сводится именно къ указанію ея односторонности, демонстрируемой не только дедуктивными соображеніями, но и множествомъ данныхъ исторіи и фактами опыта и наблюденія.

Но если „плюралистическая“ позиція М. М. несомнѣнна, то встаетъ другой вопросъ: не идетъ ли онъ въ данномъ отношеніи слишкомъ далеко? Не даетъ ли рядъ приведенныхъ цитатъ право заключить, что онъ упраздняетъ проблему факторовъ абсолютно, категорически отказываясь отъ установленія какихъ бы то ни было закономѣрностей, какихъ бы то ни было эмпирическихъ и функціональныхъ взаимоотношеній и обобщеній? Разъ проблема факторовъ должна быть замѣнена проблемой фактовъ, разъ каждое явленіе обусловлено тысячью другихъ, разъ будущее принесетъ собой упраздненіе этого вопроса,—не равносильно ли это положенію: каждое явленіе обусловлено всей совокупностью предыдущихъ условій, анализъ которыхъ въ конечномъ счетѣ приводитъ къ вселенной in plenum, явно недоступной причинному анализу, поэтому всякая попытка уста-

*) „Совр. соц.“ 18—19.

новленія той или другой функціональной связи двухъ или большаго числа рядовъ безнадежна и заранѣе должна быть отвергнута?

Думается, такое заключеніе было бы невѣрнымъ. Упраздненіе проблемы факторовъ въ смыслѣ М. М. означаетъ не отказъ отъ причиннаго анализа общественныхъ явленій и не отрицаніе возможности установленія причинныхъ или функціональныхъ связей, равно и не отрицаніе методологической, теоретико - познавательной цѣнности послѣднихъ, а только отказъ отъ упрощеннаго, монистическаго рѣшенія этой проблемы, отказъ отъ гипостазированія и субстанціонализированія самихъ факторовъ и отрицаніе дѣленія ихъ на „главные и второстепенные". Не больше и не меньше. Въ качествѣ методологическаго пріема, позволяющаго хоть сколько-нибудь разобраться въ сложной сѣти общественныхъ явленій, попытки осторожнаго установленія функціональной связи двухъ или большаго числа явленій М. М. Ковалевскимъ вполнѣ допускаются и лично самимъ имъ дѣлаются... Его критика направлена противъ упрощеннаго и невѣрнаго выполненія этой задачи, а не противъ ея существа; иначе—противъ суррогатовъ причиннаго или функціональнаго анализа соціальныхъ явленій, а не противъ самой природы анализа. Его мысль та, что при современномъ состояніи общественныхъ наукъ не пришло еще время для широкихъ причинныхъ обобщеній. Ихъ мѣсто пока долженъ занять кропотливый анализъ отдѣльныхъ явленій, ихъ монографическое описаніе и установленіе частичныхъ зависимостей. „Всѣ эти вопросы (о вліяніи тѣхъ или иныхъ „монистическихъ" факторовъ) не могутъ „пока" даже сдѣлаться предметомъ сколько-нибудь научнаго изученія",—говоритъ онъ. „Одно лишь монографическое изслѣдованіе той или другой эпохи позволяетъ намъ опредѣлить, и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, господствовавшее вліяніе, какимъ пользовалась въ ней политика, экономика или религія" *). Возможно ли будетъ въ будущемъ постепенное сведеніе множества мелкихъ зависимостей къ болѣе широкимъ, объемлющимъ ихъ (подобно тому, какъ законъ Ньютона поглотилъ болѣе узкіе законы Кеплера) онъ не говоритъ, но зато ясно и опредѣленно утверждаетъ, что пока для такихъ широкихъ обобщеній нѣтъ мѣста. Задача со-

*) „Соврем. соціологи", XII.

ціальной науки въ данный моментъ—именно детальное изученіе и анализъ частныхъ фактовъ и формулировка частныхъ закономѣрностей и... только. Общія же гипотезы допустимы постольку, поскольку онѣ являются эвристическими принципами, облегчающими задачу этого анализа, и поскольку сами онѣ опять-таки не противорѣчатъ итогамъ послѣдняго и согласуются съ фактами. Въ этомъ отношеніи онъ не прочь признать извѣстныя заслуги и за „монистическими" теоріями факторовъ. Послѣднія были вызваны именно желаніемъ „выйти сколько-нибудь изъ хаоса безчисленныхъ воздѣйствій и противодѣйствій, совокупнымъ вліяніемъ которыхъ обусловливается сложность общественныхъ явленій". Ихъ задачей было стремленіе, „свести все разнообразіе послѣднихъ къ болѣе или менѣе ограниченному числу знаменателей" *).

„Благодаря своей односторонности,—продолжаетъ онъ,—важнѣйшіе представители соціологіи сдѣлали въ этотъ періодъ не мало для расчистки почвы для дальнѣйшихъ изслѣдованій; они установили рядъ оригинальныхъ точекъ зрѣнія на недостаточно освѣщенныя ранѣе или вполнѣ оставленныя безъ вниманія явленія. Утрируя роль того или другого фактора, они доставили возможность контръ-критикѣ установить предѣльныя границы его вліянія". Давши такую оцѣнку этимъ теоріямъ, онъ заключаетъ свою мысль словами: „простого сопоставленія ролей, приписываемыхъ одновременно двумъ разнымъ факторамъ на производство одного и того же соціальнаго послѣдствія, достаточно было для укорененія того взгляда, что это послѣдствіе обязано своимъ наступленіемъ обѣимъ причинамъ, да и не имъ однѣмъ, а всей той массѣ оставленныхъ втуне явленій, изъ которыхъ каждое можетъ разсматриваться одновременно и источникомъ и слѣдствіемъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ" **).

Эта цитата достаточно ясно подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что упраздненіе проблемы факторовъ въ смыслѣ М. М. не означаетъ отказа отъ установленія функціональныхъ связей; заключительныя же слова ея подтверждаютъ мысль о превращеніи проблемы факторовъ изъ субстанціональной въ методологическую. Въ методологической же постановкѣ ея теряетъ всякій смыслъ говорить о болѣе и менѣе важныхъ

---

*) „Соврем. соц.", VIII.
**) „Соврем. соц.", XV—XVI.

факторахъ. Въ качествѣ независимой перемѣнной здѣсь можно брать любое условіе и изучать его связь съ другимъ, функціонально съ нимъ связаннымъ. Этотъ рядъ можно повернуть и обратно, что и выражаетъ М. М. послѣдними словами цитаты *).

Подтвержденіемъ даннаго толкованія взглядовъ М. М. Ковалевскаго и въ то же время фактической иллюстраціей и осуществленіемъ его положеній могутъ служить его же работы: 1) „Экономическій ростъ Европы", 2) „Отъ прямого народоправства къ представительному", 3) „Происхожденіе современной демократіи и 4) Отдѣльныя его статьи, въ родѣ „Законодательныхъ заимствованій и приспособленій" **).

Онѣ интересны не только для историка, но и для соціолога, какъ фактическое осуществленіе абстрактныхъ теоретическихъ тезисовъ ученія о факторахъ. Первая изъ указанныхъ работъ является опытомъ изученія функціональной связи между ростомъ населенія и формами экономической жизни; вторая—какъ указываетъ уже самъ подзаголовокъ ея—служитъ опытомъ изученія той же связи между политическимъ укладомъ общества и политической идеологіей. Третья представляетъ попытку изученія функціональной зависимости между экономическимъ укладомъ, политическимъ строемъ и политической доктриной. Въ рядѣ статей М. М., какъ, напримѣръ, въ указанной выше, имѣются попытки изученія взаимозависимостей между другими „факторами" или „условіями". Не передавая здѣсь тѣхъ теоремъ, которыя добыты имъ въ каждомъ изъ указанныхъ трудовъ, подчеркнемъ лишь тотъ фактъ, что эти работы служатъ неоспо-

---

*) См. анал. мѣста: Ibid. (329), 311, а также указанныя выше страницы „Соціологіи".

**) Замѣтимъ здѣсь кстати слѣдующее. Не разъ приходилось слышать и читать, что между отдѣльными работами М. М. нѣтъ связи. Не говоря уже о томъ, что по мнѣнію самого же М. М. такое утвержденіе не вѣрно, какъ не разъ говорилъ онъ самъ, легко показывать здѣсь и фактическую необоснованность этого положенія. Съ перваго взгляда кажется даннымъ это отсутствіе связи между указанными работами. Но, учитывая сказанное ниже, не трудно видѣть эту связь. Каждая изъ нихъ является именно изученіемъ опредѣленной причинной зависимости между опредѣленной „независимой перемѣнной" (факторомъ) и рядомъ другихъ, функціонально связанныхъ съ ней явленій. Иными словами—онѣ являются осуществленіемъ одной и той же теоріи факторовъ, очерченной выше. Ихъ объединяетъ не объектъ изученія, а методъ и цѣль обоснованія основной соціологической теоремы.

римымъ доказательствомъ правильности истолкованія мною взглядовъ М. М. Ковалевскаго—съ одной стороны, съ другой—рѣдкимъ памятникомъ согласія между „научной теоріей“ того или иного вопроса и „научной практикой“ его, т.-е. между абстрактной теоріей факторовъ и фактической реализаціей ея въ своихъ отдѣльныхъ монографическихъ работахъ.

Такова въ основныхъ чертахъ теорія факторовъ М. М. Ковалевскаго.

§ 3.

Спросимъ себя теперь: пріемлема ли въ основныхъ чертахъ описанная теорія факторовъ? Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе этого вопроса. Поэтому я ограничусь немногимъ.

Проблема факторовъ въ соціологіи—это другое названіе для проблемы причинности. Посему характеръ постановки ея обусловливается прежде всего тѣмъ или инымъ пониманіемъ послѣдней. Лица, видящія въ причинѣ нѣкую „силу“ или „волю“, естественно, перенесутъ это образное представленіе и на факторъ. Разсматривая послѣдній, какъ силу, они естественно будутъ говорить объ его вліяніи, проводить различіе между „главными силами“ и второстепенными, „причиной и условіемъ“, „движущейся причиной и недвижущейся“, „фундаментомъ и надстройкой“, „главнымъ факторомъ и второстепенными“ и т. д.

Такъ это и есть. Не только въ соціологіи, но и въ другихъ общественныхъ наукахъ мы видимъ весьма яркіе примѣры пользованія этимъ антропоморфизированнымъ пониманіемъ причинности *). То же мы видимъ и въ соціологіи. И здѣсь метафизическое пониманіе причинности способствовало олицетворенному представленію проблемы факторовъ. Вмѣсто того, чтобы анализировать факты и искать тѣ или иныя функціональныя связи между ними, соціологи безъ конца спорили о томъ, что является главнымъ факторомъ соціальныхъ явленій, въ чемъ слѣдуетъ видѣть „фундаментъ“ и въ чемъ „надстройку“. Иными словами—

*) Иллюстраціями являются теоріи причинности въ уголовномъ правѣ, дающія прекрасные примѣры искаженнаго пониманія послѣдней съ ихъ попытками выдѣленія „причины“ изъ „условій“ по признакамъ: „дѣйственное условіе—причина“ (Биркмейеръ, Meyer, особенно Huther, и Kohler), „послѣднее условіе—причина“ (Ортманнъ), „движущееся условіе—причина“ (Mayer), и др.

См. Kollmann. „Die Bedeutung d. methaphysischen Kausaltheorie fur d. Strafrechtswissenschaft“. (Breslau 1908). Thyrèn. „Abhandlungen aus dem Strafrechte“, т. I. Lund. 1894. Мокринскій: „Наказаніе, его цѣли и предположенія“, т. III.

они всю соціальную жизнь пытались свести къ „единому причинному ряду“, начинающемуся главнымъ факторомъ и кончавшемуся надстройками, въ свою очередь, якобы, вліявшими какимъ-то образомъ на причину *).

Анализомъ этого единаго ряда они надѣялись исчерпать и объяснить всю общественную жизнь. По ихъ мнѣнію въ качествѣ независимой перемѣнной причины разрѣшалось брать лишь „основной по своей природѣ факторъ“, а всѣ остальныя „надстройки“ дозволялось возводить лишь въ рангъ второстепенныхъ причинъ или „презрѣнныхъ“ слѣдствій.

Мудрено ли, что такая постановка оказалась неудачной и узкой. Она могла дать лишь одинъ рядъ функціональныхъ отношеній, которыми, конечно, общественная жизнь не исчерпывается. Если для объясненія простѣйшихъ явленій, напримѣръ, движенія, механика принуждена обращаться, по меньшей мѣрѣ, къ двумъ условіямъ—тяготѣнію и инерціи,—если для объясненія строенія неорганическихъ тѣлъ и ихъ процессовъ химія должна была допустить нѣсколько десятковъ элементовъ, совершающихъ реакціи соединенія, перемѣщенія и разложенія, то заранѣе можно сказать, что свести общественное строеніе и общественную динамику къ единой „силѣ“, къ одному „фактору“—дѣло безнадежное. Однорядная причинная зависимость способна раскрыть лишь малый уголокъ соціальной механики. Для раскрытія же основныхъ чертъ послѣдней нуженъ анализъ множества причинныхъ отношеній, взаимодѣйствіемъ и скрещеніемъ которыхъ являются событія общественной жизни **). Говоря обратно: однорядная причинная формула, подобно прожектору, освѣщаетъ лишь ту часть неба, которая попадаетъ въ полосу лучей. Чтобы освѣтить большую часть его—нужно множество прожекторовъ, кидающихъ взаимно-пересѣкающіеся снопы свѣта съ разныхъ сторонъ. И этой „стороной“ можетъ быть любое условіе, лишь бы оно было научно продуктивно... Это значитъ, что мѣсто одного фактора—должно занять множество ихъ. Чѣмъ больше будетъ формулировано причинныхъ или функціональныхъ отношеній двухъ или большаго числа рядовъ, тѣмъ болѣе и болѣе будетъ проясняться сложный узоръ общественныхъ процессовъ: мѣсто

---

*) См. справедливыя замѣчанія по поводу этой двусторонней причинности у де-Роберти: „Современное состояніе соціологіи: Новыя идеи въ соціологіи“. Сборникъ № 1. 26 - 40.

**) См. подробнѣе объ этомъ: Б. Кистяковскій. „Соціальн. науки и право“.

одного уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ займетъ множествс таковыхъ. Можно взять въ качествѣ „независимой перемѣнной"— и экономику, и идеи, и религію, и искусство, и инстинктъ питанія, и тысячи другихъ условій: войну, голодъ, алкоголизмъ, колебаніе температуры, смѣну временъ года, очертаніе береговъ, конфигурацію земной поверхности и т. д. и т. д. и изслѣдовать связь каждаго изъ нихъ съ тѣмъ или другимъ явленіемъ или съ рядомъ явленій. Логически для подобнаго анализа нѣтъ никакихъ препятствій. Понятіе функціональной связи такой постановкѣ не противорѣчитъ. Оно, напротивъ, ее требуетъ *). Фактически выборъ того или иного условія въ качествѣ „независимой перемѣнной" зависитъ здѣсь лишь отъ его предполагаемой научной продуктивности. Взявши его въ качествѣ данности, изслѣдователь долженъ изучать его функціональную связь съ тѣмъ или инымъ явленіемъ. Когда удастся формулировать рядъ такихъ теоремъ—будетъ возможнымъ изученіе взаимной связи взятыхъ условій другъ съ другомъ. При такомъ изученіи можно ждать, что и здѣсь наступитъ „симбіозъ" отдѣльныхъ теоремъ, въ единую высшую, вмѣщающую болѣе частныя; и этотъ процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока и въ общественной наукѣ не установится своего рода законъ Ньютона, поглощающій законы болѣе узкаго объема. Но такой итогъ, если онъ наступитъ, очевидно, можетъ наступить лишь въ концѣ длиннаго шествія по пути кропотливаго анализа, мелкихъ обобщеній, установленія ряда отдѣльныхъ теоремъ о тѣхъ или иныхъ функціональныхъ связяхъ; лишь въ концѣ, не раньше. Отсюда ясно, насколько правильна теорія факторовъ М. М. Ковалевскаго и насколько правильно была понята имъ очередная задача соціальной науки **).

Идея плюрализма факторовъ, данная уже въ работахъ О. Конта и Г. Спенсера ***), въ чисто-методологической постановкѣ вновь

---

*) См. Пирсонъ. „Грамматика науки", гл. III и IV. Махъ. „Анализъ ощущеній". Милль. „Система логики". 291—336, А. А. Чупровъ. „Очерки по теоріи статистики". 1910. 131—139 и слѣд.

**) См. Контъ. „Cours de la philosophie pos.", т. IV, (1908), 130, гл. V и начало VI. Спенсеръ. „Основ. соціологіи". Первые §§.

***) Отмѣтимъ попутно, что русскіе соціологи вообще являлись сторонниками плюралистической точки зрѣнія: См., напр., Лавровъ. „Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли". Михайловскій. „Что такое прогрессъ". Карѣевъ. „Введеніе въ соціологію". Черновъ. „Философ. и соціол. этюды". У послѣдняго особенно отчетлива постановка вопроса въ статьяхъ: „Монист. точка зрѣнія" и „Новые споры объ экономич. матеріализмѣ".

оживаетъ въ современной соціологіи и въ соціальныхъ наукахъ. Если окинуть общимъ взглядомъ поле соціологическихъ изысканій, то общая картина рисуется такой: одинъ беретъ въ качествѣ независимой перемѣнной религію и изслѣдуеть ея эффекты въ томъ или иномъ отношеніи: (Дюркгеймъ, Бугле: въ „Режимѣ кастъ"), другой—магію (Ювелинъ, Huberte и Mauss), третій—соціальную плотность (Гирле, Костъ), четвертый раздѣленіе труда (Зиммель, Дюркгеймъ), пятый—знаніе (де-Роберти, Драгическо), шестой—соціальную связь (Дюркгеймъ въ „Самоубійствѣ"), седьмой—экономику (производство, обмѣнъ или распредѣленіе) и т. д. и т. д. Параллельно и одновременно въ спеціальныхъ наукахъ идетъ кропотливѣйшая задача установленія болѣе узкихъ связей: напр., между преступностью и алкоголизмомъ, между послѣднимъ и урожайностью, между самоубійствомъ и религіей, между ростомъ города и кривой дѣтоубійствъ, колебаніемъ преступности и смѣной временъ года, колебаніемъ брачности и религіей, цѣной пуда муки и преступностью, плотностью населенія и кривой разводовъ и т. д. и т. д.

Пусть формулируемыя теоремы даютъ пока далекія отъ точности данныя, пусть онѣ обладаютъ рядомъ недостатковъ,—одно несомнѣнно: только онѣ могутъ раскрыть намъ механику общественной жизни. Только идя по пути этихъ детальныхъ изысканій, мы можемъ подвигаться къ болѣе общимъ теоремамъ. И только пользуясь ими, мы постепенно сумѣемъ оріентироваться въ сѣти общественныхъ взаимодѣйствій.

Итогъ сказаннаго таковъ:

Теорія фактора должна быть замѣнена теоріей факторовъ. Но такъ какъ самъ терминъ этотъ внушаетъ рядъ недоразумѣній, то лучше всего изъять его изъ оборота и замѣнить теоріей функціональной связи общественныхъ явленій, гдѣ мѣсто фактора (причины) займетъ методологически принимаемая „независимая перемѣнная", а мѣсто эффекта (слѣдствія)—явленіе, функціонально связанное съ первой.

М. М. Ковалевскій былъ не только теоретикомъ данной концепціи, но и однимъ изъ немногихъ реализаторовъ ея въ своихъ монографическихъ изслѣдованіяхъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ поэтому данная сторона его научнаго наслѣдства.

Питиримъ Сорокинъ.

Ростъ населенія, какъ факторъ соціально-экономическаго развитія въ ученіи М. М. Ковалевскаго.

„Продолжительныя изысканія привели меня къ тому, что главнымъ факторомъ всѣхъ измѣненій экономическаго строя является не что иное, какъ ростъ населенія“ *).

Это категорическое заявленіе М. М. Ковалевскаго, заявленіе, которое онъ неоднократно повторяетъ на страницахъ различныхъ сочиненій, показываетъ, что понятіе роста населенія занимаетъ выдающееся мѣсто въ его объясненіяхъ экономической эволюціи общества. Но какое именно мѣсто, какъ М. М. Ковалевскій понималъ этотъ факторъ и пользовался имъ при научной работѣ, какъ эта часть его ученія связана съ эпохой и есть ли что̀ въ его построеніяхъ симптоматическаго для развитія соціологической мысли того времени—на всѣ или по крайней мѣрѣ на нѣкоторые эти вопросы еще такъ недавно мы могли бы получить авторитетныя разъясненія и комментаріи самого М. М. Ковалевскаго. Но теперь его нѣтъ, и мы должны искать отвѣтъ въ его сочиненіяхъ.

1

Исторія соціологіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что если для XVIIII вѣка болѣе (но не исключительно) **) характерны теоріи соціальной статики, то для XIX вѣка столь же характерны теоріи соціальной динамики.

XVIII вѣкъ развилъ идею естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ человѣка. И общественныя отношенія на основѣ этихъ естественныхъ неотъемлемыхъ правъ человѣка рисуются взору

*) Проф. М. М. Ковалевскій. „Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ“, С.-Петербургъ, 1899, стр. 2.

**) Ср. Густавъ Шпетъ. „Исторія какъ проблема логики“. Ч. 1, стр. 63 и сл.

соціальныхъ мыслителей того времени, съ тѣми или иными видоизмѣненіями, какъ естественныя, предустановленныя общественныя отношенія, какъ l'ordre social naturel.

Идея l'ordre social становится центральной соціологической идеей того времени. L'ordre social разсматривается статически, его законы представляются мыслителямъ, напримѣръ, выдающейся и многочисленной школѣ физіократовъ, непреложными и не подлежащими развитію *). Поэтому за измѣнчивыми формами окружающей общественной жизни они ищутъ статическій „архетипъ" общественнаго порядка. Отъ физіократовъ эти поиски перешли съ нѣкоторыми видоизмѣненіями къ классической школѣ экономической соціологіи въ лицѣ ея основоположника Адама Смита и отъ него въ XIX вѣкъ къ его ученикамъ Мальтусу и Рикардо **). Отсюда до нѣкоторой степени не историческій характеръ этой наиболѣе сложившейся вѣтви соціологіи того времени.

Однако идея развитія въ XVIII вѣкѣ уже существуетъ, и въ „Прогрессѣ человѣческаго разума" Кондорсэ получаетъ опредѣленное выраженіе динамическая точка зрѣнія въ соціологіи. Послѣ Тюрго и Сенъ-Симона Огюстъ Контъ провозглашаетъ уже преобладающее значеніе динамической теоріи надъ теоріей статической въ соціологіи ***). Динамическая точка зрѣнія постепенно проникаетъ въ самыя различныя отрасли обществовѣдѣнія. Одновременно подъ вліяніемъ Ламарка, Бэра, Дарвина и др. она прививается къ біологіи и развертывается въ стройную систему эволюціонизма.

Гербертъ Спенсеръ, за нѣсколько лѣтъ до Дарвина въ статьѣ „Гипотеза развитія" формулировавшій принципъ эволюціи примѣнительно къ организму, придалъ затѣмъ доктринѣ эволюціонизма всеобщій характеръ. Такимъ образомъ динамическая точка зрѣнія стала господствующей. Правда, въ предѣлахъ соціологіи на ряду съ эволюціоннымъ ученіемъ въ собственномъ смыслѣ значительное вліяніе пріобрѣла теорія діалектическаго матеріализма, выдвинувшая принципъ діалектическаго развитія. Но это обстоятельство лишь подтверждаетъ мысль, что дина-

---

*) Ср. F. Quesnay. „Le droit naturel". Dupont de Nemours. „De l'origine et des progrès d'une science nouvelle".

**) См. Hector Denis. „Histoire des systèmes économiques et socialistes", vol. 1., pp. 6 — 21. Paris, 1904.

***) Auguste Comte. „Cours de philosophie positive", t. IV, 48-e leçon, Paris, 1908.

мическая соціологія пріобрѣла рѣшающее значеніе, такъ какъ и діалектическое развитіе есть все-таки развитіе, динамика.

Сообразно съ этимъ наиболѣе живыми темами соціологіи становятся проблемы общественнаго развитія и прогресса.

М. М. Ковалевскій вполнѣ проникся „духомъ времени“ и симпатіями къ эволюціонному принципу *). Его излюбленными темами являются вопросы генезиса и развитія общественныхъ институтовъ. Даже самыя названія его главнѣйшихъ сочиненій подтверждаютъ сказанное: „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“ (1879), „Tableau des origines et d'èvolution de la famille et de la propriété“ (1899). „Происхожденіе современной демократіи“, „Экономическій ростъ Западной Европы“, „Развитіе народнаго хозяйства“ (1899), „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“ (1904).

Наконецъ его историко-сравнительный методъ также предполагаетъ принципъ эволюціи.

Но если такъ, если на первый планъ въ соціологіи выдвинулась проблема общественной эволюціи и соотвѣтственно прогресса, то съ неизбѣжностью долженъ былъ встать и дѣйствительно всталъ вопросъ: какъ объяснить общественную эволюцію, къ какимъ причинамъ, къ какимъ факторамъ можно ее свести? Больше того, этотъ вопросъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія выдвигается въ качествѣ главнаго. М. М. Ковалевскій слѣдующими словами характеризуетъ основу разногласія между различными направленіями соціологической мысли второй половины XIX в. **): „Главный и коренной вопросъ, вокругъ котораго вращаются всѣ разногласія, лежитъ въ томъ, каковы важнѣйшіе и въ частности важнѣйшій факторъ общественныхъ измѣненій“.

Самъ М. М. Ковалевскій не оставался совершенно чуждымъ волнующему соціологовъ вопросу и, какъ мы знаемъ, приписывалъ большое значеніе въ развитіи общества росту населенія. Но какъ онъ понималъ этотъ факторъ?

---

*) Въ этомъ положеніи мы совершенно сходимся въ характеристикѣ М. М. съ проф. Ѳ. В. Тарновскимъ. См. его статью „М. М. Ковалевскій, какъ историкъ права“ въ „Вѣстн. Гражд. права“ 1916, № 5.

**) Максимъ Ковалевскій, „Современные социологи“, стр. VII—VIII, С.-Петерб. 1905 г.

2.

Ростъ населенія можетъ выразиться въ увеличеніи числового состава или массы общества и въ увеличеніи густоты или плотности населенія. Можетъ ли увеличиваться масса общества безъ увеличенія его плотности и наоборотъ, или то и другое явленіе необходимо связано другъ съ другомъ? И если связано, то какъ тѣсно? Это, разумѣется, вопросы, заслуживающіе серьезнаго разсмотрѣнія. Стоитъ принять во вниманіе, что мѣстныя уплотненія (напримѣръ, ростъ городовъ) могутъ произойти безъ реальнаго увеличенія числа членовъ *всего* даннаго общества и что связь между массой и плотностью общества различна при наличіи свободныхъ земель и при отсутствіи ихъ, чтобы понять важность поставленныхъ вопросовъ для анализа роли роста населенія.

М. М. Ковалевскій, сознавая наличность двухъ различныхъ явленій—массы и плотности общества, не занимается, однако, вопросомъ ихъ возможнаго при различныхъ условіяхъ взаимоотношенія и роли *). Онъ сознательно объединяетъ ихъ, признавая ихъ тѣсную связь. „Оба фактора,—говоритъ онъ,—стоятъ въ тѣсной связи между собою, и я не считаю возможнымъ отдѣлять ихъ другъ отъ друга". **)

Объединяя такимъ образомъ увеличеніе массы и густоты населенія, М. М. Ковалевскій, естественно, на протяженіи своихъ работъ говоритъ совершенно безразлично то о густотѣ населенія, то о количественномъ его увеличеніи, то просто и вообще о ростѣ населенія ***). *Итакъ, подъ ростомъ населенія М. М. Ковалевскій понимаетъ увеличеніе массы и плотности общества.* Ростъ населенія является для М. М. Ковалевскаго не чисто біологическимъ, а біо-соціальнымъ факторомъ. „Заблуждаются тѣ,—говоритъ онъ,—кто видитъ въ прогрессѣ или регрессѣ густоты населенія дѣйствіе одного біологическаго фактора. Достаточно того, что въ мірѣ всѣхъ живыхъ существъ, за исключеніемъ человѣка, не повторяется того же явленія численнаго роста,

*) Исключая случайныя замѣчанія, напримѣръ, см. „Развитіе народн. хозяйства", стр. 9.

**) „Соврем. соціологи", стр. 201.

***) Ср. М. М. Ковалевскій. „Экономич. ростъ Зап. Европы" т. 1, стр. VIII, 33, и др. „Развитіе народнаго хозяйства", стр. 2, 4, 6, 9 и д. „Современ. соціологи", стр. 201, 245, 246, 292 и др.

чтобы показать не одну біологическую, но и соціальную его природу" *) *Итакъ, ростъ населенія является біо-соціальнымъ факторомъ, ибо онъ „ускоряетъ или замедляетъ свое дѣйствіе подъ вліяніемъ причинъ не только біологическихъ, но и соціальныхъ"* **).

3.

Въ силу чего и какъ проявляетъ себя этотъ факторъ?

Ростъ населенія, увеличивая спросъ на предметы существованія, усиливаетъ жизненную борьбу и тѣмъ самымъ побуждаетъ людей къ интенсификаціи хозяйства. Ростъ населенія поэтому объясняетъ главнымъ образомъ всю экономическую эволюцію общества. М. М. Ковалевскій не мало способствовалъ выясненію пути этой эволюціи, начиная отъ первобытнаго и вплоть до капиталистическаго строя. Онъ показывалъ, какъ подъ воздѣйствіемъ прогрессивнаго роста населенія потребительное хозяйство рода-племени эволюціонируетъ отъ охотничьяго и рыбачьяго къ пастушескому и далѣе къ земледѣльческому ***). Одновременно идетъ процессъ развитія частной собственности, сначала на движимость, а потомъ и на недвижимость ****). Коллективная собственность постепенно ограничивается и позднѣе разлагается *****). Хозяйство изъ племеннаго и родового становится сначала затѣмъ сельско-общиннымъ, а потомъ помѣстнымъ и городскимъ ******). Помѣстное хозяйство основано на системѣ крѣпостного труда, а городское на системѣ цеховой организаціи. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго роста населенія идетъ развитіе спроса на продукты, идетъ развитіе рынковъ и обмѣна. Хозяйство необходимо должно стать интенсивнѣе. Промышленность изъ городовъ проникаетъ въ деревни, и прежняя замкнутая цеховая организація становится уже пережитой, стѣснительной. Одновременно возросшее населеніе повышаетъ цѣнность земли и понуждаетъ къ болѣе производительнымъ формамъ ея эксплоата-

*) См. „Соврем. соціологи", стр. XIII, 292, 313.

**) Ibid.

***) Ср. „Экономич. ростъ Зап. Европы", т. I. стр. VII—XII; „Развитіе народн. хозяйства", стр. 1—13.

****) Ср. „Происхожденіе семьи и собственности. Соціол.", т. 2, стр. 113—170.

*****) Ср. „Общинное землевладѣніе". Москва, 1879; „Развитіе народн. хозяйства", стр. 189—213.

******) „Экономическій ростъ Зап. Европы", т. I и II, стр. 1—371. „Развитіе народн. хозяйства", стр. 25—115.

ціи. Трехполье переходитъ въ многополье; система „неогороженныхъ полей“ падаетъ; наслѣдственное пользованіе помѣщичьими землями со стороны крѣпостныхъ нарушается, крѣпостное право постепенно теряетъ почву, создается система крупнофермерскаго хозяйства *). Такъ помѣстное хозяйство подвергается разложенію, и на смѣну старымъ экономическимъ порядкамъ, пережитки которыхъ встрѣчаются, однако, еще долгое время, идетъ новый строй, капиталистическій, зачатки котораго можно усмотрѣть уже въ XIII в. **).

Итакъ, ростъ населенія вызываетъ интенсификацію и развитіе экономическаго строя общества. „Справедливость нашего взгляда,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—подтверждается и доказательствомъ отъ противнаго, ибо, какъ только населеніе уменьшалось вслѣдствіе ли войнъ, эпидемій или эмиграціи, экономическій порядокъ ретроградировалъ ***).

Блестящимъ подтвержденіемъ этого положенія являются экономическія послѣдствія черной смерти въ XIV вѣкѣ.

Дѣйствительно уже въ XIII в. появляются признаки надвигающейся эмансипаціи крѣпостныхъ, и, напримѣръ, Англія въ XIV в. была близка къ паденію крѣпостного права ****). Но эпидемія, извѣстная подъ именемъ черной смерти, причинила неимовѣрное, на 50 и даже болѣе процентовъ, обезлюденіе странъ. Начался ростъ цѣнъ на рабочія руки и продукты. Въ интересахъ господствующихъ и общественныхъ группъ было прекратить воздѣйствіе невыгоднаго для нихъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ. И мы видимъ, какъ къ этому клонитъ рабочее законодательство *****), какъ въ Англіи и Франціи въ общемъ останавливается и тормозится эмансипаціонный потокъ, какъ волненія крѣпостныхъ массъ остаются безплодными ******).

Такъ пользуется М. М. Ковалевскій понятіемъ роста насе-

---

*) Ср. „Развитіе народн. хозяйства“, стр. 116—187. „Экономич. ростъ Западн. Европы“, т. II, стр. 375—998.

**) М. Ковалевскій. „Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства“. Статья въ сборникѣ „Русская высшая школа обществ. наукъ въ Парижѣ“. 1905.

***) „Развитіе народн. хозяйства“, стр. 46.

****) „Эконом. ростъ Зап. Европы“, т. II, глава X. „Развитіе народн. хозяйства“, стр. 46.

*****) „Экономич. ростъ Западн. Европы“, т. III, стр. 181—381. „Развитіе народн. хозяйства“, лекція IV.

******) „Экономич. ростъ Западн. Европы“, т. II, глава XIV и XV.

ленія, какъ фактора. Мы видимъ, что это пользованіе состоитъ *лишь въ общемъ установленіи тенденцій, хотя и неуклонныхъ, по формулѣ: чѣмъ сильнѣе ростъ населенія или, соотвѣтственно, чѣмъ сильнѣе уменьшеніе населенія, тѣмъ ярче тѣ или иныя связанныя съ нимъ экономическія послѣдствія**).

М. М. Ковалевскій не устанавливаетъ и не пытается устанавливать болѣе точнаго количественнаго соотношенія между ростомъ населенія и его слѣдствіями. Онъ не указываетъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Левассеръ, какая именно, хотя и приблизительно, плотность населенія подъ силу земледѣльческой, промышленной, торговой цивилизаціи **), каково должно быть накопленіе населенія, чтобы то или иное слѣдствіе имѣло мѣсто. Установить опредѣленныя соотношенія въ указанномъ смыслѣ, конечно, не легко. Но зато отсутствіе ихъ дѣлаетъ устанавливаемыя связи между изслѣдуемыми явленіями неопредѣленными, общими и научно менѣе цѣнными.

4.

сихъ поръ мы говорили, что ростъ населенія опредѣляетъ собой непосредственно экономическую эволюцію общества. Но мы не выяснили принципіально: одинъ ли экономическій строй и его развитіе опредѣляется непосредственно ростомъ населенія? Что понимаетъ М. М. Ковалевскій подъ экономическимъ строемъ общества? И, наконецъ, однимъ ли ростомъ населенія опредѣляется даже самъ экономическій строй?

Возражая Косту, который пытается свести къ росту населенія всю сумму общественныхъ явленій, М. М. Ковалевскій рѣшительно говоритъ, что ростомъ населенія „объясняются въ дѣйствительности трансформаціи одного экономическаго и близкаго къ нему сословнаго и классоваго строя“ ***). „Слѣдуетъ ли сдѣлать еще шагъ далѣе и признать, что весь строй государства и церкви,—говоритъ немного выше М. М. Ковалевскій,—а также вся сумма нашихъ техническихъ знаній, если не отвле-

---

*) См. „Экономич. ростъ Европы“, т. I, стр. 621, 684 и др.; т. II, стр. 25 и др. „Прогрессъ“,—статья въ „Вѣст. Евр.“ 1912 г. февр. стр. 226.

**) См. Нитти. „Народонаселеніе и общественный строй“. С.-Петербургъ. 1893 г. стр. 178—179.

***) „Соврем. соціол.“ стр. 208.

ченнаго мышленія, должны быть приписаны вліянію того же фактора. *Я этого не думаю* *).

М. М. Ковалевскій не опредѣляетъ точно, что̀ онъ понимаетъ подъ экономическимъ строемъ или хозяйствомъ **). Но изъ контекста его сочиненій слѣдуетъ заключить, что къ нему онъ относитъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе благъ ***).

Такимъ образомъ М. М. Ковалевскій ограничиваетъ непосредственно опредѣляющую роль роста населенія предѣлами только-что выясненнаго экономическаго и близкаго къ нему сословно-классоваго строя. Онъ, слѣдовательно, отвергаетъ принципъ монистическаго объясненія общественнаго развитія. „Я думаю,—говоритъ онъ,—что все сказанное доселѣ не говоритъ въ пользу признанія первенствующаго значенія ни за однимъ изъ такъ называемыхъ факторовъ развитія“ ****).

Правда, М. М. Ковалевскій — авторъ „Происхожденія современной демократіи“ — признавалъ *экономическій строй за базисъ правового—политическаго строя*, признавалъ его вліяніе также на мораль, искусство, религію и науку *****), хотя и съ оговорками. На все это указываетъ его интересное заявленіе: „*Я дѣлалъ и дѣлаю всѣ эти оговорки* ******), *не выходя изъ ряда сторонниковъ*, если не историческаго матеріализма, то *широкаго* хотя и не исключительнаго *пользованія экономическими объясненіями въ области исторіи* *******). Но, признавая производный отъ роста населенія характеръ самаго экономическаго строя, тѣмъ самымъ М. М. Ковалевскій, конечно, призналъ воздѣйствіе роста населенія, хотя бы и посредственное, на весь общественный укладъ. Не пришелъ ли тогда онъ и самъ къ „несчастной,—по его словамъ,—идеѣ монизма?“ ********). Нѣтъ,—и по двумъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, потому, что необходимо принять во вниманіе тѣ оговорки, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предыдущемъ заявленіи. А эти оговорки сводятся къ тому, что ни искусство

*) Ibid, стр. 202. Курсивъ нашъ.

**) Ср. „Развитіе народн. хозяйства“, стр. 17.

***) Ср. ibid, стр. 4—6, 44—46, 51—54. „Соврем. Соціол.“, стр. 224.

****) „Соврем. Соціологи“, Сстр. XIII. р. также стр. 208, 246—7 и пр.

*****) Ibid, стр. 224—225, 294; „Экономич. ростъ Зап. Европы“, т. I, стр. V; „Соврем. французскіе соціологи“, ст. въ „Вѣстн. Европы“, іюль 1913 г., стр. 346.

******) О сущности ихъ—см. ниже.

*******) „Совр. Соц.“ стр. 294.

********) „Соврем. Соціол.“, стр. 208.

ни мораль, ни религія, ни наука, ни даже право и политика, испытывая вліяніе экономической среды, не являются продуктомъ исключительно этого вліянія *). Во-вторыхъ, потому, что и самъ экономическій строй, зависимый отъ роста населенія, о чемъ мы подробно говорили выше, не объясняется *исключительнымъ* вліяніемъ роста населенія. Мало того, что самъ ростъ населенія зависитъ отъ многихъ общественныхъ явленій, какъ уровень знанія, направленіе политики и т. д., **) различныя общественныя же явленія *совмѣстно* съ демотическимъ факторомъ опредѣляютъ экономическій строй. Указанія на это мы находимъ въ различнѣйшихъ частяхъ сочиненій М. М. Ковалевскаго ***). И если въ сочиненіяхъ его объ экономической эволюціи общества движущей силой этой эволюціи является все-таки почти исключительно ростъ населенія, то необходимо имѣть въ виду слѣдующую замѣчательную оговорку автора, высказанную имъ *спустя много лѣтъ послѣ* провозглашенія своей теоріи. „Мнѣ, разумѣется, никогда не приходило въ голову,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—отрицать параллельное вліяніе психическаго фактора на многія изъ тѣхъ перемѣнъ въ общественномъ укладѣ, какія указаны въ моемъ трактатѣ (т.-е. въ „Эконом. ростѣ Зап. Европы" Н. К.). Односторонность послѣдняго... была односторонностью сознательной и добровольной" ****). Слѣдовательно методъ М. М. Ковалевскаго былъ такой. Предметомъ его изслѣдованія была экономическая эволюція. Онъ изолируетъ ее отъ другихъ соціальныхъ явленій. Затѣмъ, *изучая ее*, онъ выдвигаетъ *гипотезу* *****), что ростъ населенія — это *главная сила*, которая движетъ экономическую жизнь ******).

Здѣсь нѣтъ рѣчи, что ростъ населенія *единственная сила общественнаго развитія* или даже что онъ *единственный факторъ экономической эволюціи*. Ростъ населенія только *важнѣйшій, главный факторъ* экономическаго развитія. М. М. Ковалевскій не останавливается, къ сожалѣнію, на вопросѣ о томъ, что такое— главный факторъ, гдѣ его критерій?

*) Ibid, стр. 293 — 294; Статья „Прогрессъ", стр. 238.

**) „Совр. Соціол.", стр. 246.

***) „Эконом. ростъ Зап. Европы", т. I, стр. 216 — 222, 594; т. II, стр. 940 и сл. „Соціологія", т. II, стр. 113 и слѣд.

****) „Соврем. Соціол.", стр. 291.

*****) „Соврем. французскіе соціол." въ „Вѣст. Евр." іюль 1913 г., стр. 346.

******) „Эконом. ростъ Зап. Евр.", т. I, стр. „Краткій обзоръ экономической эволюціи", стр. 6 — 7.

Но изъ всего хода его изслѣдованія, которое и убѣждаетъ его въ правильности выставленной гипотезы, видно, что ростъ населенія служитъ для М. М. Ковалевскаго главнымъ факторомъ экономическаго развитія потому, что именно этотъ ростъ наиболѣе стройно и удовлетворительно, по сравненію съ каждымъ другимъ факторомъ, объясняетъ экономическую эволюцію, что именно онъ является наиболѣе постояннымъ импульсомъ экономическаго развитія *).

Вообще же, нѣтъ универсальнаго фактора, который бы одинъ полностью объяснялъ и притомъ не только экономическую жизнь, но и всю сумму общественныхъ явленій. Между факторами наблюдается всестороннее *взаимодѣйствіе*. Такимъ образомъ М. М. Ковалевскій приходитъ къ плюрализму въ соціологіи **). „Я думаю,—говоритъ онъ,—что выражу не только кратко, но и весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да въ добавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферы ея ближайшихъ задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи со сложностью общественныхъ явленій она ограничится указаніемъ на одновременное параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ ***).

5.

Таково ученіе М. М. Ковалевскаго о ростѣ населенія какъ факторѣ, взятое въ своемъ *систематическомъ* видѣ. Теперь въ самыхъ общихъ чертахъ мы подойдемъ къ нему со стороны генетической: со стороны историческихъ на него вліяній и со стороны его собственнаго уклона въ развитіи.

М. М. Ковалевскій еще студентомъ познакомился съ ученіемъ меркантилистовъ, физіократовъ, съ ученіемъ школы Смита, съ позитивизмомъ Конта и отчасти съ ученіемъ Маркса. Въ послѣдствіи онъ ближе подходитъ къ позитивизму. Лично знакомится съ Марксомъ и Спенсеромъ, съ ихъ ученіями и воспринимаетъ

---

*) Ср. „Развитіе народнаго хозяйства“, стр. 4 и сл., 46 и сл.

**) См. подробнѣе объ этомъ въ настоящемъ сборникѣ статью Питирима Сорокина.

***) „Соврем. соціологи“, стр. XIV.

эволюціонную доктрину, тѣснѣе всего связанную съ именами Дарвина и Спенсера *).

Что могъ дать отмѣченный кругъ научной мысли для развитія теоріи М. М. Ковалевскаго о ростѣ населенія, если принять во вниманіе, что онъ самъ считалъ себя послѣдователемъ Конта, ученикомъ Маркса и приверженцемъ эволюціонной доктрины? **).

У меркантилистовъ и физіократовъ ученіе о населеніи занимало видное мѣсто, и, какъ правило, они (напримѣръ, Петти, Локкъ, Мирабо, Кенэ) разсматривали ростъ населенія и его плотность въ качествѣ фактора, благопріятнаго для благосостоянія общества. Мальтусъ подробно развилъ, что ростъ населенія, превышая ростъ средствъ существованія, постоянно давитъ на общественный строй, обрекая людей на постоянную борьбу съ нищетой, если они не прибѣгаютъ къ воздержанію отъ браковъ. И если впослѣдствіи теорія Мальтуса неоднократно подвергалась критикѣ, то М. М. Ковалевскій считалъ ее, повидимому, „оспариваемой, но никѣмъ не опровергнутой истиной“ ***). Но если такъ, то когда Дарвинъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Мальтуса выдвинулъ теорію борьбы за существованіе, какъ факторъ эволюціи, когда дарвинизмъ быстро завоевалъ себѣ сильное положеніе среди соціологовъ ****), то М. М. Ковалевскій не могъ, конечно, не видѣть въ теоріи Дарвина одинъ изъ аргументовъ въ пользу своей гипотезы. Итакъ Мальтусъ и Дарвинъ подчеркнули идею стихійно нарастающей конкуренціи. Это съ одной стороны. А съ другой — Контъ и Спенсеръ уже помѣстили этотъ факторъ въ систему соціологіи.

Извѣстно, что О. Контъ считалъ ростъ плотности населенія факторомъ, ускоряющимъ соціальное развитіе, способствующимъ усложненію и интенсификаціи общественной жизни *****).

У Конта же мы находимъ и мысль, что несмотря на взаимную связь между различными элементами общественнаго развитія,

---

*) Ср. Максимъ Ковалевскій. „Мое научное и литературное скитальчество“, passim.

**) Ibid, стр. 67. См. также статью „Двѣ жизни“ въ „Вѣстникѣ Европы“, т. IV, 1909 г., стр. 21—22.

***) Ср. „Соврем. Соціол.“, стр. 292; „Соціологія“, т. I., стр. 29.

****) Ср. Максимъ Ковалевскій. Статья „Дарвинизмъ въ соціологіи“. См. сборникъ „Памяти Дарвина“ М. 1910 г.

*****) Ср. Aug. Comte. „Cours de philosophie positive“, t. IV, p. 337 и сл.

одинъ изъ нихъ долженъ играть преобладающую роль. Такимъ является тотъ элементъ, который, давая другимъ первый импульсъ, двигается впередъ въ свою очередь подъ ихъ воздѣйствіемъ, тотъ, развитіе котораго однако можетъ быть понято *довольно хорошо* помимо развитія другихъ элементовъ, но не наоборотъ *). Такимъ элементомъ для Конта является интеллектъ.

Спенсеръ точно также въ ростѣ объема общества, сопровождаемомъ *обыкновенно* увеличеніемъ его плотности, видитъ факторъ общественнаго развитія **). У Спенсера мы не находимъ разсужденій о томъ, какъ нужно понимать главный факторъ развитія. Но признавая взаимодѣйствіе факторовъ, Спенсеръ все-таки считаетъ главнымъ факторомъ общественнаго развитія чувства ***).

Такимъ образомъ основные элементы ученія М. М. Ковалевскаго о ростѣ населенія, начиная съ ученія о конкуренціи, какъ двигательной силѣ, идя къ признанію тѣсной связи между массой и плотностью общества и кончая теоріей главнаго фактора, мы имѣемъ въ системахъ наиболѣе несомнѣнныхъ его учителей. Сюда необходимо присоединить вліянія Маркса съ его ученіемъ о *борьбѣ* классовъ, о базисѣ и надстройкѣ и ярко выраженнымъ интересомъ къ экономическимъ проблемамъ. Подъ вліяніемъ Маркса, какъ говорилъ самъ М. М. Ковалевскій, онъ и сталъ заниматься вопросами экономической эволюціи. Слѣдовательно для насъ становится понятнымъ и тотъ путь,—путь анализа экономической эволюціи, какимъ М. М. Ковалевскій развивалъ и провѣрялъ свою теорію

Однако, если даже элементы теоріи М. М. Ковалевскаго мы и находимъ у его предшественниковъ, ихъ комбинація въ цѣлостную теорію и приложеніе этой теоріи принадлежитъ ему. Это его созданіе.

6.

Взглядъ М. М. Ковалевскаго на объясненіе соціальной эволюціи, намъ кажется, самъ эволюціонировалъ и притомъ въ опредѣленномъ направленіи „отъ фактора къ факту и отъ

*) Ibid, стр. 340 и сл.

**) Ср. Гербертъ Спенсеръ. „Основанія соціологій", Петербургъ, 1898 г., стр. 6.

***) Ср. Спенсеръ. „О причинахъ моего разногласія съ Контомъ". Въ сборникѣ „Огюстъ Контъ и позитивизмъ". М. 1897 г., стр. 233—35.

принципа воздѣйствія къ принципу факторовъ взаимодѣйствія".

Въ періодъ, когда М. М. Ковалевскій занятъ вопросами экономической эволюціи общества *), онъ безъ какихъ-либо оговорокъ провозглашаетъ ростъ населенія *главнымъ факторомъ* экономической эволюціи, не скрывая, но однако и не выясняя достаточно ярко одновременной, хотя и второстепенной роли другихъ факторовъ **). При этомъ онъ общимъ образомъ заявляетъ, что ростъ населенія является главнымъ факторомъ не только измѣненій въ сферѣ народнаго хозяйства, но „и построенныхъ на немъ общественныхъ отношеній" ***), не опредѣляя болѣе точно, что̀ понимается подъ общественными отношеніями. Въ этомъ заявленіи нельзя не видѣть отзвукъ вліянія Маркса.

Только спустя нѣсколько лѣтъ, какъ мы уже знаемъ, М. М. Ковалевскій сдѣлалъ разъясняющую и приведенную выше оговорку, что въ своихъ работахъ по теоріи экономической эволюціи онъ сознательно и условно изолировалъ и выдвинулъ на первый планъ лишь демотическій и экономическій факторы ****). Тогда же онъ болѣе точно и строго опредѣлилъ сферу непосредственнаго воздѣйствія роста населенія.

Но тогда же онъ выставилъ и новую, идущую однако въ томъ же направленіи къ плюрализму, точку зрѣнія на факторы. Это его извѣстная намъ „завѣтная точка зрѣнія", что соціологія должна отказаться отъ поисковъ за факторами, а тѣмъ болѣе за главнѣйшимъ факторомъ и принципіально стать на позицію плюрализма и взаимодѣйствія *****).

„По природѣ своей,—пишетъ М. М. Ковалевскій,—этотъ вопросъ (о факторахъ. Н. К.) принадлежитъ къ категоріи метафизическихъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами", находящимися во взаимодѣйствіи ******). И если соціологія еще занимается этимъ вопросомъ, то лишь въ силу своего младенческаго состоянія, изъ побужденій упро-

*) Третій томъ „Экономич. роста" вышелъ въ 1903 г.

**) Ср. „Экономич. ростъ", т. I, стр. VII и passim. „Развитіе народнаго хозяйства", passim.

***) „Экон. ростъ", т. I, стр. IX.

****) „Совр. соціол.", стр. 291.

*****) Ibid, стр. XIV.

******) Ibid, стр. VIII.

стить действительность. Будущее упразднитъ вопросъ о факторахъ *).

Однако въ своихъ позднѣйшихъ работахъ М. М. Ковалевскій проводитъ выраженныя здѣсь положенія лишь наполовину. Онъ какъ бы раздваивается. Съ одной стороны, и въ нѣкоторыхъ работахъ онъ продолжаетъ говорить о факторахъ и въ частности о ростѣ населенія **); съ другой,—онъ о нихъ уже умалчиваетъ и послѣдовательно проводитъ точку зрѣнія плюрализма и взаимодѣйствія, но взаимодѣйствія не фактовъ, а *сторонъ* общественной жизни ***), безъ ближайшаго выясненія, что подъ ними понимать и какъ онѣ относятся къ понятію фактора.

Но во всякомъ случаѣ М. М. Ковалевскій все болѣе склонялся къ плюрализму въ объясненіи соціальныхъ явленій ****); онъ все болѣе скептично относился къ понятію факторовъ и, признавая лишь условную изоляцію для выясненія ихъ взаимодѣйствія, онъ, повидимому, цѣнилъ этотъ методологическій пріемъ, этотъ методологическій монизмъ. Въ связи съ этимъ онъ цѣнитъ весьма высоко и марксизмъ, какъ методъ *****).

М. М. Ковалевскій былъ ученымъ, и высшимъ судьей его обобщеній являлся фактъ ******). Надъ вопросомъ объ экономической эволюціи общества онъ работалъ много и упорно. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, охарактеризованный уклонъ его взглядовъ на ростъ населенія, какъ факторъ, въ частности, и на факторы вообще. Но въ какой степени уклонъ его взглядовъ характеренъ для эволюціи соціологіи въ данномъ вопросѣ? Остановимся кратко на постановкѣ его въ соціологіи.

7.

Общественная жизнь въ процессѣ ея развитія рисуется намъ, какъ нѣкоторое единство, какъ единый потокъ явленій. Отдѣльныя соціальныя науки, не охватывая своимъ „взоромъ“ всю общественную жизнь, имѣютъ предметомъ изученія лишь ту или

---

*) Ibid, стр. VIII.

**) Ср. „Современн. французскіе соціологи“. „Прогрессъ“

***) Ср. „Соціологія“, т. II, стр. 18—19 и passim.

****) Ср., между прочимъ, объясненіе происхожденія собственности, данное въ сочиненіи „Происхожденіе семьи и собственности“ (1899 г.) и въ „Соціологіи“, т. II, 1910 г., стр. 113 и сл.

*****) „Совр. соціол.“, стр. 239 и 307.

******) Ibid, стр. 261. „Развит. народнаго хозяйства“, стр. 2.

другую сторону ея, отличную отъ остальныхъ сторонъ нѣкоторымъ своеобразіемъ и представляющую въ цѣломъ также единство, хотя и другого характера. Поэтому изъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ мы получаемъ представленіе не о развитіи общественной жизни въ цѣломъ, а о развитіи сторонъ ея, вмѣсто единаго процесса мы получаемъ рядъ параллельныхъ процессовъ.

Графически это можно изобразить такъ:

1. Соціальная морфологія: a, b, c, d, . . . n, . . .
2. Экономич. соціологія: a′, b′, c′, d′, . . . n′, . . .
3. Юридич. соціологія: а, б, в, г, . . . н, . . .
4. Соціологія знанія: а′, б′, в′, г′, . . . н′, . . .

и т. д. *)

Но очевидно, что къ общественной жизни и ея развитію можно подойти не только съ точки зрѣнія отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, а и съ общесоціологической. При такой постановкѣ вопроса, какъ показываетъ исторія соціологіи, мы преимущественно и сталкиваемся съ вопросомъ о факторахъ соціальнаго развитія.

Почему это такъ, почему съ вопросомъ о факторахъ мы сталкиваемся по преимуществу при общесоціологической точкѣ зрѣнія—этотъ вопросъ мы пока не изслѣдуемъ, а обратимся къ ученію о факторахъ и тенденціяхъ въ его развитіи.

Вопросъ о факторахъ принадлежитъ къ числу весьма трудныхъ и спорныхъ. Съ теченіемъ времени измѣнялось не только его рѣшеніе, но и самая постановка. Основное разногласіе въ постановкѣ вопроса сводится, въ сущности, къ тому, что одни говорятъ о факторахъ, какъ о нѣкотораго рода силахъ (право, религія, знаніе и т. д.), другіе же, подчеркивая единство соціальнаго процесса, отказываются говорить о факторахъ, какъ отдѣльныхъ силахъ.

Представленіе о факторахъ, какъ силахъ, и ученіе о дѣйствіи этихъ силъ слагается на основѣ существованія отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Если отдѣльныя соціальныя науки возможны, какъ мы видѣли, благодаря тому, что въ составѣ общественной жизни, какъ нѣкотораго единства, можно выдѣлить различныя единства второго порядка, то замыканіе создавшихся соціаль-

---

*) Конечно, эта классификація соціальныхъ наукъ примѣрная и условная.

ныхъ наукъ въ рамкахъ своего предмета, ихъ попытки понять его, какъ самостоятельный, хотя и связанный съ другими, предметъ, ведетъ къ укорененію мысли, что право, экономика, религія и т. д.—это самостоятельныя силы, факторы общественной жизни. Отсюда, какъ правило, факторовъ столько же, сколько и отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Такимъ образомъ, направленіе мысли, принимающее представленіе о факторахъ, признавая связь права, экономики и другихъ проявленій общественной жизни дѣлаетъ удареніе и подчеркиваетъ ту мысль, что они все-таки нѣчто различное и раздѣльное, что они различныя составныя части общественной жизни.

При такой постановкѣ вопроса о факторахъ,—а она господствуетъ особенно въ первое время развитія соціологической мысли,—рѣшеніе проблемы взаимоотношенія факторовъ принимаетъ двоякое направленіе: монистическое и плюралистическое.

Монистическое рѣшеніе вопроса вовсе не состоитъ въ томъ, что, какъ это принято думать, признается значеніе лишь за однимъ какимъ-либо факторомъ и совершенно отрицается за другими. Такого упрощеннаго и радикальнаго представленія мы, въ сущности, не находимъ ни у кого. Всѣ, такъ называемыя, монистическія ученія признаютъ значеніе не за однимъ, а за нѣсколькими факторами, и характерная черта ихъ состоитъ лишь въ томъ, что они одновременно принимаютъ *одинъ изъ факторовъ за господствующій, главный.* Это факторъ, дающій толчокъ всѣмъ остальнымъ и въ общемъ направляющій развитіе общественной жизни. Другіе же факторы зависятъ отъ перваго или въ своемъ возникновеніи и развитіи, или только въ развитіи. Но разъ они существуютъ, они могутъ усиливать, ослаблять или видоизмѣнять вліянія главнаго фактора (Ср. Контъ, Спенсеръ, Энгельсъ, Каутскій, Лоріа, Л. Мечниковъ, Гумиловичъ, Костъ, Киддъ, де-Роберти и др.).

Однако постепенное накопленіе знанія, изученіе общественной жизни все болѣе и болѣе показывали, что жизнь эта не укладывается въ схему того или другого монистическаго ученія, и на этой почвѣ должна была возникнуть и фактически возникла реакція противъ монизма, выдвинувшая на сцену плюрализмъ. (Уордъ, отчасти Тардъ, у насъ Михайловскій, Петражицкій). Но вполнѣ естественно, что особенно яркихъ сторонниковъ плюралистическая точка зрѣнія нашла среди историковъ, которымъ всего болѣе ясно была видна трудность понять обще-

ственную жизнь съ монистической точки зрѣнія (Н. И. Карѣевъ, Ксенополь, какъ мы видѣли,—М. М. Ковалевскій и друг.).

Однако плюралистическая позиція, провозглашающая идею взаимодѣйствія факторовъ, не могла стать окончательной. Категорія взаимодѣйствія, если бы даже она и была безспорна, слишкомъ широка и въ сущности ничего не объясняетъ. Поэтому она и разсматривается или какъ трюизмъ или какъ первый шагъ къ выработкѣ теоріи общественной жизни, шагъ, который требуетъ дальнѣйшаго движенія: нужно было заполнить категорію взаимодѣйствія и показать характеръ и сущность самого взаимодѣйствія.

На этомъ пути прежде всего встаетъ вопросъ: *какъ это сдѣлать?* Какъ схватить закономѣрность взаимодѣйствія? Вполнѣ естественно, что здѣсь мы встрѣчаемся съ идеей такъ называемаго „методологическаго монизма". Онъ разсматриваетъ общественную жизнь, отправляясь отъ какой-либо одной стороны ея, отъ одного ея фактора, и стараясь уловить его связь и закономѣрное взаимодѣйствіе съ другими. Но это монизмъ—условный, методологическій. Онъ не утверждаетъ рѣшительно главенства принятаго имъ за отправной фактора. Этотъ факторъ принятъ за отправной лишь въ цѣляхъ научной цѣлесообразности и при другомъ изслѣдованіи можетъ быть замѣненъ другимъ. Если угодно—это компромиссъ монизма и плюрализма. Его принимаетъ, напримѣръ, Гропали *), В. Черновъ **) и, какъ мы уже знаемъ, М. М. Ковалевскій. Развитіе этой точки зрѣнія связано весьма тѣсно у нѣкоторыхъ авторовъ (Черновъ) съ развитіемъ эмпиріо-критицизма и по самому своему характеру весьма близко приводитъ насъ къ второму основному теченію въ самой постановкѣ ученія о факторахъ.

Мы знаемъ, что это ученіе отвергаетъ самую идею фактора, какъ силы. Это теченіе, имѣющее своихъ предшественниковъ (наприм., Гегель) и выдвинутое особенно въ концѣ XIX в., разсматриваетъ общественное развитіе, какъ единый и цѣлостный процессъ. Оно дѣлаетъ, въ противности первому теченію, удареніе на единствѣ этого процесса и единствѣ составляющихъ его элементовъ. Поэтому право, экономика, знаніе и т. д. разсматриваются имъ не какъ самостоятельныя и взаимодѣйствующія

---

*) См. его статью въ „Annales de l'institut international de sociologie", t. VIII.

**) В. Черновъ, „Философскіе и соціологич. этюды", стр. 276—80.

или воздѣйствующія силы, а какъ нераздѣльныя стороны единаго процесса общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ, очевидно, весьма отличномъ отъ изложеннаго выше, данное направленіе можетъ быть названо, какъ оно себя и называетъ, также монистическимъ или лучше синтетическимъ. Поэтому оно говоритъ собственно не о факторахъ, а объ элементахъ общественной жизни, нераздѣльномъ комплексѣ элементовъ. Тягу къ такой концепціи различными путями мы замѣчаемъ изъ разныхъ школъ соціологической науки.

Если нѣкоторые представители діалектическаго матеріализма (Каутскій, Бернштейнъ и др.) еще говорятъ о факторахъ *) и ихъ взаимоотношеніи, то другіе яркіе представители діалектическаго матеріализма, напримѣръ, Плехановъ, Лабріола, рѣшительно выбрасываютъ теорію факторовъ и стремятся соотвѣтствующимъ образомъ интерпретировать Маркса и Энгельса **). Съ ихъ точки зрѣнія—какъ въ естествознаніи ученіе объ отдѣльныхъ физическихъ силахъ смѣнилось ученіемъ объ единствѣ этихъ силъ, ученіемъ объ единствѣ энергіи, точно также и въ соціологіи ученіе о факторахъ должно быть замѣнено синтетическимъ взглядомъ на общественную жизнь ***).

Тяготѣніе къ синтетической теоріи общества мы находимъ также у Штаммлера, Жореса, Зиммеля, Дюркгейма, Чернова и др.

Однако понятіе „синтетической точки зрѣнія", подобно категоріи взаимодѣйствія, требуетъ своего наполненія и раскрытія. При ближайшемъ анализѣ ея, мы увидимъ, что въ различныхъ случаяхъ она имѣетъ различный оттѣнокъ.

Въ одномъ случаѣ (Плехановъ, Лабріола, Штаммлеръ, Жоресъ, Черновъ), рѣчь идетъ о взаимоотношеніи различныхъ сторонъ общественной жизни: права, экономики и т. д. Если при этомъ однимъ (Плехановъ, Лабріола) удается,—правильно или неправильно это другой вопросъ,—выдвинуть ясное представленіе о развитіи общественной жизни, то самое взаимоотношеніе сторонъ ея остается у нихъ весьма не выясненнымъ. Они говорятъ, что „производительныя силы обусловливаютъ собой всѣ ихъ (людей

---

*) Eduard Bernstein. „Die Voraussätz. d. S. u. die Aufgaben der S—D.", К. Каутскій. „Матеріалистич. поним. исторіи и психологич. факторъ".

**) Н. Бельтовъ. „Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда на исторію" и его же „Критика нашихъ критиковъ", 1906, стр. 307—337. Ant. Labriola „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire".

***) Ср. Бельтовъ. „Критика"..., стр. 313.

Н. К.) общественныя отношенія", что экономическія отношенія „создаютъ извѣстные интересы, которые находятъ свое выраженіе въ правѣ", что на почвѣ общественныхъ отношеній „вырастаетъ обычная нравственность" и т. д. „Обусловливаютъ", „создаютъ", „вырастаютъ", „являются причиной", „служатъ функціей"—вотъ обычныя выраженія, въ какихъ изображается отношеніе различныхъ сторонъ общественной жизни въ данной вѣтви сторонниковъ синтетической точки зрѣнія *). Какъ видно, эти выраженія достаточно разнообразны, чтобы не получить опредѣленнаго представленія о томъ—идетъ ли здѣсь рѣчь о причинномъ, функціональномъ или какомъ иномъ отношеніи.

Наоборотъ, такіе авторы, какъ Черновъ, опираясь на эмпиріокритицизмъ, на его теорію рядовъ, выдвигаютъ вполнѣ опредѣленную характеристику этихъ взаимоотношеній, пользуясь понятіемъ функціональной связи **). Понятіе функціональной связи чисто математическое; оно было взято и въ цѣляхъ борьбы противъ „метафизическихъ" тенденцій перенесено Махомъ главнымъ образомъ въ наиболѣе раціональную часть физики—въ механику, т.-е. въ ту область естествознанія, гдѣ тенденція къ такъ называемому выключенію времени пошла весьма далеко ***). Время характеризуется необратимостью протекающихъ въ немъ процессовъ. Процессъ развитія безусловно протекаетъ во времени и, слѣдовательно, онъ необратимъ. И вотъ встаетъ вопросъ: вводя понятіе функціональной связи въ соціологію, въ частности въ вопросѣ о факторахъ, и достигая нѣкоторой опредѣленности въ представленіи о связи сторонъ этой жизни, не теряемъ ли мы возможность понять ея развитіе и не принуждаетъ ли насъ понятіе функціональной связи подмѣнить ученіе о развитіи ученіемъ о простомъ движеніи и количественной измѣнчивости явленій? Иначе говоря, выигрывая въ представленіи о вертикальной связи сторонъ общественной жизни (см. схему въ началѣ параграфа 7), не проигрываемъ ли мы въ ясности и опредѣленности представленія о поступательномъ ихъ ходѣ, о характерѣ горизонтальной ихъ связи, о развитіи. И во всякомъ случаѣ вскрытіе функціональной связи элементовъ даетъ представленіе лишь о закономѣрности, но не о причинности ея, отвѣчаетъ на

---

*) Ср. Н. Бельтовъ, „Критика...", стр. 317; см. также его же „Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда на исторію", passim, въ частности стр. 148—155.

**) Ср. его „Фил. и соц. этюды", стр. 301 и сл.

***) Ср. Э. Мейерсонъ. „Тождественность и дѣйствительность", глава VI.

вопросъ: какъ происходятъ явленія, оставляя безъ вниманія вопросъ: почему они такъ происходятъ.

Нѣсколько иной оттѣнокъ носитъ направленіе Дюркгейма и его школы. Дюркгеймъ совершенно не говоритъ о взаимоотношеніи горизонтальныхъ (см. схему) рядовъ, не говоритъ о факторахъ въ старомъ смыслѣ слова: о правѣ, экономикѣ и т. д. Его точка зрѣнія безусловно носитъ широко-синтетическій характеръ. Онъ подвергаетъ анализу отдѣльные соціальные феномены, какъ раздѣленіе труда, самоубійство, религія въ ея элементарной формѣ. Но онъ вскрываетъ глубочайшую связь этихъ феноменовъ со всѣмъ строеніемъ соціальной жизни. Подъ его анализомъ они теряютъ узко-специфическій характеръ экономическаго (раздѣленіе труда) или религіознаго явленія и получаютъ цѣлостно-соціологическое освѣщеніе. Правда, Дюркгеймъ говоритъ о факторѣ эволюціи. Этимъ факторомъ является для него *строеніе всей соціальной среды*. Но ясно, что такое понятіе фактора не имѣетъ ничего общаго съ традиціоннымъ ученіемъ о факторахъ: его у Дюркгейма нѣтъ. Понятіе о соціальной средѣ, какъ факторѣ, онъ выдвигаетъ въ противовѣсъ этнологическому или психологическому толкованію эволюціи и тѣмъ подчеркиваетъ необходимость и возможность чисто-соціологическаго объясненія соціальныхъ явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дюркгеймъ стоитъ на послѣдовательной точкѣ зрѣнія причиннаго объясненія этихъ явленій *).

Въ предыдущемъ анализѣ мы стремились прослѣдить внутреннюю послѣдовательность въ смѣнѣ ученій соціологіи о факторахъ. Эта послѣдовательность въ общемъ и съ нѣкоторыми осложненіями соотвѣтствуетъ послѣдовательности хронологической. Общая тенденція, вскрывающаяся въ ней,—это постепенное преодолѣніе дробности отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ и соотвѣтственно переходъ отъ какъ бы механическаго представленія воздѣйствующихъ и взаимодѣйствующихъ факторовъ къ ученію о единствѣ и органической связанности соціальной жизни. Монизмъ и плюрализмъ отодвигаются на задній планъ; отодвигается туда же и самое представленіе о факторахъ-силахъ, весьма нужное и полезное для своего времени, для опредѣленной ступени развитія науки. На мѣсто факторовъ встаютъ органически связанные элементы соціальной жизни и ихъ комплексы—со-

*) Ср. E. Durkheim. „Les règles de la méthode sociologique". 4 edit. 1907. Chapitre V.

ціальные факты. Соціологія должна ихъ систематизировать, вскрыть ихъ многообразную и перекрещивающуюся закономѣрную и причинную связь, а также выяснять ихъ соціальныя функціи. Задача эта, очевидно, болѣе сложна, чѣмъ рѣшеніе вопроса: знаніе ли опредѣляетъ экономику, право и т. д., или наоборотъ...

Правда, классифицируя социальные элементы, соціологія даетъ серіи ихъ, какъ, право, экономика и др., иногда весьма напоминающія прежніе факторы. Конечно, эти серіи можно также называть факторами, но названіе не имѣетъ значенія. По существу же здѣсь мы будемъ имѣть иную вещь. Прежнее ученіе о факторахъ было слишкомъ упрощенно обще и потому лишено достаточной научной строгости и точности. Въ концѣ концовъ вопросъ вѣдь ставился такъ: въ какомъ взаимоотношеніи находятся между собой экономика (одинъ горизонтальный рядъ— a′, b′, c′, d′,...), право (а, б, в, г,...), знаніе (а′, б′, в′, г′,...) и т. д.? Современная соціологія, повидимому, отказывается отъ этой упрощенной общности. Ученіе о факторахъ замѣняется скорѣй ученіемъ о многообразныхъ закономѣрно-причинныхъ связяхъ соціальныхъ элементовъ, при чемъ вопросъ ставится не только о взаимоотношеніи упомянутыхъ горизонтальныхъ рядовъ, но и о вертикальныхъ сочетаніяхъ ихъ элементовъ. Иначе говоря, самая постановка вопроса усложняется, представленіе объ элементахъ соціальной жизни становится болѣе точнымъ и болѣе напоминающимъ естествознаніе.

Прежнее ученіе о факторахъ собственно признавало, что отъ факторовъ, одного или многихъ, исходятъ толчки побужденія къ развитію общества. При этомъ оно весьма часто не могло остановиться на чисто-соціальныхъ факторахъ и принуждено было, выходя за предѣлы соціологіи, прибѣгать къ біологическимъ или психологическимъ факторамъ (Дарвинизмъ, Уордъ, Тардъ и др.). Синтетическая точка зрѣнія не нуждается въ этомъ. Признавая всю огромную для общественной жизни роль внѣшней среды, біологическихъ и психическихъ способностей человѣка, она тѣмъ не менѣе разсматриваетъ общество, *какъ развивающееся цѣлое sui generis*, и развитіе элементовъ ставитъ въ связь съ развитіемъ цѣлаго. Только при этомъ условіи элементы эти и представляются дѣйствительно элементами чего-то единаго и связнаго. Каждый элементъ какъ бы взаимоотражается въ другихъ и наоборотъ. Каждое соціальное явленіе представляется характер-

нымъ, симптоматичнымъ для опредѣленнаго состоянія соціальнаго цѣлаго.

Но если такова тенденція въ ученіи о факторахъ, то М. М Ковалевскій въ своихъ взглядахъ, очевидно, шелъ по уклону ея. Онъ не завершилъ эволюціи своихъ взглядовъ, какъ не завершилось еще и ученіе соціологіи о развитіи.

Одно несомнѣнно: уклонъ развитія этого ученія напоминаетъ аналогичное движеніе въ области естествознанія: отъ специфическихъ силъ къ ученію о единствѣ міра и энергіи. Но исторія естествознанія показываетъ, что время отъ времени въ немъ возрождаются попытки объяснить физическій міръ иначе, исходя изъ другихъ принциповъ *). Это даетъ основаніе думать, что подобныя вспышки будутъ или могутъ происходить и въ ученіи о развитіи общественной жизни.

Н. Д. Кондратьевъ.

---

*) Ср. Э. Мейерсонъ. „Тождественность и дѣйствительность".

М. М. Ковалевскій, какъ изслѣдователь обычнаго права.

1.

Долголѣтняя, начавшаяся еще въ 1876 г. и неустанно продолжавшаяся до 1916 г., ученая дѣятельность М. М. Ковалевскаго не замыкалась, какъ извѣстно, въ одну какую-либо спеціальную область юридическихъ дисциплинъ, но отличалась многогранностью своихъ общихъ интересовъ. Живой, пытливый умъ изслѣдованія, почерпавшій свои обширныя знанія не только изъ изученія памятниковъ права и ихъ научныхъ комментаріевъ въ литературѣ, но изъ путешествій и постоянныхъ соприкосновеній съ выдающимися учеными и политиками, сказывался въ выборѣ самыхъ разнообразныхъ темъ для изученія, при чемъ объектомъ изысканій автора по исторіи учрежденій и правовыхъ идей служилъ матеріалъ, бравшійся едва ли не изъ всѣхъ странъ міра. Своими многочисленными работами М. М. Ковалевскій вносилъ такимъ образомъ въ русскую литературу богатѣйшія научныя данныя, пригодныя для самыхъ широкихъ соціологическихъ обобщеній. Вслѣдствіе этого о научной дѣятельности автора приходится трактовать не одному какому-либо спеціалисту по той или иной наукѣ права, но многимъ. Нашъ небольшой очеркъ имѣетъ своею цѣлью остановить вниманіе на М. М. Ковалевскомъ только какъ на изслѣдователѣ обычнаго права. Между современными русскими учеными юристами найдется немного лицъ, которыя съ такою любовью и столь продолжительно останавливались бы на изслѣдованіи нормъ народнаго обычнаго права, какъ М. М. При этомъ, какъ на характерную черту этихъ изслѣдованій, надо указать, что К. не удовольствовался однимъ изученіемъ тѣхъ записей обычнаго права, которыя имѣются въ нашей литературѣ и которыя не всегда

отличаются достаточной научной цѣнностью *), но пытался непосредственно изучать народные нравы и обычаи, а затѣмъ,— на основаніи собственныхъ наблюденій надъ ними,—провѣрялъ и дополнялъ существующія записи обычнаго права. Здѣсь авторъ слѣдовалъ тому методу изслѣдованій явленій соціальной жизни, который вообще сказывался въ его сочиненіяхъ по другимъ отраслямъ права, гдѣ, на ряду съ изученіемъ юридической догмы и литературы о ней, онъ расширялъ ихъ анализъ наблюденіемъ надъ живою дѣйствительностью. Конечно, его наблюденія не могли простираться, въ области изученія обычнаго права, на всѣ многочисленныя народности, обитающія въ нашемъ обширномъ отечествѣ, почему автору будущихъ изслѣдованій по обычному праву volens-nolens приходилось ограничивать топографически свои наблюденія, но раіонъ этихъ наблюденій, простиравшійся на многія мѣстности Кавказа, былъ, во всякомъ случаѣ, достаточно обширенъ и своеобразенъ, а потому и давалъ К.,—во время его „странствій“ по Осетіи, горнымъ обществамъ Кабарды и пр.—значительный, въ научномъ отношеніи, матеріалъ, для выполненія той программы, которую онъ себѣ намѣтилъ, съ одной стороны, и многочисленныя данныя для провѣрки записей горскихъ обычаевъ, или адатовъ, съ другой. Въ результатѣ какъ этихъ непосредственныхъ наблюденій, такъ и тщательнаго изученія тѣхъ записей „адатнаго права“, какія уже имѣлись въ подлежащей ученой литературѣ, явился передъ нами цѣлый рядъ изслѣдованій юридическаго быта кавказскихъ народностей **). Въ дальнѣйшемъ нашемъ

---

*) Характеристику записей русскаго обычнаго права см. въ моихъ „Очеркахъ по русскому крестьянскому обычному праву“ („Ученыя записки И. Юрьевскаго Университета“, 1901 г., № 2, стр. 1—48); характеристика записей кавказскаго „адатнаго права“ дѣлается не разъ М. М. Ковалевскимъ въ его изслѣдованіяхъ этого права, о которыхъ мы будемъ говорить особо ниже.

**) Помѣщаемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, изслѣдованья и статьи М. М. Ковалевскаго, цѣликомъ или частично относящіяся къ обычному праву кавказцевъ, въ связи съ исторіею права другихъ народовъ: 1) „Поземельныя и сословныя отношенія у горцевъ сѣвернаго Кавказа“ („Русская мысль“, 1883 г., № 12); 2) „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“ („Вѣстн. Евр.“, 1884 г., № 4); 3) „Нѣкоторыя архаическія черты семейнаго и наслѣдственнаго права осетинъ“ („Юрид. Вѣстн.“, 1885 г., № VI—VII); 4) „У подошвы Эльборуса“ („Вѣстн. Евр.“, 1886 г., № 1—2); 5) „Въ Сванетіи“ (ibid., № 8—9); 6) „О юридическомъ бытѣ татовъ“ (Изд. Общ. Л. Ест., Антр. и Этногр., т. XLVIII, вып., II, М. 1886 г); 7) „Современный обычай и древній законъ.—Обычное право осетинъ, въ историко-сравнительномъ освѣщеніи“ (М.. 1886 г., т. I—II); 8) „Первобытное право“ (М.,

очеркѣ мы и остановимся на характеристикѣ двухъ важнѣйшихъ изслѣдованій М. М. по кавказскому обычному праву, а именно на его знаменитомъ двухтомномъ трудѣ „Современный обычай и древній законъ.—Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи“ и не менѣе извѣстномъ, также двухтомномъ, трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ“. Если мы сюда присоединимъ его сочиненіе „Первобытное право“, въ двухъ выпускахъ, то, въ общемъ, эти работы дадутъ намъ обширный матеріалъ для сужденія о цѣляхъ, кои преслѣдовалъ почившій ученый, привлекая къ исторіи древнѣйшаго права обычное право кавказскихъ народностей, вмѣстѣ съ правомъ другихъ племенъ, а равно и о тѣхъ методахъ, коихъ онъ держался въ своихъ параллельныхъ изслѣдованіяхъ современнаго народнаго права и первобытнаго права древнѣйшихъ временъ, поскольку о послѣднемъ можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ.

II.

Изученіе обычнаго народнаго права вообще и русскаго въ частности можетъ отвѣчать двумъ крупнымъ интересамъ, одному—практическому, другому—теоретическому, а именно—историко-юридическому. Наличность этихъ двухъ интересовъ объясняется двойственностью содержанія нормъ обычнаго права. Съ одной стороны, эти нормы отражаютъ въ себѣ, въ большей или меньшей степени, совокупность народныхъ представленій о правдѣ, въ данное время являющихся дѣйствующими, обязательными въ взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою, съ другой—онѣ бережно, какъ въ нѣкоей заповѣдной кладовой, хранятъ въ себѣ многіе слѣды стародавнихъ отношеній и взглядовъ, живущихъ въ народныхъ массахъ. какъ простое воспоми-

---

1886 г., вып. I—Родъ, вып. II—Семья); 9) „Пшавы“ („Юрид. Вѣстн.“, 1888 г., № 2); 10) „Родовое устройство Дагестана“ (ibid., № 12); 11) „Сельская община въ Закавказьѣ“. Разборъ извѣстнаго изслѣдованія С. А. Егіазарова, „Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ“ (ib., 1889 г., № VI—VII); 12) „Дагестанская народная правда“ („Этногр. Обозрѣніе“, 1890 г., № 4); 13) „Законъ и обычай на Кавказѣ“ (М., 1890 г., т. I—II). Замѣтимъ также кстати, что М. М. Ковалевскому принадлежитъ нѣсколько статей и по русскому обычному праву. Такъ, въ „Критическомъ Обозрѣніи“ за 1879 г., № 14, онъ касается „Сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданныхъ Матвѣевымъ, въ „Юрид. Вѣстн.“ за 1892 г., № 5—6 говоритъ о „трудѣ, какъ источникѣ собственности на землю въ Малороссіи“ и др.

наніе о чемъ-то давно уже утраченномъ и хотя не имѣющемъ теперь никакого реальнаго значенія, но тѣмъ не менѣе народу дорогомъ... Если для общественнаго дѣятеля, которому приходится, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, считаться съ народною психологіею, юридическія правовоззрѣнія народа представляютъ интересъ только въ томъ случаѣ, когда они могутъ являться показателями современныхъ народныхъ взглядовъ на устроеніе формъ его жизни (поскольку послѣднія могли, конечно, развиваться самостоятельно, безъ воздѣйствій сверху), то для историка-юриста, наоборотъ, чрезвычайную важность имѣютъ тѣ переживанія, тѣ архаизмы права, которыя сохранились въ народныхъ представленіяхъ о правдѣ и справедливости, въ силу присущаго народнымъ массамъ консерватизма мышленія. Изученіе остатковъ часто глубокой сѣдой старины, сохранившихся въ народныхъ ритуалахъ, пословицахъ, въ судебныхъ рѣшеніяхъ и пр., даетъ возможность современной соціологіи возсоздавать не фантастическій образъ давно-минувшаго, а картину болѣе или менѣе вѣроятнаго поступательнаго движенія человѣчества, въ особенности, когда эти остатки приводятся въ связь, какъ съ запасомъ тѣхъ историческихъ свѣдѣній, какія дошли до насъ по памятникамъ древней письменности, изъ наиболѣе раннихъ эпохъ нашей культуры, такъ и съ извѣстіями о бытѣ современныхъ намъ, но еще первобытныхъ, по своей культурѣ, народовъ. Ковалевскій, какъ соціологъ-позитивистъ, полагавшій, что „соціологія, какъ наука, не должна пренебрегать никакими наблюденіями и опытами" и утверждавшій, что „ея основатель Огюстъ Контъ сдѣлалъ большую ошибку, придя къ противоположному заключенію *), долженъ былъ, разумѣется, при изученіи обычнаго народнаго права, преслѣдовать второй, чисто-научный интересъ, онъ долженъ былъ въ народныхъ переживаніяхъ, въ такомъ громадномъ количествѣ еще сохраняющихся донынѣ, искать новаго матеріала для своихъ широкихъ

*) Ошибку О. Конта Ковалевскій видѣлъ справедливо въ томъ, что „Контъ основалъ свою стройную теорію на данныхъ, которыя не имѣли предполагаемаго имъ характера общности, такъ какъ одинъ только римско-католическій міръ имѣлъ честь быть предметомъ его позитивнаго изслѣдованія. Всякая новая попытка установить соціологическія истины будетъ имѣть научное значеніе въ томъ лишь случаѣ, если въ поле нашихъ изысканій будетъ включенъ Востокъ и, въ особенности, міръ славянскихъ народовъ". („Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности", лекціи, читанныя М. М. Ковалевскимъ въ Стокгольмскомъ университетѣ, переводъ М. Іолшина (М., 1896 г., стр. 12).

соціологическихъ выводовъ. Но однако было бы ошибочно думать, что интересъ ученаго историка-юриста,—цѣпляющагося крѣпко за всякій обломокъ старины и вытаскивающаго на арену изслѣдованія всякій, даже самый варварскій, обычай, разъ онъ служитъ къ объясненію какого-либо первобытнаго института,—совершенно заглушалъ въ Ковалевскомъ ученаго, какъ гражданина. Онъ не всегда и не вездѣ въ своихъ работахъ смотрѣлъ на обычное право только какъ на сумму стародавнихъ народныхъ переживаній, но отмѣчалъ и значеніе обычнаго права, какъ отображенія многихъ современныхъ представленій народа на устройство своего быта, на доступныхъ его пониманію началахъ правды. Въ виду этого и намъ придется, хотя бы кратко, коснуться этого, вполнѣ понятнаго, двойственнаго отношенія М. М. къ обычному народному праву, которое, храня въ себѣ столь любезныя для историка-соціолога сокровища стародавнихъ пра-историческихъ представленій о правѣ, является въ то же время правомъ дѣйствующимъ, нормы коего, въ той или иной мѣрѣ, живутъ и примѣняютъ въ современной народной средѣ, не какъ остатки давнихъ угаснувшихъ отношеній, а какъ представленія народа о правѣ, соотвѣтствующія уже его культурѣ въ данное время. То обстоятельство, что Ковалевскій, по цѣлямъ, какія онъ себѣ ставилъ при изученіи обычнаго права, неизмѣримо больше обращалъ вниманія на архаизмы этого права, чѣмъ на его нормы, какъ права дѣйствующаго въ народной средѣ, требуетъ и отъ насъ преимущественнаго вниманія къ трудамъ Ковалевскаго въ области изученія обычнаго права, съ точки зрѣнія того чисто-научнаго, а именно—историко-юридическаго интереса, какой онъ выказывалъ къ этой отрасли права. Остановимся, въ доказательство сказаннаго, прежде всего на двухтомномъ сочиненіи М. М., появившемся въ 1886 г., т.-е. ровно 30 лѣтъ тому назадъ, а именно на сочиненіи его „Современный обычай и древній законъ.—Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи“.

III.

Пытаясь вообще, по его словамъ, „объяснить порядокъ зарожденія правовыхъ институтовъ“, иначе говоря, произвести рядъ изысканій надъ *эмбріологіею права* арійцевъ, — какъ К. называетъ ту новую отрасль обществовѣдѣнія, которой онъ хочетъ заняться,—К. наталкивается прежде всего на такое затруд-

неніе: „выводы, полученные на основаніи этнографическихъ данныхъ,—говоритъ онъ въ „предисловіи“ къ вышеназванному своему сочиненію,—далеко не сходятся пока съ тѣми, какія установлены путемъ *историко-сравнительнаго изученія* арійскихъ законодательствъ“. Отсюда вытекаетъ, напр., утвержденіе одними учеными поздняго происхожденія семьи и агнатическаго рода, которому предшествуетъ коммунальный бракъ и материнство, между тѣмъ, какъ другіе признавали „патріархальный бытъ зародышемъ всѣхъ позднѣйшихъ формъ человѣческаго общежительства“. (Такое несходство выводовъ можно отмѣтить, разумѣется, и въ рядѣ другихъ вопросовъ). Какъ выйти изъ этого дуализма мнѣній? По мнѣнію автора, лучшій выходъ—это обращеніе „къ детальному изученію обычнаго права тѣхъ арійскихъ народностей, которыя, какъ осетины, доселѣ сохранили въ своемъ быту многочисленные остатки уже пройденныхъ имъ стадій развитія“. Этимъ основнымъ воззрѣніемъ опредѣляется какъ характеръ, такъ и планъ издаваемаго нами труда, говоритъ К.: „мы намѣрены представить не простое описаніе обычаевъ мало извѣстнаго еще народа, но и объяснить фактами изъ быта этого народа *многіе темные вопросы быта аріевъ*“ (стр. V и слѣд. вышеназваннаго труда). Конечно, для этого надо было,—не довольствуясь имѣющимися уже въ печати записями осетинскаго права (а затѣмъ и другихъ кавказскихъ племенъ),—произвести самому, такъ сказать въ натурѣ, изслѣдованіе обычнаго права осетинъ, которыхъ авторъ, на основаніи изслѣдованій В. Ѳ. Миллера, причисляетъ къ арійцамъ. И авторъ, дѣйствительно, предпринимаетъ два раза поѣздки на Кавказъ, которыя и доставляютъ ему главный матеріалъ для описанія осетинскихъ обычаевъ (матеріалъ во многомъ пополненный, впрочемъ, какъ указывается авторомъ, на основаніи работъ мѣстныхъ изслѣдователей). Нельзя, конечно, не признать, что сама идея такихъ поѣздокъ была въ высшей степени привлекательна и плодотворна, съ научной точки зрѣнія. Записи народнаго обычнаго права у насъ, не исключая и записей кавказскаго права, вообще отличаются многими особенностями, дѣлающими ихъ весьма неудобными для пользованія, при тѣхъ или иныхъ *соціологическихъ* построеніяхъ какъ историко-юридическаго характера, такъ и относящихся къ уясненію современнаго народнаго правосознанія. Во-первыхъ, эти записи нерѣдко дѣлались, да дѣлаются и доселѣ, людьми, малоподгото-

вленными къ этой сложной и отвѣтственной работѣ, почему сами записи эти являются то слишкомъ субъективными, то просто мало-вѣроятными. Во-вторыхъ, матеріалъ, записанный въ нихъ, распредѣляется весьма неравномѣрно по отдѣльнымъ категоріямъ правовой жизни народа. Такъ, напримѣръ, если мы въ области русскаго обычнаго права имѣемъ достаточно богатыя и провѣренныя данныя по вопросу объ артеляхъ, о различныхъ видахъ владѣнія и пользованія землею, по вопросу объ отношеніяхъ супруговъ и дѣтей, о наслѣдственномъ правѣ, о семейныхъ раздѣлахъ, то, наоборотъ, въ области гражданскаго права доселѣ еще очень мало изслѣдованы у насъ договоры какъ со своей *внѣшней* обрядовой стороны, такъ и со стороны своего *внутренняго* содержанія. Если внутреннее содержаніе, вкладываемое народомъ въ ту или иную юридическую сдѣлку, нерѣдко весьма рельефно отражаетъ современныя *экономическія отношенія*, а также степень общаго развитія народа и его права въ данное время, то, наоборотъ, *обрядовая сторона* обязательствъ,—въ виду того богатѣйшаго символизма, какой одѣваетъ въ народѣ каждую юридическую сдѣлку,—представляетъ громадный историко-юридическій интересъ, такъ какъ этотъ первобытный *языкъ символическихъ дѣйствій* образныхъ формъ, уясняетъ предъ нами генезисъ первоначальныхъ юридическихъ институтовъ, той эмбріологіи права, надъ которой хотѣлъ работать К., предпринимая свои поѣздки на Кавказъ. Наконецъ, автору кавказскихъ этюдовъ *по эмбріологіи права* предстояло *провѣрить* достовѣрность самихъ *горскихъ адатовъ*, какъ записей народныхъ правовоззрѣній, такъ какъ въ нихъ (подобно записямъ рѣшеній нашихъ волостныхъ судовъ) нерѣдко отражалось не столько народное право, сколько субъективныя представленія о немъ самихъ записывающихъ его нормы лицъ. Понятно, что, когда за провѣрку и дополненіе всѣхъ этихъ записей кавказскихъ обычаевъ взялся такой высокообразованный юристъ, какъ К., ученый, обладавшій вообще громадными свѣдѣніями въ области исторіи древняго арійскаго и иного права, такая провѣрка и и дополненіе дали много не только новыхъ и болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о правѣ осетинъ, но и представили ихъ правовоззрѣнія въ полномъ *систематическомъ* образѣ. Если изъ перваго тома вышеуказаннаго труда мы узнаемъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ осетинъ, о ихъ имущественныхъ отношеніяхъ, до-

говорномъ и брачномъ ихъ правѣ, а равно и о системѣ родства и наслѣдованія, выработанныхъ ихъ культурою, то второй томъ подробно трактуетъ объ ихъ уголовномъ правѣ, судоустройствѣ, судебныхъ доказательствахъ и процессуальныхъ дѣйствіяхъ. Какъ намъ представляется, этотъ второй томъ имѣетъ, сравнительно съ первымъ, наибольшую цѣнность. Произошло это, во-первыхъ, потому, что сами вопросы, трактуемые здѣсь авторомъ (какъ вопросы о кровавой мести у осетинъ, о системѣ наказаній, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ), давали автору гораздо большій и достовѣрный матеріалъ, чѣмъ вопросы, разсмотрѣнные въ I томѣ; во-вторыхъ, этотъ матеріалъ сохранилъ въ себѣ чрезвычайно много чертъ *первобытныхъ* правовоззрѣній, поддающихся наблюденію, и, въ-третьихъ, онъ являлся *наименѣе* изслѣдованнымъ. По исторіи семьи, наслѣдованія, имущественныхъ отношеній у насъ имѣлись уже до Ковалевскаго цѣнныя изысканія, наоборотъ, вопросы, его занимавшіе во 2-мъ томѣ, не находили себѣ достаточнаго числа ученыхъ юристовъ, особенно *лично*, по собственнымъ наблюденіямъ, производившихъ свои изысканія. Со времени б. Августа Гакстгаузена, путешествовавшаго по Россіи въ 1847 г. и изучавшаго поземельное устройство нашихъ крестьянъ, К. является однимъ изъ немногихъ ученыхъ, имѣвшихъ возможность наблюдать и изслѣдовать, по заранѣе установленной *программѣ* (что давало его трудамъ извѣстную цѣльность и систематичность), то народное право, какое онъ взялъ объектомъ своихъ изысканій, а именно сначала—осетинъ, а затѣмъ сванетовъ, пшавовъ, хевсуръ и пр. Допрашивая, по строго-научной программѣ, мѣстныхъ жителей о ихъ правовоззрѣніяхъ, онъ, естественно, могъ пополнить *пробѣлы* нашихъ свѣдѣній по тѣмъ вопросамъ, которые до того времени мало останавливали вниманіе наблюдателей.

Отдавая справедливую дань живому и вмѣстѣ строго-научному методу изслѣдованія народныхъ юридическихъ обычаевъ кавказскихъ народностей, какому слѣдовалъ К., нельзя однако не замѣтить, что главный объектъ его изслѣдованія—*осетинское право* невполнѣ оправдалъ, да и не могъ оправдать, той высокой,—мы бы даже сказали, весьма смѣлой,—мысли, съ которою авторъ принялся за его изученіе. Какъ уже кратко нами указывалось, Ковалевскій предполагалъ (а затѣмъ, дѣйствительно, энергично и пытался) „представить *не простое описаніе* мало извѣстнаго доселѣ осетинскаго народа, *но и объяснить фактами изъ быта*

этого народа многіе темные вопросы древняго права аріевъ. Уже *a priori* однако можно было бы утверждать, что эта попытка сама по себѣ, независимо отъ личныхъ качествъ изслѣдователя, была обречена на нѣкоторую неудачу. Въ моментъ изслѣдованія Ковалевскимъ обычнаго права осетинъ они являлись маленькимъ народцемъ, затеряннымъ въ горахъ Кавказа. Этотъ народецъ, загнанный кочевниками въ указанныя горы, если и нашелъ здѣсь, съ одной стороны, нѣкоторыя благопріятныя условія для сохраненія своей *независимости и индивидуальности*, то, съ другой стороны, обрѣлъ многія препятствія къ своему численному размноженію, а равно и къ дальнѣйшему культурному развитію, попавъ въ особыя климатическія, экономическія и политическія условія. Принявъ все это во вниманіе, можно ли было допустить, чтобы бытъ этого бѣднаго горнаго народца былъ въ состояніи, какъ предполагалъ первоначально К., дать достаточный матеріалъ для объясненія многихъ темныхъ и сложныхъ вопросовъ какъ зарожденія, такъ и развитія институтовъ *древняго права аріевъ?* Неужели вся сложная гамма историческихъ переживаній великаго племени, даже на зарѣ его выступленій на міровой аренѣ, могла найти свое подобіе въ жизни осетинъ? Между тѣмъ М. М. Ковалевскій, по его словамъ, именно думалъ найти въ бытѣ этого народца *тѣ посредствующія звенья, безъ знакомства съ которыми невозможно возстановленіе того темнаго процесса, послѣдствіемъ котораго было зарожденіе первичныхъ юридическихъ институтовъ.* Но уже въ предисловіи къ своему изслѣдованію „Современный обычай и древній законъ“ авторъ долженъ былъ откровенно сознаться, что *„не по всѣмъ, однако, вопросамъ осетинское право даетъ намъ ожидаемый отвѣтъ. Нерѣдко оно само лишено этихъ посредствующихъ звеньевъ,* и послѣднія должны быть съ трудомъ отыскиваемы въ законодательныхъ памятникахъ историческихъ представителей арійской семьи“ (стр. VI), т.-е., иначе говоря, осетинскіе обычаи сами по себѣ весьма нуждаются въ сложномъ объяснительномъ матеріалѣ, который находится *въ арійскихъ* правовыхъ древностяхъ, а вовсе не служатъ, какъ предполагалось, къ уясненію „темныхъ вопросовъ древняго права аріевъ“. Отсюда, естественно, и получилось, что обычное право осетинъ (какъ частью и другихъ кавказскихъ народцевъ) являлось лишь канвою, на которой К. вышивалъ свои историко-сравнительные узоры по древнѣйшему

праву, почему и самому своему изслѣдованію онъ долженъ былъ дать наименованіе „Современный обычай и древній законъ.—Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи“. Приходилось уже искать „объясненія осетинскимъ обычаямъ“ изъ арійскихъ правовыхъ древностей, какъ и, наоборотъ, арійскія древности объяснять осетинскими обычаями, при чемъ, конечно, первыя давали автору болѣе матеріала для его эмбріологіи, чѣмъ вторые, такъ какъ арійцы оставили цѣлый длинный рядъ знаменитыхъ памятниковъ своего древняго правоpазвитія. Громадная начитанность автора въ этихъ памятникахъ и ихъ литературныхъ комментаріяхъ, въ связи съ его талантомъ изслѣдователя, умѣвшаго живо и образно схватывать сущность описываемыхъ явленій, помогли, конечно, ему выйти съ полною честью изъ того затрудненія, въ какое онъ попалъ, избравъ своимъ объектомъ бѣдное, какъ качественно, такъ и количественно, осетинское право. Впрочемъ, у автора было серьезное основаніе для выбора именно того права, какъ объекта своего изученія. Онъ, какъ извѣстно, совершалъ свои поѣздки по Кавказу вмѣстѣ съ извѣстнымъ лингвистомъ В. Ѳ. Миллеромъ, которому, какъ „автору осетинскихъ этюдовъ“, онъ и посвятилъ разбираемый нами трудъ. Ковалевскій справедливо и откровенно утверждалъ, что *„безъ филологическихъ изслѣдованій* Всеволода Миллера, вполнѣ опредѣлившихъ *народность* осетинъ и выяснившихъ отдѣльныя формы ихъ религіознаго быта, а также ихъ историческія судьбы, невозможно было бы никакое научное описаніе осетинскаго обычнаго права“. Эти *филологическія изслѣдованія*, — въ томъ широкомъ масштабѣ, который мы только-что указали, — конечно, дали Ковалевскому твердую почву и для изученія осетинскихъ *юридическихъ* обычаевъ, безъ нихъ обычаи эти представляли бы собою нѣчто, висящее въ воздухѣ, оторванное отъ сложнаго комплекса соціологическихъ факторовъ, ихъ породившихъ, такъ какъ право не развивается особо, безъ связи со всѣми этими факторами, а юристъ-историкъ не всегда можетъ ихъ изучить самъ, безъ помощи филологіи. Въ цѣломъ, такимъ образомъ, въ разбираемомъ трудѣ, какъ и въ рядѣ другихъ, авторъ отдалъ богатую дань одному изъ интересовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ обычнаго народнаго права, а именно—интересу *научному*, историко-юридическому, или, какъ любилъ говорить самъ авторъ, *историко-сравнительному*, въ цѣляхъ широкихъ соціологическихъ обоб-

щеній и созданія тѣхъ прочныхъ и положительныхъ „научныхъ общностей“ („généralités scientifiques“, какъ говорятъ французскіе ученые), на которые должны опираться всѣ общественныя науки. Ковалевскій при этомъ не столько описывалъ первобытные институты (какъ дѣлалъ у насъ, напр., Зиберъ, у нѣмцевъ Постъ и мн. др.), сколько ихъ объяснялъ и конструировалъ ихъ правовую сущность, сводя въ систему и давая логическое объясненіе даже незначительнымъ, на первый взглядъ, фактамъ. Многія его обобщенія, если не всегда находили себѣ оправданіе, то всегда подкупали грандіозностью своего замысла дойти непремѣнно до генезиса самыхъ темныхъ первобытныхъ институтовъ права, даже тогда, когда для этого не было видимыхъ научныхъ путей. При детальномъ изученіи отдѣльныхъ выводовъ К. можно найти невѣрно-объясненные тексты древнихъ законовъ, его цитаты иногда неточны (особенно это надо сказать по отношенію къ нашимъ русскимъ первоисточникамъ, въ виду того, что К. меньше всего былъ историкомъ нашего древняго права), но зато никто, кромѣ К., не привлекалъ у насъ къ изслѣдованію нормъ первобытныхъ институтовъ такого громаднаго количества древнѣйшихъ текстовъ законовъ и обычаевъ всѣхъ народовъ и не знакомилъ въ такомъ широкомъ масштабѣ съ западно-русскою литературою. Вездѣ К. стоялъ на почвѣ положительнаго изученія фактовъ прошлаго и настоящаго, такъ опредѣляя (въ одной изъ раннихъ своихъ работъ— „Общинное землевладѣніе“ и пр., М., 1879 г.) *методъ* своихъ историко-сравнительныхъ изысканій, которому онъ затѣмъ всегда слѣдовалъ въ своихъ работахъ: „раздѣляя судьбу общую всякаго рода соціологическихъ вопросовъ, занимающій насъ вопросъ (въ данномъ случаѣ объ общинномъ землевладѣніи) долгое время не находилъ другого рѣшенія, кромѣ богословскаго, или метафизическаго. По мѣрѣ секуляризаціи политики, богословскія рѣшенія социальныхъ вопросовъ вообще, и въ частности вопроса о возникновеніи частной собственности, уступаютъ мѣсто метафизическимъ. Какъ во всѣхъ метафизическихъ рѣшеніяхъ, такъ и въ настоящемъ, ошибка заключается не въ томъ, что въ основаніе теоріи взяты несуществующіе факты, а въ томъ, что этимъ фактамъ придано нимало не отвѣчающее имъ значеніе первичной и *единичной* причины мірового явленія. Позже всего принимаетъ на себя рѣшеніе занимающаго насъ вопроса *положительная наука*. Спеціальныя изслѣдованія, производимыя въ разныхъ мѣстахъ

и независимо другъ отъ друга, приводятъ къ заключенію о позднемъ, сравнительно, возникновеніи частной собственности на землю путемъ разложенія коллективныхъ видовъ недвижимой собственности общинно-родовой и позднѣйшихъ, по отношенію къ ней, общинно-сельской и общинно-семейной, при чемъ какъ трудовое начало, такъ и занятіе, или захватъ, оказываются не болѣе какъ второстепенными моментами въ міровомъ явленіи постепеннаго разложенія архаическаго коммунизма" (предисловіе, стр. II и сл.). Можно оспаривать мнѣніе К. о *сравнительной* цѣнности однихъ факторовъ этого „разложенія" по отношенію къ другимъ, но нельзя не сказать, что сама мысль, постоянно имъ вездѣ проводившаяся, а именно мысль о сложности процессовъ образованія и развитія юридическихъ институтовъ, оберегала его отъ односторонности и невольно заставляла вдумчиваго читателя самого разбираться въ этой сложности...

IV.

Какъ въ своемъ сочиненіи, выше нами разсмотрѣнномъ („Современный обычай и древній законъ"), такъ и въ своемъ „Первобытномъ правѣ", своихъ лекціяхъ по исторіи происхожденія семьи и собственности, читанныхъ въ Стокгольмѣ, а равно и въ рядѣ статей, Ковалевскій изучалъ обычное право въ качествѣ необходимаго матеріала для его *историко-сравнительныхъ* выводовъ. Но въ обширномъ своемъ трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ" (М., 1890 г.), гдѣ имъ изслѣдуется вообще юридическій бытъ кавказскихъ народностей, онъ одновременно ставитъ вопросъ о такъ называемыхъ *горскихъ адатахъ* не только *теоретически*, но и *практически*. Указавъ, что уже съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вслѣдъ за переходомъ многихъ кавказскихъ народностей подъ русское владычество, начинается у насъ *офиціальная запись* ихъ юридическихъ обычаевъ, или адатовъ, и что литература о Кавказѣ „начинаетъ пріобрѣтать размѣры, невольно парализующіе въ каждомъ новомъ изслѣдователѣ стремленіе къ полнотѣ и всесторонности", онъ отмѣчаетъ, однако, неудовлетворительность этихъ записей для рѣшенія вопроса, что̀ такое горскій адатъ, *изъ какихъ элементовъ* онъ сложился, можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, или онъ отражаетъ въ себѣ тѣ *различныя воздѣйствія*, какимъ въ разное время под-

чинялась историческая жизнь Кавказа. Авторъ затѣмъ подробно изслѣдуетъ „культурныя вліянія“ на обычное право горцевъ, на ряду съ его народными элементами. Мы не имѣемъ возможности останавливаться на этомъ изслѣдованіи, чрезвычайно интересномъ по своей задачѣ. Дѣйствительно, прежде чѣмъ говорить *о народномъ* обычномъ правѣ, въ качествѣ первоисточника для тѣхъ или иныхъ историко-юридическихъ выводовъ о правосозерцаніи даннаго племени, необходимо точно установить составъ этого первоисточника. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ другое. Ковалевскій въ указанномъ трудѣ является не только историкомъ права, но и политикомъ. Онъ справедливо полагаетъ, что „отъ правильнаго рѣшенія вопроса *о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ сложилось горское право, зависитъ не только научное пониманіе кавказскаго права, но и само направленіе нашей внутренней политики въ этой окраинѣ* (т. I, предисловіе, стр. V и сл.). По вѣрному замѣчанію автора, „безъ выясненія *туземныхъ и чужеродныхъ* элементовъ кавказскаго права русское правительство навсегда останется въ неизвѣстности на счетъ *того, что оно должно сохранить, а что отвергнуть въ дѣйствующемъ адатѣ*. Этнографія и исторія обязаны на этотъ разъ прійти на помощь законодательству и судебной практикѣ, выясняя имъ тотъ путь, по которому они должны итти, имѣя въ виду интересы общественнаго возрожденія края“. Авторъ далѣе не обольщаетъ себя мыслью, что его изслѣдованіе „заключаетъ въ себѣ послѣднее слово по возбужденнымъ имъ вопросамъ“, а равно „постановки вопроса объ отношеніи обычая и закона, какую читатель найдетъ въ его трудѣ“ (ib.). Для насъ, однако, „эта новая постановка вопроса“ представляетъ важность потому, что она свидѣтельствуетъ, что К. и въ вопросѣ объ обычномъ правѣ вообще не былъ одностороннимъ: онъ изучалъ его *не только въ цѣляхъ научно-историческихъ, но и практическихъ*. Позиція его здѣсь, говоря кратко, такова. Авторъ насчитываетъ до 8 разнородныхъ культурныхъ вліяній на жизнь горцевъ, при чемъ, конечно, останавливается и на *русскомъ вліяніи* на кавказское народное право. Говоря о послѣднемъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что „къ чести нашей политики надо сказать, что въ сношеніяхъ съ отсталыми или слабо-развитыми народностями, населяющими имперію, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у нихъ вѣками строй, какой отличалась, напримѣръ, англійская

политика въ Индіи въ теченіе прошлаго и въ половинѣ настоящаго столѣтія" (ib., стр. 266 и сл., т. I). Но, съ другой стороны, Ковалевскій далекъ отъ мысли поддерживать, во что бы то ни стало, обычное право во всей его первобытной, нерѣдко варварской, неприкосновенности. Онъ указываетъ, что „обычай не меньше закона можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола; что, вмѣсто того, чтобы быть всегда первоисточникомъ закона, онъ подчасъ не болѣе какъ его отраженіе, при томъ отраженіе переставшихъ отвѣчать требованіямъ жизни, давно отошедшихъ въ область прошедшаго, религіозныхъ и юридическихъ цензовъ, отмѣна которыхъ является первымъ шагомъ на пути прогресса". Авторъ считаетъ однимъ изъ предразсудковъ ученыхъ юристовъ *безусловное преклоненіе предъ народнымъ обычаемъ.* Онъ думаетъ, что „судебная и административная практика, вступая въ борьбу съ устарѣлыми обычаями, осуществляетъ вполнѣ культурныя задачи и является могущественнымъ орудіемъ общественнаго обновленія (стр. 290). Авторъ неоднократно указываетъ на рядъ такихъ „устарѣлыхъ обычаевъ" горцевъ и рекомендуетъ разумную борьбу съ ними. Такимъ образомъ взглядъ Ковалевскаго на *практическое* значеніе современнаго обычнаго права со всѣми его стародавними переживаніями, столь любезными для историка-юриста, далекъ отъ идолопоклонства передъ всѣми нормами обычнаго *современнаго* права, какъ таковыми, но онъ въ то же время далекъ и отъ мысли объ игнорированіи этихъ нормъ совершенно, что у насъ нерѣдко имѣетъ мѣсто какъ въ наукѣ права, такъ и въ практической жизни; тѣмъ паче онъ не склоненъ признавать необходимость *насильственныхъ* мѣръ къ изгнанію изъ народной среды всѣхъ архаизмовъ его правовоззрѣній. Это, разумѣется, единственно правильная точка зрѣнія, и нельзя не поставить въ заслугу Ковалевскому ея объективнаго серьезнаго обоснованія цѣлымъ рядомъ важныхъ соображеній. Эта заслуга тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что автору, какъ историку-соціологу, легко было увлечься въ односторонность и переоцѣнить значеніе обычнаго права въ качествѣ лишь матеріала для возсозданія первичныхъ стадій праворазвитія человѣчества. Въ Ковалевскомъ, какъ намъ представляется, счастливо сочеталось то, что онъ, съ одной стороны, былъ ученый юристъ, съ громадными историко-сравнительными знаніями древнѣйшаго права арійцевъ, а съ другой—писатель-

гражданинъ. Благодаря своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ въ области первобытнаго права, онъ не отворачивался презрительно,— какъ это дѣлается многими юристами-практиками,—отъ самыхъ странныхъ, на первый взглядъ даже дикихъ, обычаевъ и воззрѣній народа и для каждаго изъ нихъ находилъ разумное объясненіе въ народной многовѣковой культурѣ. Эти свѣдѣнія давали ему возможность разбираться въ народныхъ переживаніяхъ такъ же легко, какъ какому-либо опытному хранителю музея древностей объяснять посѣтителямъ научное значеніе сокровищъ своего музея. Благодаря же тому, что Ковалевскій былъ не мертвый ученый, а живой, отзывчивый на всѣ культурные запросы времени общественный дѣятель, онъ умѣлъ отнестись къ современному обычному праву безъ излишняго сентиментализма: изучая его современныя, уцѣлѣвшія доселѣ еще въ потокѣ исторіи, юридическія древности, онъ цѣнилъ ихъ, какъ таковыя, но вовсе не желалъ сохранять ихъ подъ стеклянными колпакомъ вѣчнаго застоя..

Александръ Филипповъ.

М. М. Ковалевскій, какъ учитель конституціоннаго права.

(Рѣчь въ годовомъ собраніи юридическаго общества 1 мая 1916 года).

Въ ноябрѣ 1897 года Чеховъ писалъ изъ Ниццы редактору „Русскихъ Вѣдомостей" Соболевскому: „Ковалевскій читаетъ въ Парижѣ и имѣетъ успѣхъ". Въ декабрѣ 1898 года въ письмѣ изъ Ялты Чеховъ спрашиваетъ того же Соболевскаго: „Что М. М. Ковалевскій? Какъ его здоровье? Гдѣ онъ читаетъ теперь?". Въ февралѣ 1901 года опять изъ Ниццы Чеховъ сообщаетъ академику Кондакову новости о Ковалевскомъ: „Насчетъ профессуры его пока еще ничего неизвѣстно, онъ только хохочетъ весело; въ іюнѣ ѣдетъ въ Америку читать лекціи".

Ковалевскій читаетъ, будетъ читать, ѣдетъ читать лекціи въ Парижъ или Оксфордъ, въ Чикаго или Брюссель,—въ этихъ повторныхъ ремаркахъ чеховскихъ писемъ содержится ясный и убѣдительный отвѣтъ на вопросъ, который такъ часто ставился въ дни перваго траура по Максимѣ Максимовичѣ. Кѣмъ былъ прежде всего и дольше всего Ковалевскій,—общественнымъ дѣятелемъ, ученымъ изслѣдователемъ, профессоромъ? Вѣроятно, всѣ, въ концѣ концовъ, согласятся на томъ, что Ковалевскій былъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, но что была въ его разнообразной дѣятельности одна господствующая черта, черта учительства, которая придавала своеобразный характеръ его общественной работѣ и ставила опредѣленныя цѣли его научному труду.

Но скажутъ, пожалуй, что нѣтъ достаточныхъ основаній характеризовать Ковалевскаго именно какъ учителя конституціоннаго права? Вѣдь Ковалевскій былъ не только государствовѣдомъ, но и историкомъ, экономистомъ и соціологомъ? Это, конечно, такъ. Однако удѣлять въ научной характеристикѣ

Ковалевскаго видное мѣсто конституціонному учительству вовсе и не значитъ отнимать его у какой-либо изъ тѣхъ научныхъ дисциплинъ, на поприщѣ которыхъ онъ работалъ. Но это значитъ расположить въ связной системѣ отдѣльныя стадіи его біографіи и оттѣнить среди нихъ ту, въ которой научная карьера Ковалевскаго получила свое послѣднее и самое блестящее завершеніе.

Созерцая величественное архитектурное сооруженіе, вы воспринимаете его, какъ цѣлое, но въ то же время вы различаете въ немъ и тяжелыя массы фундамента, и стройныя, стремящіяся въ высь линіи колоннъ, и замыкающій и увѣнчивающій цѣлый куполъ. Научную жизнь Ковалевскаго тоже можно логически расчленить на три части, приблизительно соотвѣтствующія тремъ ея хронологическимъ періодамъ. Въ молодые годы Ковалевскій заложилъ прочный фундаментъ своей ученой дѣятельности, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ собравъ неисчерпаемые запасы историческихъ свѣдѣній. Зрѣлая пора жизни ознаменовалась у него опытами соціологическихъ обобщеній и эволюціонныхъ схемъ. На склонѣ лѣтъ, когда Ковалевскій уже не накоплялъ, а щедрою рукою расточалъ сокровища своихъ знаній, когда учитель рѣшительно возобладалъ въ немъ надъ изслѣдователемъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на вопросахъ конституціоннаго права.

Какъ учителя конституціоннаго права, встрѣтили мы десять лѣтъ тому назадъ знаменитаго изгоя, самыми маршрутами своихъ заграничныхъ странствованій, казалось, предназначеннаго къ роли глашатая прогрессивныхъ началъ западно-европейскаго конституціонализма. Учителя конституціоннаго права видѣли прежде всего многочисленные посѣтители его аудиторій, академическихъ и публичныхъ. Конституціонное учительство обезпечило Ковалевскому и кресло перваго въ Россіи академика политическихъ наукъ.

* * *

Достоинство архитектурнаго замысла опредѣляется внутреннею логическою связностью его элементовъ. Такая внутренняя связность была въ высшей степени присуща могучему зданію научной дѣятельности Ковалевскаго. Историкъ, соціологъ и государствовѣдъ-конституціоналистъ, Ковалевскій никогда не теряетъ нити преемственнаго научнаго развитія. Ковалевскій-историкъ подготовляетъ матеріалы для Ковалевскаго-соціолога,

исторія и соціологія предопредѣляютъ научную „оріентацію" Ковалевскаго-государствовѣда

Темы работъ, исполненныхъ Ковалевскимъ въ первомъ періодѣ, даютъ наглядное представленіе о размахѣ его сравнительно-историческихъ изысканій. Его занимаетъ и „полицейская администрація въ англійскихъ графствахъ" (1877) и „исторія юрисдикціи налоговъ во Франціи" (1877)—вопросы, работа надъ которыми сразу вводитъ его въ сферу средневѣковыхъ государственно-правовыхъ понятій. Но пытливая мысль Ковалевскаго не останавливается на среднихъ вѣкахъ и влечетъ его къ изслѣдованію болѣе раннихъ эпохъ исторіи права, и онъ пишетъ цѣлый рядъ работъ о „современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ" (1886), о „первобытномъ правѣ" (1887), о „законѣ и обычаѣ на Кавказѣ" (1887). Въ этомъ же періодѣ начинаетъ сказываться склонность Ковалевскаго изучать государственно-правовыя явленія въ тѣсной связи съ общественными отношеніями и, въ частности, придавать большое значеніе экономическимъ факторамъ. Эти соціально-экономическія тенденціи находятъ свое отраженіе въ очеркѣ „исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ" (1877), и въ работахъ: „Общинное землевладѣніе и ходъ его разложенія" (1879) и „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ" (1880).

Однако, несравненно важнѣе широты и разнообразія научныхъ интересовъ Ковалевскаго рѣдкая у молодого ученаго увѣренность и опредѣленность его методологическихъ пріемовъ. Ковалевскій уже въ этомъ періодѣ является убѣжденнымъ „компаративистомъ": онъ изучаетъ и собираетъ, чтобы сравнивать и умозаключать. Но онъ не фанатикъ сравненія чего угодно и во что бы то ни стало. Тридцатилѣтній Ковалевскій успѣлъ выработать себѣ совершенно ясные взгляды на то,—какъ, что и для чего можно и должно сравнивать въ исторіи государственныхъ учрежденій. Обоснованію этихъ взглядовъ посвящена брошюра „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права". Брошюра эта вышла въ 1880 году; высказаннымъ въ ней мыслямъ Ковалевскій оставался вѣренъ до конца дней, и явственные отзвуки ихъ можно было разслышать и въ его академическихъ лекціяхъ послѣдняго десятилѣтія и въ его политическихъ рѣчахъ.

Мысль о безполезности простого сопоставленія законодательствъ двухъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ об-

щественнаго развитія, Ковалевскій иллюстрируетъ примѣромъ французскихъ доктринеровъ начала XIX столѣтія, политическое ученіе которыхъ покоилось на наивномъ „пародированіи“ англійскихъ государственныхъ порядковъ. „Сравнивая государственныя учрежденія обѣихъ странъ,—говоритъ Ковалевскій,—и отдавая преимущество англійскимъ, они въ возсозданіи всѣхъ особенностей англійской конституціи съ ея аристократическимъ строемъ, съ ея высокимъ избирательнымъ цензомъ, съ ея, выражаясь однимъ словомъ, феодальными анахронизмами, видѣли, такъ сказать, категорическій императивъ разума... При такомъ перенесеніи цѣликомъ чужихъ нравовъ, обычаевъ и институтовъ, очевидно, не принималось въ расчетъ, что обѣ страны, между которыми производимо было сравненіе, находились на двухъ совершенно различныхъ ступеняхъ развитія, что отсталая въ политическомъ отношеніи Франція далеко опередила Англію въ отношеніи общественномъ, и что поэтому то, что считалось дѣломъ прогресса, было въ дѣйствительности дѣломъ реакціи“. Ковалевскому ясна не только теоретическая безплодность, но и политическая опасность такого „пародированія“. Оно опасно, такъ какъ, „принимая свое произвольное заключеніе за научный выводъ, легко временно навязать странѣ учрежденія и нравы, переворотъ въ которыхъ стоилъ ей многихъ усилій и жертвъ, сжиться съ которыми она болѣе не въ состояніи иначе, какъ подъ условіемъ отказа отъ своего прошлаго—отъ своей исторіи“. Поэтому Ковалевскій отвергаетъ методъ „простого сопоставленія“ и высказывается въ пользу метода историко-сравнительнаго, который, изучая и сравнивая учрежденія различныхъ странъ, никогда не упускаетъ изъ виду вопроса объ уровнѣ ихъ общественнаго развитія. Задача этого метода заключается по Ковалевскому въ томъ, чтобы, „выдѣливши въ особую группу сходные у разныхъ народовъ на сходныхъ ступеняхъ ихъ развитія обычаи и учрежденія, дать тѣмъ самымъ матеріалъ для построенія исторіи прогрессивнаго развитія формъ общежитія и ихъ внѣшняго выраженія—права“.

Двѣ основныхъ идеи вытекаютъ изъ этого разсужденія: идея обусловленности политическихъ формъ общественнымъ строемъ и идея прогрессивнаго развитія этихъ формъ. Здѣсь зерно всего соціологическаго міровоззрѣнія Ковалевскаго.

* * *

Ко второму періоду научной дѣятельности Ковалевскаго относятся оба его капитальныхъ историческихъ труда—„Происхожденіе современной демократіи“ (1895—1912) и „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“ (1898—1903). Тогда же окончательно сложилась его соціологическая доктрина, начала которой онъ изложилъ значительно позднѣе въ литературно-критическомъ обзорѣ „Современные соціологи“ (1905) и въ двухтомномъ теоретическомъ трактатѣ—„Соціологія“ (1910). Научная слава Ковалевскаго въ значительной степени покоится именно на обѣихъ его монументальныхъ историческихъ работахъ, обогатившихъ науку массою новыхъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ и мастерски использованныхъ матеріаловъ. Но для выясненія эволюціи идей Ковалевскаго и здѣсь существеннѣе основныя теоретическія предпосылки и методологическіе пріемы его изслѣдованій, которые имъ самимъ суммированы въ его послѣднихъ по времени появленія работахъ.

Для Ковалевскаго, какъ историка-соціолога, характерно именно то, что онъ, съ одной стороны, изучаетъ исторію демократической доктрины, т.-е. демократическихъ политическихъ идей, а съ другой,—исторію экономическаго быта. Это уже доказываетъ, что въ построеніи теоріи историческаго процесса Ковалевскій былъ органически чуждъ всякой предвзятой узости и факторы идеологическіе цѣнилъ такъ же высоко, какъ и факторы матеріальные. Во вступленіи къ книгѣ „Современные соціологи“ Ковалевскій громко протестуетъ противъ самой постановки вопроса о томъ, „каковы важнѣйшіе и въ частности важнѣйшій факторъ общественныхъ измѣненій“. Послѣдовательный позитивистъ, Ковалевскій относитъ этотъ вопросъ къ категоріи „метафизическихъ“. Онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы „забота объ отысканіи фактора, да вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, была постепенно исключена изъ сферы ближайшихъ задачъ соціологіи“, чтобы „въ полномъ соотвѣтствіи со сложностью общественныхъ явленій она ограничивалась указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ“. Эту свою „завѣтную точку зрѣнія“ Ковалевскій тутъ же поясняетъ прекраснымъ по образности сравненіемъ.—„Говорить о факторѣ, то-есть о центральномъ фактѣ, увлекающемъ за собою всѣ остальные, для него то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды,

которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе".

Такое признаніе принципіальной равноправности всѣхъ „капель рѣчной воды", обусловливающихъ теченіе политической эволюціи, заставляетъ, въ частности, Ковалевскаго удѣлять особое вниманіе дѣятельности, волѣ людей въ исторіи. Въ статьѣ „Государство", написанной для Энциклопедическаго словаря Граната, критикуя органическую теорію, Ковалевскій утверждаетъ, что „одного естественнаго роста недостаточно для развитія государства, нужны еще люди, нужна человѣческая воля". „Государства развиваются и совершенствуются не естественнымъ путемъ, а при самомъ дѣятельномъ участіи людей, ихъ составляющихъ". „Ничто въ государственной жизни само собой не дѣлается, для всякаго измѣненія нуженъ волевой актъ".

Легко понять, какъ этотъ соціологическій „плюрализмъ" долженъ былъ отразиться на общей теоріи прогресса у Ковалевскаго. Соціологъ-„метафизикъ", однажды открывъ свой „первичный факторъ", потомъ чертитъ по одному шаблону предустановленныя, для всѣхъ временъ и народовъ обязательныя, эволюціонныя схемы. Соціолога-позитивиста Ковалевскаго никогда не покидаетъ чувство живой и многообразной дѣйствительности, и, формулируя общіе законы эволюціи государственныхъ учрежденій, онъ считается съ возможностью частныхъ отклоненій и индивидуальныхъ особенностей.

„Сходство въ экономическихъ условіяхъ, — говоритъ Ковалевскій въ своей „Соціологіи",—сходство вытекающихъ отсюда гражданскихъ отношеній, сходство въ уровнѣ знаній,—все это вмѣстѣ взятое обусловливаетъ причину, въ силу которой разноплеменные и разновременные народы открываютъ свое общественное развитіе съ аналогичныхъ стадій". При дальнѣйшей эволюціи также наблюдается „нормальное прохожденіе разноплеменными обществами однѣхъ и тѣхъ же стадій развитія". „Очевидно, что это сходство въ утвержденіяхъ обусловливается общностью вызывающихъ ихъ къ жизни причинъ, источника которыхъ надо искать столько же въ экономическомъ строѣ, въ организаціи производства и обмѣна, въ постепенной замѣнѣ самодовлѣющаго хозяйства хозяйствомъ мѣновымъ, сколько въ ростѣ народной психіи по мѣрѣ накопленія знаній и перехода отъ мистическихъ представленій къ позитивному мышленію,

благопріятному развитію начала самодѣятельности въ ущербъ началу авторитета и традиціи".

Отсюда одинъ шагъ до общаго соціологическаго закона прогресса политическихъ формъ, заключающагося въ томъ, что „каждой изъ стадій", пройденныхъ человѣческимъ обществомъ, соотвѣтствуетъ и свой особый политическій строй: родовой стадіи—племенное княжество, феодальной—сословная монархія, всесословности—сперва благопріятный подъему народныхъ массъ цезаризмъ, а затѣмъ конституціонная и парламентарная монархія и республика, восполняемыя кое-гдѣ тѣми формами прямого народоправства, которыми являются референдумъ и прямой законодательный починъ, исходящій отъ избирателей.

Отсюда и готовность признаватъ заимствованіе за одинъ изъ факторовъ прогресса. — „Когда намъ говорятъ о томъ, — восклицаетъ Ковалевскій,—что тѣ или другіе порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, національные, истинно-русскіе, мы въ правѣ отвѣтить, что утверждать нѣчто подобное значитъ итти противъ уроковъ міровой исторіи, знакомящей насъ съ міровымъ процессомъ подражанія".

Но тутъ-то и приходитъ на помощь Ковалевскому, спасая его отъ одностороннихъ выводовъ, его несравненное чутье жизненнаго многообразія политической исторіи. Полемизируя съ Тардомъ и развивая знакомыя по брошюрѣ объ историко-сравнительномъ методѣ мысли, Ковалевскій предлагаетъ говорить не столько о „заимствованіи", сколько о томъ родѣ „второстепеннаго творчества", какимъ является „приспособленіе".

„Единственная область,—пишетъ онъ, — гдѣ народы дѣйствительно сплошь подражаютъ другъ другу,—это область науки и техники, во всемъ остальномъ они, худо ли, хорошо ли, только приспособляютъ свои собственные порядки и учрежденія къ новымъ требованіямъ, которыя по временамъ, если не постоянно, возникаютъ въ ихъ собственной средѣ. Они приспособляютъ ихъ, видоизмѣняя. Эти измѣненія часто вызываются иностранными образцами, но они только въ томъ случаѣ пускаютъ въ странѣ корни, когда не противорѣчатъ прямо всему тому наслѣдію прошлаго, которое слагается изъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ и учрежденій извѣстнаго народа".

Такова въ своихъ главныхъ чертахъ соціологическая теорія Ковалевскаго,—свободная отъ какого-либо сектантства, при выдержанности и отчетливости основного направленія. Ритористы

находили и будутъ находить въ ней поводы для упрековъ въ эклектизмѣ и въ склонности къ научнымъ компромиссамъ. Люди, способные безпристрастно судить о чужихъ мнѣніяхъ, не откажутъ въ уваженіи этому, по-своему стройному и законченному, ясному и трезвому, здоровому и жизнерадостному ученію.

* *

Теперь мы достигли купола.

Ковалевскій увѣнчалъ свою научную дѣятельность десятилѣтіемъ академическаго учительства въ области конституціоннаго права, учительства единственнаго въ своемъ родѣ по успѣху и блеску. Къ сожалѣнію, отъ этого періода у насъ не осталось печатныхъ трудовъ Ковалевскаго, въ которыхъ были бы изложены въ систематическомъ порядкѣ разнообразные курсы по конституціонному праву, по государственному праву типичныхъ иностранныхъ государствъ, по исторіи политическихъ учрежденій и политическихъ идей, читанные имъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петрограда. Только выпущенная имъ въ началѣ этого періода трехтомная исторія политическихъ ученій, да крайне несовершенныя, студенческія изданія его лекцій,— вотъ и весь матеріалъ, имѣющійся для сужденія о преподаваніи Ковалевскимъ государственнаго права. Но извѣстныя уже изъ соціологическихъ трудовъ воззрѣнія Ковалевскаго на конкретныя науки объ обществѣ, въ связи съ личными воспоминаніями учениковъ и слушателей, позволяютъ твердо намѣтить контуры преподаванія Ковалевскаго и указать, въ чемъ заключался секретъ его неотразимаго очарованія.

Само собою разумѣется, никто не могъ ожидать отъ Ковалевскаго подробнаго догматическаго анализа „государственнаго права знатнѣйшихъ иностранныхъ державъ", какъ одно время назывался его предметъ въ университетскихъ программахъ, или тонкостей юридической конструкціи въ духѣ германской юридической школы. Формально-юридическія конструкціи были для Ковалевскаго „метафизикой". Догмы онъ, конечно, не отрицалъ, но отлично понималъ ея ограниченное научное значеніе.

„Вѣдь что такое догма,—писалъ онъ,—какъ не возможно логическая передача дѣйствующаго права, не заключающая въ себѣ самой никакого критерія пригодности въ настоящемъ и путей дальнѣйшаго развитія; только при помощи исторіи можно отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ данное право является

продуктомъ всего предшествующаго наслоенія юридическихъ нормъ и что въ немъ продолжаетъ стоять въ противорѣчіи съ намѣченными жизнью рѣшеніями, а это значитъ, что безъ исторіи нельзя указать ни органическаго характера законодательства, ни скрывающихся въ немъ несовершенствъ, источникъ которыхъ всецѣло лежитъ въ томъ, что жизнь обогнала юридическое творчество". Поэтому онъ возставалъ противъ „служебнаго положенія, въ какое исторія законодательствъ попала въ догмѣ", и критиковалъ нѣмецкихъ юристовъ за то, что они утратили сознаніе „связи, въ какой право стоитъ съ ростомъ культуры и гражданственности".

Самъ Ковалевскій понималъ и излагалъ государственное право, какъ сравнительную исторію права и учрежденій, видя въ ней одну изъ „конкретныхъ наукъ объ обществѣ, которыя, взамѣнъ доставляемыхъ имъ соціологіей руководящихъ началъ, ставятъ ей необходимыя стропила для постройки науки о порядкѣ и прогрессѣ". Такъ преподаваніе государственнаго права связывалось у Ковалевскаго съ первоосновами его соціологической теоріи, отъ нея получая двѣ своихъ типическихъ черты— строгую „историчность" и, если позволено такъ выразиться, „динамичность".

Нужно ли говорить, какъ благотворно должны были дѣйствовать эти особенности учительства Ковалевскаго? Наша наука государственнаго права тоже пережила свой періодъ увлеченія догмой, какъ таковой, и только послѣднія 15—20 лѣтъ стала приходить къ сознанію связи, существующей между развитіемъ права и „ростомъ культуры и гражданственности". Сомнѣнія въ плодотворности узко-догматическаго изученія права и исканія новыхъ путей пошли не изъ того источника, отъ котораго получила свое начало научная мысль Ковалевскаго. Но со своей „завѣтной точки зрѣнія", своими особыми пріемами Ковалевскій мощно помогалъ русскимъ государствовѣдамъ въ работѣ по преобразованію того музея заводныхъ куколъ и механическихъ игрушекъ, какимъ было государство формально-юридической школы, въ живое царство возникающихъ, развивающихся и отмирающихъ правовыхъ явленій. Въ искусномъ и неизмѣнно остроумномъ изложеніи Ковалевскаго отдѣльные институты современнаго государственнаго строя вставали изъ тѣхъ ящичковъ, по которымъ чинно и аккуратно разложила ихъ юридическая доктрина. Сухіе скелеты государственныхъ

учрежденій облекались въ плоть и кровь реальной жизни и надѣлялись живою душою соотвѣтствующей политической идеологіи. Все вмѣстѣ вставлялось въ тщательно обработанную раму опредѣленной политической и соціальной среды.

Но было бы ошибочно думать, что отъ этого въ мірѣ государственно-правовыхъ явленій получался безнадежный хаосъ. Нѣтъ, большой и полный человѣкъ съ острымъ взглядомъ молодыхъ глазъ и съ милой улыбкой на крупномъ лицѣ, производившій величайшій безпорядокъ въ традиціонныхъ схемахъ юридической систематики, зналъ зато секретъ другого, органическаго порядка, порядка закономѣрной эволюціи. Ковалевскій хорошо помнилъ слѣдующее „эмпирическое обобщеніе" сравнительной исторіи права: „Въ сферѣ общественныхъ и политическихъ учрежденій прогрессъ сказывается въ двустороннемъ процессѣ—въ замѣнѣ гражданскаго неравенства равенствомъ всѣхъ передъ закономъ, судомъ, налогомъ, государственной службой и т. д., а во-вторыхъ, въ процессѣ замѣны внѣшняго руководительства, правительственной опеки—какъ личной самодѣятельностью, такъ и самодѣятельностью общественной".

И здѣсь, гдѣ послѣдніе выводы политической теоріи соприкасаются съ отправными точками политической практики, Ковалевскій выпрямлялся во весь свой богатырскій ростъ, какъ академикъ и какъ политикъ, и давалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ краткій и точный „наказъ".

„Идея обусловленности политическаго прогресса общественнымъ, а послѣдняго накопленіемъ знанія и практическаго опыта, или техники—сама по себѣ идея столько же освободительная, сколько и консервативная. Она одинаково враждебна и индивидуальнымъ попыткамъ повернуть ходъ исторіи, и квіетизму, мирящемуся съ современнымъ зломъ, какъ наслѣдіемъ прошлаго. Она равнозначуща признанію прогресса и въ формахъ правленія, и въ формахъ общественнаго уклада, но въ то же время она настаиваетъ на постепенности этого прогресса и невозможности политическихъ скачковъ".

* * *

Изъ области вопросовъ государственнаго права Ковалевскій интересовался по преимуществу исторіей современнаго конституціонализма, которая была для него съ одной стороны исторіей конституціонныхъ учрежденій, съ другой исторіей консти-

туціонныхъ идей. Связная, хотя и не законченная картина этой исторической эволюціи представлена имъ въ его сочиненіи „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“ (1906). Конечно, какъ историкъ, Ковалевскій не могъ считать монархическій и республиканскій парламентаризмъ—или, по его излюбленному выраженію, „систему самоуправленія общества подъ главенствомъ наслѣдственнаго или избираемаго вождя“—неподвижнымъ предѣломъ политическаго развитія человѣчества. Ковалевскій зналъ, что на парламентаризмѣ „не закончился процессъ творчества политическихъ формъ“ и что „насъ ожидаетъ въ будущемъ не столько гибель, сколько трансформація современнаго государства“. Но даже „привѣтствуя дальнѣйшее развитіе государства въ духѣ равенства и свободы“, онъ все-таки съ особою любовью останавливался на изображеніи современнаго представительнаго строя, настойчиво подчеркивая „рѣшительныя преимущества парламентаризма надъ порядками патріархальной монархіи, устранявшей личную самодѣятельность, и прямого народоправства, уживавшагося съ раздѣленіемъ общества на двѣ неравныя части: бо̀льшую—изъ лицъ безправныхъ, и меньшую—изъ гражданъ“.

Это предпочтеніе современнаго чисто представительнаго государственнаго строя, сближавшее Ковалевскаго съ его французскимъ коллегой, покойнымъ Эсменомъ, было, какъ нельзя болѣе кстати, въ моментъ, на который пришлось возобновленіе его преподавательской дѣятельности. Вернувшись на родину въ разгаръ борьбы за конституціонную реформу, Ковалевскій сразу вошелъ въ кругъ идей, вдохновлявшихъ эту борьбу, и благодаря обаянію своего таланта и неоспоримости своего научнаго авторитета, занялъ высокое и почетное мѣсто несмѣняемаго и общепризнаннаго патрона русской конституціонной мысли. Европеецъ по пріемамъ работы, привычкамъ мышленія, первое время даже по оборотамъ рѣчи, Ковалевскій отдалъ въ эти десять лѣтъ всѣ свои знанія, всю свою энергію, все свое сердце дѣлу проповѣди на Руси здравыхъ понятій о конституціонномъ порядкѣ и конституціонномъ прогрессѣ.

Въ „рѣчномъ теченіи“, обусловливающемъ политическое развитіе Россіи, есть такимъ образомъ и „капля“ Ковалевскаго. Не будемъ нарушать научный завѣтъ покойнаго попытками изолировать и точно учесть долю личнаго его вліянія на ростъ

конституціоннаго сознанія у поколѣній, преемственными усиліями которыхъ совершается политическое обновленіе отечества. Для насъ достаточно знать, что это вліяніе—историческій фактъ, и что среди другихъ фактовъ нашей политической исторіи, оно тоже содѣйствуетъ медленному, но неуклонному движенію Россіи, путями общечеловѣческаго прогресса ко все болѣе и болѣе высокимъ формамъ національнаго бытія.

К. Соколовъ.

Максимъ Ковалевскій и свобода личности.

Какъ торжественны и многолюдны были похороны 26-го марта 1916 года! Какая толпа заполнила улицы, затормозила движеніе большого города; покрыла собою памятники, могилы, даже стѣны того уголка Александро-Невскаго кладбища, гдѣ положили на вѣчный покой учителя и профессора, ученаго и государственнаго мужа, политическаго дѣятеля, замѣчательнаго писателя и достойнѣйшаго гражданина „новой“ Россіи.

Его почтили, его проводили, на могилу его возложили сотни вѣнковъ съ пышными и скромными, трогательными, интимными и офиціальными подписями; надъ нимъ произнесли рѣчи, пропѣли „вѣчную память“, и, съ чувствомъ исполненнаго долга, съ нѣкоторымъ горделивымъ сознаніемъ своего участія въ общественныхъ похоронахъ, величайшихъ за послѣдніе 30 лѣтъ,— всѣ разошлись по домамъ.

Кажется, было сдѣлано все, чтобы выразить признательность, уваженіе, даже поклоненіе ушедшему, а нѣтъ чувства удовлетворенія... Все такъ ничтожно по сравненію съ тѣмъ, что̀ онъ далъ людямъ, что̀ оставилъ послѣ себя и могъ еще дать, если бы судьба подарила ему 10, даже 5 лѣтъ жизни, если бы, любившіе и цѣнившіе его, ежедневно его встрѣчавшіе люди замѣтили полгода раньше, что глаза его смотрятъ куда-то за предѣлы жизни, а сердце начинаетъ уставать и настойчиво требуетъ отдыха.

Эти позднія сожалѣнія, эта возможность, хотя бы и призрачная, удержать его на землѣ, безпокоитъ тѣхъ, кто стоялъ къ нему близко.

Но и дальніе ощущаютъ безпокойство при мысли о незаконченномъ пути крупнаго, единственнаго въ своемъ родѣ, человѣка, котораго пока замѣнитъ некому.

Еще 10 лѣтъ жизни, и Максимъ Ковалевскій навѣрное создалъ бы вокругъ себя школу молодыхъ русскихъ ученыхъ, пробилъ бы стѣну недовѣрія къ наукѣ, которой служилъ, завоевалъ-было прочное мѣсто ей въ Россіи.

Онъ увидѣлъ бы осуществленіе многихъ своихъ идеаловъ въ области государственной жизни.

Онъ навѣрное приблизился бы „къ землѣ", отъ которой былъ далекъ, но которая оказала даже на него свое вліяніе послѣдніе годы, а тогда наша сельская мужицкая Русь стала бы ему не менѣе близка и понятна, чѣмъ интеллигентская Россія всѣхъ слоевъ, считающая его своимъ неотъемлемымъ достояніемъ.

А тогда не понадобилось бы и говорить о его значеніи: для всей мыслящей массы Максимъ Ковалевскій представлялся бы одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ своей эпохи.

Недаромъ онъ обладалъ всѣми данными, всѣми свойствами, создавшими вокругъ него непреодолимое обаяніе, которое нельзя объяснить исключительно политическими или научными заслугами, а слѣдуетъ признать за нѣчто индивидуальное. Американскій философъ Эммерсонъ, пока мало популярный въ Россіи, защищалъ когда-то въ своей наиболѣе распространенной книгѣ, „The Representatives", теорію „выразителей идей". Онъ утверждаетъ, что нѣкоторыя эпохи выдвигаютъ людей, обладающихъ особымъ обаяніемъ не только для современниковъ, но и далеко за предѣлами времени своей непосредственной дѣятельности. Это какъ бы живыя воплощенія идей своего вѣка, своего народа или даже всего человѣчества, „представители идей", какъ ихъ называетъ Эммерсонъ. Кругъ ихъ вліянія крайне широкъ: найдя полноту своего выраженія въ личности, идея закрѣпляетъ за этой послѣдней безсмертіе на землѣ.

За послѣднее десятилѣтіе Россія утратила двухъ людей такого Эммерсоновскаго типа—недаромъ обоихъ мы называемъ кратко: Левъ Толстой и Максимъ Ковалевскій.

Нельзя отрицать силы и непосредственности впечатлѣнія, которое производилъ Л. Толстой не только какъ художникъ, не только какъ мыслитель и дома и за рубежомъ, но всѣмъ своимъ существомъ.

И однако много ли въ дѣйствительности послѣдователей и учениковъ у него. Толстовство врядъ ли переживетъ своего творца, а между тѣмъ именно оно создало ему славу за гра-

ницей исключительную, не сравнимую съ лаврами его и другихъ нашихъ крупныхъ писателей, стоящихъ не ниже его.

Многіе ли серьезно соглашаются съ его парадоксальными и не особенно новыми для человѣчества нравственными и религіозными требованіями, и однако, утверждая, что его главное величіе въ творчествѣ художественномъ,—всѣ чувствуютъ, что это не совсѣмъ вѣрно. Потому что въ крупной фигурѣ Толстого для своего народа и для сосѣдей вылилась идея, чрезвычайно яркая и значительная и характерная для русскаго народнаго генія, вылилась со всѣми ея отрицательными и положительными сторонами „исканія правды на землѣ", сліянія религіознаго настроенія съ практическимъ нравоученіемъ.

Воплотивъ въ себѣ одну изъ типическихъ чертъ своего народа, Левъ Толстой сдѣлался одинаково великъ и для своихъ друзей, и для своихъ враговъ, и безусловно, непреодолимо интересенъ для иностранца, жаждущаго заглянуть въ душу незнакомаго и мало-понятнаго сосѣда.

При полномъ несходствѣ ихъ характеровъ, міровоззрѣнія, склада ума и нравственнаго облика Максимъ Ковалевскій пользовался, и надо думать будетъ пользоваться и въ послѣдующія эпохи (хотя повторяю, жизнь его оборвалась раньше, чѣмъ закончилась его работа), обаяніемъ, если не равнымъ, то во всякомъ случаѣ подобнымъ тому, которое характерно для Толстого.

Разберемся въ причинахъ этой власти его надъ сердцами людей. Какъ ученый, какъ профессоръ, онъ былъ несомнѣнно великъ; отказываешься вѣрить, чтобы одинъ человѣкъ въ теченіе своей не слишкомъ долгой жизни смогъ проработать такую массу матеріала, оставить такое количество серьезнѣйшихъ капитальнѣйшихъ трудовъ, напечатанныхъ и еще ожидающихъ появленія въ свѣтъ. Но вѣдь по правдѣ сказать: многіе ли, кромѣ спеціалистовъ и ученыхъ, эти труды прочли и прочтутъ?

Большинство знаетъ М. М. по его лекціямъ и популярнымъ статьямъ, а славу его, какъ міровой научной силы, берутъ на вѣру.

Какъ лекторъ и ораторъ, онъ производилъ большое впечатлѣніе, но его выступленія привлекали блестящей и образной рѣчью, содержаніе же ихъ было часто выше подготовки аудиторіи. Государственный и общественный дѣятель, онъ былъ крупный, какъ крупна была вся его фигура физическая и моральная, но, не принадлежа ни къ одной партіи, онъ не могъ быть вождемъ ни одного движенія.

Напомнимъ чрезвычайно вѣрную и правильную оцѣнку значенія М. М., которую высказалъ въ своемъ привѣтствіи по поводу возвращенія изъ плѣна одинъ изъ близкихъ ему сотрудниковъ и друзей: „Почему мы такъ радуемся, откуда такое единодушное ликованіе по поводу того, что М. М. вернулся въ нашу среду? Привѣтствуемъ ли мы нашего коллегу-профессора? Но многіе и крупные профессора оставались въ Германіи и съ трудомъ изъ нея вырвались еще недавно. Имѣетъ ли особое значеніе возвращеніе М. М., какъ государственнаго работника? Въ одномъ положеніи съ нимъ находилось немало крупныхъ политическихъ дѣятелей. И однако ничьего возвращенія мы такъ не привѣтствовали. Очевидно, для насъ дорогъ онъ самъ по себѣ, какъ личность, какъ совокупность свойствъ, которыхъ нельзя замѣнить, какъ единственный въ своемъ родѣ человѣкъ дорогой и нужный Россіи".

Этими приблизительно переданными словами (точно мы ихъ не запомнили) опредѣляется полностью отношеніе къ М М. русскаго общества. А многочисленныя статьи и замѣтки въ англійской, французской, американской и пр. прессѣ послѣ его смерти свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ къ нему заграничнаго мыслящаго міра и симпатіяхъ иностранцевъ къ его личности, а не только научнымъ или политическимъ заслугамъ.

Въ отношеніи къ М. Ковалевскому общества болѣе всего поражаетъ единодушіе и непосредственность чувства. Его утрата больно отозвалась раньше, чѣмъ мы стали пытаться изъяснять и толковать его.

И намъ кажется, что секретъ этого обаянія М. М. въ томъ, что онъ былъ тоже выразителемъ идеи, глубоко заложенной въ душѣ русскаго народа.

Это идея „свободы личности" въ самомъ широкомъ объемѣ этого понятія. Не той свободы личности, о которой трактуется въ конституціяхъ различныхъ государствъ, и уже, конечно, не той получившей узкія, назойливыя формы свободы отъ полиціи, которой такъ долго добивалась „обновленная" Россія и даже не той, которая сейчасъ провозглашена въ Россіи подъ краснымъ флагомъ революціи. Нѣтъ, мы разумѣемъ свободу духа, единственную цѣнную и независимую отъ случайныхъ внѣшнихъ условій, — ту свободу, которая въ высокой степени свойственна и понятна русскому народу и которую онъ пронесъ не

тронутой и неугасимой въ глубинѣ своей души сквозь татарское иго и крѣпостное право,—свободу личности, которая у русскаго народа часто вырождалась въ духовную анархію, но еще чаще выливалась въ ни съ чѣмъ несравнимое, спокойное величіе передъ испытаніями и потрясеніями своей тяжкой исторической жизни и передъ лицомъ смерти.

Исканіе правды на землѣ и личная свобода духа—развѣ это не тѣ черты, которыя дѣлали насъ и непонятными и привлекательными, сквозь самую толстую кору русскаго государственнаго быта, для европейцевъ? Развѣ это не тѣ черты, за которыя можно любить русскаго человѣка, невзирая на всю его внѣшнюю нелѣпость, неубранность и распущенность? Вотъ почему намъ такъ дорогъ и близокъ Максимъ, самая сущность котораго заключалась въ собственной личной свободѣ и стремленіи достичь ее во всѣхъ формахъ и для всѣхъ. Если взглянуть на него съ этой точки зрѣнія, то станетъ понятна не только его популярность, но и сущность всѣхъ его свойствъ и отношеній.

Онъ всегда стоялъ выше своей среды, потому что духовная свобода ставитъ человѣка внѣ зависимости отъ условностей, но поэтому-то онъ ея и не судилъ. Мы видѣли и встрѣчали М. М. въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ и группахъ, нигдѣ онъ не сливался съ ними, вездѣ былъ самъ по себѣ, но одинаково умѣлъ извлечь крупицу чистаго золота изъ массы ненужнаго песка.

Онъ никогда не принималъ доктринерски учительнаго тона даже со своими учениками. Свободный самъ, онъ уважалъ до щепетильности малѣйшее проявленіе свободной мысли въ другихъ и не только не стремился подавить его своимъ авторитетомъ, но вызывалъ къ жизни, боялся потушить искорку духа Божія въ комъ бы то ни было.

Онъ никогда не входилъ въ политическія партіи именно ради невозможности свободной душѣ подчиниться партійной дисциплинѣ, невозможности не только признать чужой непререкаемый авторитетъ, но и самому оказывать на кого-либо давленіе своими убѣжденіями.

Его добрыя отношенія съ политическими противниками были общеизвѣстны, и однако никто бы не рѣшился его за нихъ осудить, ибо вытекали они изъ той же широкой свободной души, признававшей право на существованіе не только чужихъ, но и враждебныхъ идей.

Его гнѣвъ, справедливый и благородный, всегда бывалъ направленъ только на одинъ объектъ: препятствія и лицъ ихъ творящихъ къ свободному развитію мысли и личности. Но гнѣвъ легко разрѣшался смѣхомъ, заразительнымъ и порою ироническимъ, а иногда даже добродушно-лукавымъ. Многіе эту черту объясняли незлобивостью, добродушіемъ. Это было не совсѣмъ такъ. Свобода и широта взглядовъ позволяла М. М. сразу становиться на чужую точку зрѣнія, понять и оцѣнить источники и побужденія поступковъ, а личная душевная независимость поднимала его выше зла, дѣлала зло мелкимъ и смѣшнымъ.

Учитель, который учитъ насъ изъ глубины своей сокровищницы извлекать силу, талантъ, умѣнье работать, — идеалъ, съ которымъ рѣдко сталкивается молодежь; учитель, который въ каждомъ изъ нихъ признаетъ свободную личность, — еще рѣже. Мудрено ли, что молодое поколѣніе относилось къ М. М. съ чувствомъ, близкимъ къ поклоненію?

Вся его личная жизнь была не борьбой за свободу, а утвержденіемъ ея, какъ непрекаемаго своего достоянія. И пронеся ее незатронутой черезъ 40 лѣтъ содержательной, яркой и многосторонней жизни, онъ получилъ право завѣщать слѣдующему поколѣнію то, что являлось его „символомъ вѣры“.

„Надо любить Бога, свободу, равенство и прогрессъ“ — сказалъ онъ, умирая, и въ этой формулѣ отразилось его міропониманіе. Богъ, какъ высшая, абсолютная справедливость, идеалъ, лежащій внѣ нашихъ земныхъ возможностей, заключающій въ себѣ и безграничную свободу духа, и равенство людей передъ лицомъ правды, и вѣчное движеніе къ достиженію идеала — прогрессъ. Эта формула, такая ясная, такая свободная отъ страха іудейска передъ политическимъ и идейнымъ сектантствомъ, была, къ сожалѣнію, сужена и тѣмъ искажена нѣкоторыми писавшими о кончинѣ Максима Ковалевскаго. Она, благодаря этому, потеряла свою отвлеченную полноту и стала похожа на политическій лозунгъ.

А между тѣмъ, сказавши именно эти слова, онъ завершилъ кругъ своихъ скитаній и исканій на землѣ и вернулся совершенно и навсегда „домой“—сталъ намъ роднымъ, близкимъ, русскимъ человѣкомъ, не взирая на космополитическое прошлое.

И вся его жизнь освѣтилась особымъ, глубокимъ смысломъ.

Если онъ самъ былъ выразителемъ опредѣленной идеи, то и жизнь его явилась символомъ того пути, по которому невольно

долженъ пройти русскій народный духъ, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до полнаго самоопредѣленія. Путь этотъ ведетъ черезъ долгій искусъ пользованія чужимъ опытомъ и умомъ, черезъ стремленіе къ постиженію общечеловѣческаго во всей его широтѣ, черезъ неспособность замкнуться и сузиться, увлеченіе теоретическими широкими системами, временное отдаленіе и даже отчужденіе отъ своего міра, жажду любви не къ ближнему только, но къ дальнему. Лишь пройдя черезъ эти этапы, возможно намъ возвращеніе домой.

Какъ въ жизни М. М. послѣдней каплей въ чашѣ любви къ „родному“ явился плѣнъ и болѣзненное столкновеніе съ чуждыми цѣлями, такъ и всю нашу русскую колеблющуюся общественность это соприкосновеніе должно было закончить и утвердить. Только нельзя забыть одного. Горечь не вызвала въ душѣ М. М. ненависти. Надо полагать, что и русское народное самоопредѣленіе невозможно построить на основѣ ненависти.

Основа эта непрочна и въ высокой степени чужда русскому духу. Да вѣдь ненависть — это одна изъ худшихъ формъ духовнаго рабства.

Умиралъ М. М. удивительно хорошо, какъ русскій человѣкъ, который вообще умираетъ лучше, нежели живетъ.

Онъ не пытался бороться съ неизбѣжнымъ, но инстинктивно искалъ въ короткія оставшіяся мгновенія того, чего не имѣлъ въ жизни,—семейнаго круга людей, связаннаго съ нимъ кровнымъ родствомъ, связи съ той, въ которой для него воплотилось представленіе о чистой и безкорыстной любви, съ своей покойной матерью, возвращенія къ далекимъ, но дорогимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ. Пока умъ неустанно работалъ надъ устраненіемъ всякихъ невзгодъ и препятствій, которыя могла создать его кончина для близкихъ ему людей и дѣлъ, память сердца влекла его къ образамъ и чувствамъ, ничѣмъ не связаннымъ съ окружающей обстановкой. А такъ какъ онъ былъ духовно свободенъ, то и въ послѣднія мгновенія поступалъ по велѣнію сердца и искалъ утѣшенія въ мысли о личномъ Богѣ и о возможности личнаго безсмертія. Онъ не усумнился выразить свою мысль въ той формѣ, которая смутила небольшую группу свободомыслящихъ близкихъ друзей, но приблизила его къ тѣмъ милліонамъ людей, которые долго, можетъ-быть, не будутъ знать его даже по имени.

Онъ умиралъ съ тихою грустью о незаконченномъ земномъ трудѣ, но при большой любви многихъ людей. У него не было

только самаго близкаго, единственнаго друга. И это было символично. Всю жизнь онъ принадлежалъ всѣмъ и никому. И послѣ смерти никто не получалъ исключительнаго права его оплакивать. Онъ свое богатое духовное наслѣдство оставилъ всему русскому обществу. Забытъ онъ не будетъ, такъ какъ всей своей жизнью заслужилъ безсмертіе, возможное на землѣ. Мы полагаемъ, что только иностранцу надо будетъ пояснять у его памятника, что это онъ былъ крупный соціологъ-профессоръ, государственный человѣкъ; для русскаго общества и народа онъ останется въ памяти, какъ „Максимъ Ковалевскій".

И. К.

Послѣсловіе.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ М. КОВАЛЕВСКАГО. СМЕРТЬ. ПОХОРОНЫ. ОТКЛИКИ ОБЩЕСТВА И ПРЕССЫ.

I.

Изъ австрійскаго плѣна Максимъ Максимовичъ вернулся бодрымъ. И несмотря на то, что лѣтній отдыхъ ему не удался, онъ погрузился въ кипучую работу. Кажется, никогда не читалъ онъ такъ много публичныхъ лекцій, никогда не участвовалъ въ столь многочисленныхъ общественно-политическихъ совѣщаніяхъ и начинаніяхъ, какъ по возвращеніи изъ плѣна весной 1915 года.

Однако отдыхъ ему былъ необходимъ. Не имѣя возможности поѣхать за границу, онъ поѣхалъ на лѣто 1915 г. въ свое имѣніе „Кутъ" Харьковской губ. Но отдыхъ не удался ему и въ это лѣто. Въ іюлѣ были созваны законодательныя палаты, и онъ поспѣшилъ вернуться на свой постъ Члена Государственнаго Совѣта. И снова началась его многообразная научно-политическая работа.

Два неудачныхъ для отдыха лѣта, обиліе отвѣтственной работы и общее напряженное психическое состояніе оказались для организма М. М., могучаго, но уже ослабленнаго возрастомъ и различными болѣзнями, роковыми. Съ осени 1915 г. М. М. началъ чувствовать недомоганіе. Онъ быстрѣе обыкновеннаго утомлялся, менѣе продуктивно работалъ и жаловался на одолѣвающую его, какъ онъ самъ выражался, „сонливость".

Долго не хотѣлъ М. М. помириться съ мыслью, что эти явленія — симптомы надвигающейся болѣзни, и все еще, повидимому, надѣялся, что они исчезнутъ сами собой. Однако они не исчезали, и М. М. принужденъ былъ въ срединѣ осени обратиться къ медицинской помощи проф. В. Н. Сиротинина.

Одновременно онъ отказывается отъ званія президента Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества и прекращаетъ лекціи въ Политехническомъ и Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Однако, несмотря на явную уже болѣзнь, М. М. не прекратилъ совершенно своей научно-политической работы и отказался поѣхать отдыхать на югъ во время Рождественскихъ каникулъ, какъ ни уговаривалъ его проф. Ю. С. Гамбаровъ.

10 февраля 1916 г. онъ выѣхалъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ произнесъ рѣчь въ защиту подоходнаго налога. М. М. считалъ своимъ долгомъ поѣхать защищать законопроектъ о подоходномъ налогѣ. Это былъ его послѣдній выѣздъ и послѣдняя рѣчь.

Болѣзнь сердца пошла быстрыми шагами впередъ. М. М. еще боролся съ ней, не ложился въ постель и пытался продолжать научную работу. Но способность работать падала у него день за днемъ. Онъ быстрѣе и быстрѣе задыхался, плохо спалъ ночи, мучился. Появилась опухоль ногъ, встревожившая М. М. Чаще стали звучать въ его словахъ ноты о смерти. Но какой жаждой жизни, любовью къ землѣ проникнуты были его слова, которыя онъ неоднократно произносилъ: „Мой часъ приходитъ".

Болѣзнь принимала серьезный оборотъ, и это вызвало тревогу среди близкихъ М. М. Общими усиліями ихъ былъ организованъ медицинскій уходъ за М. М. Кромѣ лицъ, упоминавшихся выше *), ближайшее участіе въ этомъ принимали проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Л. Овсянико-Куликовская, проф. Л. I. Петражицкій, Н. Н. Черносвитовъ, М. В. Ватсонъ, дочь покойнаго друга М. М. — Т. И. Иванюкова, В. С. Пергаментъ, О. Х. Аджемова, Э. Л. Штембергъ. Причемъ О. Х. Аджемова впослѣдствіи приняла въ память о М. М. ближайшее участіе въ Л. А. Лоренцини.

Изъ врачей, кромѣ руководившаго лѣченіемъ проф. В. Н. Сиротинина, наиболѣе близкое участіе принимали Н. Г. Куковѣровъ, проф. Н. Ф. Чигаевъ, проф. Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Нечаевъ, Р. Ю. Геровскій, К. Ф. Всеволожскій и И. В. Кривоноговъ.

Тревога изъ круга ближайшихъ къ М. М. лицъ проникла въ прессу и въ общество. Въ газетахъ появились тревожныя извѣстія о болѣзни М. М. Десятки общественныхъ и научныхъ дѣятелей заѣзжали ежедневно справиться о его здоровьѣ.

---

*) См. статью Е. К. въ настоящемъ сборникѣ.

Нѣкоторое время казалось, что еще была надежда на выздоровленiе М. М. Онъ интересовался ходомъ общественныхъ и военныхъ событий и съ вѣрой смотрѣлъ, хотѣлъ такъ смотрѣть, впередъ.

Однако ночью съ 16 на 17 марта въ положенiи М. М. наступило рѣзкое ухудшенiе, страданiя усилились. Врачи прибѣгли и уже не переставали прибѣгать къ наркотическимъ веществамъ. М. М. вызвалъ къ себѣ своего племянника, члена Гос. Думы Е. П. Ковалевскаго, чтобы сдѣлать послѣднiя распоряженiя, и съ тѣхъ поръ уже не отпускалъ его отъ себя до самой смерти.

Тревога среди близкихъ и въ обществѣ увеличилась. Въ газетахъ появились офицiальные бюллетени о ходѣ болѣзни. Отовсюду шли телеграфныя и письменныя пожеланiя здоровья М. М.

М. М. мужественно переносилъ страданiя. Какъ ни трудно было ему говорить, онъ временами спрашивалъ о новостяхъ. Но это была уже агонiя, за ходомъ которой съ тревогой слѣдила вся мыслящая Россiя.

Болѣзнь М. М. совпала со временемъ болѣзни другого крупнаго русскаго человѣка, заброшеннаго судьбой на берега Сены, въ Парижъ,—И. И. Мечникова. Умирающiй М. М. еще продиктовалъ телеграмму И. И. Мечникову, въ которой, сообщая о своей болѣзни, спрашивалъ его о здоровьѣ. Отвѣтъ И. И. Мечникова, пришедшiй черезъ нѣсколько дней, уже не засталъ въ живыхъ М. М.

II.

М. М. скончался 23-го марта 1916 г. въ 2 ч. 10 м. дня. Его смерть обратилась въ крупное общественное событiе.

Прежде всего откликнулась пресса. Всѣ почти русскiя газеты, а потомъ и журналы были полны статей и замѣтокъ о М. М. Съ различныхъ сторонъ и различныхъ точекъ зрѣнiя освѣщалась личность покойнаго. Но во всѣхъ характеристикахъ было нѣчто общее. Всѣ, начиная отъ близкихъ друзей М. М., вплоть до людей, стоявшихъ въ другомъ общественномъ лагерѣ, отъ И. И. Мечникова, А. Ѳ. Кони и К. К. Арсеньева, до М. О. Меньшикова и предсѣдателя Гос. Совѣта А. Н. Куломзина, признавали, что понесена тяжелая утрата, утрата для науки и общественности, что умеръ человѣкъ исключительныхъ качествъ души.

Однако не только русская пресса оплакивала смерть М. М., то же самое дѣлала заграничная пресса, особенно французская. Matin, Temps, Humanité, La Victoire, Figaro, Echo de Paris, Homme Enchaîné, The Times, Daily Mail, Corriere della sera и многіе другіе органы заграничной печати откликнулись на смерть М. М. „Наука, общество и политическій міръ Россіи,—писала „la Paix par le Droit“,—потеряли одного изъ самыхъ великихъ и знаменитыхъ своихъ представителей, который былъ для иностранцевъ чистѣйшей славой Россіи“. А потому „Россія въ траурѣ“, („Temps“); „но это трауръ одновременно для всей европейской науки“ (Homme Enchaîné); она потеряла одного изъ лучшихъ своихъ представителей; это трауръ для либеральныхъ гражданскихъ идей: они потеряли одного изъ лучшихъ своихъ защитниковъ.

Но пресса явилась лишь выразительницей широкой общественной скорби объ утратѣ М. М. Доказательствомъ тому служило плотное кольцо друзей, сотрудниковъ, почитателей и учениковъ М. М., которые тѣснились около его гроба; доказательствомъ тому служило множество телеграммъ и писемъ, которыя были получены кругомъ ближайшихъ друзей М. М и редакціей „Вѣстника Европы“, отъ различныхъ частныхъ лицъ, учрежденій, и организацій, а также множество резолюцій, вынесенныхъ этими учрежденіями и организаціями.

Телеграммы съ выраженіемъ сочувствія были получены отъ группы членовъ первой Государственной Думы, отъ трудовой фракціи 4-й Государственной Думы, отъ Кіевскаго Комитета партіи народной свободы, отъ совѣта общества сближенія между Россіей и Америкой, отъ Московскаго Юридическаго Собранія, отъ Московскаго Археологическаго общества, отъ общаго собранія союза 31 культурно-просвѣтительныхъ обществъ Грузіи, отъ Русско-Чешскаго Общества памяти Яна Гуса въ Москвѣ, отъ общества распространенія образованія среди горцевъ Терской области, отъ общества распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ, отъ старшинъ Петроградскаго общественнаго собранія „Громада“, отъ Петроградской Городской Думы, отъ Уфимской Губ. Зем. Управы, отъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, отъ „Южнаго края“, отъ группы прапорщиковъ дѣйствующей арміи и мн. др.

Въ этихъ телеграммахъ выражается та же скорбь, что̀ и въ прессѣ,—скорбь объ утратѣ „мощнаго голоса, неизмѣнно зва-

вшаго къ неуклонному служенію общественнымъ идеаламъ" (Уфимская Зем. Управа), скорбь объ утратѣ „великаго гражданина нашей родины" (Моск. Юрид. Собр.), „о великой утратѣ, понесенной наукой и литературой" („Русскія Вѣдомости").

Не менѣе горячо откликнулось на смерть М. М. Ковалевскаго и общество Франціи. Соціалистическая группа парламента, узнавъ о смерти М. М., единогласно, въ присутствіи двухъ министровъ-соціалистовъ, Самба и Тома, приняла слѣдующую резолюцію: „Соціалистическая группа парламента, опечаленная извѣстіемъ о внезапной кончинѣ великаго русскаго ученаго и демократа Максима Ковалевскаго, делегата русскихъ Университетовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, одного изъ корифеевъ мысли и русской современной науки, приноситъ семьѣ покойнаго и всѣмъ его политическимъ друзьямъ выраженіе глубокаго соболѣзнованія о тяжкой потерѣ, постигшей дѣло освобожденія русскаго народа". Президентъ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ заявилъ, что „академія присоединяется къ трауру Россіи и Франціи, глубоко опечаленная смертью Максима Ковалевскаго, своего члена-корреспондента". Аналогичныя резолюціи были приняты во Франціи республиканско-соціалистической группой палаты депутатовъ, парламентской комиссіей по иностраннымъ дѣламъ, лигой защиты правъ человѣка и другими учрежденіями и организаціями.

На ряду съ такимъ непосредственнымъ откликомъ французскихъ и русскихъ общественно-государственныхъ учрежденій и организацій, необходимо поставить столь же непосредственный и глубоко-скорбный откликъ отдѣльныхъ представителей общественной политической и научной дѣятельности. „Смерть Максима Максимовича Ковалевскаго,—писалъ еще жившій тогда, хотя и больной И. И. Мечниковъ,—является тяжкой утратой для всей науки. Не много ученыхъ, которые обладали бы такою, какъ онъ, полнотой знаній въ области наукъ политическихъ и моральныхъ. Мы оплакиваемъ не столько политическаго дѣятеля, сколько ученаго. Я теряю въ покойномъ стариннаго испытаннаго друга, къ которому питалъ самую горячую привязанность. Я любилъ его возвышенный характеръ, цѣнилъ его неутомимую дѣятельность и легкую успѣшность въ работѣ". Знаменитый французскій соціологъ Эмиль Дюркгеймъ заявилъ: „Я удрученъ печальной вѣстью. Максимъ Ковалевскій былъ ученый

высокой совѣсти, большой цѣны. Всѣ во Франціи чтили его. Это былъ также человѣкъ сердца, горячій защитникъ либеральныхъ идей. Россія и міръ науки понесли большую потерю". Тѣ же ноты звучатъ и въ заявленіяхъ соціолога Рене Вормса, профессора Дени, директора „Collège de France" Мориса Круассе, внука Карла Маркса — французскаго депутата Жана Лонге, проф. Эмиля Гомана, англійскаго посла въ Россіи сера Джорджа Бьюкенена и многихъ другихъ.

За такими непосредственными, такъ сказать, сердечными откликами на смерть М. М. со стороны общества послѣдовалъ рядъ торжественныхъ засѣданій ученыхъ и общественныхъ учрежденій, посвященныхъ памяти покойнаго.

Уже 28-го марта Совѣтъ Литературно-общественнаго кружка имени А. И. Герцена устроилъ въ Александровскомъ Залѣ Петроградской Городской Думы вечеръ, посвященный памяти М. М. Здѣсь были произнесены рѣчи чл. Гос. Сов. А. В. Васильевымъ, проф. Д. Д. Гриммомъ, акад. Н. А. Котляревскимъ, чл. Гос. Думы П. Н. Милюковымъ, В. А. Мякотинымъ, чл. Гос. Думы Ѳ. И. Родичевымъ, д-ромъ А. Н. Шабановой и прив.-доц. Б. Е. Шацкимъ. Затѣмъ 1-го мая 1916 г. состоялось засѣданіе Юридическаго Общества, на которомъ памяти М. М. были посвящены рѣчи проф. Д. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Собраніе Русскаго Антропологическаго общества 3-го мая также отчасти было посвящено памяти М. М. Кромѣ того, состоялся рядъ научныхъ собраній, посвященныхъ М. М. въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при широкомъ активномъ участіи студенчества, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ.

Но если такъ, если покойный М. М. занималъ столь видное и признанное мѣсто въ глазахъ общества, если личность его была столь обаятельна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что гробъ его утопалъ въ живыхъ цвѣтахъ и вѣнкахъ, что хоронила его многотысячная толпа его друзей, соратниковъ, противниковъ, почитателей и учениковъ.

Безчисленное множество вѣнковъ и разноцвѣтныя ленты ихъ говорили о той же любви къ М. М., говорили о той же понесенной утратѣ, о тѣхъ же выдающихся чертахъ покойнаго. „Борцу за свободу, равенство и прогрессъ", „Неутомимому борцу за освобожденіе", — гласили надписи нѣкоторыхъ вѣнковъ. „Смерть не дала тебѣ стать первымъ въ свободной Россіи" съ горечью признаютъ своей надписью студенты-политехники.

Надписи другихъ вѣнковъ называютъ М. М. „незабвеннымъ защитникомъ малыхъ народовъ“. Слѣдующія надписи отмѣчаютъ заслуги М. М. въ области науки и воспитанія. „Дорогому незабвенному учителю“ — говоритъ надпись вѣнка отъ учениковъ. Наконецъ были надписи и еще болѣе интимнаго и нѣжнаго характера, называющія М. М. просто „дорогимъ другомъ“, „человѣкомъ“ и т. д.

Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ вѣнковъ. Въ числѣ прочихъ были возложены на гробъ вѣнки отъ различныхъ Университетовъ, отъ Политехническаго и Психо-Неврологическаго Институтовъ, отъ студентовъ и курсистокъ различныхъ учебныхъ заведеній, отъ многихъ редакцій журналовъ и газетъ; отъ различныхъ фракцій Госуд. Думы, отъ перводумцевъ, отъ юридическаго отдѣла Союза Городовъ и отъ другихъ общественныхъ организацій и частныхъ лицъ.

III.

Похороны М. М. носили грандіозный характеръ. „Съ 1905 г., съ похоронъ ректора Московскаго Университета кн. Трубецкого,—писала „Рѣчь“,—столица не видала такой торжественной процессіи“.

Въ день похоронъ 26-го марта 1916 г. съ самаго ранняго утра на Моховой улицѣ, гдѣ жилъ покойный, началъ прибывать народъ и къ моменту выноса тѣла, къ 10-ти часамъ утра, улица представляла море человѣческихъ головъ. Во всякомъ случаѣ число прибывшихъ хоронить М. М. людей измѣрялось тысячами. Преобладало студенчество. Прибыло нѣсколько делегацій отъ различныхъ учебныхъ заведеній и другихъ учрежденій.

Въ 10 часовъ гробъ былъ вынесенъ на рукахъ членомъ Г. Д. Е. П. Ковалевскимъ, проф. Д. Д. Гриммомъ, ректоромъ Петроградскаго Университета Э. Д. Гриммомъ, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ, проф. А. С. Постниковымъ и др. и на рукахъ же его понесли въ церковь св. Симеонія и Анны (на Моховой). Здѣсь было совершено отпѣваніе ректоромъ Академіи епископомъ Анастасіемъ.

По его окончаніи,—а къ этому времени численность толпы возросла,—грандіозная траурная процессія двинулась съ Моховой по Фонтанкѣ къ Невскому просп. Гробъ несли на рукахъ студенты. Студенты же для поддержанія порядка образовали живую цѣпь вокругъ гроба и многочисленныхъ колесницъ съ вѣнками.

Пѣлъ студенческій хоръ. На углу Невскаго и Фонтанки гробъ поставили на катафалкъ, и грандіозная процессія въ строгомъ порядкѣ направилась по Невскому къ Александро-Невской Лаврѣ — мѣсту погребенія М. М.

По улицамъ, гдѣ двигалась процессія, пришлось пріостановить движеніе трамваевъ и экипажей: улицы были запружены народомъ. Люди толпились на балконахъ и въ окнахъ домовъ. А масса ихъ все росла и росла.

Тѣсное, непроницаемое людское кольцо окружило могилу. Подъ звуки „вѣчной памяти“ гробъ опустили въ нее.

Еще надъ раскрытой могилой были произнесены рѣчи чл. Госуд. Совѣта Д. Д. Гриммомъ, чл. Гос. Думы П. Н. Милюковымъ, чл. Гос. Думы Ѳ. И. Родичевымъ, чл. Госуд. Думы И. Н. Ефремовымъ, редакторомъ „Вѣстника Европы“ проф. А. С. Постниковымъ, академикомъ В. М. Бехтеревымъ, деканомъ Политехническаго Института проф. Л. А. Гусаковымъ, кн. Микеладзе отъ грузинскаго общества, прис. пов. С. Е. Кальмановичемъ, какъ представителемъ еврейства, П. А. Сорокинымъ отъ лица учениковъ и представителемъ трезвенниковъ.

Кончились рѣчи. Нѣсколько разъ раздались еще звуки „Вѣчной памяти“... Скоро могила была засыпана. Начало смеркаться. Но люди расходились съ кладбища медленно.

IV.

Для памятника на могилѣ М. М. душеприказчикомъ его Е. П. Ковалевскимъ былъ заказанъ бронзовый бюстъ, исполненный скульпторомъ академикомъ И. Я. Гинцбургомъ. Бюстъ былъ вылѣпленъ при помощи маски, снятой съ лица покойнаго, и послѣднихъ фотографій. Онъ оказался чрезвычайно удачнымъ и вполнѣ передаетъ фигуру, взглядъ и осанку Максима Максимовича. Копіи съ этого бюста отосланы въ Московскій и Харьковскій Университеты, въ Академію Наукъ, Психо-Неврологическій Институтъ и въ имѣніе покойнаго „Двурѣчный Кутъ“ вблизи Харькова. На гранитномъ памятникѣ, поставленномъ на могилѣ, написаны по бокамъ названія шести главнѣйшихъ научныхъ трудовъ Максима Максимовича, а на задней стѣнкѣ надпись: „Историку и учителю права, борцу за свободу, равенство и прогрессъ“.

Памятникъ на могилѣ М. М. Ковалевскаго.

Изъ портретовъ масляными красками извѣстныхъ художниковъ имѣются два: одинъ, писанный В. А. Маковскимъ въ 1910 г., и другой — Бразомъ въ 1898 г. Первый находился въ квартирѣ покойнаго, а второй составлялъ собственность художника и оставался у него. Послѣдній портретъ пріобрѣтенъ душеприказчикомъ и предоставленъ Академіи Наукъ для конференцъ-зала. Копіи съ портретовъ отосланы въ Московскій и Харьковскій Университеты. Въ Харьковскій Университетъ, кромѣ упомянутыхъ выше портрета и бюста покойнаго, посланы два предмета изъ художественныхъ произведеній, бывшихъ въ гостиной М. М., для музея изящныхъ искусствъ древности, — мраморный бюстъ Ж. Ж. Руссо и бронза „Мальчикъ-водоносъ". Душеприказчикъ надѣется, что при ликвидаціи библіотеки въ Болье часть книгъ можетъ быть выдѣлена и для Харьковскаго Университета, во всякомъ случаѣ туда еще поступятъ нѣкоторые предметы для музея.

Умирая М. М. оставилъ Московскому Университету два капитала: одинъ — на ежегодную выдачу премій за лучшее сочиненіе по сравнительной исторіи права и по всеобщей исторіи поочередно, а другой — на учрежденіе семи стипендій (4 — на юридическомъ и 3 — на историко-филологическомъ факультетахъ) по разряду историческихъ наукъ и, кромѣ того, великолѣпную библіотеку, заключающую въ себѣ систематическій подборъ книгъ по историческимъ, политическимъ и юридическимъ наукамъ и рядъ чрезвычайно рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій — всего въ количествѣ свыше 15.000 книгъ, не считая брошюръ. Библіотека эта, уже переданная Московскому Университету, будетъ носить имя жертвователя и должна быть доступна для всѣхъ лицъ, работающихъ и интересующихся вопросами исторіи, права и соціологіи. Харьковскому Университету М. М. оставилъ тоже капиталъ на 7 стипендій, а Харьковскому уѣздному земству капиталъ на стипендіи для учениковъ начальной школы въ селеніи „Двурѣчный Кутъ". Стипендіи должны даваться учащимся, которые, оканчивая съ успѣхомъ курсъ школы, пожелаютъ продолжать ученіе въ педагогическомъ, сельскохозяйственномъ или техническомъ училищѣ. Харьковское Земское Собраніе сессіи 1916 года, принявъ даръ М. М., постановило учредить въ память его при Харьковскомъ Университетѣ и при Высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи г. Харькова по одной именной стипендіи, по 300 рублей каждая, для уроженцевъ

Харьковской губерніи безъ различія пола и сословія, а Купянской школѣ присвоить имя М. М. Ковалевскаго. Обширная и очень цѣнная библіотека покойнаго, находящаяся во Франціи, въ Болье, въ его виллѣ Батава, предназначается Академіи Наукъ. Библіотека заключаетъ въ себѣ тоже нѣсколько тысячъ томовъ, но преимущественно сочиненій на иностранныхъ языкахъ. Война помѣшала немедленной доставкѣ ея въ Россію. Пока въ Академію поступили сочиненія М. М. въ рукописяхъ и рядъ рукописей, какъ представляющихъ собственноручныя выписки М. М. изъ различныхъ архивовъ, преимущественно Венеціи, такъ и другіе рукописные матеріалы. Въ Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ передана обстановка кабинета М. М. въ Петроградѣ.

Беллетристическая библіотека, помѣщавшаяся въ петроградской квартирѣ, отдѣльно отъ научной передана въ Высшее начальное училище въ Волоконовкѣ, а небольшая библіотека изъ книгъ преимущественно по государственному праву отдана соотвѣтствующему кабинету при юридическомъ факультетѣ Петроградскаго Университета.

Въ усадьбѣ покойнаго, доставшейся его крестнику Максиму (Евграфовичу) Ковалевскому младшему, отдѣлена библіотечная комната для устройства въ ней музея, куда собираются всѣ портреты, картины, фотографіи, разные документы и предметы, имѣющіе отношеніе къ М. М. и представляющіе также семейный интересъ. Туда же поступятъ и ленты съ многочисленныхъ вѣнковъ, возложенныхъ на могилу М. М. различными депутаціями и отдѣльными лицами.

V.

Весной 1916 г. состоялось учрежденіе „Русскаго Соціологическаго общества имени М. М. Ковалевскаго". Общество „имѣетъ своей задачей разработку вопросовъ соціологіи и другихъ общественныхъ наукъ, а также распространеніе знаній по этимъ наукамъ". (Уставъ общества, ст. 1). Такимъ образомъ общество продолжаетъ дѣло М. М. и разработку любимыхъ имъ общественныхъ наукъ и въ частности соціологіи. Общество уже насчитываетъ до 70 членовъ. Въ составъ его входятъ всѣ наиболѣе видные представители общественныхъ наукъ въ Петроградѣ. Общимъ собраніемъ общества проф. Н. И. Карѣевъ и чл. Гос. Думы Е. П. Ковалевскій были избраны почетными членами общества.

Общество помѣщается на курсахъ Лесгафта (Англійскій пр. 32, Петроградъ). Оно имѣло, кромѣ предварительно - организаціонныхъ, два научныхъ засѣданія. На первомъ былъ избранъ президіумъ, въ который вошли: предсѣдателемъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, товарищами предсѣдателя проф. В. А. Вагнеръ и проф. С. К. Гогель, казначеемъ Я. М. Магазинеръ и секретаремъ П. А. Сорокинъ. На томъ же собраніи проф. Н. И. Карѣевъ прочиталъ докладъ „М. М. Ковалевскій, какъ соціологъ".

Второе засѣданіе было посвящено обсужденію доклада М. Е. Кулишера на тему: „Къ вопросу о причинахъ Германо-Европейской войны". Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Первые шаги общества показали, что есть надежда на успѣшную работу этого учрежденія памяти М. М.

Наконецъ и настоящій сборникъ также является однимъ изъ способовъ увѣковѣченія памяти М. М., какъ „духовный вѣнокъ", возлагаемый на его могилу друзьями, почитателями и учениками.

Списокъ трудовъ М. М. Ковалевскаго *).

Списокъ сокращеній.

В. В.—Вѣстникъ Воспитанія.
В. Е.—Вѣстникъ Европы.
Ж. М. Ю.—Журналъ Министерства Юстиціи.
К. О.—Критическое Обозрѣніе.
О.—Образованіе.
Р. Б.—Русское Богатство.
Р. М.—Русская Мысль.
С. В.—Сѣверный Вѣстникъ.
Э. О.—Этнографическое Обозрѣніе.
Ю. В.—Юридическій Вѣстникъ.

1876. Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ. Лондонъ. 1876. 8⁰. Стр. 38.

(Нѣмецкое изданіе: Цюрихъ. 1877).

Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ и мировые судьи, какъ судебные разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими. Лондонъ. 1876. 8⁰. Стр. 36.

Собраніе актовъ и документовъ, служащихъ къ характеристикѣ полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, предшествуемое монографіей о полиціи рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ. Приложеніе къ исторіи полицейской администраціи въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ до смерти Эдуарда III. Лондонъ. 1876. 8⁰. Стр. 36.

1877. Исторія полицейской администраціи и полицейскаго суда въ англійскихъ графствахъ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Эдуарда III. Къ вопросу о возникновеніи мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Прага. 1877. 8⁰. Стр. 2 + 219 (Магистерская диссертація).

Опыты по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи XIV вѣка до смерти Людовика XIV. Т. I. Юрисдикція налоговъ въ провинціяхъ, удержавшихъ сословное представительство. Вып. I. Происхожденіе юрисдикціи налоговъ во Франціи. — Юрисдикція налоговъ въ Лангедокѣ. М. 1877. 8⁰. Стр. X + XXIV + 186 + VII.

---

*) *Отъ составителя.* Въ составленіи настоящей библіографіи неоцѣнимую услугу оказали мнѣ Б. Л. Модзалевскій и В. М. Шиловъ. Безъ ихъ участія библіографія не была бы составлена. Я приношу имъ обоимъ глубокую благодарность.

Въ спискѣ сочиненія М. М. Ковалевскаго расположены по годамъ ихъ появленія. Мы стремились включить въ списокъ всѣ отдѣльные труды покойнаго, журнальныя статьи, статьи въ неперіодическихъ изданіяхъ и предисловія къ сочиненіямъ другихъ авторовъ. Газетныя статьи въ списокъ не вошли.

Н. Д. Кондратьевъ.

Положенія изъ диссертаціи. „Исторія полицейской администраціи" . . . . . 99. Харьковъ. 1877. 8⁰. Стр. 6.

1878. О методологическихъ пріемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учрежденій. (Вступительная лекція къ курсу сравнительной исторіи права) Ю. В. 1878. 1. Стр. 3—24.

Критическая замѣтка. Матеріалы для изученія Болгаріи. В. Е. 1878. 3. Стр. 436—441.

(Отд. отт. М. 1878. 8⁰).

Общинное землевладѣніе. Причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Ч. I. Общинное землевладѣніе въ колоніяхъ и вліяніе поземельной политики на его разложеніе. М. 1879. 8⁰. Стр. 6 нен. + VII + 235.

Нассе. „О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи". К. О. 1879. 1.

Среди журналовъ. „Слово". Декабрь 1878 г. К. О. 1879. 1.

Луи Бланъ. „Біографія Монтескье". К. О. 1879. 3.

1879. Де-Воланъ. „Угорская Русь". К. О. 1879. 4.

Отвѣтъ пр. Чичерину. К. О. 1879. 4.

Сборникъ народно-юридическихъ обычаевъ, изданный Матвѣевымъ. К. О. 1879. 4.

Лучицкій. „Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XIV". К. О. 1879. 15.

Еще о Самоквасовѣ и его методологическихъ пріемахъ. К. О. 1879. 8.

Карѣевъ. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII в." К. О. 1879. 9.

По поводу новаго сочиненія о Локкѣ. К. О. 1879. 13.

Иностранное вліяніе на политическую мысль Англіи въ XII и XIII столѣтіяхъ. Ю. В. 1879. 1, 2, 7.

1880. Англійская конституція и ея историкъ Стеббсъ. Изданіе А. Л. Васильева. М. 1880. 8⁰. Стр. 61.

Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія права. М. 1880. 8⁰. Стр. 72.

Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880. 8⁰. Стр. 396.

Э. Фриманъ и В. Стеббсъ. „Очерки по исторіи англійской конституціи". Переводъ съ англійскаго студентовъ Московскаго Университета подъ редакціей М. Ковалевскаго. М. 1880. 8⁰. Стр. 2 нен. + XVI + 325.

1883. Поземельная политика сѣверо-американцевъ. Р. М. 1883. 4.

Поземельныя и сословныя отношенія у горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Р. М. 1883. 12.

1884. Г. С. Мэнъ. „Древній законъ и обычай. Изслѣдованіе по исторіи древняго права". Переводъ съ англійскаго А. Аммона и В. Дерюжинскаго, подъ редакціей М. Ковалевскаго. Изданіе редакціи Юридическаго Вѣстника. М. 1884.

Въ городскихъ обществахъ Кабарды. В. Е. 1884. 4. Стр. 540—588

Шестой Археологическій съѣздъ въ Одессѣ. В. Е. 1884. 12. Стр. 835—845.

Новыя данныя о пребываніи Петра въ Парижѣ. Р. М. 1884. 1.

О трудѣ г. Иванюкова по исторіи крѣпостного права въ Россіи. Ю. В. 1884. 5—6.

1885. Мѣстное самоуправленіе въ Америкѣ. В. Е. 1885. 2. Стр. 793—820.

Памяти графа А. С. Уварова. В. Е. 1885. 2. Стр. 883—889.

Національный вопросъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ. В. Е. 1885. 6. Стр. 677—731.

Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. Ю. В. 1885. 1. Стр. 36—69.

Нѣкоторыя архаическія черты семейнаго и наслѣдственнаго права осетинъ. Ю. В. 1885. 6—7.

Нѣкоторыя архаическія черты семейнаго и наслѣдственнаго права. Ю. В. 1885.

1886. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Т. I — II. М. 1886. 8⁰. стр. VII + 2 нен. + 340; 410 + II.

(Есть переводъ на французскій языкъ. Изд. 1893 г.).

Первобытное право. Вып. I. Родъ. Вып. II. Семья. М. 1886. 8⁰. Стр. 167; 169.

Современный обычай и древній законъ.

У подошвы Эльбруса. В. Е. 1886. 1—2. Стр. 553—580.

Кризисъ въ западныхъ конституціяхъ. В. Е. 1886. 5. Стр. 161—202.

Въ Сванетіи. В. Е. 1886. 8—9.

Обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области политической литературы въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и Германіи. С. В. 1886. 11.

О русскихъ и другихъ православныхъ рабочихъ въ Испаніи. Ю. В. 1886. 2. Стр. 238—254.

Древне-германская марка (отвѣтъ Фюстель де-Куланжу) Ю. В. 1886. 4. Стр. 675—699.

(Есть отдѣльный оттискъ).

Взглядъ на исторію и современное состояніе мѣстнаго самоуправленія въ Англіи. Ю. В. 1886. 6—7. Стр. 259—284.

1887. Происхожденіе частнаго землевладѣнія у аллеминовъ. Ю. В. 1887. 1 — 2. Стр. 3—20; 239—263.

Взглядъ на исторію русской дипломатіи въ Швеціи. (На основаніи данныхъ Королевскаго Архива въ Стокгольмѣ). Ю. В. 1887. 5. Стр. 16—57.

1888. Early Englisch Land Tenures, I. Mr. P. Vinogradoffs Work—law Quarterly Review. Vol. IV. London. 1888. 8⁰. p. 266.

Родовое устройство Дагестана. Ю. В. 1888. 12. Стр. 513—551.

Пшавы (этнографическій очеркъ)—Ю. В. 1888. 2. Стр. 193—226.

Секуляризація монастырской собственности въ Англіи. Р. М. 1888. 1—2. Стр. 112—126; 98—131.

1889. Сельская община въ Закавказьѣ. Ю. В. 1889. 6. Стр. 341—352.

Декларація правъ человѣка и гражданина. Ю. В. 1889. 8. Стр. 445—477.

1890. Законъ и обычай на Кавказѣ. I, II. М. 1890. 8⁰. Стр. 290; 304.

Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriéte. Stockholm. 1890. 8⁰. Стр. 2002.

(Есть испанскій переводъ А. Феррера. 1913; русск. перев. Спб. 1895 г.).

1891. Modern Custom and Ancient law in Russia. 1891. (Лекціи, читанныя въ Оксфордѣ).

Общественный строй Англіи въ эпоху республики. Спб. 1891.

1892. Англоманія и американофильство во Франціи XVIII в. очерки. В. Е. 1892. 11—12. Стр. 5—35; 445—477.

Родоначальники англійскаго радикализма. Р. М. 1892. 1—3. Стр. 1—17; 46—62; 36—58.

Трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украйнѣ. (Перев. съ французскаго Н. В—чъ) Ю. В. 1892. 5—6.

Политическая доктрина Франціи прошлаго столѣтія. Ю. В. 1892. 11. Стр. 327—367.

1893. Coutume contemporaine et loi ancienne. Droit coutumier ossétien, éclairè par l'histoire comparée. Paris. 1893. Стр. X + 517.

Крестьянское хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ. Р. Б. 1893. 2—4.

Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи Р. М. 1893. 2. Стр. 1—29.

Соціальное Законодательство Конституанты. Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды Юрид. Общ., состоящ. при И. Моск. Унив. I. Спб. 1893.

Первая постановка вопроса о всеобщемъ голосованіи. Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды Юрид. Общ., состоящ. при И. Моск. Унив. II. 1893.

1894. Кондорсэ (1743—1794). Характеристика. В. Е. 1894. 3—4. Стр. 99—144; 469—507.

Два парламента. Отрывокъ изъ исторіи пуританскихъ движеній въ Англіи. Р. Б. 1894. 2—3. Стр. 81—108; 31—61.

1895. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ Университетѣ. Переводъ съ французскаго М. Іолшина. (Популярно-научная библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1895. 8°. Спб. 1899. 8°. Стр. 152.

Происхожденіе современной демократіи I, II и III. М. 1895. (IV, см. 1897 г.). 8°. Стр. 658; 570; 352. Изданіе К. Т. Солдатенкова. (Отдѣльныя главы изданы по-французски).

Telispuci degli camboseiatori veneti alla corte di Francia durante la revolutione Torina. 1895. 8°. Стр. XXII + 516.

Молодость Бенжамена Констана. Очерки. В. Е. 1895. 4—5. Стр, 657—688; 121—154.

Англійская Пугачевщина. Р. М. 1895. 5. Стр. 1—30.

1896. Мѣсяцъ въ Сициліи IV. (Очерки). В. Е. 1896. 10.

Новое изданіе книги Маурера „Einleitung zur Geschichte der Mork-Hof-Dorf und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt". Р. М. 1896. 7. Стр. 37—43.

Вопросъ о размѣрахъ крестьянской собственности до революціи и о томъ, въ чьи руки перешла масса конфискованныхъ у церкви земель. Р. М. 1896. 8. Стр. 126—141.

Дагестанская народная правда. Э. О. 1896. IV.

1897. Происхожденіе современной демократіи. IV. М. 1897. 8°. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Стр. 333.

Новое сочиненіе о возстаніи Уота Тайлора въ Англіи. Р. М. 1897. 5. Стр. 46—69.

1898. Эволюція экономическаго строя и ея дѣленіе на періоды. О. 1898. 7—8.

Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1898. 8°. Стр. 730. (II—см. 1900 г.; III—см. 1903 г.).

Le règime économique de la Russie. Paris. 1898. 8°. P. 302. (Bibliothèque sociologique internationale, tome XIV.

А. Эсменъ. Основныя „начала государственнаго права". Переводъ съ франц. Н. Кончевской, подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова I—II. М. 1898—99. 8°.

1899. Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на періоды. Перев. съ франц. В. Помолочъ. Спб. 1899. 12°. Стр. 28.

Происхожденіе современной демократіи. Изд. 2-е. Т. I, ч. 3 и 4. М. 1899. (Т. I, ч. 1 и 2, см. 1901 г. 8°. Стр. IX + 687.

Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Публичная лекція, читанная въ Брюссельскомъ Университетѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899. 8°. Стр. 4 нен. + 225.

Сравнительно-историческое правовѣдѣніе и его отношеніе къ соціологіи. Методы сравнительнаго изученія права. Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Подъ редакціей Ю. С. Гамбарова. Вып. 1. Спб. 1899.

Экономическій строй Россіи. (Переводъ съ французскаго). Изд. П. Сойкина. (Библіотека Научнаго Обозрѣнія). Спб. 1899. 8°.

La fin d'une aristocratie, ou Chute de la République de Venise. 8°. 1899. Bocca frères. Стр. X + 349.

Morale sociale. Leçons professés au Collège libre des sciences sociales par F. Belot, Marcel, Bernes, Brunschwieg, G. Buisson, Doriac, Delbet, Ch. Gide, M. Kovalevsky... Préface de Emile Boutroux. Paris. 1899. 8°.

1900. Международная Школа Парижской Выставки. (Лекція, читанная въ Парижѣ). М. 1900. 8°. Стр. 15. (Отд. отт. изъ Русск. Вѣд. 1900 г. №№ 295 и 300).

Монтескье. О духѣ законовъ или объ отношеніяхъ, въ которыхъ законы должны находиться къ устройству каждаго правленія. Переводъ съ французскаго А. Г. Горнфельда со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Спб. 1900. 8°. Изд. А. Ф. Пантелѣева.

Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. II. М. 1900. 8°. Стр. 6 нен. + 1004.

Экономическій строй Россіи. Перев. съ франц. Изд. А. Ермолаевой. (Приложеніе къ журн. „Научное Обозрѣніе". 1899. № 5). Спб. 1900. 8°. Стр. 240.

1901. Соціологія и сравнительная исторія права. М. 1902. 8°. Стр. 35.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. Verlag Prager. Berlin. B. I. 1901. 8°. S. 539. (B. II—см. 1902 г.; B. III—см. 1905 г.; B. IV—см. 1909 г.; B. V—1911 г.; B. VI—см. 1913 г.; B. VII—см. 1914 г.).

Russian political institutions. The grawthand development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time. Chicago. 1902. 8°.

1902. Происхожденіе современной демократіи. Изд. 2-е. Т. I, ч. 1 и 2. М. 1901. 8°. Стр. IV + 577.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. II. Berl. 1902. 8⁰. S. 466.

Rozwój stosunków ekonomicznych w zachodniej Evropie. Warszawa. 1902. 12⁰.

Гамбаровъ, Ю. С. и Ковалевскій, М. М. Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Изд. Т—ва „Наука и Жизнь". Ростовъ на Дону. 1903. 8⁰.

Earli Slavonic Law Quarterly Review, vol XIX. Lond. 1903. 8⁰. p. 76—83.

Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces institutions dès commencement de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours. Traduit de l'anglais par M-me Derveguigny. Paris. 1903. 8⁰. p. 730.

Zarys poczatkowy rozwoju rodziny i wtasnosci (Wyktady w Uniwersytecie. Stockholmskim). Przektad (z francuskiego Maryi Gowalinskiej). Warszawa. 1903. 8⁰.

О задачахъ Школы общественныхъ наукъ. В. В. 1903. 6. Стр. 1—17. (Отд. отт. М. 1903. 8⁰. Стр. 19).

1903. Теорія заимствованія Тарда Б. В. 1903. 9. Стр. 1—15. М. 1903. 8⁰. Стр. 17.

Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства т. III. М. 1903. 8⁰. Стр. 8 нен. + 434.

Юридическій бытъ генуезсцевъ на Черномъ морѣ во второй половинѣ XV вѣка. Кіевъ. 1903. 8⁰. Стр. 31.

1904. Этнографія и соціологія. М. 1904. 8⁰. Стр. 35. (Отд. отт. изъ В. В.).

1905. Дѣйствительная природа Государственной Думы. Докладъ, прочитанный на засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 11 сент. 1905 г. Труды Юрид. Общ. при Имп. Харьк. Унив. 1905.

(Есть отд. отт. Харьковъ. 1905. 8⁰).

(Есть отд. отт.).

Общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка. (Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича). Спб. 1905. 8⁰. Стр. 48.

Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи. Спб. 1905.

Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ Революціи. (Библіотека Маріи Малыхъ. № 53). Спб. 1905. 16⁰. Стр. 56.

Родовой бытъ въ настоящемъ, недавнемъ и отдаленномъ прошломъ. Опытъ въ области сравнительной этнографіи и исторіи права. Вып. I—II. Прил. къ журналу „Вѣстникъ и Библіотека самообразованія" за февраль и мартъ 1905 г. (Брокгаузъ и Ефронъ. Библіотека Самообразованія). Спб. 1905. 8⁰. Стр. 312.

Современные соціологи. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1905. 8⁰ Стр. XVI + 413.

Ученіе о личныхъ правахъ. Р. М. 1905. 4. (Отд. отт.).

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905. Редакція М. М. Ковалевскаго, его же предисловіе и статьи: „Соціальная доктрина Спенсера". „Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства" и „Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка".

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. III. Berl. 1905. 8⁰. S. 501.

Le Clan chez les tribus inigènes de la Russie. 8⁰. 1905. Paris. P. 23.

L'évolution de libertés publiques en Russie.

Представительство имуществъ не есть представительство населенія. Право. 1905. Стр. 2835—2842.

Политическія доктрины протестантизма во Франціи. Р. М. 1905. 10. Стр. 103—137.

1906. Государственное право Англіи. Курсъ. Составлено подъ ред. г. профессора по лекціямъ, читаннымъ въ Спб. университетѣ въ 1906/7 г.г. (Лит.) Спб. 1906. 8⁰. Стр. 321.

Національный вопросъ и равенство подданныхъ передъ законами. Кн—ство „Правда". Варшава. 1906. 16⁰. Стр. 13.

Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. Изд. И. Д. Сытина. Т. I, II, III. М. 1906. 8⁰.

Политическая программа новаго союза народнаго благоденствія. Очеркъ. Спб. 1906. 8⁰.

Русская конституція. (Политическая библіотека „Биржевыхъ Вѣдомостей". Безплатное приложеніе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ" второго изданія, вып. 5—6). Спб. 1906. 16⁰. I. Свободы. Стр. 48. II. Избирательное право. Стр. 36.

Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906. Стр. 48. Отд. отт. изъ Р. М. 1905. 4.

Что такое Парламентъ. (Библіотека образованія. 1906. Вып. II). Изданіе Брокгауза и Ефрона. Спб. 1906. 8⁰. Стр. 41.

Kwestja robotnicza we Francyi w przededniu Rewolucyi. Warszawa. 1906. 8⁰

La crise Russe. Paris. 1906. 12⁰. Стр. 304.

L'agriculture en Russie. 1906. 8⁰.

1907. Рецензіи на книги З. Авалова: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи". Спб. 1906 и „Децентрализація и самоуправленіе во Франціи". Спб. 1905. В. Е. 1907. 3. Стр. 371—374.

1908. Общее конституціонное право. Лекціи, читанныя въ Спб. Университетѣ и Политехникумѣ. 1907—1908. Изд. студента И П—ма (на правахъ рукописи) Спб. 1908. 8⁰. Стр. 120 + IV.

Предисловіе къ книгѣ Лау Сидней: „Государственный строй Англіи". Перев. съ англ. В. И. Браудо, подъ ред. проф. бар. Б. Э. Нольде. Изд. Т-ва „Общественная Польза" Спб. 1908. 8⁰. Стр. 269.

Предисловіе къ книгѣ И. И. Янжула: „Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы". Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Изданіе 2-е Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1908. 8⁰. Стр. XIV (предисловіе) + 167.

Александръ Ивановичъ Чупровъ. (По личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ). В. Е. 1908. 4. Стр. 773—777.

Портсмутъ. В. Е. 1908. 6. Стр. 473—512.

Происхожденіе старозаимочнаго землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ. Ж. М. Ю. 1908. Сент. Стр. 38—53.

1909. Конституціонное право. Лекціи, читанныя въ Спб. Университетѣ и Политехническомъ Институтѣ въ 1908—1909 году. Спб. 1909. 8⁰. Стр. 120. Изд. Кассы взаимопомощи студ. Спб. Политехн. инст. (Лит.).

Общее ученіе о государствѣ. Лекціи, читанныя на 3 и 4 семестрахъ экономическаго отд. Спб. Политехническаго Института въ 1908—1909 г.г. Спб. 1909. 8⁰. Стр. 214.

La France économique et sociale à la veille de la Révolution. I-er vol. Paris 1909 (II-me vol.—см. 1911 г.). 8⁰. P. 392.

Предисловіе къ книгѣ В. Вильсона: Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ. Перев. съ 20-го изданія подъ ред. П. П. Гронскаго и Ф. Ф. Корсакова. Спб. 1909. 8⁰. Стр. V (предисловіе) + 228.

Предисловіе къ книгѣ М. Кондорсэ: „Эскизъ исторической картины прогресса человѣческаго разума". Перев. съ франц. Г. К. Шапиро, подъ ред. В. Н. Сперанскаго. Родоначальники соціологіи. Вып. I. Изд. юрид. книж. маг. Н. К. Мартынова. Спб. 1909. 8⁰. Стр. XV (предисловіе) + 252.

Порто-франко во Владивостокѣ. В. Е. 1909. 1. Стр.

Общинное землевладѣніе на западѣ. В. Е. 1909. 3. Стр.

Устарѣлъ ли Гоголь. В. Е 1909. 4. Стр. 640—648.

Причины обезземеленія крестьянъ въ Англіи. В. Е. 1909. 4. Стр. 758—770.

Къ оцѣнкѣ недавнихъ событій въ Турціи. В. Е. 1909. 6. Стр. 840—849.

Двѣ жизни. В. Е. 1909. 6—7.

Сравнительная исторія религій, какъ предметъ преподаванія. В. Е. 1909. 8. Стр. 843—851.

Какъ рѣшенъ былъ на западѣ еврейскій вопросъ. В. Е. 1909. 9. Стр. 125—154.

Мильтонъ, какъ поборникъ народнаго самодержавія и автономіи личности. В. Е. 1909. 11—12. Стр. 121—140; 461—481.

Обзоръ русской литературы по государствовѣдѣнію. В. Е. 1909. 12. Стр. 842—855.

1910. Исторія политическихъ ученій новаго времени. Лекціи, читанныя въ Спб. Политехн. Инст. въ 1909—1910 г.г. Изд. студ. кассы взаимопом. при Спб. Политехнич. Инст. 1909—10 г.г. 8⁰. Стр. 293. (Лит.).

Какъ рѣшенъ былъ на западѣ еврейскій вопросъ. М. 1910. 16⁰. Стр. 46.

Соціологія. Т. I. Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ. Историческій очеркъ развитія соціологіи. Т. II. Генетическая соціологія или ученіе объ исходныхъ моментахъ въ развитіи семьи, рода, собственности, политической власти и психической дѣятельности. Спб. 1910. 8⁰. Стр. IX + 300 + 2 нен.; 2 нен. + 296.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. IV. Berl. 1909. S. 582.

Баденскій періодъ въ жизни Тургенева. Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб. 1910. 8⁰.

Споръ о сельской общинѣ въ Комиссіи Государственнаго Совѣта. В. Е. 1910. 1 и 3. Стр. 259—284; 259—272.

Московскій Университетъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Личныя воспоминанія. В. Е. 1910. 5. Стр. 178—221.

Судьбы общиннаго землевладѣнія въ нашей верхней палатѣ. В. Е. 1910. 6. Стр. 58—81.

Финляндскій вопросъ. В. Е. 1910. 7. Стр. 253—277.

Съ выставки. В. Е. 1910. 10. Стр. 305—319.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Опытъ его характеристики. В. Е. 1910. 11. Стр. 363—368.

Дмитрій Андреевичъ Дриль. В. Е. 1910. 12. Стр. 3—12.

1911. Необходимость общеобразовательныхъ Высшихъ Курсовъ. (Къ открытію Высшихъ Курсовъ въ зданіи Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта). Спб. 1911. 8⁰. Стр. 10.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. V. Berl. 1911. S. 458.

Значеніе работъ Сергѣевича для сравнительной исторіи государства. В. Е. 1911. 1. Стр. 363—374.

Земство въ шести губерніяхъ западнаго края. В. Е. 1911. 3. Стр. 243—259.

Прошлое и настоящее 87-й статьи. В. Е. 1911. 4. Стр. 408—418.

Прошлое и настоящее крестьянскаго землеустройства. В. Е. 1911. 5. Стр. 234—264.

Знаменитый французскій юристъ Дорестъ. В. Е. 1911. 5. Стр. 331—335.

Высшее женское образованіе. В. Е. 1911. 6. Стр. 416—425.

В. О. Ключевскій. В. Е. 1911. 7.

Очерки соціальнаго быта Франціи. В. Е. 1911. 7—8 и 10—12.

1912. Исторія монархіи и монархическихъ доктринъ. Лекціи, читанныя на экономическомъ отд. Спб. Политехническаго Инст. въ 1911—1912. Спб. 1912. Изд. студ. Кассы Взаимопомощи при Спб. Политехнич. Инст. 8⁰. Стр. 146.

Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи. Спб. 1912. 8⁰. Стр. 191. (Въ продажу не выпущено).

Происхожденіе современной демократіи. Изд. 3-е Кн-ства „Просвѣщеніе". Т. I. 1912. 8⁰. Стр. XII + 664.

Исторія Великобританіи. Энциклопедическій словарь бр. Гранатъ и К-о. Т. VIII и IX. Спб. 1911. Стр. 244—592 и 1—271.

Тоже. Спб. 1912. 8⁰. Стр. 739.

Соціальное законодательство Государственной Думы третьяго созыва. В. Е. 1912. 1. Стр.

Прогрессъ. В. Е. 1912. 2. Стр. 225—260.

Равноправіе въ Финляндіи. В. Е. 1912. 2. Стр. 428—442.

Начало Русско-Англійскаго сближенія. В. Е. 1912. 3. Стр. 241—264.

Иванъ Петровичъ Иванюковъ. Опытъ характеристики. В. Е. 1912. 5. Стр. 320—338.

Герценъ и освободительное движеніе на западѣ. В. Е. 1912. 6. Стр. 211—244. 1812-й годъ. В. Е. 1912. 7. Стр. 193—224.

Двѣ смерти. ФредерикъНосси. Анатоль Леруа-Болье. В. Е. 1912. 7.

Освободительное движеніе на Балканахъ. В. Е. 1912. 11. Стр. 322—330.

Какъ возникла конституція французской республики. В. Е. 1912. 12. Стр. 200—223.

Законодательныя заимствованія и приспособленія. В. Е. 1912. 5. Стр. 47—72.

Наивный цинизмъ. В. Е. 1912. 4. Стр.

1913. Демократія и ея политическая доктрина. Курсъ лекцій, читанный на экономическомъ отд. Спб. Политехническаго Инст. въ 1912 — 1913 г.г. Спб. 8°. Стр. 205.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. VI. Berl. 1913. S. 501.

Судьба Балканъ. В. Е. 1913. I. Стр. 197—223.

Первое собраніе сочиненій Лопе-де-Вега на русскомъ языкѣ. В. Е. 1913. 3. Стр. 310—317.

Н К. Михайловскій, какъ соціологъ. В. Е. 1913. 4. Стр. 192—212.

Походъ верхней палаты противъ суда присяжныхъ. В. Е. 1913. 5. Стр. 346—369.

Двѣ смерти. В. Е. 1913. 6. Стр. 398—401.

Современные французскіе соціологи. В. Е. 1913. 7. Стр. 339—369.

П. А. Столыпинъ, и объединенное дворянство. В. Е. 1913. 10. Стр. 406—423.

Можно ли Толстого считать продолжателемъ Руссо. В. Е. 1913. 11. Стр. 263—272.

Эсменъ. В. Е. 1913. 11. Стр. 398—412.

Армянскій вопросъ. В. Е. 1913. 12. Стр. 283—309.

Памяти Всеволода Өедоровича Миллера. В. Е. 1913. XII. Стр. 361—367.

1914. За всесословное земство. Рѣчи, произнесенныя въ Гос. Сов. А. В. Васильевымъ, Максимомъ Ковалевскимъ, графомъ А. П. Толстымъ, Д. И. Богалѣемъ, Н. В. Маринымъ и Е. Л. Зубашевымъ. Спб. 1914. 8°. Стр. 57.

Обособленіе дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій. Новыя идеи въ соціологіи. Сборн. 4-й. Спб. 1914.

Судьбы соціологіи за первыя 15 лѣтъ XX вѣка. „Исторія нашего времени", изд. Т-ва бр. Гранатъ. 4.

Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. B. VII. Berl. 1914. S. 509.

La Russie sociale. 1914.

Предисловіе къ книгѣ Е. В. Де-Роберти „Понятіе разума и вселенной". Переводъ съ франц. подъ ред. автора. 1914 (?). 8°.

Тѣни прошлаго. В. Е. 1914. 1. Стр. 318—335.

„За рубежомъ". (Изъ переписки русскихъ дѣятелей за границей: Герцена, Лаврова и Тургенева). В. Е. 1914. 3. Стр. 210—230.

Спасительный тормазъ или гибельная запруда? В. Е. 1914. 4. Стр. 196—210.

Правъ ли Государственный Совѣтъ, отклоняя постатейное разсмотрѣніе проекта о волостномъ земскомъ управленіи? В. Е. 1914. 6. Стр. 337—343.

Конфликтъ палатъ изъ-за закона о государственной росписи. В. Е. 1914. 7. Стр. 378 — 389.

Францція эпохи возрожденія. В. Е. 1914. 7 и 8. Стр. 124 — 156; 133—177.

Предисловіе къ книгѣ П. Сорокина. Преступленіе и кара, подвигъ и награда. Петроградъ.

1915. Графъ С. Ю. Витте. В. Е. 1915. 4. Стр. 362—367.

Германцы противъ Англичанъ. (Рѣчь, произнесенная 12 апрѣля с. г. въ Москвѣ въ залѣ консерваторіи). В. Е. 1915. 5. Стр. 265—296.

Страница изъ исторіи нашего общенія съ западной философіей. В. Е. 1915. 6. Стр. 157—168.

Армянскій вопросъ. В. Е. 1915. 6. Стр. 256—274.

Баронъ Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. 1915 г. (Рецензія). В. Е. 1915. 6. Стр. 408—410.

Масонство во времена Екатерины. В. Е. 1915. Стр. 95—115.

Иностранное обозрѣніе. В. Е. 1915. 9. Стр. 342—358.

Борьба нѣмецкаго вліянія съ французскимъ въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія. В. Е. 1915. 10. Стр. 123—163.

Иностранное обозрѣніе. В. Е. 1915. 10. Стр. 346—361.

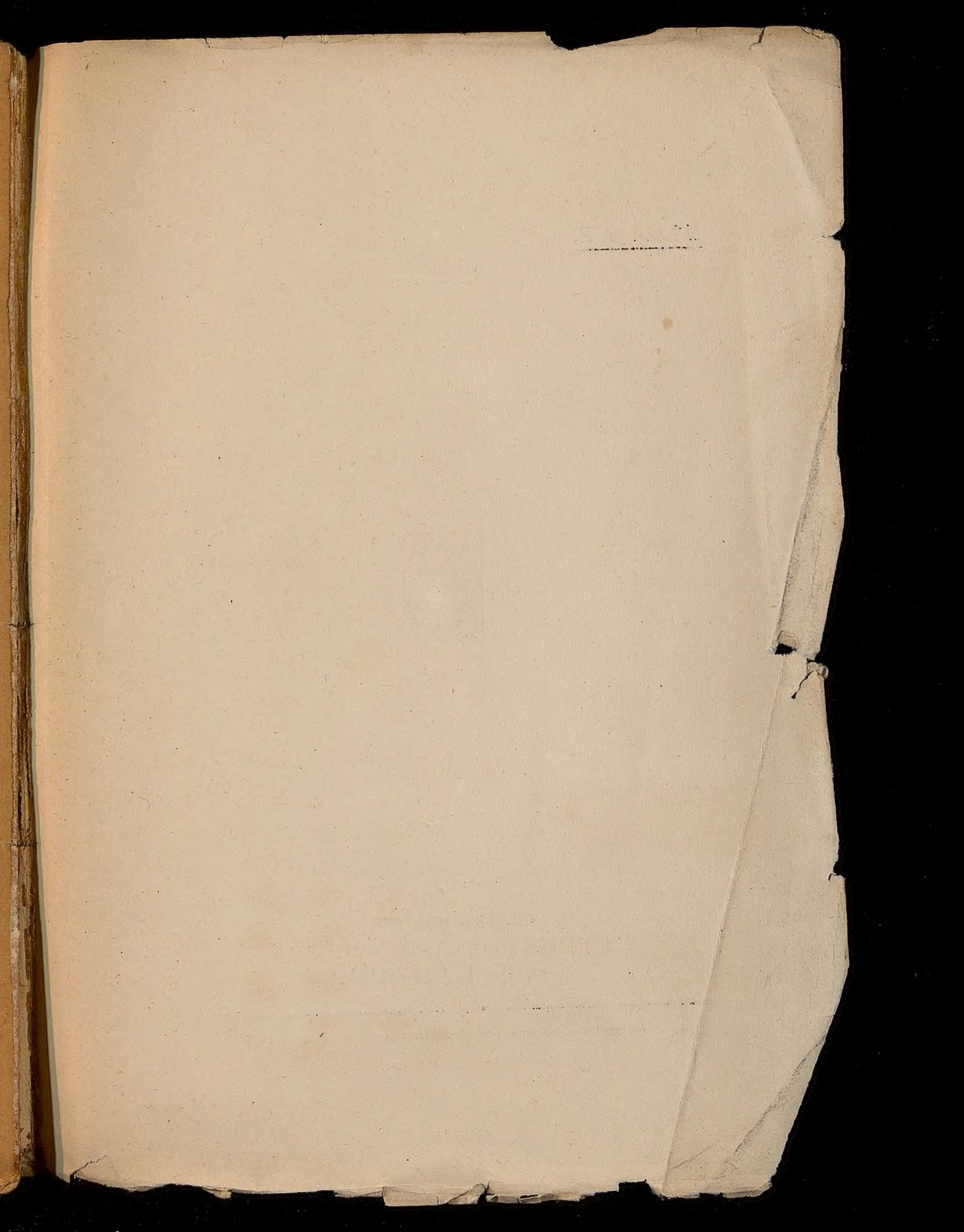
Шеллингіанство и гегельянство въ Россіи. (Къ исторіи нѣмецкихъ культурныхъ вліяній). В. Е. 1915. 11. Стр. 133—170.

Философское пониманіе судебъ русскаго прошлаго мыслителями и писателями 30-хъ и 40-хъ годовъ. В. Е. 1915. 12. Стр. 163—201.

Къ стопятидесятилѣтнему юбилею Вольнаго Экономическаго Общества. В. Е. 1915. 12. Стр. 389—399.

S. a. Исторія американской конституціи. (Лит.). S. l. S. a. 8°. Стр. 214 съ перепутанной пагинаціей.

ЦѢНА 8 Р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29